

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 9

Сентябрь 2023

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летию юбилею*

<https://gospravo-journal.ru>

В.С. Нерсисянц как философ права переходного периода: от советского к постсоветскому
• Теоретико-правовая наука: современный подход • Российский конституционализм в условиях новой геополитической реальности: вехи и векторы • Теоретико-правовые подходы к определению способов и процессуальных форм защиты традиционных ценностей в Российском государстве • О нефедеральном правосудии. Часть II. Мировая юстиция: необходимость смены вектора законодательного регулирования • О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) • Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему • Морально-психологические основания СВО на Украине и уголовной ответственности украинских неонацистов, их натовских пособников за преступления против мира и безопасности человечества • Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 9 2023 Сентябрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. — первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. — по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);
О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);
Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкарецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Москва

© Российская академия наук, 2023
© Институт государства и права РАН, 2023
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2023

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 9 2023 September

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief

A.N. Savenkov,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchayev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Institute of State and Law of the RAS, 2023
© Editorial Board of “State and Law”, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 9, 2023

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

- В.С. Нерсисянц как философ права переходного периода: от советского к постсоветскому
А.Н. Савенков, В.С. Горбань 7

* * *

- Теоретико-правовая наука: современный подход
В.Н. Жуков 19

- Российский конституционализм в условиях новой геополитической реальности:
вехи и векторы
Н.М. Добрынин 31

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА, НОТАРИАТ

- Теоретико-правовые подходы к определению способов и процессуальных форм
защиты традиционных ценностей в Российском государстве
Е.В. Михайлова, И.И. Бутрим 44

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Особенности нормативно-правового регулирования реализации права граждан
на обращения в зарубежных странах (сравнительно-правовое исследование)
С.П. Степкин 53

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире
Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок,
основанный на верховенстве права»
П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев, И.В. Холиков, В.М. Большакова 64

* * *

- О нефедеральном правосудии
Часть II. Мировая юстиция: необходимость изменения вектора развития
законодательного регулирования
М.И. Клеандров 73

- Так какая же форма правления в России? Часть 2
Д.А. Авдеев 87

- О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского)
Н.А. Лопашенко 97

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

- Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему
И.М. Рагимов, А.Н. Савенков, Х.Д. Аликперов 112

- Морально-психологические основания специальной военной операции на Украине
и уголовной ответственности украинских неонацистов, их натовских пособников
за преступления против мира и безопасности человечества
В.В. Мельник 126

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Правовые аспекты функционирования финансового рынка России

С.В. Запольский, Е.Л. Васянина

137

ЭНЕРГЕТИКА И ПРАВО

Политико-правовые аспекты смены парадигмы развития атомной энергетики в ЕС

М.С. Лизикова

147

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных

Т.А. Полякова, А.В. Минбалиев, Н.В. Кроткова

158

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Уровень Мирового океана и международное право

Г.Г. Шинкарецкая

172

Критерии идентификации обязательств erga omnes

Л.В. Вереина, И.И. Синякин, А.Ю. Скуратова

180

ЗА РУБЕЖОМ

Правовая политика зарубежных стран в сфере противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий

А.Ю. Соколов, О.Л. Солдаткина

189

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Особенности правового регулирования труда работников при введении специальных мер в сфере экономики

С.Ю. Чуча

197

О некоторых направлениях гармонизации законодательства в сфере охраны здоровья обучающихся в общеобразовательных организациях детей в контексте включения в состав Российской Федерации новых субъектов

Л.В. Борисова

203

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М.Х. Хасенов. Трудовое право Республики Казахстан: в 3 т. Т. 1. Общая часть: учеб.

К.Л. Томашевский

208

CONTENTS

Number 9, 2023

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

- V.S. Nersesyants as a philosopher of law: from Soviet to Post-Soviet
A.N. Savenkov, V.S. Gorban 7

* * *

- Theoretical and legal science: a modern approach
V.N. Zhukov 19

- The Russian constitutionalism in the framework of new geopolitical environment:
milestones and vectors
N.M. Dobrynin 31

COURT, PROSECUTOR'S OFFICE, BAR, NOTARIAL SYSTEM

- Theoretical and legal approaches to determining the methods and procedural forms
of protection of traditional values in the Russian state
E.V. Mikhailova, I.I. Butrim 44

COMPARATIVE LAW

- Features of the regulatory regulation of the implementation of the right of citizens to appeal
in foreign countries (comparative legal research)
S.P. Stepkin 53

DISCUSSIONS AND DEBATES

- The value of law and legal values in a globalizing world
Axiological review of the book "State and law:
human rights and the world order based on the Rule of Law"
P. Yu. Naumov, S.I. Zakhartsev, I.V. Kholikov, V.M. Bolshakova 64

* * *

- About non-federal justice
Part II. World justice: the need to change the vector of development of legislative regulation
M.I. Kleandrov 73

- So what is the form of government in Russia? Part 2
D.A. Avdeev 87

- On the crisis of Russian Criminal Law (re-reading A.E. Zhalinsky)
N.A. Lopashenko 97

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

- Etiology of individual criminal behavior: looking at the problem from a different angle
I.M. Ragimov, A.N. Savenkov, Kh. J. Alikperov 112

- Moral and psychological foundations of the special military operation in Ukraine
and the criminal liability of Ukrainian Neo-Nazis for crimes against the peace and security
of mankind
V.V. Melnik 126

BUDGET, TAXES, BANKS

Legal aspects of the functioning of the financial market of Russia <i>S.V. Zapolsky, E.L. Vasyanina</i>	137
--	-----

ENERGY AND LAW

Political and legal aspects of paradigm change in the development of nuclear energy in the EU <i>M.S. Lizikova</i>	147
---	-----

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Development of the doctrine of Russian Information Law in the context of the transition to a data economy <i>T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, N.V. Krotkova</i>	158
---	-----

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

The level of the World Ocean and International Law <i>G.G. Shinkaretskaya</i>	172
Identification criteria for erga omnes obligations <i>L.V. Vereina, I.I. Sinyakin, A. Yu. Skuratova</i>	180

ABROAD

The legal policy of foreign countries in the field of counteraction to crime committed with the use of information technologies <i>A. Yu. Sokolov, O.L. Soldatkina</i>	189
---	-----

SCIENTIFIC REPORTS

Features of legal regulation of the labor of workers' labor in the introduction of special measures in the economic sphere <i>S. Yu. Chucha</i>	197
On some directions of harmonization of legislation in the sphere of health protection of children studying in general educational organizations in the context of inclusion into the Russian Federation of new subjects <i>L.V. Borisova</i>	203

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

M.H. Khassenov. Labor Law of the Republic of Kazakhstan: in 3 vols. Vol. 1. General part: textbook <i>K.L. Tomashevski</i>	208
---	-----

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

В.С. НЕРСЕСЯНЦ КАК ФИЛОСОФ ПРАВА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА:
ОТ СОВЕТСКОГО К ПОСТСОВЕТСКОМУ

© 2023 г. А. Н. Савенков*, В. С. Горбань**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: an61s@yandex.ru*

***E-mail: gorbany@gmail.com*

Поступила в редакцию 07.09.2023 г.

Аннотация. В статье анализируются философско-правовые идеи и представления известного ученого, мыслителя, правоведа последней четверти XX – начала XXI в., академика РАН В.С. Нерсисянца. Большое влияние на формирование и эволюцию его правовых взглядов, сформулированную им концепцию юриспруденции оказали идеи античных философов и представителей немецкой трансцендентально-идеалистической философии. В связи с этим сопоставление его правовых взглядов с идеями гегелевской философии права, учитывая обе диссертации В.С. Нерсисянца, является вполне традиционным для знатоков концепции юриспруденции нашего современника. Однако, как показывает опыт более детального и глубокого анализа, интересные моменты сходства его правовых представлений и характера их обоснования связаны и с другими представителями немецкой интеллектуальной и философской культуры обсуждения основных проблем права и правоведения. Понимание характера преемственных и новых аспектов в системе правовых взглядов В.С. Нерсисянца может служить основанием для развития его правовых взглядов в современных актуальных и перспективных исследованиях. В статье предлагаются некоторые существенные уточнения содержания и характера философско-правового наследия В.С. Нерсисянца, прослеживаются связи его концепции юриспруденции с идеями не только гегелевской философии, но также учениями других философов права, а также более поздними идеями юриста-неокантианца Р. Штамmlера, трактовкой права в «Чистом учении о праве» кантианца Г. Мемеля, а не только Г. Кельзена, что позволяет представить теорию права В.С. Нерсисянца как оригинальный вариант указанного учения. В исследовании также продемонстрировано, что понятие справедливости в философии права В.С. Нерсисянца осталось одним из неразъясненных, а также обозначаются перспективные исследования основ социальной теории в учении о цивилизме.

Ключевые слова: В.С. Нерсисянц, философия права, концепция юриспруденции, право и закон, формальное равенство, свобода, справедливость, немецкий идеализм, тип правопонимания, цивилизм, чистое учение о праве, диалектика правовой формы.

Цитирование: Савенков А. Н., Горбань В. С. В.С. Нерсисянц как философ права переходного периода: от советского к постсоветскому // Государство и право. 2023. № 9. С. 7–18.

DOI: 10.31857/S102694520027731-5

V.S. NERSESYANTS AS A PHILOSOPHER OF LAW: FROM SOVIET TO POST-SOVIET

© 2023 A. N. Savenkov*, V. S. Gorban**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: an61s@yandex.ru

**E-mail: gorbanv@gmail.com

Received 07.09.2023

Abstract. The article analyzes the philosophical and legal ideas and ideas of the famous scientist, thinker, jurist of the last quarter of the XX – beginning of the XXI century, Academician of the Russian Academy of Sciences V.S. Nersesyants. The ideas of ancient philosophers and representatives of the German transcendental-idealistic philosophy had a great influence on the formation and evolution of his legal views, the concept of jurisprudence formulated by him. In this regard, the comparison of his legal views with the ideas of Hegel's Philosophy of Law, taking into account both dissertations of V.S. Nersesyants, is quite traditional for connoisseurs of the concept of jurisprudence of our contemporary. However, as the experience of a more detailed and in-depth analysis shows, interesting points of similarity of his legal ideas and the nature of their justification are also connected with other representatives of the German intellectual and philosophical culture of discussing the main problems of law and jurisprudence. Understanding the nature of successive and new aspects in the system of legal views of V.S. Nersesyants can serve as a basis for the development of his legal views in modern topical and prospective studies. The article offers some significant clarifications of the content and nature of the philosophical and legal heritage of V.S. Nersesyants, traces the connections of his concept of jurisprudence with the ideas of not only Hegelian philosophy, but also the teachings of other legal philosophers, as well as the later ideas of the neo-Kantian lawyer R. Stammler, the interpretation of law in the "Pure Doctrine of Law" of the Kantian G. Memel, and not only G. Kelsen, which allows us to present the theory of law of V.S. Nersesyants as an original version of this doctrine. The study also demonstrates that the concept of justice in the Philosophy of Law of V.S. Nersesyants has remained one of the unexplained, and promising studies of the foundations of social theory in the doctrine of civilization are also indicated.

Key words: V.S. Nersesyants, Philosophy of Law, concept of jurisprudence, law and the law, formal equality, freedom, justice, German idealism, type of legal understanding, civilization, pure doctrine of law, dialectic of legal form.

For citation: Savenkov, A.N., Gorban, V.S. (2023). V.S. Nersesyants as a philosopher of law: from Soviet to Post-Soviet // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 9, pp. 7–18.

Российская юридическая наука всегда имела свой собственный характер. Культурный облик современной цивилизации – заслуга российской общественно-политической мысли в неменьшей степени, чем любой другой. Но насущной проблемой остается нереализованное в полной мере требование надлежащей реконструкции, воспроизведения и использования лучших образцов национальной интеллектуальной культуры. Учитывая данные соображения, необходимым и востребованным для развития юридической науки в целом и философии права в частности является непосредственное теоретическое осмысление того научного достояния, которое содержит русская традиция философии права.

Современная политико-правовая мысль, особенно переходного периода – от советского к постсоветскому, значительно обогатилась исследованиями выдающегося представителя российской

правовой науки акад. РАН В.С. Нерсисянца. Опираясь на достижения мировой философии права, он изложил целостную систему представлений о праве и государстве, оригинальную и законченную концепцию юриспруденции, которая стала фундаментом соответствующей концепции и программы философии права, общей теории права и государства, а также по-настоящему знаменательным явлением среди современных учений о праве и государстве.

Правовые взгляды В.С. Нерсисянца всегда отличались неординарностью и высокой культурой интеллектуального и нравственного восприятия материала. Его работы и сформулированные им идеи давно и прочно вошли в состав лучших образцов российской правовой мысли. Не будет преувеличением сказать, что в современной литературе, как отечественной, так и зарубежной, немного найдется примеров обсуждения права, отличающихся такой же фундаментальностью и последовательностью, которые характерны для сочинений В.С. Нерсисянца. В самом общем виде, оценивая значение и востребованность идей нашего современника в нынешней палитре размышлений о праве, можно сказать, что он был философом права в классическом смысле: его занимала проблема общего понятия права, определения объективной сущности и назначения права, что в итоге эволюционировало в полноценную авторскую систему философско-правовых идей и рекомендаций их социально-практического применения (например, в виде концепции цивилизма¹).

Важно подчеркнуть актуальность и востребованность философско-правовых идей В.С. Нерсисянца в настоящее время, сформулированного им подхода к правопониманию, обратить внимание на важность стремления к цельному знанию, а не только к партикуляризму и различного рода оттеночным концепциям. Цельность правовых знаний, которая отличала подход к праву В.С. Нерсисянца, представляет собой нацеленность на познание права в его объективном значении, а не только с точки зрения субъективного смысла того или иного комментатора или исследователя. С определенной долей условности можно сказать, что от античной философии и до периода новейшей истории русская и европейская философская и научная культура гордились способностью к обобщениям, в которых схватывались и по возможности наиболее точно отражались бы сущность и объективное значение предмета. Творческое наследие В.С. Нерсисянца носит именно такой характер. Оно включает в себя исследования в области философии права, общей теории права, истории

политических и правовых учений. Несомненно, с учетом общего вектора наследия В.С. Нерсисянца актуальным и значимым для развития современной философии права представляется уточнение некоторых взаимосвязей его идей с учениями предшественников, обозначение возможных направлений перспективных исследований и разработок как непосредственно философско-правовой проблематики в трудах В.С. Нерсисянца, так и тесно связанных с его представлениями моментов раскрытия понятия права и формирования общей теории права. Философия права представляет собой форму борьбы за идеи, что чрезвычайно актуально в нынешних условиях. Представления В.С. Нерсисянца о праве и правоведении, национальной идее России, тенденциях универсализации права и государства могут служить ориентиром и основой для поиска ответов на самые актуальные запросы современной духовно-нравственной и интеллектуальной культуры.

В настоящее время в мире происходят изменения, которые формируют новые принципы социального устройства, обуславливают иные требования к качеству государственного управления и направлениям государственного строительства, определяют основы новых векторов развития права и правоведения. Причем процессы, происходящие сегодня в мире, и вызываемые ими изменения приобретают характер новых испытаний, радикальных преобразований, слома старых устоев и отказа от устаревших способов решения общественно-политических проблем, социально-экономических задач. Кризис, спровоцированный т.н. коллективным Западом во многих сферах жизни, заставляет переосмысливать традиционные подходы к проблемам современного государства, роли права в современном обществе, международных организаций и механизмов взаимодействия стран и народов в решении национальных и мировых проблем, обеспечении мира и безопасности человечества.

В широком историческом масштабе периоды кризисов всегда сопровождались появлением новых подходов к осмыслению происходящих событий и перспектив развития, актуализацией прежних идей и методологий, которые приобретали иное звучание и значение в изменившихся условиях общественной жизни². В этой связи история философии предстает как борьба за определенный тип свободы: борьба за религиозную свободу, за свободу мысли, за политическую свободу, за экономическую свободу и т.п. Об этом писал ещё Г.Ф. Шершеневич³, и представляется, что такой

¹ См.: *Нерсисянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001.

² См.: *Савенков А.А.* О роли кризисов в разработке проблемы законности // Савенков А.А. Проблемы законности в западной и российской юридической мысли XIX–XXI вв. М., 2022. С. 123 и след.

³ См.: *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. СПб., 2001.

подход имеет самое непосредственное значение сегодня, когда идеалы и идеи западной цивилизации всё меньше способны удовлетворять потребностям современного этапа общественного развития, культуры философии и политико-правовой мысли. Появляется новый горизонт для научной и философской мысли, множество иных фактов, которые нуждаются в объяснении, требуется выработка новых мировоззренческих подходов к решению текущих и перспективных задач развития общества, прав и свобод человека.

В исторической ретроспективе примерами значения философии в преодолении кризисных состояний общества были, в частности, философский скептицизм Декарта, борьба Бэкона с предрассудками, стоявшими на пути к истине, и многие другие. Либертарно-юридическая теория В.С. Нерсисянца формировалась в сложный период истории нашей страны — на сломе советского строя и при возникновении нового постсоветского уклада, в условиях поиска новых основ юридического мировоззрения, его гносеологических, онтологических и аксиологических характеристик, которые отвечали бы ожиданиям и требованиям постсоветского периода истории.

В.С. Нерсисянец верно оценивал проблемы общественной мысли постсоветского времени. Он в целом критически относился к копированию капитализма и характерного для западного общества мировоззрения. Предлагал свой путь к праву и формированию основ справедливого общественного устройства, распределению социалистической собственности. В 1992 г. в работе «Наш путь к праву: от социализма к цивилизму» В.С. Нерсисянец писал: «Бросается в глаза, что в современных дискуссиях о социализме, включая и политико-правовую проблематику, зачастую готовность к радикальным преобразованиям намного превышает понимание того, что и как можно и нужно делать, считаясь с объективными реалиями. Эта разница становится питательной почвой для стихийного активизма, разного рода вольных импровизаций, проб и ошибок, усугубляющих кризисное состояние общества и страны»⁴. Отмечая необходимость вникать в характер объективных закономерностей общественного развития, он также писал: «Все хотят перемен и “хорошего будущего”, усматривая его либо в возврате к исходным началам, либо в сочетании “классического” прошлого с ранее отвергнутыми “неортодоксальными” формами и отношениями, либо в радикальном разрыве со всем прошлым и “большом скачке” в сторону, в направлении к чужим “пышным пирогам” и т.п. Причем в подобных установках присутствует наивное представление, будто для достижения искомого будущего достаточно

лишь субъективного пожелания, “свободного выбора” и “надлежащего решения”»⁵.

Концепция цивилизма могла бы рассматриваться сегодня в числе факторов формирования идейных основ общественного сознания⁶. Происходящие перемены позволяют видеть в концепции цивилизма значимые не только для современной правовой доктрины, но и для общественной практики программные предложения.

Разработанная В.С. Нерсисянцем концепция цивилизма в последующем приобрела некоторые уточнения, превратившись в учение о цивилизме как постсоциалистическом строе и стала рассматриваться автором как национальная идея современной России⁷. Учение о цивилизме интересно уже тем, что представляет собой теоретически и методологически оформленную систему представлений о возможных путях развития России с точки зрения обеспечения реального господства принципа формального равенства и правового закона в делах государства, общественной жизни и в сфере обеспечения индивидуальных прав граждан, что в основе своей предполагает оригинальную модель справедливого устройства имущественных отношений и распределения собственности.

Говорить о социально-практическом значении философско-правовых идей В.С. Нерсисянца в советское время было невозможно по объективным причинам. Однако на волне радикальных преобразований концепция практического применения юридического либертаризма в самой чувствительной сфере — отношений собственности, несомненно, была актуальна. Идея цивилитарной (гражданской) собственности смело преодолевает односторонности социалистического и капиталистического подхода к частной собственности. Ее значение, очевидно, не исчерпано. Ее социально-практическая нацеленность применительно к периоду реформ (от советского к постсоветскому) легко распознается. Однако в ней есть и утопические черты. Прежде всего, как проекты Платона и историческая диалектика Гегеля, концепция (справедливого, равного и свободного распределения) гражданской собственности отличалась той же тотальностью и всеобщностью, что по объективным причинам делает соответствующие идеальные модели труднореализуемыми (В.С. Нерсисянец подчеркивал значение цивилизма как «всемирно-исторической идеи»). «Именно в России

⁵ Там же.

⁶ См.: Нерсисянец В.С. Проблема общего блага в постсоциалистической России // Российское правосудие. 2006. № 4. С. 4–13.

⁷ См.: Нерсисянец В.С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме.

⁴ Нерсисянец В.С. Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М., 1992. С. 3.

проделана вся черновая работа всемирной истории, связанная с реализацией и практической проверкой общечеловеческой коммунистической идеи. Ответ найден — цивилизм с неотчуждаемым правом каждого на гражданскую собственность»⁸.

Универсальная модель распределения собственности в масштабах всей страны не имеет прямых аналогов в зарубежном опыте, разве что только в утопических проектах. К сожалению, капиталистический буржуазный опыт подается в России традиционно в искаженном виде.

Кроме того, цивилизм предполагает давнюю мысль о «нормальном» человеке, «нормальном правосознании», «здоровой правовой психике» и т.п. Сложно вообще себе представить «равных» собственников. Человек вряд ли ограничится «своей долей», руководствуясь эгоистическими интересами, которые цивилизм никак не отменяет.

Важно также отметить, что политические по своей нацеленности концепции, такие как цивилизм, имеющие очевидное социально-практическое и социально-политическое значение, являются дополнительным результатом социальных теорий (К. Маркс, Р. Иеринг и др.). Без определенного политического компонента социальная теория легко может модифицироваться и употребляться для любых произвольных целей. В.С. Нерсисянц не формулировал самостоятельной социальной теории (ее можно попробовать реконструировать из отдельных фрагментов его творчества), но в условиях объективных изменений в жизни общества сразу сформулировал политический компонент, программу социальной теории. Поэтому концепция цивилизма остается неразъясненной в своих социальных основаниях. Очевидно, перспективным исследованием может стать как раз реконструкция социально-философских взглядов В.С. Нерсисянца или по крайней мере социально-теоретических основ его концепции юриспруденции и её практического компонента.

Учение о цивилизме как манифест борьбы за равную гражданскую собственность и цивилитарное право есть результат дальнейшего развития либертарно-юридической теории⁹, соответствующего типа правопонимания, целью разработки которого было прежде всего возможное снятие основных противоречий между двумя базовыми и традиционными типами правопонимания: юснатурализмом и юридическим позитивизмом. В.С. Нерсисянц занимался вопросами типов правопонимания с 70-х годов. В этой связи появились опубликованный

текст его выступления на знаменитом «круглом столе», организованном журналом «Советское государство и право», на тему «О понимании советского права»¹⁰, статья «Право: многообразие определений и единство понятия»¹¹ и, наконец, его известная монография «Право и закон. Из истории политических и правовых учений»¹². В этом году исполнилось сорок лет с момента выхода в свет данной книги, ставшей основой для всей концепции юриспруденции, сформулированной В.С. Нерсисянцем. В указанной работе проблема соотношения права и закона освещается прежде всего на основе исторического материала, т.е. как сквозная и смыслообразующая проблема и тема для всей истории правовой и политической мысли. По замыслу автора, требование различения права и закона, соответствия закона праву является «не критико-аксиологической придиркой к позитивному праву, а внутренним, онтологически необходимым и объективно обусловленным моментом самой этой позитивности позитивного права...»¹³. Предложенная В.С. Нерсисянцем концепция различения права и закона служила также методологическим приемом для обоснования либертарно-юридической теории, в которой главной идеей стало раскрытие диалектики свободы и равенства и как теоретической (философско-правовой) проблемы, и как исторической, связанной с логикой всемирно-исторического процесса. Тема соотношения права и закона основная в его творчестве.

Правовой либертаризм В.С. Нерсисянца — это «математика свободы»¹⁴, которая была симптоматичным выражением не только насущных забот переходного периода — от советского к постсоветскому, но также демонстрировала возможности переосмысления основополагающих идей представителей классического идеализма.

Значение творчества В.С. Нерсисянца сегодня и в период оформления перехода от советского к постсоветскому: на фоне *выдыхавшегося* марксизма, с одной стороны, и поисков «новых», *подсказанных* западной литературой шаблонов для пересоздания реальности, с другой стороны, философская концепция В.С. Нерсисянца, опиравшаяся на культуру классической фундаментальной философии, была и остается одним из немногих знаменательных явлений на изломе советской

⁸ Нерсисянц В.С. Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 435.

⁹ См.: Нерсисянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

¹⁰ Нерсисянц В.С. Выступление на «круглом столе» журнала «Советское государство и право» на тему «О понимании советского права» // Сов. государство и право. 1979. № 7. С. 30–34.

¹¹ Нерсисянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Сов. государство и право. 1983. № 10. С. 26–35.

¹² Нерсисянц В.С. Право и закон. Из истории политических и правовых учений. М., 1983.

¹³ Там же. С. 350.

¹⁴ Нерсисянц В.С. Право — математика свободы. М., 1996.

и постсоветской истории. Будучи философом права платоновского типа и «исправляя» *недостатки* гегелевской философии права, он выступил с оригинальной концепцией правопонимания. Особенность ее состояла в том, что в отличие от своих предшественников он сформулировал оригинальную версию *диалектики правовой формы*.

Ученый писал: «Право — форма человеческих взаимоотношений... Форма здесь не внешняя оболочка. Она содержательна и единственно возможным способом, *математически точно* (курсив наш. — А.С., В.Г.) и адекватно выражает суть опосредуемых данной формой... отношений»¹⁵.

В другом сочинении В.С. Нерсисянц, сравнивая разработанную им концепцию юриспруденции и аналогичную концепцию Г. Кельзена, обоснованно заметил, что предложенный им тип учения о праве и государстве есть прямая противоположность кельзеновской концепции, но вместе с тем концепция юриспруденции В.С. Нерсисянца, по замыслу автора, также является «чистым» учением о праве и государстве¹⁶. Это вполне справедливо. «Чистыми» ещё в конце XVIII — начале XIX в. назывались многие учения о праве и государстве. Это было весьма расхожее определение. Чистота правопознания означала прежде всего требование изучения права как такового, обособленно от конкретно-исторического содержания¹⁷. Спустя столетие философы права вновь стали мечтать о «чистых» учениях о праве, особенно на фоне роста интереса к различным социологически и психологически ориентированным юридическим концепциям. Р. Штаммлер, неокантианец, уверял, что будущее юридической науки зависит от её способности создать такое «чистое» учение о праве¹⁸. В 1906 г. он писал, что вместе с *юридической методикой* (главное детище юридического неокантианства!) становится постепенно возможным «критически обосновать и системно изложить *чистое учение о праве*»¹⁹. Русский философ права И.А. Ильин также полагал, что для подлинной теории права необходимо «чистое» или сугубо теоретическое познание,

отвлеченное от всякого эмпирического, конкретного содержания²⁰.

Начиная с И. Канта право рассматривалось как форма общественной жизни, закономерная и постигаемая именно в этом формальном (*математическом*) измерении. Хотя представления о том, что именно математически устроенное познание может рассматриваться как единственный достоверный способ познания вообще, высказывались и ранее, например, Э. Вейгелем²¹. Так что у И. Канта эта идея лишь используется, приобретая некоторые обновленные черты.

Тезис о праве как форме социальной жизни стал лейтмотивом неокантианцев, основной идеей социального монизма Р. Штаммлера. Но кантианцы не смогли разработать внутреннюю диалектику формы, что в значительной степени было связано с методологическими ограничениями субъективного идеализма. Однако В.С. Нерсисянцу явно удалось под влиянием гегелевского объективного идеализма внести в идею правовой формы диалектическую логику. Право как форма общественной жизни приобрело собственную внутреннюю диалектику, внутренний закон развития. У права как формальной категории появилось свое содержание, а именно формально-правовое. Конкретным выражением стала трактовка права как универсального принципа формального равенства, который развертывается в единстве более конкретных измерений (уровней бытия формально-правового равенства, правовой формы): равенства, свободы и справедливости. Две первые категории — равенства и свободы — имеют формальную природу. Это убедительно показал И. Кант, разъясняя свободу как всеобщий закон. Формальную природу равенства подробно разъяснил В.С. Нерсисянц, особенно говоря о том, что природа правового равенства есть прототип математического равенства. Во всяком случае обе категории в значительной степени легко увязываются в диалектике правовой формы. В гегелевской философии права наиболее существенным моментом является идея свободы, а равенство и справедливость служат разъяснению понятия свободы.

Среди современников В.С. Нерсисянца об особом формально-правовом содержании в праве размышлял также С.С. Алексеев, полагая, что правовая форма обладает своим специфическим содержанием, которое и есть его собственная диалектика²². С.С. Алексеев в работах постсоветского

¹⁵ Нерсисянц В.С. Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. С. 5.

¹⁶ См.: Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2010. С. 8.

¹⁷ См.: Горбань В.С., Груздев В.С. О разнообразии «чистых» учений о праве // Право и политика. 2022. № 11. С. 32–43.

¹⁸ См.: Stammler R. Wesen des Rechtes und der Rechtswissenschaft // Systematische Rechtswissenschaft / von R. Stammler, R. Sohm, K. Gareis [u.a.]. Berlin; Leipzig, 1906. S. I–LX.

¹⁹ Systematische Rechtswissenschaft / von R. Stammler, R. Sohm, K. Gareis [u.a.]. S. 507.

²⁰ См.: Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве. М., 2006.

²¹ См.: Спекторский Е. Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006. С. 385 и след.

²² См.: Алексеев С.С. Теория права: поиск новых подходов. Екатеринбург, 2000.

периода отмечал, что «само право (именно как “форма”! — вот такой здесь парадокс) имеет *свою* материю — *материю права*, выраженную главным образом в *догме права, во всей системе правовых средств...*», а «сила права как формы... — это сила собственной материи права, когда право слито с её внутренней организацией, структурой», что «и дает обоснование *собственной ценности права как особой объективной реальности, отличающейся специфической логикой и силой в жизни людей*»²³.

Однако справедливость в теории В.С. Нерсисянца оказалась наименее разъясненной и разработанной категорией. Как представляется, она не исчерпывается лишь формальными признаками, поэтому ее сущность уловима с трудом. Справедливость в концепции правопонимания В.С. Нерсисянца должна непременно браться в единстве с двумя другими смысловыми характеристиками — формальным равенством и свободой. В истории правовой мысли и политической морали существует множество разнообразных трактовок справедливости, в которых она понимается как с формальной, так и с материальной точки зрения. Например, в правовой концепции Р. Иеринга справедливость означает разумный баланс общественных и индивидуальных интересов, что при более глубоком погружении в проблематику оказывается весьма схожим с идеей разграничения сфер свободы индивидов, предложенной ранее в «метафизическом учении о праве» И. Кантом. У Р. Иеринга появляется социологизированный вариант трактовки данной формулы, который формально опирается на аналогичную логическую конструкцию, но по содержанию уже явно отличается от проповедей индивидуализма, характерных для философского учения И. Канта.

Многие кантианцы и неокантианцы уверяли, что справедливость представляет собой имманентное свойство права. Определения «справедливый» и «правовой» часто использовались ими в качестве синонимов. Например, Р. Штаммлер, размышляя о предмете философии права, который, по его мнению, составляют «чистые формы правового мышления», специально подчеркивал, что мысли о *праве* и *справедливости* образуют собственно правовые способы определения и направления человеческих устремлений, правового хотения или намерения. В текстах Р. Штаммлера используется субстантивированный вариант Wollen, что может переводиться и как «воля», но всё же имеет иной смысловой оттенок (хотение, намерение). Это устремление воли может характеризоваться равнозначно и как правовое, и как справедливое²⁴. «Любое обсуждение

справедливости, разумеется, предполагает *понятие права*»²⁵. Р. Штаммлер в качестве не требующего дополнительных пояснений приводил пример одного фрагмента из Ульпиана: «По заслугам нас называли жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, воздвигаем понятия доброго и справедливого, отделяя справедливое от несправедливого, отличая дозволенное от недозволенного, желая, чтобы добрые совершенствовались не только путем страха наказания, но и путем поощрения наградами, стремясь к истинной, если я не заблуждаюсь, философии, а не к мнимой»²⁶.

Следует отметить, что понимание справедливости в работах В.С. Нерсисянца весьма схоже с теми представлениями, которые, например, встречаются в работах немецких философов-идеалистов и юристов-неокантианцев. И даже приведенный выше фрагмент из суждений Ульпиана аналогичным образом выбирается в качестве лейтмотива в философии права В.С. Нерсисянца²⁷. Он, в частности, указывал, что «справедливость входит в понятие права, что право по определению справедливо, а справедливость — сущностное свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая»²⁸. В пользу сходства с идеями Р. Штаммлера говорит и указание в определении справедливости В.С. Нерсисянцем на «общеэтическую правильность»²⁹. Последняя именно в таком виде, как идея общеэтической правильности, была лейтмотивом учения немецкого философа права во всех его сочинениях («Хозяйство и право», «Учение о правильном праве», «Философия права» и др.). Поэтому и упреки, которые могут быть сделаны юристам-неокантианцам в отношении понятия справедливости, в значительной мере могут быть направлены и в отношении разъяснения данного понятия в учении В.С. Нерсисянца.

В «Чистом учении о праве» (несколько вариантов «чистых учений о праве» существовало задолго до XX в. и идей австрийских юристов) Г. Мемеля, который был близок идеям И. Фихте, в начале XIX в. справедливость помещена в центр определения права³⁰. «Свобода и равенство, — писал Г. Мемель, разъясняя понятие права, — есть два полюса общей воли, а ее центр — это справедливость»³¹.

²⁵ Ibid. S. 3, 4, сноски.

²⁶ Цит. по: *Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана: очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956.

²⁷ См.: *Нерсисянц В.С.* Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. С. 45.

²⁸ Там же. С. 44, 45.

²⁹ Там же. С. 44.

³⁰ См.: *Mehmel G.E.A.* Die reine Rechtslehre. Erlangen, 1815.

³¹ Ibid. S. 47.

²³ *Алексеев С.С.* Указ. соч. С. 25.

²⁴ См.: *Stammler R.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin [u.a.], 1922. S. 4.

Труды В.С. Нерсисянца охватывают также вопросы истории политической и правовой мысли. Он был блестящим знатоком античной политической философии, особенно взглядов Сократа и Платона, посвятив обоим отдельные монографии. В.С. Нерсисянец весьма красочно упомянул Сократа в одном из примечательных и остроумных четверостиший:

*Не пиши, скажи всё устно,
Писанина — это яд...
Не писали Заратустра,
Моя мама и Сократ*³².

К циклу работ по политико-правовым учениям античности относятся такие сочинения В.С. Нерсисянца, как «Политические учения Древней Греции»³³, «Сократ»³⁴ и «Платон»³⁵, а также широко известный курс «Политические учения: история и современность» под редакцией В.С. Нерсисянца³⁶, его учебник «История политических и правовых учений»³⁷ и др.

Вопросы истории политической и правовой мысли присутствовали во многих работах В.С. Нерсисянца. Поэтому почти любой его труд содержал историческую и теоретическую части, например его ставшая знаменитой и почти визитной карточкой уже в своем названии монография «Право и закон: из истории правовых учений»³⁸.

В политических и правовых учениях В.С. Нерсисянец различал теоретическую и конкретно-историческую части. Об этом подробно говорится в его докторской диссертации, посвященной философско-правовым взглядам Гегеля. Такой подход совершенно оправдан и с методологической точки зрения всегда приводит к получению более точных и ценных в научно-познавательном плане результатов. Истоки данного подхода лежат прежде всего в самой гегелевской философии, ее системе. По существу, в ней различаются чистая логическая

часть, «наука логики», о понятии, диалектика которого не испытывает принципиальных препятствий на пути своего раскрытия, с одной стороны, и конкретно-историческая часть, показанная в философии истории, — с другой. Абсолютный дух как главное определяющее в объективно-идеалистической картине философской системы Гегеля в логике легко совершает путь к обнаружению своей противоположности и последующему снятию противоположностей. Напротив, в истории он сталкивается с существенными препятствиями: страстями, интересами, потребностями и т.п. И только в борьбе с этими препятствиями он, т.е. абсолютный дух, осуществляется. Несомненно, как показал Гегель, «открыв» историю и соединив ее с логикой, два момента могли рассматриваться как существенные для истории мысли: философский (или теоретический) и исторический (конкретно-исторический). В русской юридической литературе наиболее последовательно эту методологическую схему реализовал в своей докторской диссертации П.И. Новгородцев³⁹, который различал философский анализ правовых учений и их исторический анализ. В.С. Нерсисянец также был последовательным сторонником приведенного сочетания методов теоретического и исторического анализа политико-правовых учений. Схема эта не была изобретением В.С. Нерсисянца, но он внес значительный вклад как в дело ее разъяснения и обоснования, так и практически продемонстрировал ее эффективность. Именно она, как представляется, позволила ему выявить в содержании гегелевской философии права новые грани, сделать значимые для науки уточнения и выводы.

Обе диссертации В.С. Нерсисянца были посвящены гегелевской философии права: кандидатская «Марксова критика Гегелевской философии права»⁴⁰ и докторская «Политико-правовая теория Гегеля и ее интерпретации»⁴¹. В.С. Нерсисянец был известным гегелеведом не только в нашей стране. Популярными для широкого круга читателей являются «Гегелевская философия права: история и современность»⁴², «Философия права Гегеля»⁴³.

В истории общественной мысли часто бывает, что социально-политические или социально-практические возможности той или иной концепции

³² Нерсисянец В. Настроения. Стихи разных лет. М., 1996. С. 107.

³³ Нерсисянец В.С. Политические учения Древней Греции. М., 1979.

³⁴ Нерсисянец В.С. Сократ. М., 1977.

³⁵ Нерсисянец В.С. Платон. М., 1984.

³⁶ См.: Политические учения: история и современность. Марксизм и политическая мысль XIX века / Графский В.Г., Грацианский П.С., Гулиев В.Е. и др.; редкол.: П.С. Грацианский, В.Е. Гулиев (отв. ред.), В.С. Нерсисянец. М., 1979; Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / Графский В.Г., Грацианский П.С., Деев Н.Н. и др.; редкол.: П.С. Грацианский, В.Е. Гулиев (отв. ред.), В.С. Нерсисянец. М., 1976.

³⁷ Нерсисянец В.С. История политических и правовых учений. М., 2009.

³⁸ Нерсисянец В.С. Право и закон: из истории правовых учений.

³⁹ См.: Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типичных построения в области философии права. М., 1901.

⁴⁰ Нерсисянец В.С. Марксова критика Гегелевской философии права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965.

⁴¹ Нерсисянец В.С. Политико-правовая теория Гегеля и ее интерпретации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.

⁴² Нерсисянец В.С. Гегелевская философия права: история и современность. М., 1974.

⁴³ Нерсисянец В.С. Философия права Гегеля. М., 1998.

права и правопонимания раскрываются и проявляются позднее. Правовое учение Р. Иеринга — тому наглядный пример. Уже после Р. Иеринга появилось изрядное количество различных направлений анализа права, сформировавшихся на основе его взглядов. Даже типологические определения и понятийные конструкции в сочинениях Р. Иеринга вошли позднее в общественно-политический и юридический обиход уже вовсе без ссылок на автора, как, например: «пресловутая борьба за право», «право как средство для цели», «в борьбе обретишь ты право своё» и т.п. То же самое справедливо и по отношению к творчеству В.С. Нерсисянца. Например, идея или принцип формального равенства, принцип различения права и закона и некоторые другие идеи в современном обсуждении права непременно возвращают нас к его работам.

Традиции, отчасти продолженные, отчасти заложенные В.С. Нерсисянцем, имеют многочисленных сторонников среди его учеников и научного сообщества, причем не только в России, но и за рубежом. Работы ученого читают, изучают, они имеются во многих лучших библиотеках мира, университетах, причем ещё с 70-х годов. Простой пример за 1977 г.: в годовом отчёте Академии наук Германской Демократической Республики за период 1974/1975 гг., подготовленном Центральным институтом истории, среди авторитетных работ ведущих немецких и зарубежных специалистов по общим вопросам понимания права приведены две работы

ещё кандидата юридических наук В.С. Нерсисянца⁴⁴. Немецкие ученые активно исследуют проблему правопонимания с точки зрения различения права и закона как основной смыслообразующей темы.

Сохранение традиций и вектора историко-философских правовых исследований, разработок принципов и типов современных подходов к пониманию

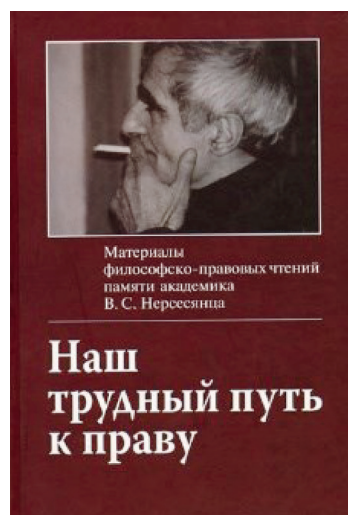
права, его гносеологическим, онтологическим и аксиологическим аспектам — одна из важнейших задач в текущей и перспективной деятельности Института государства и права РАН, с которым Владик Сумбагович Нерсисянц был связан практически всю свою творческую жизнь. Важную роль в этом отношении играл проф. В.Г. Графский, благодаря усилиям которого в течение многих лет проводились Чтения памяти акад. РАН В.С. Нерсисянца, ставшие одним из самых авторитетных научных мероприятий в нашей стране и за рубежом по вопросам философии права и истории политической и правовой мысли. Отдельного упоминания заслуживают сборники материалов Чтений, которые содержат результаты различных направлений обсуждения права и правоведения с учетом того общего вектора философско-правовых исследований, который был задан В.С. Нерсисянцем⁴⁵.

В настоящее время в Институте государства и права РАН в целом и в секторе философии права, истории и теории государства и права в частности большое значение придается исследованиям в области философии права и истории политико-правовой мысли. Существенное внимание уделяется разъяснению значения и возможностей философии права в преодолении современных цивилизационных проблем, для формирования новых подходов к пониманию и в исследовании истории государства и права, с целью создания новых научных направлений в области философско-правовых исследований⁴⁶, которые используют лучшие образцы

⁴⁵ См.: Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / сост. В.Г. Графский. М., 2006.

⁴⁶ См.: Савенков А.Н. Философия права и глобальный кризис современности. СПб., 2019; Его же. Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2021; Горбань В.С. Правовое учение Иеринга и его интерпретации. М., 2018; Груздев В.С. Реализм в юриспруденции: теоретико-методологический и исторический аспекты. М.; Саратов, 2021; Плигин В.Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022; Бочкарев С.А. Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020; и др.

⁴⁴ См.: Nersesjanc V.S. Politiko-pravovaja problematika na X gelegevskoin kongresse. [Die politische Rechtsproblematik auf d. X. Hegel-Kongreß.] In: Sov. gos. i pravo. 1974. No. 12. S. 133, 134; Nersesjanc V.S. Sovremennoe buriaznoe politiko-pravovoe gelegevedenie. [Die gegenwärtige bürgerliche politische Hegelwiss.] In: Sov. gos. i pravo. 1973. No. 3. S. 96–102 // Jahresberichte für Deutsche Geschichte. Neue Folge 26./27. Jahrgang 1974/1975. Mit Nachträgen. Herausgegeben von der Akademie der Wissenschaften der DDR Zentralinstitut für Geschichte Abteilung Information und Dokumentation. Akademie-Verlag. Berlin, 1977. S. 324.

достижений представителей академической науки, прежде всего Института государства и права РАН, в том числе большое значение придается сохранению наследия В.С. Нерсисянца, проведению новых исследований как по проблематике концепции юриспруденции, сформулированной В.С. Нерсисянцем, так и по изучению его системы взглядов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев С.С.* Теория права: поиск новых подходов. Екатеринбург, 2000. С. 25.
2. *Бочкарев С.А.* Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.
3. *Горбань В.С.* Правовое учение Иеринга и его интерпретации. М., 2018.
4. *Горбань В.С., Груздев В.С.* О разнообразии «чистых» учений о праве // Право и политика. 2022. № 11. С. 32–43.
5. *Груздев В.С.* Реализм в юриспруденции: теоретико-методологический и исторический аспекты. М.; Саратов, 2021.
6. *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве. М., 2006.
7. Наш трудный путь к праву: материалы философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца / сост. В.Г. Графский. М., 2006.
8. *Нерсисянц В.С.* Выступление на «круглом столе» журнала «Советское государство и право» на тему «О понимании советского права» // Сов. государство и право. 1979. № 7. С. 30–34.
9. *Нерсисянц В.С.* Гегелевская философия права: история и современность. М., 1974.
10. *Нерсисянц В.С.* История политических и правовых учений. М., 2009.
11. *Нерсисянц В.С.* Марксова критика Гегелевской философии права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965.
12. *Нерсисянц В.* Настроения. Стихи разных лет. М., 1996. С. 107.
13. *Нерсисянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2001.
14. *Нерсисянц В.С.* Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М., 1992. С. 3, 5.
15. *Нерсисянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 2010. С. 8.
16. *Нерсисянц В.С.* Платон. М., 1984.
17. *Нерсисянц В.С.* Политико-правовая теория Гегеля и ее интерпретации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.
18. *Нерсисянц В.С.* Политические учения Древней Греции. М., 1979.
19. *Нерсисянц В.С.* Право и закон. Из истории политических и правовых учений. М., 1983. С. 350.
20. *Нерсисянц В.С.* Право — математика свободы. М., 1996.
21. *Нерсисянц В.С.* Право: многообразие определений и единство понятия // Сов. государство и право. 1983. № 10. С. 26–35.
22. *Нерсисянц В.С.* Проблема общего блага в постсоциалистической России // Российское правосудие. 2006. № 4. С. 4–13.
23. *Нерсисянц В.С.* Сократ. М., 1977.
24. *Нерсисянц В.С.* Философия права. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 44, 45, 435.
25. *Нерсисянц В.С.* Философия права Гегеля. М., 1998.
26. *Нерсисянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
27. *Новгородцев П.И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типических построения в области философии права. М., 1901.
28. *Перетерский И.С.* Дигесты Юстиниана: очерки по истории составления и общая характеристика. М., 1956.
29. *Плигин В.Н.* Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.
30. Политические учения: история и современность. Домарксистская политическая мысль / Графский В.Г., Грацианский П.С., Деев Н.Н. и др.; редкол.: П.С. Грацианский, В.Е. Гулиев (отв. ред.), В.С. Нерсисянц. М., 1976.
31. Политические учения: история и современность. Марксизм и политическая мысль XIX века / Графский В.Г., Грацианский П.С., Гулиев В.Е. и др.; редкол.: П.С. Грацианский, В.Е. Гулиев (отв. ред.), В.С. Нерсисянц. М., 1979.
32. *Савенков А.А.* О роли кризисов в разработке проблемы законности // Савенков А.А. Проблемы законности в западной и российской юридической мысли XIX–XXI вв. М., 2022. С. 123.
33. *Савенков А.Н.* Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2021.
34. *Савенков А.Н.* Философия права и глобальный кризис современности. СПб., 2019.
35. *Спекторский Е.* Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006. С. 385.
36. *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. СПб., 2001.
37. Jahresberichte für Deutsche Geschichte. Neue Folge 26./27. Jahrgang 1974/1975. Mit Nachträgen. Herausgegeben von der Akademie der Wissenschaften der DDR Zentralinstitut für Geschichte Abteilung Information und Dokumentation. Akademie-Verlag. Berlin, 1977. S. 324.
38. *Mehmel G.E.A.* Die reine Rechtslehre. Erlangen, 1815. S. 47.
39. *Stammler R.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin [u.a.], 1922. S. 3, 4, сноски.
40. *Stammler R.* Wesen des Rechtes und der Rechtswissenschaft // Systematische Rechtswissenschaft / von R. Stammler, R. Sohm, K. Gareis [u.a.]. Berlin; Leipzig, 1906. S. I–LX.
41. Systematische Rechtswissenschaft / von R. Stammler, R. Sohm, K. Gareis [u.a.]. Berlin; Leipzig, 1906. S. 507.

REFERENCES

1. *Alekseev S.S.* Theory of law: search for new approaches. Yekaterinburg, 2000. P. 25 (in Russ.).
2. *Bochkarev S.A.* Theoretical and methodological research of Criminal Law as a system of scientific knowledge: dis. ... Doctor of Law. M., 2020 (in Russ.).
3. *Gorban V.S.* Iering's legal doctrine and its interpretations. M., 2018 (in Russ.).
4. *Gorban V.S., Gruzdev V.S.* On the diversity of "pure" doctrines of law // Law and Politics. 2022. No. 11. P. 32–43 (in Russ.).
5. *Gruzdev V.S.* Realism in jurisprudence: theoretical, methodological and historical aspects. M.; Saratov, 2021 (in Russ.).
6. *Ilyin I.A.* The general doctrine of law and the state. M., 2006 (in Russ.).
7. Our difficult path to law: materials of philosophical and legal readings in memory of Academician V.S. Nersesyants / comp. V.G. Grafsky. M., 2006 (in Russ.).
8. *Nersesyants V.S.* Speech at the "Round Table" of the journal "Soviet State and Law" on the topic "On the understanding of Soviet law" // Soviet State and the Law. 1979. No. 7. P. 30–34 (in Russ.).
9. *Nersesyants V.S.* Hegelian Philosophy of Law: history and modernity. M., 1974 (in Russ.).
10. *Nersesyants V.S.* History of Political and legal doctrines. M., 2009 (in Russ.).
11. *Nersesyants V.S.* Marx's critique of the Hegelian Philosophy of Law: abstract ... PhD in Law. M., 1965 (in Russ.).
12. *Nersesyants V.* Moods. Poems of different years. M., 1996. P. 107 (in Russ.).
13. *Nersesyants V.S.* The national idea of Russia in the world-historical progress of equality, freedom and justice. Manifesto about Civilization. M., 2001 (in Russ.).
14. *Nersesyants V.S.* Our way to law: from Socialism to civilization. M., 1992. P. 3, 5 (in Russ.).
15. *Nersesyants V.S.* General theory of law and state. M., 2010. P. 8 (in Russ.).
16. *Nersesyants V.S.* Plato. M., 1984 (in Russ.).
17. *Nersesyants V.S.* Hegel's political and legal theory and its interpretations: abstract ... Doctor of Law. M., 1975 (in Russ.).
18. *Nersesyants V.S.* Political teachings of Ancient Greece. M., 1979 (in Russ.).
19. *Nersesyants V.S.* Law and the law. From the history of political and legal doctrines. M., 1983. P. 350 (in Russ.).
20. *Nersesyants V.S.* Law – mathematics of freedom. M., 1996 (in Russ.).
21. *Nersesyants V.S.* Law: diversity of definitions and unity of the concept // Soviet State and Law. 1983. No. 10. P. 26–35 (in Russ.).
22. *Nersesyants V.S.* The problem of the common good in post-socialist Russia // Russian Justice. 2006. No. 4. P. 4–13 (in Russ.).
23. *Nersesyants V.S.* Socrates. M., 1977 (in Russ.).
24. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law. 2nd ed., reprint and add. M., 2009. P. 44, 45, 435 (in Russ.).
25. *Nersesyants V.S.* Hegel's Philosophy of Law. M., 1998 (in Russ.).
26. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: libertarian legal concept // Questions of Philosophy. 2002. No. 3. P. 3–15 (in Russ.).
27. *Novgorodtsev P.I.* Kant and Hegel in their teachings on law and the State: two typical constructions in the field of Philosophy of Law. M., 1901 (in Russ.).
28. *Peretersky I.S.* Digests of Justinian: essays on the history of compilation and general characteristics. M., 1956 (in Russ.).
29. *Pligin V.N.* The problem of legitimacy in modern political and legal doctrines: dis. ... Doctor of Law. M., 2022 (in Russ.).
30. Political teachings: history and modernity. Pre-Marxist political thought / Grafsky V.G., Graziansky P.S., Deev N.N. et al.; editors: P.S. Graziansky, V.E. Guliyev (ed.), V.S. Nersesyants. M., 1976 (in Russ.).
31. Political teachings: History and modernity. Marxism and Political Thought of the XIX century / Grafsky V.G., Graziansky P.S., Guliyev V.E. et al.; editors: P.S. Graziansky, V.E. Guliyev (ed.), V.S. Nersesyants. M., 1979 (in Russ.).
32. *Savenkov A.A.* On the role of crises in the development of the problem of legality // Savenkov A.A. Problems of Legality in Western and Russian Legal Thought of the XIX–XXI centuries. M., 2022. P. 123 (in Russ.).
33. *Savenkov A.N.* State and Law: Human rights and the World order based on the Rule of Law: in 3 vols. M., 2021 (in Russ.).
34. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and global the crisis of modernity. SPb., 2019 (in Russ.).
35. *Spectorsky E.* The problem of social physics in the XVII century. SPb., 2006. P. 385 (in Russ.).
36. *Shershenevich G.F.* History of Philosophy of Law. SPb., 2001 (in Russ.).
37. Jahresberichte für Deutsche Geschichte. Neue Folge 26./27. Jahrgang 1974/1975. Mit Nachträgen. Herausgegeben von der Akademie der Wissenschaften der DDR Zentralinstitut für Geschichte Abteilung Information und Dokumentation. Akademie-Verlag. Berlin, 1977. S. 324.
38. *Mehmel G.E.A.* Die reine Rechtslehre. Erlangen, 1815. S. 47.
39. *Stammler R.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Berlin [u.a.], 1922. S. 3, 4, fussnoten.
40. *Stammler R.* Wesen des Rechtes und der Rechtswissenschaft // Systematische Rechtswissenschaft / von R. Stammler, R. Sohm, K. Gareis [u.a.]. Berlin; Leipzig, 1906. S. I–LX.
41. Systematische Rechtswissenschaft / von R. Stammler, R. Sohm, K. Gareis [u.a.]. Berlin; Leipzig, 1906. S. 507.

Сведения об авторах

САВЕНКОВ Александр Николаевич —
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
директор Института государства и права
Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ГОРБАНЬ Владимир Сергеевич —
доктор юридических наук,
заведующий сектором философии права,
истории и теории государства и права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. —
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Director of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the Journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

GORBAN Vladimir S. —
Doctor of Law,
Head of the Department of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ НАУКА: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД

© 2023 г. В. Н. Жуков

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 29.06.2023 г.

Аннотация. В статье раскрывается новый подход к пониманию теоретико-правовой науки. Утверждается, что теория государства и права изначально формировалась как комплексная дисциплина, включающая в себя как минимум четыре компонента: исторический, философский, социологический, догматический. В статье анализируются три основных компонента: догматический, социологический, философский. Утверждается, что каждая составная часть теоретико-правовой науки (догма права, социология права, философия права) имеет свой предмет и свою методологию. Указываются специфические черты социальной науки (в том числе юридической), ее предмета и методов.

Ключевые слова: теория государства и права, методология социальной науки, догма права, социология права, философия права.

Цитирование: Жуков В. Н. Теоретико-правовая наука: современный подход // Государство и право. 2023. № 9. С. 19–30.

DOI: 10.31857/S102694520027732-6

THEORETICAL AND LEGAL SCIENCE: A MODERN APPROACH

© 2023 V. N. Zhukov

*Lomonosov Moscow State University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 29.06.2023

Abstract. The article reveals a new approach to the understanding of theoretical and legal science. It is argued that the theory of state and law was originally formed as a complex discipline that includes at least four components: historical, philosophical, sociological, dogmatic. The article analyzes three main components: dogmatic, sociological, philosophical. It is argued that each component of the theoretical and legal science (dogma of law, Sociology of Law, Philosophy of Law) has its own subject and its own methodology. The specific features of social science (including legal science), its subject and methods are indicated.

Key words: theory of state and law, methodology of social science, dogma of law, Sociology of Law, Philosophy of Law.

For citation: Zhukov, V.N. (2023). Theoretical and legal science: a modern approach // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 19–30.

Теория государства и права как научная и учебная дисциплина

Обычно в отечественной научной и учебной литературе теорию государства и права называют комплексной общетеоретической и методологической наукой. В целом это верно, но важно понимать содержание каждого из перечисленных свойств.

Теория государства и права занимает особое место в нашей юридической науке. Со времени своего возникновения данная дисциплина всегда претендовала на главные роли, обеспечивая, как ей казалось, интеграцию обществоведческого и собственно юридического знания, объединяя отраслевую и фундаментальную юриспруденцию в единую юридическую науку. Теоретико-правовая наука изначально имела название «общая теория права» («общая теория государства и права»), что должно было указывать на универсальный характер ее знания для отраслевых юридических наук. Поскольку правомерно говорить о теории гражданского права, уголовного права и т.д., было введено слово «общая».

Общая теория права создавалась в Германии и России в последней трети XIX в. в качестве некоей универсальной дисциплины, призванной устранить недостатки энциклопедии права и философии права и стать смычкой между отраслевыми и теоретико-историческими дисциплинами. У нас ее создавали три группы юристов: юристы-философы (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, И.А. Ильин), юристы-социологи (С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий), юристы-догматики (Г.Ф. Шершеневич). Общая теория права изначально формировалась как комплексная междисциплинарная наука, имевшая целью изучать государство и право в нескольких аспектах: историческом, социологическом, философском, догматическом. Она ставила перед собой задачу синтезировать знание, добываемое историей государства и права, философией права, социологией права, отраслевой догматикой, и трансформировать его в общетеоретическое знание о государстве и праве. Будучи комплексной, теоретико-правовая наука использовала методы дисциплин, которые она взялась обобщать: исторический, социологический, догматический,

философский (в форме методологии различных философских школ). На выходе получилась наука действительно комплексная, но со всеми недостатками, вытекающими из этого ее качества: отсутствие четкого предмета и четко очерченных границ, угроза дробления на составные части.

Обратная сторона комплексного характера общей теории права — эклектика, что наглядно демонстрируют учебные курсы. Один из первых — «Общая теория права» Г.Ф. Шершеневича (один из лучших и на сегодняшний день), где соседствуют история права, антропология права, социология права, философия права и догматика права. Данный подход был взят на вооружение и до настоящего времени является устойчивой традицией, которую, как кажется, никто не готов оспаривать. Если для вводного учебного курса эклектика как принцип подбора материала — необходимый прием пропедевтики, то эклектика в науке может поставить под сомнение ее самостоятельный статус. Следует указать на очевидный, но забываемый факт: изначально теоретико-правовая наука появляется в форме учебного курса и в дальнейшем явно или неявно, сознательно или неосознанно в среде ученого сообщества они отождествляются. Или как минимум учебный курс рассматривается как некий каркас, фундамент, очерчивающий круг теоретических проблем, требующих научной разработки. В самом факте единства учебного курса и науки нет ничего необычного, гуманитарная наука в Европе, как правило, рождалась в форме учебных курсов (философия, социология, политология). Однако случай с общей теорией права — особый. Здесь изначально, опираясь на традицию построения энциклопедии права, попытались соединить разделы из разных отраслей знания, т.е. эклектику возвести в принцип формирования данной науки. Как следствие — общая теория государства и права довольно легко делится на теорию права и теорию государства (в дореволюционной юридической науке такое деление было широко распространено), на философию права, социологию права, антропологию права и догматику права. Сравнительное правоведение, упорно включаемое

в учебные курсы, — отрасль знания, которая сама едва ли не шире теоретико-правовой науки.

За последние 100—150 лет в Европе и России написаны десятки блестящих работ в области общей теории права, ставших подлинной классикой. Значительная их часть отличается не комплексностью, а напротив, гомогенностью (по методам исследования) и выполнена в духе либо философии права, либо социологии права, либо антропологии права, либо чистой юридической догматики. Так, «Чистое учение о праве» Г. Кельзена — пример теоретически обобщенной догматики, а «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» Л.И. Петражицкого — социолого-психологический труд. Весьма характерен в этом отношении постсоветский период, когда исчезает идеологический диктат, и общая теория права, предоставленная самой себе, оказывается в состоянии кризиса, ее наиболее заметными чертами становятся растерянность, упадок и одновременно поиск новых путей развития. Важнейшей тенденцией становится острая конкуренция между философией права, социологией права и догмой права, имеющей место внутри теоретико-правовой науки и грозящая ей распадом на составные части. Под вывеской общей теории права все больше появляется работ, выполненных либо в философском, либо в социологическом, либо в догматическом духе. Представители каждого из направлений пытаются обосновать свою монополию на истину, закрепить руководящее положение в теоретико-правовой науке и дать сокрушительную, как им кажется, критику друг друга. Юристы-социологи и юристы-философы обвиняют юристов-догматиков в «узконормативном подходе», в забвении социальной и духовной природы права, в беспринципном соглашательстве с властью. На юристов-догматиков часто возлагают ответственность за потворство «советскому тоталитаризму» и требуют едва ли не трибунала над советской теорией права. Со своей стороны юристы-догматики считают юристов-философов безнадёжными фантазерами, утратившими связь с реальностью и погрузившимися в мир грез об идеальном праве. Юристы-социологи критикуются за безбрежное расширение понятия права, ведущее к отрыву от юриспруденции и утрате юридической наукой своей специфики. И все это — результат комплексности (или эклектики), положенной когда-то в основу общей теории права, а также академической групповщины, не позволяющей по достоинству оценить позицию друг друга.

У нас принято считать общую теорию права наукой методологической в том смысле, что она создает понятийный аппарат для отраслевой юридической науки. В этом утверждении есть только доля истины. Дело в том, что общая теория права действительно задумывалась в качестве дисциплины,

которая будет вырабатывать понятия, признаваемые всеми отраслевыми науками. Такую задачу ставил, например, Г.Ф. Шершеневич. Однако следует констатировать, что задача эта была решена только отчасти. Когда формировалась общая теория права (конец XIX в.), отраслевые юридические науки уже полностью сложились, демонстрируя свою зрелость, в частности, наличием собственного понятийного аппарата. Отраслевые науки ощущали свою самодостаточность и самооценку, в целом у них не было объективной потребности искать какие-то точки соприкосновения друг с другом и тем более вырабатывать некий усредненный, устраивающий всех понятийный аппарат. На стыках отраслей права были, конечно, проблемы с коллизиями, которые как-то решались, но это не ставило под сомнение самодостаточность отрасли права и отраслевой науки. В этом смысле предложенная Г.Ф. Шершеневичем задача создать универсальный понятийный аппарат изначально выглядела несколько искусственной. Вместе с тем он был прав в том, что отрасли права представляют собой единое целое, требующее теоретического обоснования. Так, в своей «Общей теории права» Г.Ф. Шершеневич дал формально-догматические признаки государства и права, нормы права, источников права, системы права, правоотношения, юридической ответственности, догматический анализ применения права, что соответствовало понятийному аппарату отраслевых юридических наук и выводило их на более высокий уровень единства. Теоретико-правовая наука и в настоящее время продолжает работу по обобщению отраслевой догматики, пытаясь создавать категории, приемлемые для отраслевых наук. Однако далеко не все предложенные категории принимаются отраслевыми науками, многие из них используются только в рамках общей теории права.

Теория государства и права — наука фундаментальная, нацеленная на изучение государства и права как явлений культуры. Главный движущий мотив теоретико-правовой науки — потребность в познании политики, государства, права. Прикладной, практический аспект здесь присутствует, но он побочный, второстепенный. В отечественной научной и учебной литературе принято говорить о большой практической значимости теоретико-правовой науки, что делается с целью поднять ее статус в глазах представителей догматической юриспруденции, юридической практики и государственных органов (от них зависит финансирование науки). Зачастую такая позиция продиктована ложным пониманием задач теории государства и права. Вспомним, что теоретико-правовая наука изучает политико-правовую реальность в историческом, философском, социологическом и догматическом аспектах. Только догматический элемент

общей теории права относительно прямо, без дополнительных звеньев связан с практикой. Показательный пример — юридическая техника, позволяющая создавать и систематизировать законодательство. Исторический, философский и даже социологический компоненты общей теории права имеют весьма отдаленную, очень условную связь с практикой. Строго говоря, сама отраслевая юридическая наука связана с практикой (правотворчеством и правоприменением) не непосредственно, а опосредованно, через практических работников, имеющих юридическую квалификацию. Н.М. Коркунов (специалист в области государственного права) и Г.Ф. Шершеневич (цивилист по своему основному профилю) жаловались в конце XIX в., что отраслевая юридическая наука, как правило, не востребована практикой, ее предложения государством игнорируются. Государство и в правотворческой, и в правоприменительной деятельности, как правило, руководствуется целесообразностью, предложения, исходящие от науки, только принимаются во внимание.

И наконец, следует помнить, что теория государства и права — общесовременная дисциплина, имеющая все ее родовые черты, о чем говорилось выше.

Состав и предмет теории государства и права

Как отмечалось ранее, теория государства и права — комплексная дисциплина, включающая в себя как минимум четыре компонента: исторический, философский, социологический, догматический. Это означает, что теоретико-правовая наука рассматривает политико-правовую реальность в историческом, философском, социологическом и юридико-догматическом аспектах. Данные подходы могут существовать как автономно (в этом случае возникают самостоятельные отрасли знания в виде философии права, социологии права и догмы права), так и в рамках единой теории государства и права. Во втором случае догма права, социология права и философия права проявляются только как три уровня знания теоретико-правовой науки, а не в качестве трех ее разделов, на что верно указывал О.В. Мартышин¹. Так, нормы права, источники права, правоотношения, юридическую ответственность и т.д. можно рассматривать как философские, социологические и юридико-догматические категории. Есть темы в учебной и научной литературе, где доминирует тот или иной подход, а другие два лишь затрагиваются (это часто зависит от исследовательских интересов автора). Исторический подход при рассмотрении государства и права в самостоятельную дисциплину не выделяется. Он широко

используется либо в философии права, либо в социологии права. В первом случае возникает философия истории государства и права, во втором — политико-правовые институты рассматриваются как системные объекты в их развитии.

Таким образом, предметом общей теории государства и права являются государство и право, взятые либо в историческом, либо в философском, либо в социологическом, либо в догматическом аспектах. Соответственно, каждый срез, каждый уровень изучения государства и права имеет свой предмет. Догматическая теория права (догматический подход), социология права (социологический подход) и философия права (философский подход) различаются по своему предмету исследования.

Догма права. Применительно к общей теории права под догмой права понимается совокупность формально-юридических свойств государства и права и их функционирования. Догма права — это совокупность юридических фикций, отражающих формально-юридический аспект бытия государства и права. Догма права представлена в виде либо формально-юридического компонента в рамках комплексной общей теории государства и права, либо в форме самостоятельной догматической теории права. Догма права — естественный фундамент теоретико-правовой науки, не позволяющий последней утратить своей специфики. Без опоры на догматику теоретико-правовая наука легко трансформируется либо в философию права, либо в социологию права. Общая теория права, лишенная философского и социологического компонентов, представлена в форме догматической теории права, имеющей также название «аналитическая юриспруденция», «аналитическая философия права», «юридический позитивизм».

Предметом догматического анализа являются либо позитивное право, либо формально-юридический срез политико-правовой реальности в целом. В первом случае это характерно для комплексной теории государства и права, во втором — для догматической теории права. Общая теория права берет догматический анализ (догматический метод) из отраслевой юридической науки, но использует его по-своему, более абстрактно и широко. Если отраслевая юридическая наука, используя догматический метод, создает юридические принципы, нормы и конструкции, непосредственно переходящие в позитивное право, то теоретико-правовая наука ставит целью обобщение отраслевой догматики и создание универсальных юридических категорий (государство, право, система права, отрасль права, институт права, норма права, правоотношение, правонарушение и т.д.), имеющих общее значение для юридической науки и практики.

¹ См.: Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 25.

Догматическая общая теория права формируется в условиях буржуазной культуры, когда возникает правовое государство, т.е. государство, не просто связанное правом, но как бы растворенное в нем. Юристы начинают рассматривать государство как одну из граней существования позитивного права, а само позитивное право воспринимается как основной предмет исследования юридической науки. Так понимал предмет юридической науки основатель догматической теории права английский юрист Дж. Остин, назвавший свою теорию «философией позитивного права» (30–40-е годы XIX в.). В дальнейшем этот подход был развит в Германии (К. Бергер, П. Лабанд, К. Бергбом) и России (М.Н. Капустин, Н.К. Ренненкампф, С.В. Пахман, Г.Ф. Шершеневич, Е.В. Васьковский, Д.Д. Grimm, Н.И. Палиенко).

Типичный юридический позитивист XIX–XX вв. занимается не обоснованием зависимости права от государства, а догматическим исследованием политико-правовых явлений. Юридико-догматический анализ политико-правовой реальности в целом, характерный для догматической теории права, имеет своим предметом самый широкий спектр политико-правовых явлений (свобода, равенство, справедливость, ценности, правопорядок и т.д.). Цель теоретика-догматика состоит в том, чтобы показать формально-логический срез социальных институтов, ценностей и принципов, входящих в сферу правового регулирования. Показательный пример такого анализа демонстрируют классики юридического позитивизма Г. Кельзен и Г. Харт. Их концепции представляют собой модель политико-правовых явлений, созданную на основе догматического метода. Политико-правовая реальность предстает у них как проекция юридико-догматического сознания. Социальное бытие, пропущенное сквозь призму юридического формализма, становится формально-логической конструкцией, где главное — не фактические отношения людей, а их формальный, нормативный, юридический срез. Поскольку позитивное право — область должного, конечный результат исследования юридического позитивиста — создание умозрительной системы, где мир человеческих отношений представлен в формальном, абстрактном, логически не противоречивом виде. Они рассматривают позитивное право как самодовлеющий феномен, хотя и связанный (генетически и функционально) с государством. Юридические позитивисты, беря на вооружение логику догматической юриспруденции, отталкиваясь от нее, анализируют политико-правовые явления с преимущественным использованием догматического метода. В этом смысле догматическая теория права выражает существо догматической отраслевой юриспруденции.

Юридическому позитивизму часто ставят в вину, что он гипертрофировал догматический метод, блокировал изучение социальной и ценностной

природы права, чем серьезно ограничил горизонт научных исследований, что юридический позитивизм — описательная наука, дисциплина низшего теоретического уровня, вступившая в полосу устойчивого кризиса. На самом деле все эти претензии необоснованны, так как догматическая общая теория права решает свои, специфические, очень важные задачи по изучению формально-юридической стороны государства и права и при этом никак не мешает проводить исследования в области философии права и социологии права.

Социология права. Социология права — междисциплинарная отрасль знания, существующая на стыке социологии, философии и юриспруденции. Доминирует в данной триаде социология, дающая социологии права методологию (системный подход, структурно-функциональный анализ, опора на эмпирический материал) и общее направление развития. Социология возникает в 30–40-е годы XIX в. (основатель О. Конт) и во второй половине этого столетия завоевывает огромную популярность. Практически все обществоведческие дисциплины в той или иной мере испытали ее влияние. Социология изначально формировалась как универсальная наука, ставившая своей целью вобрать в себя все знание естественных и социальных наук. Ее создавали историки, философы, юристы, экономисты, этнографы, антропологи, демографы и др., что безбрежно расширяло предмет и отраслевую границу социологии. Наряду с общей социологией в следующие несколько десятилетий появляются отдельные отрасли социологического знания: социология науки, социология искусства, социология труда, социология техники, социология города, социология деревни и т.д. Одна из дисциплин этого ряда — социология права, возникающая в конце XIX — начале XX в. (Р. Иеринг, Л. Гумплович, О. Эрлих, Л. Дюги, М. Ориу и др.). Социология проникает в отраслевую юридическую науку (гражданское право, уголовное право, государственное право), а также во вновь формируемую общую теорию права. Проникновение социологии в общую теорию права имело двоякие последствия: социология либо утверждалась в качестве одного из компонентов (наряду с философским и догматическим) комплексной общей теории права, либо превращалась в доминирующий метод в общей теории права, что вело к появлению новой самостоятельной отрасли знания — социологии права. Если на стадии становления социологию права развивали юристы и социологи, то в XX в. — по преимуществу юристы.

Предмет социолого-правового анализа — право и государство как социальные явления, закономерности их возникновения, развития и функционирования. Обычно в отечественных учебниках данное определение употребляется применительно к предмету всей общей теории государства и права, что

ошибочно. Закономерности государства и права как социальных явлений есть предмет именно и только социолого-правовой теории. У догмы права и философии права другой предмет исследования. Современные авторы по инерции идут от традиции советских учебников, где в качестве предмета марксистско-ленинской общей теории государства и права указывались закономерности государства и права. Здесь была своя логика. Советский вариант марксизма был представлен как единство теории и практики, философии и социологии, как единственно верное учение, как «наука о всеобщих законах развития природы, общества и мышления»². Согласно логике советских идеологов, если марксизм в целом имеет своим предметом наиболее общие социальные закономерности, то предмет теоретико-правовой науки — закономерности государства и права.

Предметом социолого-правового анализа являются также функциональные связи между государством и правом, между политико-правовыми феноменами и факторами природной (характер местности, климат) и социальной (политика, экономика, социальная структура, психология, религия, искусство и т.д.) жизни. В классической социологии такой подход назывался «теория многофакторности». В этом случае социология права обнаруживает тесную связь с естественными и социальными науками, а сам социолого-правовой анализ с необходимостью дополняется знаниями и методами из смежных отраслей знания. Социолого-правовое исследование может быть как общетеоретическим (принимаются во внимание одновременно несколько факторов), так и специализированным, ограниченным какой-то одной стороной жизни государства или права. Так, К. Маркс внес огромный вклад в изучение влияния экономики на государство и право, Л.И. Петражицкий создал учение о психологической основе политико-правовых институтов, М. Вебер связал экономику, государство и право с фактором религии и этических идеалов; и т.д.

По замыслу основателей социологии, одна из важнейших ее задач — поиск социальных законов, в том числе законов возникновения, развития и функционирования государства и права. Как правило, классики социологии выделяли два вида законов: повторяемости и зависимости. Как отмечалось выше, в истории человечества нет повторяемости, есть только аналогии, поэтому говорить о законах повторяемости в жизни государства и права не приходится. Политико-правовые институты, всегда определяемые конкретными культурно-историческими условиями, по большей части уникальны.

Законы зависимости (теория многофакторности) действительно имеют место, но культурно-исторические условия разных стран и народов вносят существенные коррективы в эти законы. Так, экономический фактор (например, в форме капитализма) влияет на государство и право по-разному в зависимости от культурно-исторических условий страны. Надежды на создание строгой науки (подобной математике и естествознанию) во многом не сбылись, социология стала типичной социальной наукой, т.е. пронизанной идеологией, ценностными предпочтениями, с разными (часто взаимоисключающими) методологическими установками, раздираемой конфликтом идей, с относительными и субъективными истинами.

Философия права. Философию права обычно считают междисциплинарной отраслью знания, сформировавшейся на стыке философии и юриспруденции. С этим можно согласиться лишь отчасти. Философию права можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле под философией права понимают всю мировую философско-правовую мысль, берущую свое начало в античности. В узком смысле философия права — академическая дисциплина, которую начинают читать в университетах Европы в XVII—XVIII вв. С известной долей условности академическая философия права (на Западе и в России) делится на два основных направления: метафизическое и юридико-догматическое.

Под метафизикой, как правило, понимается философское учение, построенное на априорных принципах и идеях, берущихся на веру. В этом смысле идеализм и материализм следует отнести к метафизике, так как их изначальные постулаты недоказуемы (например, тезис материализма о первичности бытия и вторичности сознания). Метафизическая философия нацелена на создание смысловой картины мира, на поиск предельных оснований бытия, на построение методологии, способной обосновать предлагаемые теоретические конструкции. Соответственно, задачи, стоящие перед метафизической философией права, заключаются в том, чтобы познать смысл и предельные основания государства и права, их ценностные свойства, создать методологию, необходимую для выполнения данных задач. Цели и задачи метафизической философии права не требуют профессиональных юридических знаний. В этом смысле метафизическая философия права весьма далеко расположена от догматической юриспруденции, несколько ближе — к истории, теории и социологии права. В метафизической философии права междисциплинарный характер знания почти не виден, философия поглощает собой юриспруденцию почти полностью, философия права перенимает все свойства философии. Метафизическая

² Философский энциклопедический словарь / [подготовили А.Л. Грекулова и др.]; редкол.: С.С. Аверинцев и др. 2-е изд. М., 1989. С. 695.

философия права — это по преимуществу философия, а не юриспруденция, это часть философии, разновидность прежде всего философского, а не юридического знания.

Принципиально иной подход демонстрирует юридико-догматическая философия права (ее еще называют «аналитическая юриспруденция», «аналитическая философия права», «юридический позитивизм»), где доминирует юриспруденция, а не философия. Юридико-догматическая философия права вырастает не из философии, а из отраслевой юридической науки, важнейшей особенностью которой всегда было господство догматического метода. Юрист, поставивший перед собой цель дать анализ политико-правовых явлений на общетеоретическом уровне, использует догматический метод в качестве основного, — так появляется юридико-догматическая философия. Слово «философия» здесь — фигура речи, не более того, так как догматический анализ не связан ни с какой философской школой, а значит, и с философией вообще. В этом отношении термины «юридический позитивизм» и «аналитическая философия» хотя и являются устоявшимися и широко распространенными, не отражают сути вещей.

В рамках комплексной общей теории государства и права философский компонент может существовать в обоих вариантах (метафизическом и юридико-догматическом) или только в одном (например, в «Общей теории права» Г.Ф. Шершеневича). Философия права существует и в качестве самостоятельной отрасли знания: она может включать в себя оба компонента (метафизический и юридико-догматический) или один. В последнем случае возникает философия права, выполненная либо в метафизическом (Кант, Гегель), либо в юридико-догматическом (Кельзен, Харт) духе.

Таким образом, *предметом метафизической философии права являются: 1) предельные основания государства и права (политико-правового бытия); 2) смысл государства и права; 3) ценностные свойства государства и права; 4) методология познания государства и права.* Предмет юридико-догматической философии права совпадает с предметом догматической теории права (см. выше).

Если догматический компонент цементирует теоретико-правовую науку, создает ей своеобразный юридический каркас, то философский (метафизический) — разрушает ее единство. Назначение философии состоит в том, чтобы, опираясь на ценностные установки и аргументы разума, вносить смысл в окружающий человека мир. Философское познание — это всегда рационализация ценностных установок субъекта, а поскольку ценности принципиально не сводимы к общему знаменателю, т.е. всегда субъективны, сама

философия — вещь крайне субъективная. Ценностные установки непосредственным образом связаны с социальным интересом, а через него — с миром политики и идеологией. Философия — это тот канал, через который в общую теорию права проникает политика, превращая юридическую науку в инструмент идеологического воздействия. Кроме того, в философии общая теория права черпает свои исходные методологические принципы, которые, как правило, взаимоисключают друг друга (материализм, идеализм, марксизм, позитивизм, кантианство, гегельянство, феноменология, фрейдизм и т.д.). В результате философский компонент дробит общую теорию права на направления, школы и школы, ввергая ее в состояние перманентного кризиса.

Методология теории государства и права

Познание и его виды. Одна из важнейших функций теоретико-правовой науки — познавательная. Теория государства и права ставит своей целью познание государства, политики, права, законодательства. Познание политико-правовых явлений нужно людям для того, чтобы целенаправленно воздействовать на государство и право, по возможности изменять их, приспособлять к своим потребностям, ставить на службу своим интересам.

Познание политико-правовых явлений бывает разных видов. Различают обыденное познание, религиозно-мифологическое, художественное (эстетическое), философское, научное. На уровне обыденного познания постигаются очевидные, элементарные истины (например: власть предполагает подчинение, право есть регламентация поведения человека и т.п.). Не следует думать, что обыденное познание политико-правовых явлений было свойственно людям только на ранних этапах исторического развития, в донаучную эпоху. Для человека современной культуры обыденное познание — также неотъемлемый элемент процесса познания, создающий эмпирическую базу для более высоких форм познания.

Религиозно-мифологическое познание государства и права в основном было свойственно древним народам. Вместе с тем следует отметить, что и мифология, и религия, давая свое, зачастую мистифицированное объяснение политико-правовых явлений, стремились выявить в них рациональный компонент, найти в них логику и смысл. Построенная на основе религиозно-мифологического познания картина мира нередко давала людям довольно точные ориентиры политического поведения.

Искусство предоставляет человеку (и в древности, и сейчас) дополнительную возможность с помощью конкретных образов литературных, музыкальных, архитектурных произведений лучше

понять специфику мира политики и права. Например, сочинения О. де Бальзака, Ч. Диккенса, Л.Н. Толстого, Ф. Кафки способны сказать о бездушности государственной машины больше, чем отдельные теоретические статьи.

Философское осмысление политико-правовых явлений предполагает поиск их предельных смысловых, ценностных и логических оснований.

Особую роль (в известном смысле ведущую) в познании государства, политики, права и законодательства играет наука, под которой понимается определенный вид познавательной деятельности, направленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Лишь два компонента теории государства и права могут быть отнесены к науке — догма права и социология права, философия права наукой не является.

Понятие метода и методологии. Метод — сознательный способ достижения какого-либо результата, осуществления определенной деятельности, решения некоторых задач. Метод предполагает известную последовательность действий на основе четко осознаваемого плана в самых различных видах познавательной и практической деятельности. Разработка и применение метода связаны с рационализацией человеческой деятельности (в том числе познавательной), с размышлением над предпосылками ее осуществления.

Термин «методология» понимается в двух основных значениях: 1) как учение о методах познания и преобразования действительности; 2) как совокупность методов познания. Методология как учение — это по преимуществу философская дисциплина. На уровне отраслевого научного знания термин «методология» обычно употребляется в смысле совокупности методов познания.

Методология теории государства и права — это совокупность принципов и методов, с помощью которых теоретико-правовая наука исследует свой предмет.

Методология общественных наук исторически вырастает на методах, используемых в философии, математике и естествознании, и принимает относительно завершенный вид к концу XIX — началу XX в. В XX столетии методология общественных наук все более развивается по пути специализации, формируется методология исторических, юридических, социологических, филологических, экономических и других наук.

В нашей стране в советский период методология общественнознания (в том числе теории государства и права) во многом базировалась на марксизме, взявшем львиную долю своего понятийного аппарата из философии (логики) Гегеля. В постсоветское время, после краха коммунистической

идеологии, марксизм продолжает оставаться преобладающей методологией в наших общественных науках. Вместе с тем все больше ощущается тенденция утраты гегельянско-марксистской методологией монопольного положения, ведется поиск новых познавательных подходов.

Многообразие философских и научных методов и сама природа познания делают практически невозможным создать единую классификацию методов. Каждый предмет исследования рождает свои методы. В научной и учебной литературе (философской и юридической) нет и, видимо, не может быть единства в классификации методов. Критерии такой классификации зачастую субъективны и зависят от предпочтений отдельных групп академической среды. Вместе с тем все многообразие методов можно представить в следующей общей классификации: философские, общенаучные, междисциплинарные, методы отдельных наук.

Общенаучные методы. Под общенаучными понимают методы, используемые во всех науках. С некоторой долей условности научное знание делится на эмпирическое и теоретическое, а научное познание — соответственно на эмпирическое и теоретическое исследование.

Между эмпирическим и теоретическим уровнями познания есть заметные различия. Во-первых, эмпирическое и теоретическое исследования имеют дело с разными срезами одной и той же действительности. Эмпирическое исследование ориентировано на изучение внешнего проявления предметов и их взаимосвязей, теоретическое — направлено на установление сущности предмета, непосредственно не открывающейся ученому. Во-вторых, эмпирическое исследование предполагает непосредственное взаимодействие с изучаемым объектом (например, с государством и правом в их практическом проявлении), при теоретическом исследовании непосредственное взаимодействие с объектами отсутствует, объекты изучаются только опосредованно, умозрительно (например, при выявлении сущности государства и права). И наконец, в-третьих, эмпирическое и теоретическое исследования различаются по методам³.

На эмпирическом уровне господствуют методы непосредственного *наблюдения* и *описания*, с помощью которых собирается первичная информация об изучаемом объекте. Полученная первичная информация еще не является полностью объективным знанием, поскольку несет на себе печать субъективных ощущений исследователя. Поэтому следующий этап эмпирического исследования — обработка первичной информации с помощью

³ См.: Философия: учеб. для вузов / под ред. В.В. Миронова. М., 2005. С. 601.

различных логических операций, что приводит к появлению эмпирического факта — уже в полной мере объективного достоверного знания. Эмпирический факт — высшая форма эмпирического знания, дальше этого эмпирическое познание не идет. Простой набор фактов о политико-правовой действительности еще не в состоянии ее объяснить, здесь необходима теория.

Теоретическое познание как раз и призвано на основе фактов открывать законы и создавать теории. Очевидно, что факты должны подтверждать теорию, а теория — объяснять факты. Здесь эмпирический и теоретический уровни исследования тесно взаимодействуют, дополняя друг друга.

На эмпирическом и теоретическом уровнях познания в равной мере используются методы формальной логики: *анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, сравнение, аналогия, формализация, моделирование* и др.

Для построения теоретического знания важны следующие методы:

1) *гипотетико-дедуктивный*. Создание многих политико-правовых теорий начинается с выдвижения ряда аксиом, некоторых допущений, которые в ходе исследовательской деятельности должны быть так или иначе подтверждены. Вместе с тем следует иметь в виду, что даже развитые, казалось бы, завершенные теории все равно содержат в себе гипотетико-дедуктивное знание. Например, договорная теория происхождения государства строится на допущении, что созданию государства предшествовал акт общественного договора. В XVII–XVIII вв., когда эта теория приобрела зрелые формы и большую популярность, идея общественного договора продолжала оставаться аксиомой. Теория естественного права основывается на допущении, что у человека есть прирожденные, неотчуждаемые права. И в эпоху буржуазных революций, и сейчас данное положение берется без каких-либо доказательств, как некий очевидный факт;

2) *восхождение от абстрактного к конкретному*. Применяя данный метод, ученый сначала находит главный закон, системообразующую идею изучаемого объекта, а затем постепенно пытается открывать новые, но уже локальные связи, более конкретные проявления объекта. Так, например, К. Маркс и Ф. Энгельс еще в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии» сформулировали основные идеи исторического материализма, а затем в многочисленных работах раскрыли их разнообразное конкретное проявление;

3) *исторический и логический*. Применение исторического метода означает рассмотрение изучаемого объекта в его хронологическом развитии во всей конкретной полноте, включая случайные

и малозначащие детали. Логический метод предполагает изучение объекта в его необходимых, а не случайных связях. Логический метод есть способ воспроизведения исторически сложившегося объекта как итога, результата определенного процесса, в ходе которого сложились необходимые условия его дальнейшего существования и развития в качестве устойчивого системного образования. Объективное исследование политико-правовых явлений требует сочетания этих двух методов;

4) *идеализация*. Этот метод означает представление чего-либо в более совершенном виде, чем оно есть на самом деле. С помощью метода идеализации ученый создает модель реального объекта, наделенного совершенными свойствами. Наличие такой модели позволяет давать оценку реальным объектам, тенденции их позитивного или негативного развития. Например, идеальное правовое государство служит критерием оценки при анализе далекого от модели реального государства;

5) *мысленный эксперимент* — система мысленных процедур, проводимых над идеализированными объектами. Мысленный эксперимент проводится для подтверждения или, напротив, опровержения отдельных положений теории.

Методология социальных наук. Главная особенность социальных наук состоит в относительности, исторической изменчивости и субъективности истин, ими открываемых. Такой научный релятивизм объясняется тремя вещами: 1) различием в ценностных установках исследователей; 2) влиянием идеологии; 3) несогласованностью и конфликтом методологических платформ. Основная задача науки — установление истины; назначение ценностей (глубинных мировоззренческих установок, задающих критерии добра и зла) — указывать направления человеческой деятельности; дело идеологии — формулировать и отстаивать интересы социальных групп или общества в целом. Очевидно, что у науки, системы ценностей и идеологии разные, зачастую взаимоисключающие задачи.

Социальные науки, разрабатывая свой инструментарий, как правило, брали за образец методологию естественных наук. Но, поскольку предмет социальной науки — уникальные феномены культуры, где закон повторяемости исключен, а закон зависимости существенно корректируется сознанием, волей и ценностными установками людей, общенаучные методы заметно снижают свою эффективность в достижении истины. Собственные методы социальных наук по большей части описательные, основанные на ценностных предпочтениях исследователей. Методы естественных наук предопределяются природными явлениями, а потому всегда строги и логически связаны между собой. Методы социальных наук в значительной мере

зависят от ценностных и философских установок ученых, а потому почти с неизбежностью рождают разные, порой взаимоисключающие исследовательские платформы.

В основе любой общественной науки лежат аксиоматические (принятые без доказательств) ценностные установки. Более того, ценностные ориентиры ученого глубоко коренятся в сфере его подсознания, о чем он может даже не догадываться. Научные представления ученого есть во многом результат рационализации его эмоционального и ценностного восприятия действительности. Процесс установления, описания и классификации фактов еще может быть достаточно объективным, а вот их интерпретация уже целиком зависит от ценностных предпочтений исследователя.

Идеологические установки также часто вступают в конфликт с истиной. Еще К. Маркс совершенно правильно определил идеологию как «ложное сознание», тесно связанное с социальными интересами, с политикой. Общественные науки (часто даже независимо от воли ее представителей) всегда отражают какой-то спектр политических интересов, всегда оказываются встроенными в политико-идеологическую систему страны. Так, идеологическое содержание нашей теоретико-правовой науки заметно различается в советский и постсоветский периоды.

Методология догматической теории права. Догматическая теория права использует целый набор методов, из которых выделяются три: догматический, исторический, социологический. Главный метод — догматический, его избрание предопределено предметом исследования — позитивным правом. Именно догматический метод говорит о тесной связи общей теории права с отраслевой юридической наукой.

Суть догматического метода состоит в том, чтобы максимально формализовать поведение человека и социальные отношения, выразив его в юридических категориях. Юридическая догматика есть способ и итог формального описания социально значимого поведения человека. Догматический метод проявляет себя как минимум тройко: 1) как способ формализации социального поведения и социальных отношений (юридическая практика); 2) как способ формализации сложившегося позитивного права (отраслевая юридическая наука); 3) как установление специфических свойств позитивного права как социального феномена (общая теория права). В первом и втором случаях мы имеем дело с отраслевой догматикой (отраслевой юридической практикой и наукой), во втором — с общей теорией права. Догматический метод хотя и нацелен на формализацию и систематизацию норм права, прямо или опосредованно отталкивается от фактических общественных отношений, от самой жизни. В юридической догме прямо или косвенно, точно или

приблизительно, но отражается содержание действительной жизни людей.

Догматический метод отличается однородностью, он никак не связан с философией. Так, в отечественной литературе распространена точка зрения, согласно которой методологической основой юридического позитивизма является философия позитивизма⁴. На самом деле нет никакой прямой связи между догматической теорией права (юридическим позитивизмом) и позитивистской философией (если иметь в виду, например, сочинения Дж. Остина или К. Бергбома). Догматический метод указывает на его связь не с философией позитивизма, а с формальной логикой. В догматической юриспруденции и догматической теории права ситуация примерно такая же, как и в естествознании: применяются не принципы какой-либо философии, а набор методов, выведенных из практики и закрепленных в формальной логике (методы наблюдения, описания, систематизации).

Методология социологии права. Социология права использует методы, разработанные социологией и философией, собственную методологию она не создает. Социология — это не просто наука об обществе, это отрасль знания, имеющая три важнейших особенности: 1) системный подход; 2) структурно-функциональный анализ; 3) опора на эмпирический материал. Социология рассматривает общество и его институты (в том числе государство и право) как системные объекты, как совокупность элементов, структурно связанных между собой. С позиции социологии государство и право представляют собой системные объекты, элементы которых образуют органическое единство. В свою очередь, государство и право сами есть элементами универсальной системы, т.е. общества, где на государство и право оказывают влияние природные явления, социальные институты и процессы. Изучение структуры государства и права и взаимодействия их элементов и составляет суть социологического метода. Важная особенность социологического подхода — опора на эмпирические факты, обнаруженные и зафиксированные должным образом. Исследование, которое оперирует не фактами, а умозрительными схемами, относится скорее больше к философии, чем к социологии. Социологическое исследование, игнорирующее хотя бы один из названных элементов, во многом утрачивает свою отраслевую принадлежность.

Любая социологическая теория имеет какие-либо философские основы, даже если сам исследователь не отдает себе в этом отчет. Философия задает социологии базовые гносеологические, а значит,

⁴ См.: Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971. С. 165; Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 17.

и методологические подходы: первичность материи или сознания, познаваемость или непознаваемость мира, объективность или субъективность процесса познания и т.д. Философско-методологические основы социологии права и общей социологии практически полностью совпадают (что еще раз подтверждает вторичность социологии права перед общей социологией). Так же, как и общая социология, социология права в XIX в. использовала в качестве философской методологии позитивизм, марксизм и неокантианство, позднее, в XX в., — прагматизм, неопозитивизм, неомарксизм, феноменологию, фрейдизм и неофрейдизм, структурализм и постструктурализм. Из перечисленных направлений наиболее распространенным среди социологов и социологов права является позитивизм, так как он ближе всего стоит к природе научного исследования, ориентирует ученого не на поиск сути вещи (эта задача для метафизической философии), а на описание ее проявления, механизма становления и функционирования.

Методология философии права. Философия есть совокупность знаний об основах природного и социального бытия, человеческого сознания и познания. Философия отличается стремлением к предельной обобщенности знаний о мире и месте в нем человека, к постановке и решению мировоззренческих проблем. Она исходит из ценностных установок, коренящихся в мировоззрении человека и нередко недоказуемых научными методами. Исторические формы философского знания (как они представлены у различных философов) — это, как правило, рационализированные умозрительные системы, заметно разнящиеся по понятийному аппарату, методологии и ценностным ориентирам.

Философия формируется во многом как учение о методе, как некий «правильный путь» познания и смысложизненной ориентации, выступает в качестве рационально-теоретической формы мировоззрения, подвергая рефлексивному анализу и контролю исходные предпосылки отношения человека к миру⁵. Философия как метод задает ценностный, мировоззренческий угол зрения исследования разного рода проблем, в том числе политико-правовых. В самом широком смысле методологической основой философии права выступают сама философия, то или иное философское направление, та или иная философская школа, в контексте которой осуществляется философский анализ политико-правовых явлений. Избранная исследователем философская школа определяет его ценностные и философско-методологические предпочтения. Философия права способна развиваться на основе практически любой философской школы: платонизма, аристотелизма, томизма, кантианства, гегельянства, марксизма, позитивизма,

фрейдизма, феноменологии, бергсонизма, прагматизма, экзистенциализма и т.д. В этой связи следует признать, что философско-правовых концепций может быть столько, сколько существует философских школ и направлений.

Главное следствие использования философии в качестве метода — это неизбежный плюрализм и самоценность философско-правовых концепций, их горизонтальное по отношению друг к другу расположение. Здесь не может быть иерархии и рассуждений об истинности или ложности концепции, так как каждая из них претендует на абсолютное знание. Договориться они никогда не смогут, точек соприкосновения между ними не так много. Плюрализм в философско-правовых концепциях, в философских позициях и в целом в сфере гуманитарного знания — объективная данность.

Все сказанное относится главным образом к метафизической философии права. Главный метод юридико-догматической философии права — догматический с разными добавками их позитивистской философии разных оттенков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 17.
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 553.
3. Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 25.
4. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971. С. 165.
5. Философский энциклопедический словарь / [подготовили А.Л. Грекулова и др.]; редкол.: С.С. Аверинцев и др. 2-е изд. М., 1989. С. 695.
6. Философия: учеб. для вузов / под ред. В.В. Миронова. М., 2005. С. 601.

REFERENCES

1. Zorkin V.D. Positivist theory of law in Russia. M., 1978. P. 17 (in Russ.).
2. New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. M., 2001. Vol. 2. P. 553 (in Russ.).
3. Theory of state and law: textbook for universities / ed. by O.V. Martyshin. M., 2007. P. 25 (in Russ.).
4. Tumanov V.A. Bourgeois legal ideology. To the criticism of the doctrines of law. M., 1971. P. 165 (in Russ.).
5. Philosophical Encyclopedic Dictionary / [prepared by A.L. Grekulov et al.]; editorial board: S.S. Averintsev et al. 2nd ed. M., 1989. P. 695 (in Russ.).
6. Philosophy: textbook for universities / ed. by V.V. Mironov. M., 2005. P. 601 (in Russ.).

⁵ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. 2. С. 553.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич —
доктор юридических наук,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры теории государства
и права и политологии
юридического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова;
119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
(4-й учебный корпус);
главный научный сотрудник сектора
философии права, истории
и теории государства и права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. —
Doctor of Law,
Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Theory of State
and Law and Political Science
of the Faculty of Law
at Lomonosov Moscow State University;
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building),
119991 Moscow, Russia;
Chief Researcher, Sector of Philosophy of Law,
Theory and History of the State and Law
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВЕХИ И ВЕКТОРЫ

© 2023 г. Н. М. Добрынин

Институт государства и права Тюменского государственного университета

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 03.07.2023 г.

Аннотация. В работе проводится анализ ключевых, по мнению автора, направлений развития российской государственности и отечественного конституционализма в стремительно изменившихся геополитических условиях. Выделен ряд наиболее значимых точек приложения усилий государства и общества во внутриполитическом периметре на обозримую перспективу: отказ от неолиберальных подходов к пониманию верховенства права и построение правового государства, основанного на социальной справедливости; смена экономической парадигмы путем замещения экономики потребления созидательной и аксиологически насыщенной средой хозяйствования; народосбережение в контексте комплексного решения задач нравственного воспитания населения и развития чувства долга.

Ключевые слова: правовое государство, социальная справедливость, верховенство права, неолиберализм, культура отмены, правовая мобилизация, русофобия, народосбережение, юридическая обязанность, гражданский долг.

Цитирование: Добрынин Н. М. Российский конституционализм в условиях новой геополитической реальности: вехи и векторы // Государство и право. 2023. № 9. С. 31–43.

DOI: 10.31857/S102694520027638-2

THE RUSSIAN CONSTITUTIONALISM IN THE FRAMEWORK OF NEW GEOPOLITICAL ENVIRONMENT: MILESTONES AND VECTORS

© 2023 N. M. Dobrynin

Institute of State and Law of Tyumen State University

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Received 03.07.2023

Abstract. The paper contains the analysis of the key, as for author's opinion, milestones and vectors for the development of the Russian Statehood and constitutionalism in the context of the rapidly changed geopolitical conditions. There are indicated for the visible perspective some of the most significant points of effort application within the perimeter of domestic (national) affairs for the government and society: the refuse of neoliberal approaches to the meaning of the supremacy of law and the construction of the Rule of Law based on the social equity; the change of economic paradigm by means of substitution of the consumption economics by the creative and axiological saturated environment of people's economy; caretaking on people in the context of complex decisions for the all-range tasks of people's moral and dignity growth as well as of the sense of civic duty development.

Key words: Rule of Law, social equity, supremacy of law, neoliberalism, culture of cancellation, legal mobilization, russophobia, caretaking on people, legal obligation, civic duty.

For citation: Dobrynin, N.M. (2023). The Russian constitutionalism in the framework of new geopolitical environment: milestones and vectors // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 31–43.

«Я понимаю одну политику: извлекать из всего всё, что нужно и полезно для России, и меньше женироваться для извлечения этой пользы, а действовать прямо и решительно. Никакой другой политики не может быть у нас, как чисто русская, национальная; никакой другой политики быть не может и не должно».

Государь Император Всероссийский Александр III
25 апреля 1881 г.
(Резолюция на донесении
русского посла в Берлине П.А. Сабурова)

Крушение гегемонистской парадигмы и формирование многополярного мира: несколько вводных замечаний

События, происходящие в современном мире на протяжении ряда последних лет и обретшие наиболее выраженные формы и контекст начиная с 24 февраля 2022 г., едва ли оставили кого бы то ни было безучастным, послужили мощным стимулом к переосмыслению многих идеалов и ценностей, в «окружении» и на почве которых возросло не одно поколение людей после окончания Второй мировой войны.

Но, вполне вероятно, что всё происходящее — лишь одна из многих поворотных точек в эволюции человечества, которую и необходимо воспринимать не в апокалиптическом ключе, а как шанс. Шанс на постижение новых горизонтов путем осмысления и рафинирования опыта многих предыдущих поколений и событий. Это повод вновь обратиться к истории современной цивилизации и, глубоко переосмыслив тектонические сдвиги в прошлой эволюции человеческих сообществ (прежде всего национальных государств), выбрать наиболее верный и приемлемый в текущих условиях вектор дальнейшего развития.

Не будет преувеличением констатировать тот факт, что сейчас на долю России, страны с тысячелетней историей, как бывало и прежде, вновь выпали серьезные испытания. Но, по нашему глубокому убеждению, эти испытания, несмотря на всю

их тяжесть, даны нам для того, чтобы отвести от страны еще большую беду. Через них наше многострадальное Отечество обязано пройти в очередной раз (и надеемся, последний), чтобы посредством критического переосмысления реалий навсегда отказаться от тлетворного влияния западной империи лжи и, как подчеркнул Президент РФ В.В. Путин, утвердить наше «право быть и оставаться Россией»¹.

Безусловно, сейчас, как никогда прежде, важно осознавать, что социально-политические антагонизмы, лежащие в идеологически-ценностной плоскости социального бытия, фокусируются главным образом вокруг ключевых, основополагающих конституционных ориентиров, их содержания и имплементации, ибо закономерно то, что в современном правовом демократическом (т.е. конституционном) государстве официальная идеология может быть лишь одна — конституционная.

При этом давно признано, что до ментально-идеологического консенсуса относительно содержания таких категорий, как «правовое государство», «социальная справедливость», и ряда других «вечных конституционных идеалов» — если использовать этот, введенный проф. Н.С. Бондарем метафоричный термин², — человечеству предстоит пройти еще длительный и, вероятнее всего, многотрудный путь. Подчеркнем: это касается не только России, но и стран т.н. коллективного Запада, привыкших «щеголять» «высокими» стандартами своей «демократии» и «либеральности».

Сегодня мы имеем возможность воочию наблюдать крушение западной либеральной правовой идеологии, которая в своей эволюции дошла до

¹ Стенограмма выступления Президента РФ В.В. Путина на Совещании о мерах социально-экономической поддержки регионов, Москва, 16 марта 2022 // Официальный сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996>

² См.: Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.

возможности отрицания базисных социальных ценностей: неприкосновенности собственности, нерушимости договоров (*pacta sunt servanda*), права каждого на свободу самоопределения и самовыражения (которое, по сути, может в любой момент блокироваться посредством «модернизированной» формы остракизма — т.н. культуры отмены) и, что особенно важно, неделимости и неотчуждаемости суверенитета (прежде всего не государственного, а национального — как суверенитета, носителем которого выступают соответствующие народы и нации).

И что же в таких реалиях остается тем национальным государствам, которые явно или (из политических опасений) завуалированно не соглашались заниматься оправданием этого западного зла?

Выступая в июне 2023 г. на пленарном заседании ежегодного Петербургского международного экономического форума, Президент РФ В.В. Путин отметил: «С некоторыми такими государствами, лидеры которых не поддаются часто хамскому давлению, а руководствуются не чужими, а своими национальными интересами, объемы нашей взаимной торговли выросли даже не на какие-то десятки процентов, а в разы и сейчас продолжают расти дальше. И это еще одно доказательство, что здравый смысл, энергия бизнеса, объективные рыночные законы работают сильнее, чем текущая политическая конъюнктура. Это говорит о том, что уродливая по своей сути неокOLONиальная международная система прекратила свое существование»³.

Если говорить о России, то для подавляющего большинства граждан прозрение, несмотря на то что этот процесс был весьма долгим и болезненным, всё же наступило. Сегодня, когда против нашей страны развязана полномасштабная экономическая война, целью которой являются внутренняя дестабилизация и в конечном счете полное уничтожение российской государственности, все маски западными «демократами», наконец, сброшены. Мы все (и уверен, что многие со мной согласятся) можем теперь воочию наблюдать, что нет в западной культуре никакой демократии, как нет и верховенства права, и многих других ценностей, которыми (как уже достигнутыми эталонами) всегда кичился (и, надо отметить, всё ещё продолжает кичиться) «коллективный Запад», всячески очерняя в последнее время Россию и указывая на нашу ущербность в плане признания и имплементации прав человека. А о социальной справедливости в этих странах и говорить не приходится — на фоне принудительных

отчислений студентов российского происхождения, дискриминации российских спортсменов по сугубо политическим основаниям и прочих многочисленных вопиющих нарушений основополагающих международных пактов о гражданских правах. Особенно если учесть, что все эти (в сущности, русофобские, ксенофобские и даже нацистские по своему содержанию и направленности) мероприятия прямо одобряются или, что чаще, по меньшей мере молчаливо поддерживаются политическим руководством вышеупомянутых стран.

Достаточно вспомнить недавние слова одного из сенаторов США, заявившего на встрече с руководителем киевского режима В.А. Зеленским: «Русские умирают. Мы еще никогда не тратили деньги так удачно»⁴. Что это, как не откровенное признание нацистской сущности целей Запада по отношению к России и русским как государствообразующей нации?⁵

Однако в данном контексте важно понимать, что сегодняшний мир уже никогда не будет таким, как прежде, — это обстоятельство является важной гарантией против того, чтобы нацизм в любом его проявлении и в какой бы то ни было точке земного шара вновь достиг угрожающих масштабов и поднял голову: человечество в целом (невзирая на бюющийся в иступленной русофобии «коллективный Запад») едва ли будет мириться с таким положением вещей. И это уже видно невооруженным глазом.

К слову, даже в странах западного блока существенное количество граждан не приемлет и уже требует прекращения поддержки киевского режима, видя нацистские шевроны и другую символику Третьего рейха на обмундировании и других носимых предметах как у украинских военнослужащих и военачальников, так и у различных гражданских функционеров⁶.

Возвращаясь к проблематике многополярного мироустройства, отметим, что на прошедшем в апреле этого года заседании Совета по местному самоуправлению Президент РФ В.В. Путин совершенно справедливо сказал: «Этот тренд <...>»,

⁴ Цит. по: *Пламенев И.* Американский сенатор счел смерть россиян «самой удачной тратой денег США» // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/politics/28/05/2023/64729f869a7947dfb5c8217a?ysclid=lihkysd0s5k523855678>

⁵ А правильнее было бы сказать к россиянам вообще, поскольку в переводе с английского языка слово “Russians” может быть переведено и в узком смысле — как русские, и в широком значении — как россияне.

⁶ Подробнее см., напр.: *Копорушкин М.* Читателей NYT шокировало наличие нацистской символики среди солдат ВСУ // Интернет-портал «Российской газеты». URL: <https://rg.ru/2023/06/07/chitatelej-nyt-shokirovalo-nalichie-nacistkoj-simvoliki-sredi-soldat-vsuh.html> (дата обращения: 03.07.2023).

³ Цит. по: *Антипова А., Ламова Е.* «Где родился — там и пригодился»: главные заявления Путина на ПМЭФ—2023 // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/economics/16/06/2023/648c62359a79477c0785cd05?ysclid=ljahbo901q418504008>

тенденция в мире к многополярности — она неизбежна. Она будет только усиливаться. И те, кто этого не поймет и не будет следовать в этом тренде, будут проигрывать. Это факт абсолютно очевидный. Это так же очевидно, как подъем солнца. С этим ничего не поделать»⁷.

Президент нашей страны и ранее отмечал, что исторический период безраздельного доминирования Запада в мировых делах завершается, а однополярный мир уходит в прошлое: «Мы стоим на историческом рубеже. Впереди, наверное, самое опасное, непредсказуемое и вместе с тем важное десятилетие со времен окончания Второй мировой войны»; главное противоречие новой эпохи в том, что Запад «не способен единолично управлять человечеством, но отчаянно пытается это делать, а большинство народов мира уже не хочет с этим мириться»⁸.

С соответствующими заявлениями на различных площадках уже выступили представители многих стран, включая глав государств. В мире усиливаются тенденции на глобальную дедолларизацию и переход на расчеты в национальных валютах, готовятся к расширению различные международные организации экономического и социального сотрудничества — БРИКС, ШОС, АСЕАН и др. Речь, наконец, идет даже о формировании условного «глобального Юга», и уже на Западе об этих мировых трендах, только усилившихся с февраля прошлого года, открыто говорят, а трезво мыслящие призывают остановиться и прекратить вдохновляемую англосаксами русофобскую экзальтацию.

Именно поэтому самое время воспользоваться этой поворотной точкой в развитии нашей страны, переосмыслив, какую Россию мы строим и какой мы хотели бы видеть ее через 10, 20, 50, 100 лет. Это, вне всякого сомнения, дискуссия о морально-этическом, нравственном, ценностном наполнении хорошо известных всем «вечных конституционных идеалов».

Вот почему, обсуждая конституционно-правовое развитие России в стремительно изменившихся геополитических реалиях, необходимо четко представлять наши задачи, планомерно работать над их решением, формируя новые вехи и векторы новейшей истории Российского государства.

⁷ Цит. по: Полякова В. Путин рассказал, что сопротивляющиеся многополярности проигрывают // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/politics/20/04/2023/64413baa9a7947c76acf8f83>

⁸ Цит. по: Полякова В. Путин предупредил о самом опасном десятилетии со времен Второй мировой // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/politics/27/10/2022/635a9cd29a7947288b08af72>

По нашему убеждению, таких задач несколько. Ключевая из них — бесспорно, укрепление государственного суверенитета страны и наращивание на этой почве дипломатического авторитета, возможностей и механизмов для развития многостороннего сотрудничества с международными партнерами, заинтересованными в работе с Россией на основе взаимного учета интересов и уважения, создание прочной основы для укрепления международного мира и безопасности с учетом последних событий на Украине и в мире.

Однако данная задача имеет прежде всего множество внешних аспектов, которые традиционно в отечественном правоведении отнесены к области международного права. Если же мы обсуждаем конституционно-правовое развитие страны, то фокус следует сосредоточить на решении в первую очередь внутригосударственных задач — очевидно, что посредством их решения будет во многом обеспечиваться и гармоничное достижение целей внешней политики Российского государства.

Глубоко убеждены, что в ряду таких (внутригосударственных) задач в русле дальнейшего конституционно-правового развития страны следует выделить следующие актуальные и в то же время сложнейшие направления:

- 1) приближение к идеалам правового государства;
- 2) народосбережение и демографическая политика;
- 3) функционирование социально-ориентированной (и даже антропоцентричной) экономики.

Очевидно, что масштаб и сложность каждой из этих задач требуют глубоких и многосторонних исследований — подступиться к их решению в рамках относительно небольшой по объему научной статьи невозможно. Однако всё же предпримем попытку представить в дальнейшем изложении вниманию заинтересованной аудитории некоторые подходы и существующие в вышеуказанных областях «болевы точки».

**«Порядок, основанный на правилах»:
к вопросу о перерождении западных доктрин
верховенства права**

Логичным и оправданным, на наш взгляд, видится начало обсуждения блока вопросов, связанных с реализацией идеи правового государства, с недавней вопиющей новостью: в Швеции в конце июня текущего года была санкционирована публичная акция, в рамках которой (что было заведомо известно) должно было осуществиться сожжение Корана. Заметим, что акция была анонсирована и санкционирована в дни празднования одного из самых

почитаемых всеми мусульманами мира праздника Курбан-байрам и не где-то в парке или просто на улице, а у мечети. В новостной ленте, в частности, сообщалось следующее: «Шведская полиция разрешила сжечь Коран у здания мечети в Стокгольме. <...> 28 июня мусульмане отмечают один из главных праздников Курбан-байрам. <...> “Многие люди удивляются, однако конституционная защита важнее, чем запрет на разведение огня”, — заявила представитель полиции Юлия Марич. <...> В феврале полиция отклонила заявки на две акции с сожжением Корана у турецкого и иракского посольств из-за риска терактов. <...> Позднее шведский суд назвал это решение неправомерным»⁹.

Неужели на фоне таких событий и подходов какой-либо здравомыслящий человек нашел бы в себе смелость утверждать, что всё это и есть верховенство права? Что всё это и есть самая настоящая демократия?

Тем, кто взял бы на себя бесстыдство так утверждать, мы возразим: со времен античности и Древнего Рима (где современное право зародилось в том сущностном виде, в каком существует и поныне) одной из наиболее ёмких и точных трактовок права является представление о том, что право есть справедливость, возведенная в закон. Отсюда не сложно сделать вывод: не может быть справедливости там, где отсутствует хотя бы какой-то здравый смысл; а значит, право не могло бы считаться таковым, если бы выходило за рамки здравого смысла. Это — такой признак и критерий, который в современной юриспруденции мы обозначаем как рациональность права. Следовательно, ни о каком верховенстве права не может быть и речи в тех ситуациях, когда осуществляемое применение закона выходит за рамки здравого смысла или такой здравый смысл отсутствует вовсе.

И в результате резонный вопрос: так о какой конституционной защите (которая важнее запрета на разведение огня) взяла на себя смелость рассуждать вышеупомянутая представительница шведской полиции? Впрочем, что остается делать полиции в ситуации, когда в предшествующее время запрет на проведение подобных акций у посольств ряда мусульманских государств был признан неправомерным шведскими судами? Вопросы — во многом риторические, ибо сама эта ситуация с санкционированием акции по сожжению Корана у мечети и в один из главных мусульманских праздников многое объясняет и о многом

происходящем сегодня в странах «коллективного Запада» говорит.

Вот почему вопрос о трактовке идеи правового государства в современных условиях обретает новый компликативный дискурс: несмотря на то что проблема понимания и интерпретации тезиса о правовом государстве сама по себе изначально являлась сложной, мы можем наблюдать, как под прикрытием «благих намерений» десятилетиями разрабатывавшиеся и внедрявшиеся гарантии верховенства права в странах, исповедующих, условно говоря, западные ценности, оказались в одночасье низложены и позабыты. И, как подсказывает опыт поколений, благими намерениями дорога вымощена в известном направлении.

Примеров, когда гарантии верховенства права оказались повержены западными политиками, прикрывающимися высокими идеалами, в контексте последних событий вокруг Украины можно привести тысячи. Один из характерных связан с реальностью гарантий неприкосновенности собственности — частной, государственной, корпоративной.

По всей видимости, это и есть пестуемый ныне «коллективным Западом» «порядок, основанный на правилах». Как отметил в одной из своих работ Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, продвигая «свою концепцию “миропорядка, основанного на правилах”», Запад преследует цель увести дискуссии по ключевым темам в удобные ему форматы, куда несогласных не приглашают»¹⁰.

Характеристика мирового порядка, основанного на правилах, не имеет ничего общего с идеей верховенства права и, как следствие (уже на национальном уровне), означает эрозию и постепенную неумолимую деградацию концепции правового государства. С.В. Лавров на этот счет совершенно справедливо отметил: «От расшифровки своих “правил” Запад тщательно уходит, как и от вопросов о том, зачем они нужны, если есть тысячи инструментов международного права, под которыми все подписались и которые содержат чёткие обязательства государств и транспарентные механизмы проверки их исполнения. “Прелесть” западных “правил” — именно в отсутствии конкретики: как только кто-то поступает вопреки воле Запада, тот мгновенно голословно заявляет о “нарушении правил” (не предъявляя фактов) и объявляет о своём “праве наказывать нарушителя”»¹¹.

От себя добавим: отсутствие в «правиле» конкретики означает, в сущности, отсутствие самого правила. Таким образом, перефразируя мысль

⁹ Цит. по: Волкова Ю. Полиция Швеции разрешила акцию с сожжением Корана // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2023/649c01e19a7947179186fd54>

¹⁰ Лавров С.В. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 4 (110). С. 8.

¹¹ Там же. С. 9.

С. В. Лаврова, можем констатировать: «прелесть» западных «правил» — в их отсутствии, что, в свою очередь, равнозначно произволу, беззаконию.

Для России, которая исторически — еще со времен Петра I — развивалась преимущественно с учетом рецепции римского права и в русле западной правовой мысли, ситуация сегодняшнего дня весьма затруднительна: прежние правовые ориентиры утратили в наших глазах своё былое значение и преимущества, новые еще не созданы. При этом период развития в нашей стране права на основе коммунистической идеологии не меняет картину в целом, поскольку и советское право в основе своей имело признаки романо-германской правовой системы. И теперь должно быть ясно одно: западная правовая доктрина пришла к упадку и саморазрушению, брать в качестве образчика те или иные юридические модели, внедряемые в странах «коллективного Запада», впредь нельзя. И если ранее мы говорили о необходимости правовой модернизации России, то по нынешним временам такая модернизация должна быть форсирована: с полным основанием можно говорить о правовой мобилизации¹².

Таким образом, России предстоит в ближайшее время определить новые ориентиры и цели правового развития, а значит, ответить на вопрос о том, что есть право, и сообразно этому понять, какое государство мы строим.

Здесь можно сказать (насколько позволяет жанр научной работы), что «порядок, основанный на правилах», как было показано выше, — юридическая химера, не имеющая ничего общего с правом, а напротив, он есть лишь благовидная ширма для реально исповедуемых произвола и беззакония.

Такой правовой уклад, как диктатура закона, нашей стране тоже очень хорошо известен по собственному опыту. И учитывая, что не каждый закон является правовым по своей сути, не нужно быть провидцем, чтобы предсказать: диктатура закона со временем неизбежно перерастает в политический диктат (и обеспечивает реальность диктатуры как формы политического режима).

Поэтому выбор в контексте столь необходимой теперь правовой мобилизации невелик: нам нужна диктатура права, которая равнозначна хорошо известному принципу верховенства права и в этом смысле по-прежнему сообразуется

с основополагающими конституционными ценностями нашей страны.

Обращаясь к суждениям многих российских правоведов (причем разных эпох), отметим, что, безусловно, понимание права как равной меры свободы имплицитно содержит в себе и вопрос о социальной справедливости.

Подчеркнем: право не следует отождествлять просто со справедливостью (ибо сколько людей, столько и мнений; не случайно в России испокон веку существует пословица — «у каждого своя правда»). Речь может идти только о социальной справедливости. Именно она есть воплощение широкого социального консенсуса, общественной солидарности, национальной идентичности и, конечно, здравого смысла, рациональности в праве.

Правовое государство, соответственно, следует характеризовать как государство справедливого социального уклада. Именно поэтому правовое государство не может не быть одновременно социальным, а социальное государство не может не быть одновременно правовым.

Эта нерасторжимая связь двух данных категорий, по нашему глубокому убеждению, и дает нам столь необходимый в настоящее время вектор правовой мобилизации России в текущих сложнейших геополитических условиях.

Однако нельзя не заметить, что социальная справедливость в конечном счете имеет дело с потребностями индивидов, характером и степенью их удовлетворенности, системой распределения в обществе материальных и духовных благ. Социальная справедливость и бытующие в обществе представления о ней как бы «вырастают» прежде всего в экономической плоскости, а их последующее развитие и трансформации связаны с политической, культурной и иными составляющими общественной жизни. Поэтому закономерными для любого современного государства являются задачи обеспечения экономического выравнивания условий жизни населения, борьба с бедностью, устранение крайних диспропорций в распределении материальных благ и обеспечение равных возможностей доступа к социально-культурной инфраструктуре. С этих позиций по-прежнему не утратившими своего значения видятся ключевые постулаты марксистской экономической теории, в соответствии с которыми экономический базис первичен, а государство и право суть есть надстроечные для общества явления.

Таким образом, дискуссия о социальной справедливости в основе своей должна иметь обсуждение вопроса о том, какую экономику мы строим.

¹² См. подр.: Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина «Право России: альтернативы и риски в условиях глобальной кризисности» // Официальный сайт Петербургского международного юридического форума в сети Интернет // <https://legalforum.info/programme/business-programme/809/> (дата обращения: 03.07.2023).

**Онтологическая несостоятельность
потребительских (западно-либеральных) моделей
экономики: какой НЭП нужен
современной России?**

В текущих геополитических условиях на первый план выходит понимание того обстоятельства, что построение в России подлинно правового социального государства невозможно без решения широкого круга нравственных, этических, духовных проблем, которые в последние десятилетия беспрестанно множились на фоне насаждаемой (порой в противоречии с нашими вековыми традициями и устоями) западной модели современного капитализма. При том, что эта модель, в сущности, является лишь благообразной ширмой неокOLONиальных устремлений отдельных государств, а с точки зрения внутригосударственных процессов искусно маскирует под лозунгом равных возможностей для каждого чудовищное социальное расслоение и необратимый демографический упадок т.н. цивилизованных наций.

Впрочем, это лишь обратная сторона «медали», именуемой «порядком, основанным на правилах»: данная западная концепция, служащая, как было показано выше, лишь пригожим фасадом для происходящего на деле антиправового произвола, по определению не способна породить что-либо, не имеющее «двойного дна», ни в политической, ни в духовной, ни в экономической сферах.

Очевидно, что в этих условиях либертарные модели «свободного» рынка и глобализации в экономической сфере больше не работают, а России предстоит кардинально реформировать сложившиеся в обществе взгляды на национальные приоритеты экономического развития, перестроив их в соответствии с нашими исконными представлениями о должном и справедливом.

Прежде всего следует признать, что **фиаско западных концепций либеральной экономики во многом связано с таким феноменом, как социальное одиночество личности, доходящее порой до самых настоящих личностных трагедий, до откровенной неприкаянности людей.**

Например, гениальный физик А. Эйнштейн (как бы это ни показалось аудитории странным) в одной из своих не самых известных работ, рассуждая на тему социализма и капитализма, писал: «Недавно я обсуждал опасность новой войны, которая, на мой взгляд, была бы серьезной угрозой существованию человечества, с одним умным и благожелательным человеком. Я заметил, что только наднациональная организация могла бы стать защитой от такой опасности. На что мой собеседник спокойно и холодно сказал мне: “Почему вы так сильно настроены против исчезновения человеческой расы?”

<...> Я уверен, что еще столетие назад никто не мог бы так легко сделать заявление подобного рода. Его сделал человек, который безуспешно пытался обрести какой-то баланс внутри себя и потерял надежду на успех. Это **выражение мучительного одиночества и изоляции, от которых в наши дни страдает так много людей** (выделено нами. — Н.Д.)»¹³.

Откуда же это одиночество и незримая, духовная изоляция личности? Почему так происходит на фоне одновременного экспоненциального роста доступности всевозможных социальных коммуникаций? Ответ во многом предопределен.

А. Эйнштейн в поиске решения обозначенной дилеммы писал: «Человек одновременно одинокое и социальное существо. Как существо одинокое он старается защитить свое существование и существование наиболее близких ему людей, удовлетворить свои желания и развить свои врожденные способности. Как социальное существо он ищет признания и любви других людей, хочет разделять их удовольствия, утешать их в горе, улучшать условия их жизни. <...> Именно существование этих разнородных, зачастую противоречащих друг другу стремлений отличает особый характер человека, а их конкретная комбинация определяет как степень внутреннего равновесия, которого человек способен достичь, так и степень его возможного вклада в благополучие всего общества»¹⁴.

Продолжая свои размышления, А. Эйнштейн отмечал: «Не исключено, что соотношение этих двух побуждений в основном передается по наследству. Но становление личности в конечном счете формируется окружением, в котором развивается человек, структурой общества, в котором он растет, его традицией и оценкой, которую общество дает тому или иному типу поведения»¹⁵.

Сложно возразить этому ясному и в то же время чрезвычайно глубокому наблюдению: по всему выходит, что индивидуальная изолированность, отчужденность личности, будучи культивируема обществом в предшествующее время, ширится и разрастается от поколения к поколению, превращая деградацию солидаристских оснований социального бытия в закономерность и одновременно неизбежный результат.

Но очевидно, что по такой логике современное общество чем далее, тем всё более и более стремительно движется не в направлении усиления роли различных социальных регуляторов (и прежде всего права), а к разобщенности, пресловутой

¹³ Эйнштейн А. Почему социализм? // Свободная мысль. 2020. № 4. С. 9.

¹⁴ Там же. С. 9, 10.

¹⁵ Там же. С. 10.

гоббсовой «войне всех против всех», полной социальной дезинтеграции; любому думающему человеку всегда тяжело констатировать подобные утверждения, но рано или поздно точка бифуркации на этом пути может быть обществом пройдена, если не предпринять никаких решительных шагов по преломлению нарастающих тенденций.

И сегодня Россия в этом отношении, к большому огорчению, не является каким-либо исключением — это во многом результат ориентации в последние несколько десятилетий на западный мир: любой современный индивид в странах т.н. западной цивилизации в вопросах социализации и социальной солидаризации руководствуется в первую очередь своими интересами; но такой эгоизм (а его росту решающим образом способствует гипертрофированная значимость антропоцентричной философии и вообще мировоззрения) — лишь путь к окончательной утрате нравственности («духовных скреп») и, как следствие, усилению социального одиночества личности.

В охарактеризованном выше аспекте представляются весьма любопытными и заслуживающими поддержки дальнейшие замечания А. Эйнштейна, которые он сформулировал по поводу современного этапа в развитии человечества: «Коротко... о сущности современного кризиса. Речь идет об отношении человека к обществу. Как никогда раньше, человек осознает свою зависимость от общества. Но эту зависимость он ощущает не как благо, не как органическую связь, не как защищающую его силу, а скорее как угрозу его естественным правам или даже его экономическому существованию. <...> Более того, его положение в обществе таково, что заложенные в нем эгоистические инстинкты постоянно акцентируются, в то время как социальные, более слабые по своей природе, все больше деградируют. Все человеческие существа, какое бы место в обществе они ни занимали, страдают от этого процесса деградации»¹⁶.

Причины описанного положения вещей А. Эйнштейн усматривал в сложившемся механизме капиталистического хозяйствования: подчеркнем, что речь идет не о стигматизации капитализма как такового, а именно о сложившемся механизме его функционирования в современном западном мире (представителем которого по своему происхождению и являлся гениальный физик). В частности, он писал: «Действительным источником этого зла, по моему мнению, является экономическая анархия капиталистического общества. Мы видим перед собой огромное производительное сообщество, чьи члены все больше стремятся лишить друг друга плодов своего коллективного труда. И не силой, а по большей

части соблюдая законом установленные правила. В этой связи важно понять, что средства производства, т.е. все производственные мощности, необходимые для производства как потребительских, так и капитальных товаров, могут быть и по большей части являются частной собственностью отдельных лиц. <...> Частному капиталу свойственна тенденция к концентрации в руках немногих. Это связано отчасти с конкуренцией между капиталистами, отчасти потому, что техническое развитие и углубляющееся разделение труда способствует формированию все более крупных производственных единиц за счет меньших. В результате этих процессов *появляется капиталистическая олигархия, чью чудовищную власть демократически организованное общество не может эффективно ограничивать* (выделено нами. — Н.Д.)»¹⁷.

И далее, изобличая главные пороки сложившегося капиталистического миропорядка, А. Эйнштейн констатировал: «Производство осуществляется в целях прибыли, а не потребления. Не существует никакой гарантии, что все, кто может и желает работать, будут всегда способны найти работу. Почти всегда существует “армия безработных”. Рабочий живет в постоянном страхе потерять работу. <...> Поскольку безработные и низкооплачиваемые рабочие не могут служить прибыльным рынком сбыта, производство потребительских товаров ограничено, что приводит к тяжелым лишениям. <...> Технический прогресс часто влечет за собой рост безработицы, вместо того, чтобы облегчать бремя труда для всех. Стремление к прибыли, в сочетании с конкуренцией между отдельными капиталистами, порождает нестабильность в накоплении и использовании капитала, что приводит к тяжелым депрессиям. <...> Неограниченная конкуренция ведет к чудовищным растратам труда и к тому изувечиванию социального сознания отдельной личности, о котором я уже говорил. *Это изувечивание личности я считаю самым большим злом капитализма*»¹⁸.

Отталкиваясь от изложенной точки зрения А. Эйнштейна, нетрудно представить, что в текущих условиях (и в глобальном, и в страновом измерениях) проблема социального одиночества личности будет лишь нарастать. Конечно, если экономический уклад (опять же и в глобальном, и в страновом измерениях) останется прежним или даже усугубится. Отсюда, разумеется, и отражение экономических процессов в самых базовых, глубинных политических и этических процессах: ведь давно уже известно, что экономика, выступающая доминирующим средством реализации самых

¹⁷ Там же. С. 12.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁶ Эйнштейн А. Указ. соч. С. 11.

основных, первичных потребностей людей, неизбежно предопределяет ландшафт любых производных от нее социальных коммуникаций, включая и систему социальных ценностей.

И стоит ли теперь удивляться тому, что Президент РФ В.В. Путин в свое время обратил внимание на явный дефицит «духовных скреп» в нашем обществе?¹⁹ При нашей, мягко говоря, далеко не совершенной (а в чем-то и по-прежнему дикой) экономике другую картину в этической и политической сферах мы сегодня наблюдать и не можем. А поскольку главным результирующим «выходом» экономики в социальную сферу всегда и во все времена была и есть система распределения в обществе материальных благ (богатства), то без кардинального и решительного изменения сложившихся у нас в этой системе колоссальных диспропорций ожидать каких-либо ощутимых макроизменений в этической и политической сферах жизни российского общества, к сожалению, невозможно.

Например, в июне 2023 г. на ставшем традицией завтраке «Сбера», одном из форматов дискуссий в рамках Петербургского международного экономического форума, глава Комитета Государственной Думы по бюджету и налогам А.М. Макаров так охарактеризовал текущую ситуацию во внутренней экономической политике страны: «Спокойно [на ПМЭФ] можно говорить [о грибах], потому что порядок заготовки грибов гражданами для собственных нужд устанавливается законом субъектов Российской Федерации <...> Теперь, коллеги, консультация юристов для всех вас. <...> Запрещается разгребать подстилку для сбора грибов, необходимо срезать у основания или осторожно выкручивать — запомните, это очень важно для последующего моего изложения. Следующая тема — диаметр шляпки заготавливаемых грибов (то есть предпринимательская деятельность) не может составлять для лисичек менее 1,5 см, а для груздей — менее 2,5 см. Коллеги, я вижу здесь губернаторов, в чьих регионах такие законы приняты. Ну, не надо думать, что это просто так. Дело в том, что если вы это нарушили, то наступает административная [ответственность], а если вы действительно заготовили, закрутили в банки и захотели продать на рынке, то есть занялись предпринимательской деятельностью, там уже — и это наша общая заслуга — может наступать уголовная. <...> Как не сажать, если диаметр лисички меньше 1,5 см? Очевидно, что надо сажать. **Итак, мы чемпионы мира не только по тем санкциям, которые ввели против нас, — мы чемпионы мира по санкциям, которые мы налагаем на собственных граждан. Нигде в мире нет такого количества административной и уголовной**

ответственности, потому что на каждую проблему, реальную или мнимую, мы отвечаем тем, что мы вносим поправки в Административный и Уголовный кодексы. <...> 2016 год. Президент говорит о значении санкций, а дальше говорит, что главная причина торможения экономики кроется в наших внутренних проблемах. И говорит, что одной из таких проблем являются изъёмы делового климата. Кстати, о том же он говорил в 2013 году. **Но мы по-прежнему отчитываемся планами на будущее, а не тем, что сделали за десять лет. Здесь как раз хотел обратить внимание на одно обстоятельство: мы блестяще научились изображать деятельность**» (выделено нами. — Н.Д.)²⁰.

Да, безусловно, есть за прошедшие десятилетия и позитивные изменения, и т.н. новые ростки; но являются ли эти изменения принципиальными? Достаточно ли их, чтобы кардинально переломить текущую ситуацию — совершить в конечном счете долгожданный прорыв, обозначенный высшим политическим руководством страны в качестве главной цели на предстоящие годы, — и сформировать устойчивый тренд на подлинное возрождение России?

Сегодня мы можем с уверенностью констатировать, что этическая парадигма потребительской психологии (если не сказать стяжательства) прочно укоренилась не только на Западе, но и в России. И что же дальше нас будет ожидать, если мы кардинально не изменим этот контекст?

«А скажем и так: государственное устройство — второстепеннее самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве — допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве — невыносима и самая разливистая демократия. Если в самих людях нет справедливости и честности — то это проявится при любом строе», — как бы отвечает на поставленные нами вопросы А.И. Солженицын²¹. И важно в этой связи уяснить еще одну (крайне глубокую, но весьма лаконично сформулированную признанным литератором) истину: «Среди всех возможных свобод — на первое место всё равно выйдет свобода бессовестности: её-то не запретишь, не предусмотрит никакими законами. Чистая атмосфера общества, увы, не может быть создана юридическими законами»²².

²⁰ Цит. по: Кошкина Ю., Мордовина М., Виноградова Е., Каримова К. «Мы приняли кучу неэффективных решений». Главное с завтрака «Сбера» // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/finances/16/06/2023/648bf5679a79473f5fa97afd>

²¹ См.: Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? По-сильные соображения // Комсомольская правда. Спец. вып. Брошюра к газ. 1990. 18 сент.

²² Там же.

¹⁹ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. // Росс. газ. 2012. 13 дек.

И в этом одном выводе, на наш взгляд, вся логика дальнейшей правовой мобилизации России: нам крайне важно сейчас приложить все усилия для возрождения чистой атмосферы общества, атмосферы жизни людей в согласии друг с другом и с непреложными человеческими истинами, нашедшими свою ценностно-правовую фиксацию в положениях Конституции РФ об основах конституционного строя. Иными словами, нам бы сейчас человека бы окончательно не потерять (!). Ведь именно в решении этой глобальной по своему значению задачи и состоит преодоление проблемы социального одиночества личности в современной России: только таким путем наша страна может стать по-настоящему социальным правовым государством — «страной для жизни», и, стало быть, совершить столь настоятельно диктуемый современными вызовами прорыв.

*В качестве заключения: несколько тезисов
о народосбережении как ключевом императиве
современной внутренней и внешней политики
Российского государства*

Поясним, почему считаем допустимым и важным завершить своё изложение акцентом именно на идее сбережения многонационального народа России: в сущности, очевидно, что и право, и государство функционируют только в «растущей» (и количественно, и качественно) стране; то же относится и в целом к различным формам прогресса — экономическому, политическому, социальному, культурному и т.д. Идея народосбережения — национальный приоритет. Впервые в таком качестве она была обозначена в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ, состоявшемся 15 января 2020 г.²³

Дабы не заниматься излишними в данном случае рассуждениями и тем более спекуляциями, считаем важным привести эту часть президентского Послания (с небольшими изъятиями, не носящими сущностного характера) — думается, что дополнительные пояснения будут попросту излишни.

«Судьба России, её историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет (хочу содержательную часть начать именно с демографии), зависит от того, сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, десять лет, какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни.

Сегодня нас почти 147 миллионов человек. Но мы вступили в сложный, очень сложный демографический период. Его особенность в том, что

благодаря мерам, которые мы приняли начиная с середины 2000-х годов, нам удалось добиться положительных результатов в демографии. И даже выйти на естественный прирост населения. Потому и школьников у нас становится всё больше.

Но семьи-то сейчас создают малочисленные поколения 90-х годов. Число рождений вновь падает. Вот в чём напряжённость демографического периода, через который проходит сегодня Россия.

Такой ключевой показатель, как суммарный коэффициент рождаемости, то есть число рождений, приходящихся на одну женщину, в 2019 году составил, по предварительной оценке, 1,5. Много это или мало? Для нашей страны — мало. Да, это примерно то же самое, что и во многих европейских странах. Но для нашей страны — мало.

Для сравнения: 1,3 было в 1943 году, во время Великой Отечественной войны. Правда, ещё хуже было в 90-х годах. В 1999-м, например, 1,16 всего. Хуже, чем во время Великой Отечественной войны. Семьи с двумя детьми тогда были редкостью, а то и вовсе люди вынужденно откладывали рождение ребёнка.

Повторю: существующие сейчас негативные прогнозы не могут нас не настораживать. Наша историческая обязанность — ответить на этот вызов. Не только выбраться из демографической ловушки, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый естественный рост численности населения страны. В 2024 году коэффициент рождаемости должен быть 1,7.

Демография — это сфера, где нет какого-то универсального, тем более узковедомственного решения. **Каждый наш шаг, новый закон, государственную программу мы должны оценивать прежде всего с точки зрения высшего национального приоритета — сбережения и приумножения народа России».**

Дополняя совершенно справедливые суждения Президента РФ В.В. Путина, отметим, что, конечно, идея сбережения и приумножения многонационального российского народа не может быть реализована без одновременного создания, как выразился А.И. Солженицын, «чистой атмосферы» общества. Речь, в сущности, идет о восполнении того дефицита «духовных скреп», о которых, как мы уже отмечали выше, ранее также говорил президент.

По-другому и быть не может. «Духовные скрепы», являющиеся в переводе на философскую терминологию морально-этическими императивами индивида, в совокупности с юридизированными обязанностями человека и гражданина, образуют понятие долга (как долга гражданского либо как долга в его общечеловеческом, цивилизационном измерении). Тем самым формируется единственно возможный фарватер общественного прогресса: через понимание человеком долга происходит

²³ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 15 января 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

формирование индивидуального мировоззрения и коллективной философии сбалансированных прав и свобод личности (включая готовность к самоограничению) и, как результат, достигается искомый уровень нравственной насыщенности любых социальных взаимодействий наряду с этической нетерпимостью к различным формам девиантного поведения — не только к противоправным деяниям, наказуемым по закону, но в том числе и к просто аморальным поступкам (включая и представление о таковых в сугубо бытовом измерении).

Если же говорить о связи обязанностей человека и гражданина с представлениями о долге и, как следствие, о движении по пути формирования индивидуального мировоззрения и коллективной философии сбалансированных прав и свобод личности (включая готовность к самоограничению), то необходимо особо поддержать в этом отношении точку зрения И.А. Ильина, который писал, что «честным, законопослушным можно быть только по личной убежденности, в силу личного решения. Без этого нет правосознания и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке»²⁴. Именно поэтому следует различать законопослушание и законоуважение. Законопослушание основано главным образом на страхе, принуждении, в то время как законоуважение — на глубоком осознании необходимости следовать закону и праву. Это является добровольной позицией индивида, обеспечивает соблюдение им закона «не на страх, а на совесть»²⁵.

Справедливости ради, также отметим, что И.А. Ильин придавал правосознанию особое значение и особую роль в качестве жизненной среды для государственно-правовых явлений. Он отвергал концепцию о «внешней» природе права и государства, отмечая, что «должна быть усмотрена и усвоена их “внутренняя”, душевно-духовная сущность. Право только “проявляется” во внешнем, пространственно-телесном мире; сферой же его настоящей жизни и действия остается человеческая душа, в которой оно выступает с силой объективной ценности. Государство в своем осуществлении “предполагает” наличие множества телесно разъединенных людей, теорий и внешних вещей; но именно человеческая душа остается той средой, в которой зарождается, зреет, протекает — и государственная жизнь индивидуума, и жизнь государства как единого целого. <...> Усмотреть наличие, достоинство и компетентность нормального правосознания — значит найти путь для разрешения всех основных жизненных затруднений, вытекающих из природы права

и создающих немало теоретических споров и даже “антиномий” в юридической науке»²⁶.

В трудах И.А. Ильина правосознание предстает как связующее звено между «внешним порядком» и «внутренними состояниями духа», средством создания «внешнего порядка» через «внутреннюю упорядоченность души». Как утверждал ученый, «оно (право. — *И.Д.*) живет правосознанием и исполняет свое значение тем лучше, чем правосознание зреее и совершеннее»²⁷.

Стало быть, только через понятие о долге, через осознание и понимание людьми неразрывной связи прав и свобод личности с соответствующими обязанностями и ответственностью (в том числе с возможностью и необходимостью самоограничения) мы и можем прийти к столь необходимой для современной России правовой модернизации, перейти на следующий этап конституционного развития, получить, наконец, ту чистую атмосферу общества, о которой писал А.И. Солженицын. И через это — обеспечить сбережение и приумножение российского многонационального народа.

Признаём, что после принятия в 1993 г. Конституции РФ многое в общественно-политической жизни страны стало чрезмерно фокусироваться вокруг положений ст. 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». «Однако есть ведь и ответные слова, которые следует адресовать индивиду. Их немного, но какие же они емкие: *ответственность, обязанности; патриотизм*», — справедливо указывает проф. С.А. Авакьян²⁸.

Бесспорно, парадигма российского конституционализма предполагает усиление аксиологической роли таких постулатов, как «гражданство обязывает», «собственность обязывает», «совесть обязывает». **Усиление духовно-нравственных основ всего общественно-политического уклада нашей страны — вот мегазадача на ближайшие два-три десятилетия и одновременно ответ на «вечный» в России вопрос «что делать?».**

В одной из работ проф. В.Д. Зорькина отмечается, в частности, что, в сущности, «большинство крупнейших исторических трансформаций правовых систем везде проходили под знаменем приближения права к социальной этической норме, к масовым представлениям о справедливом и должном. И до тех пор, пока не обеспечена достаточно

²⁴ Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992. С. 182.

²⁵ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 247.

²⁶ Ильин И.А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 211, 229.

²⁷ Там же. С. 229.

²⁸ См.: Авакьян С.А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юридический мир. 2015. № 2. С. 29.

плотная взаимная “подгонка”, сближение между правовой системой и массовыми представлениями о справедливом и должном, правовое государство и юридическое равенство остаются проблемой. <...> Обычно дальнейшее продвижение по правовому пути связывают прежде всего с совершенствованием законодательной работы, а также судебной и правоохранительной деятельности. Разумеется, это необходимая, но всего лишь часть такого сложного процесса, как общеправовая трансформация России. *К сожалению, принятие хороших законов, обеспечение материальной базы судов и упорядочение правоохранительных органов — это далеко не все. Проблема не только в этом, но и в том, как обстоит дело с укорененными в обществе представлениями о должном и справедливом* (курсив наш. — Н.Д.). Это вопрос очень непростой для любого общества, а для нынешнего российского — в особенности»²⁹.

Бесконечно прав был А.И. Солженицын, когда более тридцати лет назад написал: «Источник силы или бессилия общества — духовный уровень жизни, а уже потом — уровень промышленности. Одна рыночная экономика и даже всеобщее изобилие — не могут быть венцом человечества. Чистота общественных отношений — основной, чем уровень изобилия. *Если в нации иссякли духовные силы — никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасёт её от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит* (выделено нами. — Н.Д.)»³⁰.

Золотые слова... И вот нам, ныне живущим россиянам, желанная и столь долго искомая национальная идея — на многие годы вперёд! Вот нам и путь — к сбережению народа России и его приумножению!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Российский конституционализм: несколько тезисов о неотложных задачах // Юридический мир. 2015. № 2. С. 29.
2. Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.
3. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 90.
4. Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992. С. 182.
5. Ильин И.А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. М., 1993. С. 211, 229.
6. Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 247.

²⁹ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 90.

³⁰ Солженицын А.И. Указ. соч.

7. Лавров С.В. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 4 (110). С. 8, 9.
8. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина «Право России: альтернативы и риски в условиях глобальной кризисности» // Официальный сайт Петербургского международного юридического форума в сети Интернет // <https://legalforum.info/programme/business-programme/809/> (дата обращения: 03.07.2023).
9. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2012 г. // Росс. газ. 2012. 13 дек.
10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 15 января 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>
11. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Поисковые соображения // Комсомольская правда. Спец. вып. Брошюра к газ. 1990. 18 сент.
12. Стенограмма выступления Президента РФ В.В. Путина на Совещании о мерах социально-экономической поддержки регионов, Москва, 16 марта 2022 // Официальный сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996>
13. Эйнтштейн А. Почему социализм? // Свободная мысль. 2020. № 4. С. 9–13.

REFERENCES

1. Avakian S.A. Russian constitutionalism: several theses on urgent tasks // Legal World. 2015. No. 2. P. 29 (in Russ.).
2. Bondar N.S. “Eternal” constitutional ideals: how unchangeable are they in a changing world? // State and Law. 2020. No. 6. P. 20–34 (in Russ.).
3. Zorkin V.D. The civilization of law and the development of Russia. M., 2015. P. 90 (in Russ.).
4. Ilyin I.A. Our tasks. M., 1992. P. 182 (in Russ.).
5. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness / Preparation of the text and introduction. I.N. Smirnov. M., 1993. P. 211, 229 (in Russ.).
6. Ilyin I.A. The path to evidence. M., 1993. P. 247 (in Russ.).
7. Lavrov S.V. On law, rights and rules // Russia in global politics. 2021. Vol. 19. No. 4 (110). P. 8, 9 (in Russ.).
8. Lecture by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin “The Law of Russia: alternatives and risks in a global crisis” // The official website of the St. Petersburg International Legal Forum on the Internet // <https://legalforum.info/programme/business-programme/809/> (accessed: 03.07.2023) (in Russ.).
9. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on December 12, 2012 // Ross. gaz. 2012. 13 Dec. (in Russ.).
10. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on January 15, 2020 // Official website of the President of the Russian Federation // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (in Russ.).

11. *Solzhenitsyn A. I.* How can we equip Russia? Feasible considerations // *Komsomolskaya pravda*. Spec. vol. Brochure for the newspaper. 1990. 18 Sept. (in Russ.).
12. Transcript of the speech of the President of the Russian Federation V.V. Putin at the Meeting on measures of socio-economic support of the regions, Moscow, March 16, 2022 // Official website of the President of the Russian Federation // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996> (in Russ.).
13. *Einstein A.* Why socialism? // *Free thought*. 2020. No. 4. P. 9–13 (in Russ.).

Сведения об авторе

ДОБРЫНИН Николай Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник науки и образования Тюменской области, профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

Authors' information

DOBRYNIN Nikolay M. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Graduate of Science and Education of the Tyumen Region, Professor of the Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Institute of State and Law of the Tyumen State University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СПОСОБОВ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФОРМ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

© 2023 г. Е. В. Михайлова*, И. И. Бутрим**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: e.v.mihailova@bk.ru*

***E-mail: acad.sec@igpran.ru*

Поступила в редакцию 19.07.2023 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения природы и видов традиционных нравственно-духовных ценностей как объектов правовой защиты. В российском законодательстве не содержится конкретного определения этого понятия. Предложено исходить из понимания традиционных ценностей как общественных, государственных интересов, прямо или опосредовано регулируемых нормами материального и процессуального права. Исходя из этого, к ним применим только государственный (судебный) способ защиты в рамках конституционно закрепленных процессуальных форм.

Ключевые слова: традиционные нравственно-духовные ценности, законный интерес, частное и публичное право, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, административное исковое заявление, публично-правовое правоотношение, частноправовой акт, урегулирование спора, мировое соглашение.

Цитирование: Михайлова Е.В., Бутрим И.И. Теоретико-правовые подходы к определению способов и процессуальных форм защиты традиционных ценностей в Российском государстве // Государство и право. 2023. № 9. С. 44–52.

DOI: 10.31857/S102694520027733-7

THEORETICAL AND LEGAL APPROACHES TO DETERMINING THE METHODS AND PROCEDURAL FORMS OF PROTECTION OF TRADITIONAL VALUES IN THE RUSSIAN STATE

© 2023 E. V. Mikhailova*, I. I. Butrim**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: e.v.mikhailova@bk.ru

**E-mail: acad.sec@igpran.ru

Received 19.07.2023

Abstract. The article deals with the problem of determining the nature and types of traditional moral and spiritual values as objects of legal protection. Today, Russian legislation does not contain a specific definition of this concept. It is proposed to proceed from the understanding of traditional values as public, state interests, directly or indirectly regulated by the norms of substantive and procedural law. Based on this, only the state (judicial) method of protection is applicable to them within the framework of constitutionally fixed procedural forms.

Key words: traditional moral and spiritual values, legitimate interest, private and public law, civil litigation, administrative litigation, administrative claim, public legal relationship, private law act, dispute settlement, settlement agreement.

For citation: Mikhailova, E.V., Butrim, I.I. (2023). Theoretical and legal approaches to determining the methods and procedural forms of protection of traditional values in the Russian state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 44–52.

Постановка проблемы

Право, как известно, основной регулятор общественной жизни, но не единственный. Помимо права устойчивость, стабильность и благополучие общества определяются неправовыми, но высокосignificant для каждого из его членов категориями — нравственными, духовными и иными сопоставимыми ценностями. Они разнообразны, но покушение на любую из них есть вызов государству, которое по своему существу призвано их защищать.

К сожалению, сегодня многие западные государства требуют от членов своего общества равного признания как нравственных и моральных ценностей, так и вариантов откровенно аморального, традиционно осуждаемого любым нормальным, здоровым обществом поведения. По справедливому мнению ряда авторитетных авторов, многие правительства, по сути, требуют равного признания как добра, так и зла¹.

Однако следует помнить, что само право и есть узаконенная мораль, общие для всех духовные и нравственные ценности. Ученые справедливо отмечают, что изменение подходов к морали, трансформация ее содержания негативным образом

влияет на право, поскольку влечет изменения и правовых норм, которые в итоге будут закреплять безнравственное поведение². Это подтверждают изменения в законодательстве ряда зарубежных государств: например, в штате Вашингтон (США) палатой представителей принят закон, разрешающий на законных основаниях забирать детей у родителей, если родители не согласны на смену пола ребенка³.

Важно то, что мораль формирует и продуцирует моральную ответственность, которая в целом ряде случаев может быть даже эффективнее, чем ответственность юридическая. Так, в уголовной среде есть представления о недопустимом поведении, таком как забрать последнее, надругаться над женщиной, ребенком и т.д. Это имеет виктимологическое значение.

В Российской Федерации предпринимаются усилия, направленные на обеспечение защиты

² См.: Синкин К.А., Емельянова Д.А. К вопросу о влиянии права на мораль // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. № 4. С. 46–49.

³ См.: UST IN: Washington Passes Bill Allowing Children to Legally Be Taken From Parents if Parents Don't Consent to Gender Transition. Trending politics. April 14, 2023. URL: <https://trendingpoliticsnews.com/just-in-washington-passes-bill-allowing-children-to-legally-be-taken-from-parents-if-parents-dont-consent-to-gender-transition-mace/>

¹ См.: Семенова Н.С. Международно-правовая защита традиционных ценностей // Обозреватель — Observer. 2014. № 7. С. 34–43.

традиционных ценностей⁴. Основная трудность заключается в двух обстоятельствах: во-первых, нет общепринятого, законодательно закрепленного определения понятия «традиционные ценности»; во-вторых, в системе защиты субъективных прав, свобод и законных интересов не обозначены способы и процессуальные формы их защиты. При этом одно «тянет» за собой другое: без выявления природы, понятия, разновидностей традиционных ценностей невозможно определить критерий применимых к ним способов и форм защиты.

Встречающиеся в юридической литературе мнения, подобные тому, что «с точки зрения права традиционные духовно-нравственные ценности являются разновидностью ценностей как таковых»⁵ нельзя признать имеющими практическую пользу, поскольку неясно, что представляют собой «ценности как таковые».

Традиционные ценности как объекты правовой защиты и их виды

С точки зрения гражданского законодательства традиционные ценности относятся к нематериальным благам. Как указывает В.К. Андреев, человек обладает нематериальными правами (и благами) от рождения, и к ним неприменимы правила об осуществлении имущественных прав. При помощи нематериальных прав человек создает свой неповторимый облик, репутацию. В качестве способов их защиты ученый называет судебное признание факта нарушения неимущественного права, опубликование соответствующего решения, пресечение совершения действий, нарушающих неимущественные права, и др.⁶

При этом, как представляется, необходимо разграничивать понятия «нематериальное благо» и «нематериальное право». Можно согласиться с тем, что нематериальное право определяет порядок пользования субъектами принадлежащими им нематериальными благами, а само нематериальное благо — это не имеющая экономического выражения ценность⁷.

Нематериальное благо неосязуемо, не овеществлено, и судить о его наличии и нарушении

достаточно сложно. Ситуация осложняется тем, что в законодательстве не содержится перечня нематериальных благ, или ценностей. Усугубляется положение тем, что от нематериального блага как такового надо отграничивать «традиционные блага» (или ценности), т.е. каким-то образом разграничить их на «традиционные» и «не традиционные».

Любое право — это санкционированная государством возможность вести себя определенным образом. Оно конкретно, в отличие от него свобода предполагает возможность действовать любым способом, прямо не запрещенным законодательством. Ограничителем свободы является закон⁸. Поэтому можно предположить, что традиционные ценности имеют большее отношение к свободе, чем к праву.

При этом они не составляют суть самой свободы, которая скорее состоит в возможности субъекта действовать исключительно по собственному усмотрению, а заключаются в сути оберегаемых правовой нормой запретов. Иными словами, право, являющееся естественным и единственным «ограничителем» свободы, регулирует отношения, возникающие по поводу той или иной социальной ценности.

В этом значении традиционные ценности «в чистом виде» выделить достаточно сложно. Они так или иначе включены практически в каждую норму. Например, отношения, регулируемые семейным законодательством и связанные с правами ребенка, напрямую охраняют ряд традиционных семейных ценностей.

Вместе с этим если следовать такой логике, то под традиционными ценностями следует понимать лишь те «нравственные ориентиры», которые прямо или смысловым образом закреплены в рамках правовой нормы. Все, что правом не регулируется, не позволяет говорить о себе как о традиционной ценности.

Правовое регулирование охраны и защиты традиционных ценностей российского общества осуществляется Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, в котором закреплено, что традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан Российской Федерации, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа Российской Федерации.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

⁵ Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник СПбУ. Право. 2023. Т. 14. № 2. С. 294–306.

⁶ См.: Андреев В.К. Существо нематериальных благ и их защита // Журнал рос. права. 2014. № 3. С. 27–33.

⁷ См.: Амагиров А.В. Понятие «нематериальное благо» в российском праве // Вестник Бурятского ун-та. 2012. № 2. С. 244–248.

⁸ См.: Михайлова Е.В. Права и свободы человека и гражданина как объекты судебной защиты // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 36–45.

К видам традиционных морально-нравственных ценностей названным Указом отнесены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов Российской Федерации.

Следует отметить, что используемые понятия имеют весьма широкий характер и допускают многозначное толкование. Например, категория «высокие нравственные идеалы» позволяет включить в нее любые представления, которые человек субъективно высоко оценивает. А представления о жизни у разных людей разные: для одного важно служение ближнему, честность, общественная полезность, взаимовыручка и т.п., а для другого — собственные интересы. И здесь весьма трудно обосновать, почему собственный интерес не может быть «высоким нравственным идеалом». Особенно в связи с тем, что права и свободы человека прямо названы в качестве традиционной ценности. Помимо этого Конституция РФ буквально пронизана пониманием прав, свобод, достоинства личности как высших ценностей. Об этом справедливо пишут многие авторы⁹.

Таким образом, как писал Н.М. Коркунов, «дело осложняется тем, что нравственные воззрения у людей не одинаковы. Только при особенно близких отношениях между людьми столкновение их интересов может быть улажено посредством одной оценки»¹⁰. Представляется, что необходимо уточнение терминологии рассматриваемой проблематики.

Как известно, право есть регулируемый государством порядок реализации тех или иных интересов, принадлежащих неограниченному кругу лиц. Основательно разрабатывавший концепцию частных и публичных интересов в гражданском процессе советский ученый-процессуалист Р.Е. Лукасян считал, что общественный интерес — это интерес государственный, который необходимо отличать от разнообразных корпоративных интересов, то

есть интересов отдельных общественных групп¹¹. Поэтому, думается, что традиционные ценности — это ценности общественные, или государственные, а значит, регулируемые правом. В поддержку этого мнения можно привести правовую позицию Конституционного Суда РФ, который, рассматривая вопрос о соответствии Конституции РФ положений Семейного кодекса РФ в части установления его нормами понятия брака как союза мужчины и женщины, указал следующее: «Формально оспаривая конституционность пункта 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации, заявитель фактически требует государственного признания своих взаимоотношений с другим мужчиной путем их регистрации в виде особого защищаемого государством союза»¹².

Трудно согласиться с авторами, полагающими, что одним из условий существования традиционных нравственно-духовных ценностей является также желание каждого отдельного человека быть частью общества, разделять его ценности¹³. Уголовная ответственность наступает за совершение наказуемого деяния (бездействия) независимо от того, отождествляет лицо себя с обществом или нет, разделяет его идеалы или нет, считает свой поступок противозаконным или нет. Так же происходит и с традиционными ценностями, нарушение которых, как и совершение уголовно наказуемого деяния, есть нарушение государственного, общественного интереса.

Причем необходимо иметь в виду, что право, закрепляющее традиционные духовно-нравственные ценности, публичное. Частноправовые нормы регулируют частные права и интересы, а публично-правовые — общественные или государственные интересы.

По этой причине основные виды ответственности, предусмотренные законодательством за нарушения в сфере традиционных ценностей, — это уголовная и административная ответственность. Например, согласно ст. 6.21 КоАП РФ административная ответственность установлена за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола¹⁴. Таким

¹¹ См.: Лукасян Р.Е. Избр. труды по гражданскому процессу. М., 2008. С. 240, 241.

¹² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 16.11.2006 г. № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации» // В официальных источниках опубликовано не было.

¹³ См.: Юзиханова Э.Г., Смелова С.В. Государственная политика защиты традиционных ценностей // Право и управление. 2022. № 12. С. 11–14.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2023. № 25, ст. 4426.

⁹ См., напр.: Казановская Ю.А. Достоинство личности как традиционная ценность международного и внутригосударственного права // Ленинградский юрид. журнал. 2013. № 2 (32). С. 50–56; Липкина Н.Н. Правовая природа международно-правового обязательства уважать достоинство человека // Вестник СГЮА. 2013. № 1 (90). С. 176–182; Варламова Н.В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 83–124.

¹⁰ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 59.

образом, закреплённая законом мера ответственности за совершение названных действий позволяет определить, что традиционные сексуальные отношения, предпочтения и неприкосновенность половой принадлежности — одна из разновидностей традиционных российских ценностей.

Итак, традиционные нравственно-духовные российские ценности — это нравственные ориентиры, идеалы, поддерживаемые неограниченным кругом российских граждан, всем обществом, имеющие статус государственных интересов, закреплённые в правовых нормах как объект защиты от посягательств. Говоря об их классификации, представляется возможным построить её в зависимости от отраслевой принадлежности соответствующей нормы права, регулирующей ответственность за нарушение тех или иных традиционных ценностей (конституционные, семейные, трудовые и т.д.). При этом будет правильно выделять и межотраслевые традиционные ценности, например патриотизм.

Особо нужно остановиться на религиозных ценностях. Нет сомнений в том, что признаваемые и уважаемые Российской Федерацией и её народом религии основаны на непреходящих ценностях. Однако не все регулируемые, или допускаемые той или иной религией, правила поведения имеют публично-правовой статус. Скажем, многоженство, в определенных случаях и обстоятельствах допускаемое исламом, не признается государством и традиционной ценностью по этой причине не является. Точно так же не установлена юридическая ответственность, например, за нарушение шаббата — значит, его соблюдение также не имеет характера традиционной ценности. Аналогичным образом нахождение в христианском храме с непокрытой головой не преследуется, и в силу этого такое требование тоже не может быть признано традиционной духовно-нравственной ценностью.

При этом предусмотренная законом ответственность возникает за совершение таких кощунственных деяний, как надругательство над священными текстами, местами религиозного поклонения и т.д. Следовательно, религиозные ценности являются разновидностью российских традиционных нравственно-духовных ценностей только в той части, которая выступает объектом правовой охраны.

Способы и процессуальные формы защиты традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации

Действующее российское законодательство говорит о защите прав, свобод и охраняемых законом интересов. Так, в ст. 46 Конституции РФ провозглашено, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод¹⁵. В ст. 2 ГПК РФ сказано, что

посредством гражданского судопроизводства защищаются нарушенные или оспариваемые права, свободы и законные интересы¹⁶. Таким образом, традиционные нравственно-духовные ценности, чтобы быть предметом не только правовой охраны, но и защиты, должны быть отнесены либо к правам, либо к свободам, либо к законным интересам.

Принимая во внимание, что обязательным условием их существования является урегулированность правом, то традиционные ценности скорее всего следует причислить к правам и законным (охраняемым законом) интересам.

Этот вывод вполне согласуется с тем, что, вынося решение по делу, суд обязан его мотивировать и основывать на соответствующих нормах материального и процессуального права. Как указано в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении», решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права¹⁷. Поэтому суд не может защитить то, что правовой нормой не охраняется, следовательно, традиционные нравственно-духовные ценности — это права или законные интересы, имеющие характер высокозначимых социальных нравственных ориентиров.

Способы защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов можно дифференцировать на два вида: государственный (судебный) и негосударственный, альтернативный, частноправовой способ (посредством третейского разбирательства гражданских дел). Единым признаком правовой защиты является обеспеченность его результата принудительной силой государства — и судебное решение, и решение третейского суда (арбитража) в случае отсутствия добровольного исполнения могут быть исполнены в принудительном порядке (на основании исполнительного листа).

Поскольку, как было отмечено выше, традиционные нравственно-духовные ценности регулируются нормами публичного права (так как имеют характер общественных, государственных интересов), то третейское разбирательство как способ защиты к ним неприменим.

Итак, единственно возможным способом защиты нарушенных или оспариваемых традиционных нравственно-духовных ценностей является судебная защита.

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2023. № 26, ст. 4687.

¹⁷ См.: Росс. газ. 2003. 26 дек.

¹⁵ См.: Росс. газ. 2020. 4 июля.

В соответствии со ст. 118 Конституции РФ правосудие осуществляется посредством гражданского судопроизводства, уголовного судопроизводства, административного судопроизводства, арбитражного судопроизводства и конституционного судопроизводства.

На первый взгляд гражданское судопроизводство как процессуальная форма защиты применима лишь в отношении частноправовых конфликтов. В условиях принятия в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства РФ и обособления административно-судебного процесса в сфере гражданского процесса остались гражданско-правовые дела¹⁸. Однако это кажущееся положение дел. Во-первых, к административному судопроизводству легально отнесено рассмотрение не всех дел публично-правового характера, а лишь тех, которые поименованы в рамках соответствующих структурных элементов Кодекса административного судопроизводства РФ. Иными словами, подход законодателя, согласно которому Кодекс административного судопроизводства РФ структурирован в соответствии с принципом выделения производств по отдельным категориям дел, исключает рассмотрение в порядке административного судопроизводства дел, основанных на неравенстве спорящих субъектов, но формально не указанных. Во-вторых, в рамках гражданского судопроизводства рассматриваются не только иски, но и дела особого производства, приказного, упрощенного, а также дела, связанные с оспариванием и выдачей исполнительных листов на решения третейских судов (арбитражей).

Таким образом, целый ряд дел, природа которых имеет ярко выраженный публично-правовой характер, по-прежнему рассматриваются по правилам гражданского, а не административного, судопроизводства.

Судам, рассматривающим в гражданском судопроизводстве дела, предметом которых являются нарушенные или оспариваемые традиционные нравственно-духовные ценности, нужно исходить из следующего.

Прежде всего, нарушение традиционных нравственно-духовных ценностей должно выступать основанием для признания тех или иных правоотношений несуществующими. Например, в случае, если брачным договором установлен порядок воспитания ребенка, не соответствующий традиционным семейным ценностям, такое условие должно быть признано недействительным.

Далее, применение в деле о защите традиционных ценностей правовых норм должно в большинстве случаев предполагать аналогию закона

и аналогию права. Суд, выявивший отсутствие нормы, прямо регулирующей отношения в сфере тех или иных традиционных нравственно-духовных ценностей, применяет норму, регулирующую сходные отношения, а при отсутствии их — принципы права. Следует также помнить и о том, что Конституция РФ является актом прямого действия и суд вправе основывать свое решение на ее положениях.

Как отмечает член-корр. РАН А.Н. Савенков, «в условиях конкуренции идеологий и политических систем, борьбы различных парадигм и схем глобального управления государствами и народами в Основном Законе общероссийская культурная идентичность берется под защиту. Признание исторически сложившегося государственного единства, ценности истории страны, уникальности культурного наследия, защита исторической правды, воспитание гражданственности, сохранение общероссийской культурной идентичности являются частью российских конституционных гарантий, прав и свобод, защищаемых и охраняемых государством»¹⁹.

Наконец, представляется, что в целях эффективной защиты традиционных нравственно-духовных ценностей будет обоснованным вынесение судами решений не только на основе норм материального и процессуального законодательства, но и опираясь на разъяснения по вопросам судебной практики Пленума Верховного Суда РФ. Поскольку, как было показано, выявление традиционных нравственно-духовных ценностей часто требует толкования правовых норм, то наиболее оптимальным способом обеспечения единообразия судебной практики должно выступать следование судов разъяснениям, даваемым Верховным Судом РФ.

Несмотря на то что ряд спорных отношений публично-правовой природы рассматривается по правилам гражданского судопроизводства, все же основное их число относится к административному судопроизводству — тем более что традиционные нравственно-духовные ценности имеют публичную, государственную природу и регулируются, как было отмечено ранее, нормами публичного права.

Административное судопроизводство, хотя и «выделилось» из гражданского, основано на иных принципах и правилах. Онтологически оно произошло из производства по делам, возникающим из публично-правовых отношений, которое было частью гражданского судопроизводства, одним из входящих в его состав производств.

Процессуальные особенности административного судопроизводства заключаются, во-первых,

¹⁸ См.: СЗ РФ. 2023. № 25, ст. 4442.

¹⁹ Савенков А.Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 9.

в специфике правового статуса суда, рассматривающего дело. В отличие от гражданского судопроизводства, в котором он разрешает спор о праве гражданском, в рамках административного судопроизводства суд проверяет законность и обоснованность действий (бездействия), актов и решений органов публичной власти. Это обуславливает его высокую (в сравнении с гражданским процессом) процессуальную активность, право выходить в необходимых случаях за пределы требований и доводов сторон, по собственной инициативе истребовать доказательства (ч. 2 ст. 14 КАС РФ).

Такой подход законодателя, на наш взгляд, является единственно верным. Как известно, стороны публично-правовых отношений находятся в состоянии взаимного неравенства — об этом сказано в правовой позиции Верховного Суда РФ²⁰.

В свете рассуждений о способах и процессуальных формах защиты традиционных нравственно-духовных ценностей думается, что судам необходимо разъяснить их обязанность использовать свои процессуальные возможности в случаях, когда стороны не ставят вопрос о защите этих ценностей, но из существа рассматриваемого дела видно, что оспариваемые акт, решение, действие (бездействие) нарушают традиционные российские ценности.

Административное исковое заявление как форма закрепления административного иска оформляется в соответствии с требованиями к его форме и содержанию, закрепленными в ст. 125 КАС РФ. Административный иск отличается от иска гражданского своим предметом: это не частное право, принадлежащее истцу, а публичное, принадлежащее неопределенному кругу лиц.

Поэтому представляется правильным подход, согласно которому административный истец в отличие от гражданского истца, который должен доказать принадлежность нарушенного или оспариваемого права или интереса ему лично, должен обосновать публично-правовой характер нарушенного права, т.е. его принадлежность не только ему, но неопределенному кругу лиц.

В этой связи полагаем, что правильно будет закрепить в качестве обязательного элемента административного искового заявления обоснование публичного характера права или интереса, подлежащего судебной защите. Для этого предлагается внести следующее дополнение в текст ст. 125 КАС РФ: «В административном исковом заявлении должно быть указано, какие права, свободы и законные интересы заявителя и неопределенного

круга лиц нарушены, или о причинах, которые могут повлечь за собой их нарушение».

Конституционное судопроизводство как процессуальная форма защиты имеет особый статус. Однако в ст. 118 Конституции РФ оно наряду с другими видами судопроизводства названо в качестве средства отправления правосудия.

Осуществляя защиту нарушенных или оспариваемых прав граждан, Конституционный Суд РФ рассматривает дела в порядке т.н. конкретного нормоконтроля. Как отмечают ученые, в первую очередь конкретный нормоконтроль связан с проверкой нормативного правового акта, примененного в конкретном деле²¹.

Как представляется, и Конституционному Суду РФ необходимо учитывать, что помимо прав, свобод и законных интересов объектами судебной защиты выступают также традиционные нравственно-духовные ценности, и в своих актах, имеющих высшую юридическую силу, обеспечить их охрану и защиту.

Так, согласно одной из правовых позиций, закрепленных Конституционным Судом РФ, осуществление гражданами права на распространение информации, касающейся вопросов сексуального самоопределения личности, не должно нарушать права и свободы других лиц, а в правовом регулировании данного права, равно как и иных прав и свобод человека и гражданина, должен обеспечиваться баланс конституционно значимых ценностей²². Следовательно, при решении всех вопросов, связанных с обеспечением прав и свобод одной личности, необходимо учитывать интересы общества — в первую очередь в сфере традиционных нравственно-духовных ценностей.

Наконец, следует сказать и о таком средстве правовой защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, как урегулирование спора.

Урегулирование спора не имплементировано в систему защиты субъективных прав, свобод и законных интересов. Внесудебное урегулирование правового конфликта представляет собой материально-правовую деятельность его субъектов, осуществляемую ими непосредственно или с привлечением третьего незаинтересованного лица,

²¹ См.: Казанцев А. О. Конституционный нормоконтроль и административно-судебный нормоконтроль: сравнительный анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1. С. 35.

²² См.: постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. III), ст. 5489.

²⁰ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 г. № 36 (ред. от 17.12.2020) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // Росс. газ. 2016. 3 окт.

направленную на достижение соглашения по предмету их спора. Результатом внесудебного примирения всегда выступает гражданско-правовая сделка, посредством которой стороны закрепляют свои новые права и обязанности — взамен прежних, спорных. Но в любом случае это — акт частного права, не обладающий публично-правовыми свойствами, в том числе возможностью применения мер государственного принуждения.

Кроме того, поскольку, как уже было отмечено, традиционные нравственно-духовные ценности регулируются нормами публичного права, то в целом возможность заключения соглашений в делах, предметом которых они выступают, может быть поставлена под сомнение. В СССР, например, не допускалось заключение мировых соглашений по делам, возникающим из административных правоотношений²³. В Российской Империи дело обстоит так же: по свидетельству Е.В. Васьковского, «дела казны не могут быть ни разрешаемы на основании присяги одной из сторон, ни оканчиваемы мировыми сделками»²⁴.

Действующее процессуальное законодательство, напротив, разрешает заключение мировых соглашений в делах публично-правового характера (ст. 137 КАС РФ, ст. 190 АПК РФ). Тем не менее представляется, что в тех случаях, когда суд рассматривает дело о нарушении или оспаривании традиционных нравственно-духовных ценностей, следует официально ограничить право участвующих в деле лиц заключать мировые соглашения. Нет сомнений, что утвержденные мировые соглашения, допускающие в отдельных случаях отступление от российских традиционных ценностей, будут так или иначе затрагивать права и интересы всего общества.

Заключение

Нельзя не признать, что законодательство — как материальное, так и процессуальное — не содержит ни дефиниции, ни существенных признаков такого явления, как «традиционные нравственно-духовные ценности». Вместе с тем полагаем, что закрепить их общее определение вряд ли возможно. Как и правовое понятие «законный интерес», категория «традиционные нравственно-духовные ценности» имеет всеобъемлющий характер и призвана обеспечить должное определение прав, свобод и законных интересов как объектов правовой охраны и защиты.

²³ См.: Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой и В.К. Пучинского. М., 1965. С. 304.

²⁴ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 339.

При этом необходимым условием признания того или иного интереса (или идеала) традиционной нравственно-духовной ценностью является наличие нормы права, регулирующей отношения, связанные с этими интересами, ценностями. Не обеспеченное нравственно-духовное стремление, идеал того или иного лица или социальной группы традиционной ценностью названо быть не может.

Говоря о защите традиционных нравственно-духовных ценностей, нужно исходить из того, что под ними следует понимать регулируемые нормами отечественного права нравственные идеалы, представляющие собой общественные, государственные интересы. Соответственно, для них свойственно публично-правовое регулирование, а в отношении нарушенных или оспариваемых традиционных ценностей применим только государственный (судебный) способ защиты, в рамках таких процессуальных форм, как конституционное судопроизводство, уголовное судопроизводство, административное судопроизводство. Учитывая, что целый ряд дел публично-правового характера разрешается в гражданском и арбитражном судопроизводстве, их также следует рассматривать в качестве процессуальных форм защиты традиционных нравственно-духовных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амагиров А.В. Понятие «нематериальное благо» в российском праве // Вестник Бурятского ун-та. 2012. № 2. С. 244–248.
2. Андреев В.К. Существо нематериальных благ и их защита // Журнал рос. права. 2014. № 3. С. 27–33.
3. Варламова Н.В. Принципиальное единство права и прав человека // Труды ИГП РАН. 2018. Т. 13. № 4. С. 83–124.
4. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса / под ред. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 339.
5. Лукасян Р.Е. Избр. труды по гражданскому процессу. М., 2008. С. 240, 241.
6. Казановская Ю.А. Достоинство личности как традиционная ценность международного и внутригосударственного права // Ленинградский юрид. журнал. 2013. № 2 (32). С. 50–56.
7. Казанцев А.О. Конституционный нормоконтроль и административно-судебный нормоконтроль: сравнительный анализ // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1. С. 35.
8. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 59.
9. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник СПбУ. Право. 2023. Т. 14. № 2. С. 294–306.

10. Липкина Н.Н. Правовая природа международно-правового обязательства уважать достоинство человека // Вестник СГЮА. 2013. № 1 (90). С. 176–182.
11. Михайлова Е.В. Права и свободы человека и гражданина как объекты судебной защиты // Российское право: образование, практика, наука. 2021. № 5. С. 36–45.
12. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р.Ф. Каллистратовой и В.К. Пучинского. М., 1965. С. 304.
13. Савенков А.Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 9.
14. Семенова Н.С. Международно-правовая защита традиционных ценностей // Обозреватель – Observer. 2014. № 7. С. 34–43.
15. Синкин К.А., Емельянова Д.А. К вопросу о влиянии права на мораль // Российско-Азиатский правовой журнал. 2020. № 4. С. 46–49.
16. Юзиханова Э.Г., Смелова С.В. Государственная политика защиты традиционных ценностей // Право и управление. 2022. № 12. С. 11–14.
5. Gukasyan R.E. Selected works on Civil Procedure. M., 2008. P. 240, 241 (in Russ.).
6. Kazanovskaya Yu.A. Dignity of the individual as a traditional value of International and domestic Law // Leningrad legal journal. 2013. No. 2 (32). P. 50–56 (in Russ.).
7. Kazantsev A.O. Constitutional norm control and administrative-judicial norm control: comparative analysis // Russian law: education, practice, science. 2019. No. 1. P. 35 (in Russ.).
8. Korkunov N.M. Lectures on the General theory of law. SPb., 2003. P. 59 (in Russ.).
9. Kropachev N.M., Arkhipov V.V. Traditional spiritual and moral values in the context of digital transformation of society: theoretical and legal aspects // Herald of the SPbU. Law. 2023. Vol. 14. No. 2. P. 294–306 (in Russ.).
10. Lipkina N.N. The legal nature of the international legal obligation to respect human dignity // Herald of the SSLA. 2013. No. 1 (90). P. 176–182 (in Russ.).
11. Mikhailova E.V. Human and civil rights and freedoms as objects of judicial protection // Russian law: education, practice, science. 2021. No. 5. P. 36–45 (in Russ.).
12. Scientific and practical commentary on the CPC of the RSFSR / ed. by R.F. Kallistratova and V.K. Puchinsky. M., 1965. P. 304 (in Russ.).
13. Savenkov A.N. The Genocide of the Soviet people: from history to law, without limitation // State and Law. 2021. No. 9. P. 9 (in Russ.).
14. Semenova N.S. International legal protection of traditional values // Observer – Observer. 2014. No. 7. P. 34–43 (in Russ.).
15. Sinkin K.A., Emelyanova D.A. On the question of the influence of law on morality // Russian-Asian Legal Journal. 2020. No. 4. P. 46–49 (in Russ.).
16. Yuzikhanova E.G., Smelova S.V. State policy of protection of traditional values // Law and management. 2022. No. 12. P. 11–14 (in Russ.).

REFERENCES

1. Amagirov A.V. The concept of “intangible good” in Russian law // Herald of the Buryat University. 2012. No. 2. P. 244–248 (in Russ.).
2. Andreev V.K. The essence of intangible goods and their protection // Journal of Russ. law. 2014. No. 3. P. 27–33 (in Russ.).
3. Varlamova N.V. The fundamental unity of law and human rights // Proceedings of the IGP RAS. 2018. Vol. 13. No. 4. P. 83–124 (in Russ.).
4. Vaskovsky E.V. Textbook of Civil Procedure / ed. by V.A. Tomsinov. M., 2003. P. 339 (in Russ.).

Сведения об авторах

МИХАЙЛОВА Екатерина Владимировна —
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

БУТРИМ Игорь Иосифович —
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

MIKHAILOVA Ekaterina V. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher of the Sector
of Procedural Law
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

BUTRIM Igor I. —
PhD in Law,
Leading Researcher of the Sector
of Procedural Law
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

**ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН
НА ОБРАЩЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

© 2023 г. С. П. Степкин

Российский государственный социальный университет, г. Москва

E-mail: stepkin.sciences@mail.ru

Поступила в редакцию 30.07.2023 г.

Аннотация. В статье автором проведен сравнительный анализ между законодательными подходами различных государств по вопросу функционирования и развития института обращений граждан. По результатам проведенного исследования были сделаны выводы о некоторых различиях и сходствах нормативных предписаний, которыми регулируется порядок реализации прав граждан на обращение. Отмечены слабые и сильные аспекты реализации затронутого права с учетом различных способов передачи обращения от заявителя к объекту его получения. Отдельно затронут вопрос такого понятия, как «петиция», описаны его свойства и особенности подачи, а также законодательные нормы его использования в контексте построения модели взаимодействия между гражданином и государством (органами публичной власти). Автором сформулированы конкретные предложения по изменению статьи 33 Конституции РФ и Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Ключевые слова: петиция, обращение, институт обращений, жалоба, публичная власть, обращения граждан, законодательство зарубежных стран, коллективные обращения, право на обращение, заявление, предложение, жалоба, критическое замечание, меморандум, прошение, обвинение, гарантии конституционализма, зарубежный опыт, конституционные гарантии, демократия.

Цитирование: Степкин С. П. Особенности нормативно-правового регулирования реализации права граждан на обращения в зарубежных странах (сравнительно-правовое исследование) // Государство и право. 2023. № 9. С. 53–63.

DOI: 10.31857/S102694520026904-5

**FEATURES OF THE REGULATORY REGULATION
OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF CITIZENS
TO APPEAL IN FOREIGN COUNTRIES
(COMPARATIVE LEGAL RESEARCH)**

© 2023 S. P. Stepkin

Russian State Social University, Moscow

E-mail: stepkin.sciences@mail.ru

Received 30.07.2023

Abstract. In the article, the author conducted a comparative analysis between the legislative approaches of various states on the functioning and development of the institution of citizens' appeals. According to the results of the study, conclusions were drawn about some differences and similarities of regulatory prescriptions that regulate the procedure for the exercise of citizens' rights to appeal. The weak and strong aspects of the implementation of the affected right are noted, taking into account the various ways of transferring the appeal from the applicant to the object of its receipt. Separately, touches on the issue of such a concept as "petition", describes its properties and features of submission, as well as the legislative norms of its use in the context of building a model of interaction between a citizen and the state (public authorities). The author formulated specific proposals to amend Article 33 of the Constitution of the Russian Federation and the Federal Law "On the procedure for considering appeals of citizens of the Russian Federation".

Key words: petition, appeal, institute of appeals, complaint, public authority, appeals of citizens, legislation of foreign countries, collective appeals, right to appeal, statement, proposal, complaint, critical remark, memorandum, petition, accusation, guarantees of constitutionalism, foreign experience, constitutional guarantees, democracy.

For citation: *Stepkin, S.P. (2023). Features of the regulatory regulation of the implementation of the right of citizens to appeal in foreign countries (comparative legal research) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 53–63.*

Являясь формой правления, демократия гарантирует власть народу, который может ее реализовать непосредственно (прямая демократия) либо через избранных представителей (представительная демократия), и в большей степени отождествляется с политическими процессами.

В случае как прямой, так и представительной демократии обращения граждан являются основным средством коммуникации и донесения до власти и избранных своей позиции по тем или иным вопросам (мнений, претензий, идей), отстаивания своих прав и интересов, обеспечения гарантии подотчетности всех органов публичной власти и их должностных лиц народу, привлечения последних к ответственности. Они обеспечивают не только связь, но и обмен мнениями, заставляют государство реагировать на потребности и интересы граждан.

Именно с развитием демократических начал в государстве совершенствовался институт обращения граждан при одновременном изменении условий оценки основных конституционных прав гражданина и человека — важнейший компонент демократического общества. Таким образом, обращения граждан, безусловно, могут считаться одним из инструментов демократических процедур, реализующим участие граждан в деятельности публичной власти.

История института обращений показывает, что его начало и развитие в правовой сфере есть следствие того, насколько указанные принципы были успешно применены. Без сомнения, в некоторых государствах это происходило раньше¹. Так, право на обращение получило свое изначальное закрепление в Основных нормах государств

англосаксонской системы права. Согласно общепринятому пониманию, данный институт зародился в Великобритании. В частности, в принятом в 1689 г. Билле о правах впервые было зафиксировано право на петиции. В рамках данного нормативного правового акта английским подданным без последствий разрешалось обращаться с неограниченным числом петиций к королю.

В свою очередь, в Российском государстве предпосылки зарождения института обращения граждан просматриваются на рубеже XV–XVI вв., когда одной из форм реализации рассматриваемого права была челобитная — письменное или устное обращение, передаваемое лично либо через должностное лицо при условии, что адресатом был сам государь. Правила подачи такого обращения были прописаны в Судебнике 1497 г., которым закреплялась не только возможность самой подачи обращения (челобитной), но и был введен порядок их рассмотрения и, если это было необходимо, передачи по инстанциям². Это свидетельствует о том, что затронутый порядок начал свое образование намного раньше, чем в свет вышли такие источники права, как конституции и т.п.

В последние годы международное право в области прав человека имеет все большее воздействие на системы государственных органов стран мира и, соответственно, на рабочие реалии ряда должностных лиц. В этой связи большое значение имеет изучение прав человека на обращение в органы публичной власти и к их должностным лицам в различных государствах, имеющих различные конституционные, демократические, экономические и исторические начала и развития, а также

¹ См.: Панюшкина Я.В., Чепрасов М.Н. История развития законодательства по обращениям граждан // Инновации. Наука. Образование. 2022. № 50. С. 1536–1544.

² См.: Комментарии к Судебнику 1497 года. URL: <http://vur-05-1.narod.ru/istotgp/kom1497.htm> (дата обращения: 13.02.2023).

использование положительного зарубежного опыта данных стран в российском праве.

Институт права на обращение человека в государственных органах власти и органы местного самоуправления представляет собой один из старейших способов коммуникации между государством и населением и, по мнению ряда ученых, тесно связан с принятием в 1215 г. Великой хартии вольностей, предусматривающей порядок подачи жалоб королю и их рассмотрения³.

В.В. Кузнецов, проводя исследование исторического развития конституционализма в Западной Европе, отмечает, что основной объект конституционных гарантий прав и свобод человека сформировался на самых ранних этапах современного развития конституционализма⁴. При этом ряд исследователей отмечают содержание в современном западном конституционном праве противоречия свободы и власти (принуждения)⁵.

В настоящее время в конституциях примерно 30% государств — членов Организации Объединенных Наций право на обращение упоминается лишь в общих чертах (Словения, Таиланд, Франция, ЮАР, Япония), и примерно в 30% стран конституционные нормы получают свое развитие в национальных законодательных актах. При этом судебная практика конституционного контроля в данной сфере автором не обнаружена⁶. Возможно, это обусловлено тем, что международными актами о правах человека право на обращение не отнесено к основному праву и лишь ограниченно упоминается в отдельных актах Европейского Союза⁷. В этом ключе обращает на себя внимание мнение М.В. Скрябиной о необходимости отнесения данного права к основным элементам международных правовых стандартов в области прав и свобод человека и гражданина⁸.

Благодаря нормативному закреплению права граждан на обращение у них появляется возможность удовлетворения интересов, как личных, так и общественных, данное право имеет высокое значение в силу его политической и социальной важности для укрепления демократии и конституционализма. П.А. Беляков совершенно верно указывает на особую роль обращений граждан, которые «способствуют усилению контроля населения за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления»⁹.

При сравнении конституционных актов зарубежных стран в части исследуемого права обращают на себя внимание некоторые различия правовых подходов. Так, в ряде стран находит свое закрепление «право на обращение» (Азербайджан, Беларусь, Испания, Казахстан, Колумбия, Македония, Таджикистан, Украина), в других — «право на петицию» (Австрия, Бельгия, Греция, Италия, Республика Корея, Мексика, Нидерланды, Швейцария, Япония, ЮАР), а в некоторых упоминаются оба варианта (Сербия). В отдельных государствах упоминаются меморандумы (Эстония), критические замечания (Албания, Йемен), просьбы (Аргентина), обвинения (Китай), требования (Кабо-Верде, Конго), прошения (Перу, Уругвай) и аналогичные закреплённым российским законом виды обращений — заявление, предложение и жалоба (Венгрия, Узбекистан). Таким образом, в ряде вышеуказанных норм произведено смешение понятий, а также излишне сокращены и конкретизированы виды обращений в органы публичной власти. Представляется, что в конституционных актах логичнее закреплять общее право на обращение, не конкретизируя его виды (заявление, предложение, жалоба, петиция и т.д.), оставляя это законодателям.

Анализ конституционных и законодательных положений иностранных государств показал, что отсутствует единый подход в определении субъектов, которым предоставлено право на обращение, в отдельных странах это «каждый» человек (Австрия, Албания, Венесуэла, Германия, Греция, Катар, Сербия, Хорватия, Швейцария), «житель» (Гватемала), в других — именно гражданин (Азербайджан, Вьетнам, Испания, Италия, Мексика, Монголия, Румыния, Таджикистан), а в ряде — и юридическое лицо (Австрия, Бахрейн, Бельгия, Германия, Испания, Кувейт, Люксембург, Португалия). Различен и круг адресатов обращения, где-то это публичные органы и публичные должностные лица (Армения, Венесуэла, Киргизия, Китай, Коста-Рика, Либерия, Монголия, Таджикистан), где-то только публичные органы (Аргентина, Вьетнам,

³ См.: Фомина М.Г., Мальцев Н.Г. Право на обращение в органы публичной власти в зарубежных странах: история становления и развития // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 3 (26). С. 123.

⁴ См.: Кузнецов В.В. Судебные гарантии прав человека в системе конституционных гарантий стран Западной Европы // Росс. судья. 2018. № 7. С. 56.

⁵ См.: Чиркин В.Е. Базовые ценности конституционализма в XXI веке. М., 2013. С. 13, 14.

⁶ См.: Зарубежная практика конституционного контроля. Право на обращение в публичные органы и организации // Конституционный Суд Российской Федерации. 2012. С. 9 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: [http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/Право на обращение 2012.pdf](http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/Право%20на%20обращение%202012.pdf)

⁷ См.: там же.

⁸ См.: Скрябина М.В. Международные стандарты реализации права граждан на обращение в органы публичной власти // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 29. С. 106.

⁹ Беляков П.А. Защита прав граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // Законность. 2014. № 4. С. 11.

Греция, Италия, Куба, Нидерланды, США, Швейцария, Эквадор) или только публичные должностные лица (Мексика, Панама), а где-то публичные органы и публичные организации (Германия, Испания, Корея, Коста-Рика, Сербия, Таджикистан, Туркменистан, Турция)¹⁰. Дисбаланс возникает при сопоставлении норм конституций прибалтийских республик (например, Латвия, Эстония), которые, с одной стороны, декларируют право на обращение для каждого (не только граждан), а с другой стороны, как отмечает С.В. Нарутто, устанавливают условие обращения и получения ответа только на национальном языке¹¹.

В мировой практике понятие «публичные органы» также не имеет четкого законодательного отражения и разнится. В частности, в таких странах, как Куба, Словакия, Уругвай и Швейцария, указанное понятие охватывается исключительно органами государственной власти и муниципального управления. В Бахрейне, Испании, Йемене, Катаре, Люксембурге и Омане в его содержание включаются только органы государственной власти, в Лихтенштейне и Италии к таковым относят исключительно органы законодательной власти, в Германии — органы народного представительства, а в Либерии — правительство страны.

В конституциях зарубежных стран не только отражена возможность подачи соответствующего обращения, но и содержится нормативное предписание обращаться в орган, который непосредственно уполномочен рассматривать их. Так, право на обращение в письменной форме в компетентный орган закреплено в ст. 17 Основного закона Федеративной Республики Германия¹². В свою очередь, в ст. 45-с установлено, что рассмотрение и разрешение данных обращений входит в юрисдикцию специального комитета по петициям, создаваемого Бундестагом, порядок действия которого определяется отдельным законом. О праве направления обращения (прошения, требования, петиции) именно в компетентный орган указано в конституциях Боливарианской Республики Венесуэла (ст. 51)¹³, Республики Парагвай (ст. 40)¹⁴, Республики Перу (п. 2 ст. 2)¹⁵, Демократической Республики Конго

(ст. 18)¹⁶, Республики Мозамбик (ст. 79)¹⁷ и Королевства Нидерландов (ст. 5)¹⁸. Данные нормы представляются весьма прогрессивными и «дающими сигнал» каждому на необходимость обращения именно в компетентный орган, не перегружая другие органы власти.

Норма ст. 29 Конституции Королевства Испания¹⁹ закрепляет за гражданами право направлять индивидуальные и коллективные обращения, форму которых определит закон. В развитие данной нормы принят Органический закон «О праве на петицию»²⁰. Таким образом, можно констатировать, что в Испании петиции отнесены к обращениям, что отражено в Конституции страны. В конституциях Республики Кабо-Верде²¹ (ст. 59), Республики Мозамбик²² (ст. 79) и Португальской Республики²³ (ч. 1 ст. 52) петиции упоминаются как вид обращения наряду с жалобами и требованиями. В то же время в США порядок обращения замкнут на нормы права, которые к «петиции» относят обращения с жалобами²⁴.

Весьма интересной и перспективной с точки зрения возможного заимствования в российское право является норма ст. 11 Основного закона Австрии от 21 декабря 1867 г. «Об общих правах граждан королевств и земель, представленных в Имперском Совете»²⁵, являющегося составной частью Конституции Австрии, которой закреплено право каждого на подачу петиций, однако право подачи коллективных петиций предоставлено исключительно легализованным объединениям и корпорациям. Схожая норма содержится в ст. 29 Конституции

¹⁶ См.: Зарубежная практика конституционного контроля. Право на обращение в публичные органы и организации // Конституционный Суд Российской Федерации. 2012. С. 53 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/Право на обращение 2012.pdf>

¹⁷ См.: URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Mozambique_2007 (дата обращения: 16.03.2023).

¹⁸ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. С. 603.

¹⁹ См.: там же. С. 33.

²⁰ См.: Законы Испании. URL: <https://www.abcspain.ru/zakony-ispanii/> (дата обращения: 09.01.2023).

²¹ См.: Конституции государств Африки и Океании: сб. Т. 4. Западная Африка / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2021. С. 441.

²² См.: URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Mozambique_2007 (дата обращения: 16.03.2023).

²³ См.: Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. С. 733.

²⁴ См.: Конституция США. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 12.02.2023).

²⁵ См.: Конституции государств Европейского Союза: сб. М., 1997. С. 3–100.

¹⁰ См.: Беляков П.А. Указ. соч. С. 10–12, 16.

¹¹ См.: Нарутто С.В. Обращение граждан в органы публичной власти: учеб. М., 2021. С. 466.

¹² См.: Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. 8-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 164–245.

¹³ См.: Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3: Южная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2006. С. 322.

¹⁴ См.: там же. С. 707.

¹⁵ См.: там же. С. 789, 790.

Королевства Бахрейн²⁶. Согласно ст. 28 Конституции Королевства Бельгия²⁷ от имени коллектива обращаться к публичным властям могут исключительно учредительные органы, а в соответствии со ст. 51 Конституции Румынии²⁸ и ст. 52 Конституции Республики Молдова²⁹ — законно созданные организации. Требование о законной регистрации организации и юридического лица при подаче коллективного обращения установлено и ст. 45 Конституции Государства Кувейт³⁰. Вместе с тем в международном праве встречаются случаи запрета подавать петиции от имени объединения (ст. 29 Конституции Республики Гаити³¹) либо запрета подавать от имени народа петиции в принципе. В последнем случае предоставлено право направлять жалобы (ч. 15 ст. 23 Конституции Эквадора³²).

Конституцией Китайской Народной Республики³³ закреплена обязанность государственных органов проверять жалобы, обвинения и заявления именно граждан. Однако такие обращения не должны содержать сведения, искажающие действительность, либо строиться на выдвижении ложных обвинений. При этом в качестве получателей таких обращений выступают все государственные органы и государственные служащие (ст. 41). Такая формулировка создает на конституционном уровне обязанность рассматривать обращения, а не только право их подачи. Интересным отличием представляется то, что конституционное видение китайского законодателя позволяет в таких обращениях критиковать действия власти. Таким образом, в отличие от российского представления о конституционном выражении рассматриваемого права, китайские принципы подачи такого обращения имеют более широкое толкование. Как показывают опросы общественного мнения, «механизмом реализации конституционного права китайских граждан на обращение» в стране удовлетворены 74% опрошенных³⁴.

²⁶ См.: Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1: Западная Азия / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2010. С. 30.

²⁷ См.: Конституции государств Европы: 3 т. Т. 1 / под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. С. 331.

²⁸ См.: там же. Т. 3 / под ред. Л.А. Окунькова. С. 51.

²⁹ См.: там же. Т. 2 / под ред. Л.А. Окунькова. С. 539.

³⁰ См.: Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 1: Западная Азия / под ред. Т.Я. Хабриевой. С. 362.

³¹ См.: Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 2: Карибский регион / под ред. Т.Я. Хабриевой. С. 265.

³² См.: там же. Т. 3: Южная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. С. 1084.

³³ См.: Конституции государств Азии: в 3 т. Т. 3: Дальний Восток / под ред. Т.Я. Хабриевой. С. 235.

³⁴ См.: Романовская Г.А. Китай — Россия: сравнительный анализ реализации гражданами права на обращение // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск, 2009. Ч. 43. С. 115.

Выделяющимся следует назвать требование об уважительной форме обращения в государственные органы, закрепленное в ст. 23 Конституции Колумбии³⁵.

Конституция Боливарианской Республики Венесуэла прямо закрепляет ответственность должностных лиц, нарушивших право граждан на обращение, вплоть до отрешения от занимаемой должности (ст. 51). Данная норма, безусловно, способствует повышению доверия граждан к властям страны.

Согласно ст. 40 Конституции Республики Парагвай факт непредоставления ответа на обращение в установленный законом срок свидетельствует об отклонении петиции. Представляется, что данная норма не отвечает интересам прежде всего человека, так как он фактически лишается возможности установления случаев халатности должностных лиц, пропустивших срок предоставления ответа или потерявших петицию, а данные нарушения всегда можно квалифицировать как отклонение прошения.

В некоторых странах право на обращение напрямую не прописывается в основном законе, а находит свое косвенное отражение в иных положениях. В частности, в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Французской Республики³⁶ (подтверждена Французской конституцией 04.10.1958 г.) нет конкретного указания на то, что каждый гражданин имеет право на обращение. Однако, если посмотреть на иные положения Декларации, можно увидеть, что такое право исходит из иных предписаний, непосредственно затрагивающих возможность для граждан личного участия в управлении государством (ст. 6), в том числе и с целью формирования законов, а также право на высказывание своего собственного мнения путем выражения его в письменном виде (ст. 11). Так, в ст. 15 Декларации закреплено право общества требовать отчет у каждого должностного лица, несущего ответственность за определенный участок своей деятельности.

Не менее интересным представляется вопрос конституционного регулирования сферы обращений в странах СНГ. В частности, ст. 40 Конституции Республики Беларусь³⁷ гласит, что каждый вне зависимости от наличия гражданства имеет возможность подать личное либо коллективное обращение в государственные органы. При этом именно в Конституции закреплено, что

³⁵ См.: Конституции государств Америки: в 3 т. Т. 3: Южная Америка / под ред. Т.Я. Хабриевой. С. 551.

³⁶ См.: URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/anglais/cst2.pdf (дата обращения: 08.01.2023).

³⁷ См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (ncpi.gov.by). 1999. № 1. 1/0.

на государственный орган возлагается обязанность рассмотреть данное обращение по существу и в обязательном порядке дать по нему мотивированный ответ в определенный законом срок. Важно то, что в рассмотрении обращения может быть отказано при условии, что данный отказ изложен в письменной форме и мотивирован. Таким образом, Основной закон Республики Беларусь изначально определяет обязанность соответствующего реагирования на обращения.

В Конституции Азербайджанской Республики³⁸ закреплено право именно граждан страны обращаться лично или коллективно в государственные органы, а также необходимость предоставления письменного ответа на каждое обращение. При этом для военнослужащих предусмотрено только индивидуальное обращение. Отдельное закрепление получило право на критику, не содержащую оскорбления и клевету, причем в отношении не только государственных и общественных институтов, но и отдельных граждан (ст. 57). Нормами Закона Азербайджанской Республики от 10 июня 1997 г. № 314-ІГ (ред. от 24.07.2011) «О порядке рассмотрения обращений граждан»³⁹ расширен круг адресатов обращений, в него вошли «учреждения, организации и предприятия» (ст. 3).

Конституции республик Казахстан (ст. 33)⁴⁰ и Таджикистан (ст. 31)⁴¹ содержат нормы, аналогичные нормам Конституции РФ. Однако нормы Закона Республики Таджикистан от 23 июля 2016 г. № 1339 (ред. от 24.09.2020) «Об обращениях граждан»⁴² отличаются от российских, в нем расширен перечень адресатов. К ним, в частности, отнесены общественные объединения и все виды юридических лиц (ст. 1).

Конституция Республики Армения⁴³ прямо предусматривает право обращения каждого к Защитнику прав человека (ст. 52), на подачу петиции (ст. 53), при этом реализация данных прав осуществляется на основании соответствующих законов, а также на обращение в международные органы по защите прав человека (ст. 61).

³⁸ См.: Официальный сайт Президента Азербайджанской Республики // <http://president.az> (дата обращения: 12.03.2023).

³⁹ См.: URL: <https://mia.gov.az/ru/legislation/1/view/43/> (дата обращения: 17.03.2023).

⁴⁰ См.: Официальный сайт Президента Республики Казахстан // <http://www.akorda.kz> (дата обращения: 12.03.2023).

⁴¹ См.: Официальный сайт Президента Республики Таджикистан // <http://www.president.tj> (дата обращения: 12.03.2023).

⁴² См.: Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан (www.ncz.tj).

⁴³ См.: Официальный сайт Президента Республики Армения // <http://www.president.am> (дата обращения: 12.03.2023).

Таким образом, оценивая право на обращение в качестве объекта конституционного регулирования, можно выделить три основных аспекта. Во-первых, практически в каждом приведенном источнике такое право закреплено официально, следовательно, оно относится к одному из основополагающих конституционных (гражданских) прав, реализация которого опосредована созданием необходимых демократических начал при управлении государством и обществом.

Во-вторых, в разных источниках его сущность выражается по-разному. В одних через призму действия норм, определяющих развитие вышеупомянутых начал, в других — напрямую. Это говорит о том, что природа зарождения и развития права на обращение тесно связана с иными гражданскими правомочиями и может носить опосредованный характер. В то же время такое положение дел свидетельствует о заимствовании ряда нормативных принципов одними законодателями у других.

В-третьих, конституционное понимание права на обращение нередко связывается с наличием отдельного закона, который, как указано в ряде источников, конкретизирует порядок его использования, устанавливая формы, сроки и правила их рассмотрения.

Логично будет упомянуть, что в мировой практике право на обращение не всегда закрепляется посредством конституционной нормы. Более того, в некоторых государствах такое упоминание в основных законах вообще отсутствует (Австралия, Алжир, Бразилия, Индия, Ирландия, Исландия, Канада, Литва, Норвегия, Пакистан, Туркменистан, Франция и др.⁴⁴). В данном случае аспект нормативно-правового регулирования обращений в органы государственной власти выстраивается через призму принятия отдельного (специального) закона, которым порядок подачи обращения, а также его рассмотрения реализуется.

В частности, некоторые авторы, отмечая разносторонность «права на обращение», указывают, что, несмотря на схожесть доктринального (как в западной, так и в отечественной науке) понимания его конституционной интерпретации и общего правового смысла, законодательное представление его выражения не всегда отражается так, как того требует реальность. Причина этого в политической составляющей, нередко используемой для подавления сути действия права на обращение, несущего в себе возможность прежде всего критиковать

⁴⁴ См.: Зарубежная практика конституционного контроля. Право на обращение в публичные органы и организации // Конституционный Суд Российской Федерации. 2012. С. 9 [Электронный ресурс]. — Режим доступа. URL: [http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/Право на обращение 2012.pdf](http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/Право%20на%20обращение%202012.pdf)

органы власти и подвергать их конструктивной обструкции⁴⁵.

Вышеобозначенной позиции придерживаются и другие исследователи, которые, проводя параллели между законодательными подходами других государств по данному вопросу, отмечают, что нормативное отражение сути права на обращение основано на принципах развития демократических начал, что обязывает учитывать его в числе основных конституционных прав, а также декларировать в числе такого правового явления, как свободное самовыражение. Однако более предметный взгляд на реализацию затронутого права показывает, что его эссенция может иметь значительные отличия и находиться в зависимости прежде всего от общего развития всей политической системы государства.

Оценивая содержание актов, определяющих действие механизма реализации права на обращение, была выявлена одна общая особенность. В упомянутых законах нет единого понимания цели затронутого субъективного права. С одной стороны, это говорит о различии представлений народов мира о субъективном праве, с другой — свидетельствует о временной невозможности достижения объективного представления о том, насколько сильно должна быть зависима сфера управления обществом и государством от его непосредственного выражения.

Проводя аналогии между действенностью нормативных предписаний и положениями схожих законов ряда иностранных государств, следует отметить, что выявление расхождений или тождественности в оценке законодательной позиции, определяющей право на обращение в иных государствах, не всегда возможно. Причина сложившегося положения в том, что только в части государств данный вопрос раскрыт «надлежащим» образом: помимо указания на такое право в конституции в государстве применяется еще и закон, конкретизирующий действие права на обращение при определенных условиях и даже существенно расширяя его.

Учитывая затронутые параметры, необходимо в первую очередь обратиться к опыту тех государств, позиция которых в этом вопросе схожа или была схожа с российской. В частности, в Казахстане принят нормативный правовой акт, где право на обращение предоставляется не только субъектам права, обладающим гражданством Республики Казахстан, но и тем, кто установленным административным

статусом не обладает. Такой же порядок действует в отношении юридических лиц. Остановимся на том, что делает упомянутый источник интересным с точки зрения анализа. Прежде всего стоит сказать, что Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан⁴⁶ подменил собой другой закон — Закон Республики Казахстан от 12 января 2007 г. № 221-III (с изм. и доп. по сост. на 01.01.2020 г.) «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц»⁴⁷.

Наиболее интересным представляется то, что рассмотрение обращений согласно положениям Кодекса РК проходит в рамках специальной административной процедуры, которая, в свою очередь, включает в себя несколько стадий. Так, в соответствии со ст. 66 Кодекса РК началу такой процедуры предшествует уведомление заявителя, где указываются место и время проведения мероприятий, необходимых для осуществления административной процедуры. Кроме того, гражданин получает дополнительную информацию о том, кем будет рассмотрена его жалоба, и на основании личных сомнений в объективности оценки вправе требовать приобщения иных сведений и даже заявлять отводы (ст. 67 Кодекса РК). Интересным представляется то, что указанный акт содержит основания, позволяющие прекратить административное производство по обращению гражданина (ст. 70 Кодекса РК).

Кодекс РК также содержит положение, устанавливающее возможность направления в органы государственной власти такого вида обращения, как отклик. Данная категория обращения позволяет выразить свое несогласие с проводимой государством внутренней и внешней политикой, а также с иным событием общественного характера (ст. 4).

Без сомнения, положительным в оценке требований рассматриваемого Кодекса РК является то, что им установлена возможность подавать обращения к субъектам предпринимательства. На современном этапе, когда роль предпринимателей в построении здорового социально-экономического пространства не вызывает сомнений, логично обратить внимание на то, что большинство услуг и товаров производится именно ими. В указанной связи интерес общества к их качеству постоянно растет. Так, казахстанский законодатель, установив, что предприниматели обязаны давать ответы по обращениям граждан, а также иных юридических лиц, изменил сложившееся положение. Кроме

⁴⁵ См.: Качаров М.А. Актуальное состояние государственно-правовой политики в сфере реализации конституционного права граждан на обращения в органы государственной власти // Научное сообщество студентов XXI столетия. общественные науки: сб. ст. по материалам XCIV студенческой Междунауч.-практ. конф. Новосибирск, 2020. Т. 10 (93). С. 41.

⁴⁶ См.: Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 29.06.2020 г. № 350-VI (ред. 12.01.2023) // Казахстанская правда. 2020. 30 июня.

⁴⁷ См.: Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан (adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000221) (дата обращения: 20.01.2023). Утратил силу.

того, установлено, что отказ в принятии обращения недопустим.

Таким образом, можно отметить, что Кодекс РК содержит значительное количество достоинств и в определенной степени преимуществ перед регулированием схожих вопросов в России. В первую очередь удалось установить, что казахстанский законодатель, интегрируя вопрос рассмотрения обращений в Кодекс РК, представил порядок рассмотрения обращений в качестве отдельной административной процедуры, выделенной в отдельную главу. Данный правотворческий прием позволяет придать указанной процедуре правовую устойчивость и одновременно с этим относит рассматриваемые отношения к сфере действия норм административного права. Наиболее прогрессивным в таком случае представляется то, что в ходе реализации установленной административной процедуры заявитель наделяется ровно такими же полномочиями, как и в судебном производстве: право отвода, уведомление о проведении слушания и др. На наш взгляд, это существенно расширяет возможности реализации конституционного права заявителя, а также делает вопрос рассмотрения затронутых обращений более открытым и понятным.

Вместе с тем Е. В. Мицкая отмечает в качестве недостатка Кодекса РК усеченное понимание термина «обращение», предусматривающего подачу лишь заявлений и жалоб, а также указывает на необходимость перенять опыт законодателей стран СНГ и др. в части дополнения термина откликом, запросом и предложением⁴⁸.

Другой пример законодательного подхода подачи обращений к публичным структурам и их рассмотрения — Закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З (ред. от 28.06.2022) «Об обращениях граждан и юридических лиц»⁴⁹, который определяет в качестве заявителей граждан и юридических лиц, а в качестве адресатов обращений организации и индивидуальных предпринимателей по вопросам их компетенции (ч. 2 ст. 10). При этом виды обращений (предложение, заявление, жалоба) и способы их подачи аналогичны установленным российским законодательством. Любое обращение подлежит рассмотрению, при учете того, что его содержание соответствует правилам, изложенным в ст. 12 Закона РБ.

Статьей 16 Закона РБ установлена возможность отзыва обращения, при этом такое право

предоставляется заявителю до того, как рассмотрение обращения было произведено.

Оценивая сроки рассмотрения данных обращений, можно отметить, что их расчет отличается от установленного российским законодателем. В частности, общий срок составляет 15 дней, при этом его продление до месяца допускается на том основании, что для принятия решения по обращению требуется дополнительное время, а также запрос документов. В соответствии со ст. 17 Закона РБ срок рассмотрения обращений может изменяться, если порядок их рассмотрения регулируется отдельным законом.

Оценивая позицию белорусского законодателя по данному вопросу, логично отметить, что его представления о прерогативе полномочий в целом схожи с российской. Между тем существенным отличием между двумя законодательными позициями является то, что в Законе РБ действует отдельная статья, определяющая обязанности заявителей. В частности, ст. 8 Закона РБ на заявителя возложена обязанность: подавать обращения только в те органы и учреждения, которые компетентны дать ответ по направленному обращению; при подаче обращения, а равно и при изложении фактов в его содержании, быть культурным и вежливым, не использовать нецензурных и оскорбительных слов; в случае смены места жительства ставить в известность орган, куда обращение было направлено. Учитывая, что в российском законе нет подобных требований, можно охарактеризовать их наличие как аспект более осмысленного подхода в определении прав и обязанностей затронутых отношений. Однако в отличие от российского законодателя, связывающего определение круга обязанностей с конкретной ответственностью за их ненадлежащее исполнение, Законом РБ такая ответственность не предусмотрена. В числе прочих расхождений можно указать и то, что в Законе РБ предусмотрена отдельная ст. 20, регламентирующая порядок обжалования ответов на обращения, что является важным для понятийного восприятия гражданами и повышения доверия к власти.

Заключение. Выводы исследования

Благодаря сравнительной оценке положений исследованных нормативных правовых актов, доктринальных позиций, затрагивающих правовую природу и сущность такой формы выражения собственного мнения, как обращение, можно отметить, что законодательное установление права на обращение носит повсеместный характер. Практически в каждом государстве право на обращение имеет концептуальное отражение. Однако «право на обращение» необходимо отнести к одной из основных конституционных гарантий и закрепить его в конституциях всех государств мира.

⁴⁸ См.: Мицкая Е. В. Недостатки законодательного закрепления термина «обращение» и каждого вида обращения в Административном процедурно-процессуальном кодексе Республики Казахстан // Наука. 2020. № 3 (66). С. 23.

⁴⁹ См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 83. 2/18525 (дата обращения: 09.01.2023).

Между тем, несмотря на то что возможность обращения в органы власти относится к важнейшим конституционным (субъективным) правам граждан, в большинстве стран его юридическое сопровождение находит свое выражение в различных моделях представления о том, насколько активная гражданская сознательность может позитивно влиять на состояние дел в обществе. Различные подходы свидетельствуют и о разном уровне развития демократии в зарубежных государствах, в ряде случаев об отсутствии прямых гарантий конституционализма.

Анализ исследования строился на учете двух позиций:

1) конституционное отражение права на обращение. Здесь законодательная логика Российского государства мало чем отличается от той, что присуща какой-то конкретной стране. В свою очередь, основу такой логики составляет официальное признание такого права со стороны общества (народа), а также его базовое правовое и доктринальное закрепление в основном законе. Несмотря, по сути, на тождественную концептуальность в данном вопросе, в некоторых странах право на обращение декларируется по-иному. Дело в том, что законодательная категоризация субъективных прав в целом, а также выражение их сущности с точки зрения философии конкретного общества не имеют одинаковой точки опоры. В одном обществе более развито прогосударственное начало, что не позволяет сделать доступ граждан к общению с публичной властью максимально сбалансированным. В другом — данный вопрос решается с позиции развития и внедрения основ либертарной парадигмы, устанавливающей, что государство только форма, которая вбирает в себя любые принципы оценки взаимодействия и выстраивает их работу таким образом, чтобы целью первостепенной защиты были именно права и свободы граждан. Так или иначе важно отметить то, что не во всех государствах право на обращение имеет фундаментальное отражение, однако это не свидетельствует о том, что его прерогатива не сформирована вовсе. В некоторых государствах право на обращение выражается как средство построения диалога с органами публичной власти (Россия, Германия, Италия), в иных, например в Китае и Казахстане, — это еще и средство критики, направляемой в адрес органа управления. Учитывая вектор законодательных предпочтений, отраженных в данном исследовании на примере конкретных актов, полагаем, что правовой (конституционный) формат, предоставляющий возможность официального обращения гражданина в органы государственной и муниципальной власти, представляет собой социальное явление. При этом его свойства, составляющие, средства и иные правовые аспекты

целиком и полностью зависят от того, какую роль политическое руководство отводит общественному мнению в качестве важнейшего социального регулятора;

2) законодательное представление о реализации права на обращение: порядок, сроки, обжалование. Проведя анализ источников, регулирующих вопрос подачи (направления) обращений к органам, заметим, что право на обращение практически всеми законодателями признается в качестве обязательного, но принципы толкования такой обязательности проистекают порой от диаметрально противоположного представления о гражданских правомочиях. К примеру, часть рассмотренных выше законодательных положений (прежде всего содержащихся в отдельных законах) иных стран более предметно регулируют вопрос оценки обращения, его свойств и надлежащего контроля за их рассмотрением, но это не значит, что вопрос конструктивности в данных странах решается лучше, чем в России. Это говорит о том, что само по себе обращение как конституционная гарантия вовсе не гарантирует того, что такое обращение будет рассмотрено в соответствии с гражданскими представлениями о силе свободы слова и его выражении.

Отмечая это, обратим внимание на то, что в некоторых государствах (Китай, Казахстан) наблюдается применение более прогрессивных взглядов в оценке правового положения субъектов обращения. В нормах, указывающих на необходимость рассмотрения абсолютно всех обращений, содержится требование о непосредственной обязанности сторон предметно взаимодействовать по ряду моментов, связанных с их рассмотрением. Намного шире изложены права участников как по части возможности возвращения обращения на определенных основаниях, так и в случаях необходимости заявления отвода конкретному должностному лицу. Кроме того, в самих законах моделируются диспозиции, которые позволяют учитывать не только фактуру подачи самих обращений, но и последовательное (возможное) развитие событий, связанных с его рассмотрением.

Очерчивая логику схожести и различий нормативных подходов, остается сказать, что прогрессивность в затронутом вопросе наблюдается там, где идея законодателя развивается по пути выделения затронутого направления в отраслевое. Именно такой подход позволяет четко смоделировать не только правила направления обращений и их рассмотрение, но и сгенерировать иные понятия, которыми законодатель обязан апеллировать в условиях необходимости развития прежде всего процессуальных аспектов, связанных с подачей обращения и его справедливого разрешения.

На наш взгляд, в Российской Федерации на уровне конституционного акта следует закрепить право **каждого** (включая как физических, так и юридических лиц, как граждан, так и иностранцев и лиц без гражданства), **кто находится на территории Российской Федерации на законных основаниях**, подавать обращения в **компетентные органы публичной власти** (а не только «в государственные органы и органы местного самоуправления»).

В Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁵⁰ необходимо:

с учетом важной роли обращений от коллективов закрепить право подавать коллективные обращения исключительно гражданами, прошедшими идентификацию, и юридическими лицами, имеющими государственную регистрацию и законно осуществляющими свою деятельность на территории нашей страны;

закрепить не право, а обязанность направлять обращения в органы публичной власти, **к компетенции которых отнесено** рассмотрение поставленных в обращении вопросов, при этом сохранив норму о необходимости перенаправления обращения по компетенции в случае, если гражданин неверно определил компетенцию того или иного органа;

определить правовой статус петиции и требования к данному виду обращения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляков П.А.* Защита прав граждан на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления // *Законность*. 2014. № 4. С. 10–12, 16.
2. Зарубежная практика конституционного контроля. Право на обращение в публичные органы и организации // Конституционный Суд Российской Федерации. 2012. С. 9, 53 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: [http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/Право на обращение 2012.pdf](http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/Право%20на%20обращение%202012.pdf)
3. *Качаров М.А.* Актуальное состояние государственно-правовой политики в сфере реализации конституционного права граждан на обращения в органы государственной власти // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по материалам ХСIV студенческой Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2020. Т. 10 (93). С. 41.
4. Комментарии к Судебнику 1497 года. URL: <http://vur-05-1.narod.ru/istotgp/kom1497.htm> (дата обращения: 13.02.2023).
5. Конституции государств Азии: в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2010. Т. 1: Западная Азия. С. 30, 362; т. 3: Дальний Восток. С. 235.

⁵⁰ См.: Росс. газ. 2006. 5 мая.

6. Конституции государств Америки: в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. М., 2006. Т. 2: Карибский регион. С. 265; т. 3: Южная Америка. С. 322, 551, 707, 789, 790, 1084.
7. Конституции государств Африки и Океании: сб. Т. 4. Западная Африка / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2021. С. 441.
8. Конституции государств Европейского Союза: сб. М., 1997. С. 3–100.
9. Конституции государств Европы: в 3 т. / под ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. Т. 1. С. 331; т. 2. С. 33, 539, 603, 733; т. 3. С. 51.
10. Конституции зарубежных государств: Великобритания, Франция, Германия, Италия, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Япония: учеб. пособие. 8-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 164–245.
11. *Кузнецов В.В.* Судебные гарантии прав человека в системе конституционных гарантий стран Западной Европы // *Росс. судья*. 2018. № 7. С. 56.
12. *Мицкая Е.В.* Недостатки законодательного закрепления термина «обращение» и каждого вида обращения в Административном процедурно-процессуальном кодексе Республики Казахстан // *Наука*. 2020. № 3 (66). С. 23.
13. *Нарутто С.В.* Обращение граждан в органы публичной власти: учеб. М., 2021. С. 466.
14. *Панюшкина Я.В., Чепрасов М.Н.* История развития законодательства по обращениям граждан // *Инновации. Наука. Образование*. 2022. № 50. С. 1536–1544.
15. *Романовская Г.А.* Китай – Россия: сравнительный анализ реализации гражданами права на обращение // *Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст.* Томск, 2009. Ч. 43. С. 115.
16. *Скрябина М.В.* Международные стандарты реализации права граждан на обращение в органы публичной власти // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2007. № 29. С. 106.
17. *Фомина М.Г., Мальцев Н.Г.* Право на обращение в органы публичной власти в зарубежных странах: история становления и развития // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2017. № 3 (26). С. 123.
18. *Чиркин В.Е.* Базовые ценности конституционализма в XXI веке. М., 2013. С. 13, 14.

REFERENCES

1. *Belyakov P.A.* Protection of citizens' rights to appeal to state bodies and local self-government bodies // *Legality*. 2014. No. 4. P. 10–12, 16 (in Russ.).
2. Foreign practice of constitutional control. The right to appeal to public bodies and organizations // *Constitutional Court of the Russian Federation*. 2012. P. 9, 53 [Electronic resource]. – Access mode: URL: [http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/Право on appeal 2012.pdf](http://www.ksrf.ru/ru/Info/External/ComparativeOverview/Documents/8/Право%20на%20обращение%202012.pdf) (in Russ.).
3. *Kacharov M.A.* The current state of state-legal policy in the sphere of the implementation of the constitutional right of citizens to appeal to public authorities // *Scientific community of students of the XXI century. Social Sciences: collection of articles based on the materials of the XCIV Student International Scientific and Practical Conference*. Novosibirsk, 2020. Vol. 10 (93). P. 41 (in Russ.).

4. Comments on the Sudebnik of 1497. URL: <http://vur-05-1.narod.ru/istotgp/kom1497.htm> (accessed: 13.02.2023) (in Russ.).
5. Constitutions of Asian states: in 3 vols / ed. by T. Ya. Khabrieva. M., 2010. Vol. 1: Western Asia. P. 30, 362; vol. 3: Far East. P. 235 (in Russ.).
6. Constitutions of the States of America: in 3 vols / ed. by T. Ya. Khabrieva. M., 2006. Vol. 2: Caribbean region. P. 265; vol. 3: South America. P. 322, 551, 707, 789, 790, 1084 (in Russ.).
7. Constitutions of the States of Africa and Oceania: collection. Vol. 4. West Africa / ed. by T. Ya. Khabrieva. M., 2021. P. 441 (in Russ.).
8. Constitutions of the States of the European Union: collection. M., 1997. P. 3–100 (in Russ.).
9. Constitutions of the States of Europe: in 3 vols / ed. by L.A. Okunkov. M., 2001. Vol. 1. P. 331; vol. 2. P. 33, 539, 603, 733; vol. 3. P. 51 (in Russ.).
10. Constitutions of foreign countries: Great Britain, France, Germany, Italy, the European Union, the United States of America, Japan: textbook. 8th ed., rev. and add. M., 2012. P. 164–245 (in Russ.).
11. Kuznetsov V.V. Judicial guarantees of human rights in the system of constitutional guarantees of Western European countries // Russ. judge. 2018. No. 7. P. 56 (in Russ.).
12. Mitskaya E.V. Disadvantages of legislative consolidation of the term “appeal” and each type of appeal in the Administrative Procedural and Procedural Code of the Republic of Kazakhstan // Nauka. 2020. No. 3 (66). P. 23 (in Russ.).
13. Narutto S.B. Citizens’ appeals to public authorities: textbook. M., 2021. P. 466 (in Russ.).
14. Panyushkina Ya. V., Cheprasov M.N. History of the development of legislation on citizens’ appeals // Innovations. The science. Education. 2022. No. 50. P. 1536–1544 (in Russ.).
15. Romanovskaya G.A. China – Russia: comparative analysis of citizens’ realization of the right to appeal // Legal problems of strengthening Russian statehood: collection of articles. Tomsk, 2009. Part 43. P. 115 (in Russ.).
16. Scryabina M.V. International standards for the realization of the right of citizens to appeal to public authorities // Izvestiya of Herzen RSPU. 2007. No. 29. P. 106 (in Russ.).
17. Fomina M.G., Maltsev N.G. The right to appeal to public authorities in foreign countries: the history of formation and development // Herald of State and Municipal Administration. 2017. No. 3 (26). P. 123 (in Russ.).
18. Chirkin V.E. Basic values of constitutionalism in the XXI century. M., 2013. P. 13, 14 (in Russ.).

Сведения об авторе

СТЕПКИН Станислав Павлович —
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общей юриспруденции
факультета юриспруденции
и правового регулирования Российского
государственного социального университета;
129226 г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1
ORCID: 0000-0002-0946-6398

Authors’ information

STEPKIN Stanislav P. —
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General
Jurisprudence of the Faculty of Jurisprudence
and Legal Regulation of the Russian State
Social University;
4, bld. 1 Wilhelm Peak str., 129226 Moscow, Russia

ЦЕННОСТЬ ПРАВА И ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ В ГЛОБАЛИЗУЮЩЕМСЯ МИРЕ

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР КНИГИ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И МИРОВОЙ ПОРЯДОК, ОСНОВАННЫЙ НА ВЕРХОВЕНСТВЕ ПРАВА»¹

© 2023 г. П. Ю. Наумов^{1, *}, С. И. Захарцев^{2, **}, И. В. Холиков^{3, ***}, В. М. Большакова^{4, ****}

¹Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации,
г. Балашиха, Московская область

²Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

³Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

⁴Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Нижегородский институт управления — филиал)

*E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

**E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

***E-mail: iv_kholik@mail.ru

****E-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Поступила в редакцию 06.02.2023 г.

Аннотация. Как и все человечество, право и государство как социальные феномены и институты вступают в новую, неравновесную и динамическую фазу своего развития. Динамика этого развития наглядно демонстрирует несколько взаимосвязанных между собой тенденций. К этим тенденциям относятся: расширение глобальных интеграционных процессов при углублении противоречий между государствами и социальными группами; слом консолидированных международно-правовых норм; усиление роли военного компонента международного права и использование его в осуществлении глобальной политики; возрастание угрозы глобальных потрясений (эпидемий, войн, локальных конфликтов, голода и энергетического кризиса). Человечество находится в точке бифуркации, когда стремление к удовлетворению алчных интересов или патологических потребностей отдельных индивидуальных или коллективных субъектов может отбросить цивилизацию во тьму жестокого прошлого, где «право равного» и «право правового» будет заменено «правом сильного». Интеллектуальные и интеллигентные социальные прослойки в обозначенных условиях призваны формировать теоретические и методологические плацдармы для противостояния новым негативным тенденциям, вызовам и угрозам. Одной из форм такой работы являются подготовка и издание научных работ, раскрывающих противоположную варварскому способу бытия сторону — право и ценности. Через познание права и социальных ценностей, а также ценностей права наглядно демонстрируется эволюционный и цивилизационный путь современного человечества. В этом аспекте книга «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права», изданная в трех томах, — наглядный пример того, как эти противоречия разрешать. Авторы представляют в статье собственные рассуждения о ценностных концептах издания. Эти рассуждения приводятся с социально-философской и психологической точек зрения. Последовательно освещаются аксиологические характеристики, заложенные в книге, и ценностно-смысловые послышки, адресованные потенциальному читателю.

Ключевые слова: правовые ценности, глобализация, ценностное сознание, динамика смысловых структур, общественные ориентиры, справедливость, положительная значимость, солидарность, социальная консолидация.

Цитирование: Наумов П. Ю., Захарцев С. И., Холиков И. В., Большакова В. М. Ценность права и правовые ценности в глобализующемся мире // Аксиологический обзор книги «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права» // Государство и право. 2023. № 9. С. 64–72.

DOI: 10.31857/S102694520024304-5

¹ См.: Савенков А. Н. Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М.: Наука, 2021. Т. 1. — 769 с.; т. 2. — 506 с.; т. 3. — 644 с.

THE VALUE OF LAW AND LEGAL VALUES IN A GLOBALIZING WORLD

AXIOLOGICAL REVIEW OF THE BOOK “STATE AND LAW: HUMAN RIGHTS AND THE WORLD ORDER BASED ON THE RULE OF LAW”²

© 2023 P. Yu. Naumov^{1, *}, S. I. Zakhartsev^{2, **}, I. V. Kholikov^{3, ***}, V. M. Bolshakova^{4, ****}

¹Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops of the Russian Federation, Balashikha, Moscow Region

²St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard of the Russian Federation

³Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

⁴Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch)

*E-mail: petr.naumov.777@mail.ru

**E-mail: zakhartsev2306@mail.ru

***E-mail: iv_kholik@mail.ru

****E-mail: valentinabolshakova@rambler.ru

Received 06.02.2023

Abstract. Like all mankind, law and the state as social phenomena and institutions are entering a new, non-equilibrium and dynamic phase of their development. The dynamics of this development clearly demonstrates several interconnected trends. These tendencies include: expansion of global integration processes with deepening contradictions between states and social groups; demolition of consolidated international legal norms; strengthening the role of the military component of International Law and its use in the implementation of global politics; an increase in the threat of global shocks (epidemics, wars, local conflicts, famine and energy crisis). Humanity is at the point of bifurcation, when the desire to satisfy the greedy interests or pathological needs of individual subjects can throw civilization into the darkness of the cruel past, where the “right of equal” and “the right of the legal” will be replaced by the “right of the strong”. Intellectual and intelligent social strata in the indicated conditions are called upon to form theoretical and methodological springboards to counter new negative trends, challenges and threats. One of the forms of such work is the preparation and publication of scientific works that reveal the opposite side of the barbaric way of being – law and values. Through the knowledge of law and social values, as well as the values of law, the evolutionary and civilization path of modern mankind is clearly demonstrated. In this aspect, the book “State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law”, published in three volumes, is a clear example of how to resolve these contradictions. The authors present in the article their own reflections on the value concepts of the publication. These arguments are given from the socio-philosophical and psychological points of view. The axiological characteristics embedded in the book and the value-semantic premises addressed to the potential reader are consistently highlighted.

Key words: legal values, globalization, value consciousness, dynamics of semantic structures, public landmarks, justice, positive significance, solidarity, social consolidation.

For citation: Naumov, P. Yu., Zakhartsev, S.I., Kholikov, I.V., Bolshakova, V.M. (2023). The value of law and legal values in a globalizing world
Axiological review of the book “State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 64–72.

² See: Savenkov A. N. State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law: in 3 vols. Moscow: Science, 2021. Vol. 1. — 769 pp.; vol. 2. — 506 pp.; vol. 3. — 644 pp.

Объективные закономерности функционирования глобального миропорядка и современной социальной жизни, возникновение новых вызовов и угроз, также носящих глобальный характер, ставят вопросы существования в нынешней формации всего цивилизованного человечества. Следствием общих тенденций становится и то, что вызовы и угрозы возникают и в частной сфере функционирования глобального и регионального правопорядка³.

Как и все человечество, право и государство как социальные феномены и институты вступают в новую, неравновесную и динамическую фазу своего развития⁴. При этом право, возникая и функционируя в обществе, вкрапляется в структуру современной социальной реальности, становясь его неизменным атрибутом⁵. Динамика этого развития наглядно демонстрирует несколько взаимосвязанных между собой тенденций.

К этим тенденциям относятся: расширение глобальных интеграционных процессов при углублении противоречий между государствами и социальными группами; слом консолидированных международно-правовых норм и институтов; усиление роли военного компонента международного права и использование его в осуществлении глобальной политики; возрастание угрозы глобальных потрясений (эпидемий, войн, локальных конфликтов, голода и энергетического кризиса).

Человечество находится в точке бифуркации, когда стремление к удовлетворению алчных интересов или патологических потребностей отдельных субъектов может отбросить цивилизацию во тьму жестокого прошлого, где «право равного» и «право правого» будет заменено «правом сильного»⁶. Право в таких условиях обеспечивает консолидацию социальных субъектов, их солидарность во круг справедливости, равенства и правосудия⁷. Таковую солидарность обеспечивает не только само право как система абстрактных или конкретных предписаний, но и органы, обеспечивающие и осуществляющие практическое правоприменение⁸.

³ См.: Захарцев С.И., Сальников В.П. XXII век: право будущего (идеи и размышления) // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 80–92. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.007

⁴ См.: Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю. Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 11. С. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122

⁵ См.: Огнерубов Н.А., Зелепукин Р.В., Большакова В.М. Профессиональные медицинские риски: условия правомерности в контексте действующего уголовного законодательства // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Т. 13. № 6. С. 266–282. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-266-282

⁶ Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2

⁷ См.: Большакова В.М., Холиков И.В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579–604. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604

⁸ См.: Большакова В.М. Концепция судебных преобразований в России во второй половине XIX — начале XXI в. (теоретико-правовой, исторический и структурно-функциональный аспекты) // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 4. С. 116–134. DOI: 10.12737/jrl.2022.045; Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю. Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103–127. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127

Интеллектуальные и интеллигентные социальные общности в обозначенных условиях призваны формировать теоретические и методологические плацдармы для противостояния новым негативным тенденциям, вызовам и угрозам. Одной из форм такой работы является подготовка и издание научных работ, раскрывающих противоположную варварскому способу бытия сторону — право и общечеловеческие ценности. Через познание права и социальных ценностей, а также ценностей права наглядно демонстрируется возможность эволюционного и цивилизационного пути развития современного человечества.

В указанном аспекте нельзя обойти стороной трехтомный научный труд члена-корр. РАН А.Н. Савенкова «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права»⁹, который весьма обширен и объемён. В нем освещаются многие проблемы и тенденции развития современного права и государства. Данная работа уже получила освещение и обсуждение в научных изданиях¹⁰. Хотелось бы обратить читательское внимание на аксиологическое измерение представленной книги с социально-философской и психологической точек зрения.

Право было и остается социально образующей инстанцией, сосредоточивающей в себе нормативно закреплённые представления конкретного общества о благом, должном и обязательном¹¹. Ввиду этого фундаментальные научные труды в области права и его роли в социальной жизни всегда содержат в себе (иногда незримый) ценностно-смысловой слой, сущность которого представляет реальный социальный аксиологический и исследовательский интерес¹².

Таким образом, основная задача настоящей статьи — последовательное освещение книги А.Н. Савенкова «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права» через обобщение её аксиологических характеристик и ценностно-смысловых посылок, адресованных потенциальному читателю, комментатору или исследователю.

Опорная методология. Объективное познание и всесторонняя оценка аксиологических концептов, предложенных А.Н. Савенковым читателю в трех томах вышеназванной книги, возможны на основании и с помощью соответствующих методологических позиций, позволяющих исследовать аксиологическое содержание социально-правовых явлений и научных источников. В указанном аспекте обоснованным будет применение в данной работе столь популярного сегодня в различных областях социально-гуманитарного познания аксиологического подхода и подхода системного, позволяющего вскрыть содержание, возникновение и развитие, сущность, структуру и основные характеристики внешнего и внутреннего функционирования любых ценностно-смысловых и правовых явлений.

⁹ Савенков А.Н. Указ. соч.

¹⁰ См.: Луньков А.С. Эволюция принципа верховенства права в истории цивилизации. А.Н. Савенков. Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. // Государство и право. 2022. № 12. С. 68–70. DOI: 10.31857/S102694520023459-5

¹¹ См.: Наумов П.Ю. Подходы к пониманию сущности ценностей и их систем: история и современность // В мире научных открытий. 2012. № 7 (31). С. 192–206.

¹² См.: Наумов П.Ю. Консолидация ценностей и смыслов интеллигентности офицера в законодательстве России и общевоинских уставах // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3-1. С. 225–233. DOI: 10.34670/AR.2022.58.15.032

Узловые идеи и концептуальные положения аксиологического подхода, содержание, структура и методы, а также его применимость при изучении правовых явлений исследованы в философском, правовом и психологическом дискурсе в трудах Р.Г. Апресяна¹³, Л.В. Баевой¹⁴, А.А. Гусейнова¹⁵, О.Г. Дробницкого¹⁶, В.И. Жукова¹⁷, В.Н. Жукова¹⁸, В.П. Зинченко¹⁹, М.С. Кагана²⁰, М.И. Клеандрова²¹, Т.Я. Хабриевой и В.Е. Чиркина²² и др.

Методологическое значение для настоящей статьи также имеют работы по аксиологической тематике Н.В. Варламовой²³, Г.А. Гаджиева²⁴, А.Э. Гегера²⁵, Д.А. Керимова²⁶, А.В. Кирьяковой²⁷, А.И. Клименко²⁸, Д.А. Леонтьева²⁹,

В.П. Малахова³⁰, Н.С. Новикова³¹, А.А. Утюганова³², М.С. Яницкого³³ и др.³⁴

Эффективным и современным эпистемологическим и эвристическим средством в решении задачи исследования ценностей права и правовых ценностей является также системный подход, позволяющий комплексно решать массу познавательных проблем.

Указанный подход, в том числе в праве, нашел подробное отражение в научных трудах В.М. Баранова³⁵, В.А. Лекторского³⁶, М.С. Кагана³⁷, Н.А. Колоколова³⁸, А.Н. Савенкова³⁹, В.П. Сальникова⁴⁰, В.С. Стёпина⁴¹, Ю.А. Тихомирова⁴² и др.

Основные тезисы. Применяя приведенную выше методологию в дедуктивной плоскости, хотелось бы несколько слов сказать о характеристиках рассматриваемого издания. Трехтомник «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права» продолжает логический ряд научных работ автора, в которых с позиций междисциплинарного

¹³ См.: Апресян Р.Г. Проблема происхождения моральных норм: социально-вычислительный и процессуальный подходы // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 65–76. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-8-65-76

¹⁴ См.: Баева Л.В. Ценностная парадигма высокотехнологичного общества // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 1 (13). С. 51–58.

¹⁵ См.: Гусейнов А.А. Мораль и право: линии разграничения // Lex russica (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 7–22.

¹⁶ См.: Дробницкий О.Г. Моральное сознание и его структура // Вопросы философии. 1972. № 2. С. 31–42.

¹⁷ См.: Жуков В.И. Справедливость в парадигме философии права: аналитический обзор // Государство и право. 2021. № 11. С. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520017455-1

¹⁸ См.: Жуков В.Н. Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. 2009. № 6. С. 20–31; *Его же*. Философия права: учеб. для студ. вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 153–363.

¹⁹ См.: Зинченко В.П. О целях и ценностях образования // Новые цели и ценности образования: опыт, проблемы, перспективы развития: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 17–18 апреля 2015 года. М., 2015. Т. 1. С. 8, 9.

²⁰ См.: Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997.

²¹ См.: Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. М., 2022; Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосудие для справедливости. М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194. DOI: 10.31857/S102694520021840-5

²² См.: Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы) // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 5–14.

²³ См.: Варламова Н.В. Ценностный дискурс в современном конституционном праве // Государство и право. 2022. № 6. С. 57–67. DOI: 10.31857/S102694520020489-8

²⁴ См.: Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 1. С. 16–28. DOI: 10.12737/jrl.2022.002

²⁵ См.: Гегер А.Э., Гегер С.А. Изучение ценностных ориентаций: специфика разных подходов // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 399. С. 13–17. DOI: 10.17223/15617793/399/3

²⁶ См.: Керимов Д.А., Керимов А.Д. Методология права в контексте всеобщей методологии познания // Политика и общество. 2009. № 11 (59). С. 4–9; Керимов Д.А. Система права и систематизация законодательства // Право и образование. 2003. № 1. С. 7–28.

²⁷ См.: Кирьякова А.В. Аксиологическая парадигма современного университетского образования // Высшее образование сегодня. 2011. № 1. С. 19–21.

²⁸ См.: Клименко А.И. Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 167–169.

²⁹ См.: Леонтьев Д.А. Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 1. С. 25–34. DOI: 10.17759/chp.2019150103

³⁰ См.: Малахов В.П. Ценностные и целевые установки конституционно-правового сознания // Вестник Московского ун-та МВД России. 2014. № 12. С. 81–84.

³¹ См.: Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Понятие ценности и формы ценностных систем // В мире научных открытий. 2015. № 9-4 (69). С. 1355–1360.

³² См.: Утюганов А.А., Яницкий М.С., Серый А.В. Нарративные технологии формирования ценностно-смысловых ориентаций личности: психологическое содержание и применение в образовательной практике // Science for Education Today. 2019. Т. 9. № 1. С. 76–92. DOI: 10.15293/2658-6762.1901.05; Новиков Н.С., Наумов П.Ю., Утюганов А.А. Физическое и психическое здоровье военнослужащих как социально-правовая ценность // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 450–458. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-3-450-458

³³ См.: Яницкий М.С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2020. Т. 22. № 1 (81). С. 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

³⁴ См.: Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006.

³⁵ См.: Баранов В.М. Энциклопедия юриспруденции: сущность, структура, ценность // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 13–35.

³⁶ См.: Лекторский В.А., Садовский В.Н. О принципах исследования систем // Вопросы философии. 1960. № 8. С. 67–79.

³⁷ См.: Каган М.С. Системность и целостность // Художественное образование и наука. 2017. № 3. С. 8–11.

³⁸ См.: Колоколов Н.А. «Теория судебного права и организации судебных систем»: заинтересованное мнение об учебнике // История государства и права. 2018. № 8. С. 15–20. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-8-15-20

³⁹ См.: Савенков А.Н. Философия права и юридическое мышление: история и современность // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 38–48.

⁴⁰ См.: Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П., Селиверстов И.Н. Суверенитет, государство и организованная преступность: аксиологический аспект // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2 (39). С. 13–20. DOI: 10.21681/2226-0692-2021-2-13-20; Захарцев С.И., Сальников В.П. Указ. соч. С. 80–92; Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. М., 2014.

⁴¹ См.: Стёпин В.С. О методологических подходах к анализу социального познания // Вестник Московского ун-та. Сер. 7: Философия. 2014. № 3. С. 3–10.

⁴² См.: Тихомиров Ю.А. Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 5. С. 5–18. DOI: 10.12737/jrl.2022.048

исследования рассматриваются характеристики кризисного периода развития человеческой цивилизации и функционирования права в этот период⁴³.

Нельзя не указать, что появление монографии — это плод совместных, коллективных научно-организационных усилий, ведь она подготовлена и опубликована по заказу и при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, что свидетельствует об актуализации потребности государства и общества в проведении подобных исследований и появлении в печати их основных результатов. Ценность права, правовые ценности и ценностное отношение к праву в вышеназванной монографии разворачивается автором классически для философско-правовых и аксиологических работ. Достоинством рассматриваемого издания является академический философско-правовой подход автора к осмыслению ключевых социальных явлений, влияющих на формирование, функционирование и развитие права, а также всестороннему познанию правовых систем, доктрин, концепций, закономерностей, законов, правил и их ценности для личности, общества и государства.

Автором проанализировано состояние развития прав человека как в исторической ретроспективе, так и в реальных характеристиках современного социального функционирования общества и права.

Весьма любопытен и оригинален подход автора к пониманию закономерностей и путей развития событий в истории нашей страны. Это сделано через диалектическое и системное обоснование стратегии исторического пути России, взаимосвязи государства, права и общественно-исторических событий, влияния войн и конфликтов на формирование правовой системы, международно-правового и цивилизационного положения России в существующем миропорядке и правопорядке.

А. Н. Савенков последовательно доказывает тезис о том, что одним из переломных моментов в истории человечества и развитии права является объективация правового института ответственности защиты населения от геноцида, военных преступлений, этнической чистки и преступлений против человечности, а также обязанности воюющих сторон принимать меры по защите прав гражданских лиц в вооруженном конфликте. Не остается без научного обоснования и важная роль России в появлении, становлении, развитии и дальнейшем соблюдении этих норм в деятельности государств и обществ.

Квинтэссенцией монографии является то, что на основании примененных методологических подходов, теоретических посылок и результатов анализа широкого массива статистических данных в работе выстроена логичная авторская концепция права. Эта концепция содержит в себе основную идею, совокупность используемых понятий, принципы, закономерности, сущность и структуру, а также иные необходимые и достаточные компоненты, определяющие роль и место права в системе социального бытия и его аксиологическую роль в преодолении складывающегося ныне цивилизационного кризиса.

Серьезную роль в торжестве идей справедливости, равенства, правосудия, верховенства права и значимости норм права в защите человека, его уникальности и достоинства автор монографии отводит аксиологическому

подходу или ценностному содержанию права и смысловому отношению к нему социальных субъектов. Это заключено не только в традиционном для работ в области философии права обосновании «права на...». Мысли автора конкретны и сосредоточены в области историко-прогностической, системной иллюстрации «права на право» и «права на законодательное установление прав». В доказательство объективности такого тезиса ученый апеллирует и к развитию инстанций, которые должны обеспечить человеку «право на право».

Право, формально выраженное в виде нормативного правового акта или целой системы норм, а также в соответствующих социальных представлениях о нем, правовых традициях или тенденциях правоприменения, выступает и предметом (объектом) соответствующего ценностного осмысления и социально-субъектной оценки. Результатом этой оценки является формирование ценностно-смысловой реакции на право в форме принятия или в форме психоэмоционального отторжения⁴⁴.

Ценностное отношение показано в книге как явление деятельности, субъектная, психическая и эмоционально-чувственная реакция, направленная одновременно внутрь и вовне индивидуального или коллективного субъекта. Оно фиксирует правовые явления окружающей реальности и формирует избирательную значимость к ним. Нравственное, экзистенциальное, социально образующее содержание права и моральная обоснованность верховенства права и прав человека — одна из центральных идей и характеристик монографии, представляющих ее аксиологическое ядро. Социально образующим и консолидирующим функциям правовых ценностей в книге также уделено авторское внимание, поскольку именно право как способ социальной договоренности и нормативной фиксации представлений о благом и должном способно консолидировать вокруг этих идей разрозненные социальные группы. Ошибочно было бы считать, что в труде А. Н. Савенкова правовые ценности выступают вне их системной взаимосвязи с иными социально-субъектными ценностями и смыслами.

Финальные замечания. Иерархические слои социально образующих ценностно-смысловых структур или правовых ценностей представлены в работе А. Н. Савенкова многослойно. Они иллюстрируются и характеризуются как многоуровневое явление, при этом запечатленное не в метафизической статике, оторвавшееся от социальной реальности и застывшее в сознании познающего субъекта. Напротив, в монографии ценности — это многомерное явление; на всем протяжении книги читателю показываются динамическое движение ценностно-смысловых структур, их социальная обусловленность и прямая зависимость от господствующей системы управления и права.

Отдельно следует отметить то, каким образом в книге «Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права» производится анализ правовых ценностей, ценностей права и трансляции ценностно-смысловых структур на основании, с помощью права и через него. Правовые ценности в рассматриваемой монографии — явление личностное и коллективное, субъектно-функциональное, с конкретной социальной ролью

⁴³ См.: Савенков А. Н. Философия права и юридическое мышление: история и современность. С. 38–48; *Его же*. Ценности Конституции Российской Федерации в изменяющемся мире // Государство и право. 2019. № 3. С. 5–16.

⁴⁴ См.: Куманьков А. Д., Большакова В. М., Наумов П. Ю., Новиков Н. С. Диалог о смыслах военного права и военном праве как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право») // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 7 (300). С. 2–12.

и степенью выраженности. Аксиологическим вопросам и ценностным аспектам права и его бытия почти в каждой структурной единице книги посвящена какая-то часть или отведена определенная роль.

Главная ценностная роль права, рассмотренная в работе, демонстрируется автором прямо в её названии. Реальное проявление это находит в двух взаимосвязанных между собой концептах. С одной стороны, это указание на то, что мировой порядок должен, может и будет ориентирован на уважение прав человека и основан на их соблюдении. С другой стороны, ценность права и соответствующие правовые ценности будут обеспечены верховенством права в социальной жизни, к которому так или иначе стремится все цивилизованное человечество. При этом познаваемое издание содержит достаточное количество доводов в пользу того, что верховенство права как в международных, так и в национальных правовых системах – это не вопрос торжества абстрактных предписаний, это вопрос выживания человечества.

* * *

Монографию, рассмотренную в настоящей статье, можно рекомендовать к изучению не только ученым, профессорско-преподавательскому составу или практикующим юристам. Большой интерес книга представляет для политических деятелей, менеджеров различного звена и государственных служащих, поскольку дает объективные представления об обусловленности государственного устройства и правовой системы страны, а также о том, какое цивилизационное значение имеет право для современного человека и его социального и личностного развития в будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Апресян Р.Г.* Проблема происхождения моральных норм: социально-вычислительный и процессуальный подходы // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 65–76. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-8-65-76
2. *Баева Л.В.* Ценностная парадигма высокотехнологичного общества // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 1 (13). С. 51–58.
3. *Баранов В.М.* Энциклопедия юриспруденции: сущность, структура, ценность // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 13–35.
4. *Большакова В.М.* Концепция судебных преобразований в России во второй половине XIX – начале XXI в. (теоретико-правовой, исторический и структурно-функциональный аспекты) // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 4. С. 116–134. DOI: 10.12737/jrl.2022.045
5. *Большакова В.М., Холиков И.В.* Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. № 58. С. 579–604. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604
6. *Большакова В.М., Холиков И.В., Наумов П.Ю.* Медицинское обеспечение судебной системы Российской Федерации // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2022. Т. 14. № 1. С. 103–127. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127
7. *Варламова Н.В.* Ценностный дискурс в современном конституционном праве // Государство и право. 2022. № 6. С. 57–67. DOI: 10.31857/S102694520020489-8
8. *Виноградова Е.В., Захарцев С.И., Сальников В.П.* Правосудие для справедливости. М.И. Клеандров. Правосудие и справедливость // Государство и право. 2022. № 8. С. 190–194. DOI: 10.31857/S102694520021840-5
9. *Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г. и др.* Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право») // Государство и право. 2022. № 12. С. 59–67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2
10. *Гаджиев Г.А.* Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал рос. права. 2022. Т. 26. № 1. С. 16–28. DOI: 10.12737/jrl.2022.002
11. *Гегер А.Э., Гегер С.А.* Изучение ценностных ориентаций: специфика разных подходов // Вестник Томского гос. ун-та. 2015. № 399. С. 13–17. DOI: 10.17223/15617793/399/3
12. *Гусейнов А.А.* Мораль и право: линии разграничения // Lex russica (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 7–22.
13. *Дробницкий О.Г.* Моральное сознание и его структура // Вопросы философии. 1972. № 2. С. 31–42.
14. *Жуков В.И.* Справедливость в парадигме философии права: аналитический обзор // Государство и право. 2021. № 11. С. 7–23. DOI: 10.31857/S102694520017455-1
15. *Жуков В.Н.* Введение в юридическую аксиологию (вопросы методологии) // Государство и право. 2009. № 6. С. 20–31.
16. *Жуков В.Н.* Философия права: учеб. для студ. вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 153–363.
17. *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права / под ред. В.П. Сальникова. М., 2014.
18. *Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П., Селиверстов И.Н.* Суверенитет, государство и организованная преступность: аксиологический аспект // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2 (39). С. 13–20. DOI: 10.21681/2226-0692-2021-2-13-20
19. *Захарцев С.И., Сальников В.П.* XXII век: право будущего (идеи и размышления) // Теория государства и права. 2022. № 1 (26). С. 80–92. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.007
20. *Зинченко В.П.* О целях и ценностях образования // Новые цели и ценности образования: опыт, проблемы, перспективы развития: сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 17–18 апреля 2015 года. М., 2015. Т. 1. С. 8, 9.
21. *Каган М.С.* Системность и целостность // Художественное образование и наука. 2017. № 3. С. 8–11.
22. *Каган М.С.* Философская теория ценности. СПб., 1997.
23. *Керимов Д.А.* Система права и систематизация законодательства // Право и образование. 2003. № 1. С. 7–28.
24. *Керимов Д.А., Керимов А.Д.* Методология права в контексте всеобщей методологии познания // Политика и общество. 2009. № 11 (59). С. 4–9.
25. *Кирьякова А.В.* Аксиологическая парадигма современного университетского образования // Высшее образование сегодня. 2011. № 1. С. 19–21.
26. *Клеандров М.И.* Правосудие и справедливость. М., 2022.
27. *Клименко А.И.* Правовые ценности и принципы как содержательное основание законодательства современного государства // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 167–169.
28. *Колоколов Н.А.* «Теория судебного права и организации судебных систем»: заинтересованное мнение об учебнике // История государства и права. 2018. № 8. С. 15–20. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-8-15-20
29. *Куманьков А.Д., Большакова В.М., Наумов П.Ю., Новиков Н.С.* Диалог о смыслах военного права и военном праве

- как ценности (обсуждаем главу 5 «Социальная ценность военного права» тома I монографии «Военное право» // *Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение*. 2022. № 7 (300). С. 2—12.
30. *Лекторский В.А., Садовский В.Н.* О принципах исследования систем // *Вопросы философии*. 1960. № 8. С. 67—79.
 31. *Леонтьев Д.А.* Человек и жизненный мир: от онтологии к феноменологии // *Культурно-историческая психология*. 2019. Т. 15. № 1. С. 25—34. DOI: 10.17759/chp.2019150103
 32. *Луньков А.С.* Эволюция принципа верховенства права в истории цивилизации. А.Н. Савенков. Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. // *Государство и право*. 2022. № 12. С. 68—70. DOI: 10.31857/S102694520023459-5
 33. *Малахов В.П.* Ценностные и целевые установки конституционно-правового сознания // *Вестник Московского ун-та МВД России*. 2014. № 12. С. 81—84.
 34. *Наумов П.Ю.* Консолидация ценностей и смыслов интеллигентности офицера в законодательстве России и общевоинских уставах // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2022. Т. 11. № 3-1. С. 225—233. DOI: 10.34670/AR.2022.58.15.032
 35. *Наумов П.Ю.* Подходы к пониманию сущности ценностей и их систем: история и современность // *В мире научных открытий*. 2012. № 7 (31). С. 192—206.
 36. *Наумов П.Ю., Новиков Н.С.* Понятие ценности и формы ценностных систем // *В мире научных открытий*. 2015. № 9-4 (69). С. 1355—1360.
 37. *Новиков Н.С., Наумов П.Ю., Утюганов А.А.* Физическое и психическое здоровье военнослужащих как социально-правовая ценность // *Актуальные проблемы государства и права*. 2022. Т. 6. № 3. С. 450—458. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-3-450-458
 38. *Огнерубов Н.А., Зелепукин Р.В., Большакова В.М.* Профессиональные медицинские риски: условия правомерности в контексте действующего уголовного законодательства // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021. Т. 13. № 6. С. 266—282. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-266-282
 39. *Савенков А.Н.* Государство и право: права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2021.
 40. *Савенков А.Н.* Философия права и юридическое мышление: история и современность // *Вопросы философии*. 2019. № 8. С. 38—48.
 41. *Савенков А.Н.* Ценности Конституции Российской Федерации в изменяющемся мире // *Государство и право*. 2019. № 3. С. 5—16.
 42. *Стёпин В.С.* О методологических подходах к анализу социального познания // *Вестник Московского ун-та. Сер. 7: Философия*. 2014. № 3. С. 3—10.
 43. *Тихомиров Ю.А.* Систематика в праве в условиях глобальной нестабильности // *Журнал рос. права*. 2022. Т. 26. № 5. С. 5—18. DOI: 10.12737/jrl.2022.048
 44. *Утюганов А.А., Яницкий М.С., Серый А.В.* Нарративные технологии формирования ценностно-смысловых ориентаций личности: психологическое содержание и применение в образовательной практике // *Science for Education Today*. 2019. Т. 9. № 1. С. 76—92. DOI: 10.15293/2658-6762.1901.05
 45. *Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е.* Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы) // *Общественные науки и современность*. 2017. № 3. С. 5—14.
 46. *Холиков И.В., Милованович А., Наумов П.Ю.* Динамика функционирования международного права в условиях трансформации современного миропорядка: постнеклассический подход // *Журнал рос. права*. 2022. Т. 26. № 11. С. 132—148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122
 47. *Шохин В.К.* Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М., 2006.
 48. *Яницкий М.С.* Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // *Вестник Кемеровского гос. ун-та*. 2020. Т. 22. № 1 (81). С. 194—206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206

REFERENCES

1. *Apresyan R. G.* The problem of the origin of moral norms: socio-computational and procedural approaches // *Questions of Philosophy*. 2022. No. 8. P. 65—76. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-8-65-76 (in Russ.).
2. *Baeva L. V.* The value paradigm of a high-tech society // *Herald of the Volgograd State University. Ser. 7: Philosophy. Sociology and social technologies*. 2011. No. 1 (13). P. 51—58 (in Russ.).
3. *Baranov V. M.* Encyclopedia of jurisprudence: essence, structure, value // *Legal science and practice. Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 2 (34). P. 13—35 (in Russ.).
4. *Bolshakova V. M.* The concept of judicial transformations in Russia in the second half of the XIX — beginning of the XXI century (theoretical and legal, historical and structural and functional aspects) // *Journal of Russ. law*. 2022. Vol. 26. No. 4. P. 116—134. DOI: 10.12737/jrl.2022.045 (in Russ.).
5. *Bolshakova V. M., Kholikov I. V.* Theoretical study of the system-forming principles of the organization of the judicial system // *Herald of the Perm University. Legal sciences*. 2022. No. 58. P. 579—604. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604 (in Russ.).
6. *Bolshakova V. M., Kholikov I. V., Naumov P. Yu.* Medical support of the judicial system of the Russian Federation // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 103—127. DOI: 10.12731/2658-6649-2022-14-1-103-127 (in Russ.).
7. *Varlamova N. V.* Value discourse in modern Constitutional Law // *State and Law*. 2022. No. 6. P. 57—67. DOI: 10.31857/S102694520020489-8 (in Russ.).
8. *Vinogradova E. V., Zakhartsev S. I., Salnikov V. P.* Justice for justice. M. I. Kleandrov. Justice and Justice // *State and Law*. 2022. No. 8. P. 190—194. DOI: 10.31857/S102694520021840-5 (in Russ.).
9. *Gavrilov S. O., Glebov I. N., Chukin S. G. et al.* Law at the point of bifurcation: discussion of the conceptual study of military problems of International Law (Discussion in the format of the “Round Table” based on the materials of Chapter 6 “Military problems of International Law” vol. III of the monograph “Military Law”) // *State and Law*. 2022. No. 12. P. 59—67. DOI: 10.31857/S102694520023301-2 (in Russ.).
10. *Gadzhiev G. A.* New constitutional values: the concept of sustainable economic growth from the point of view of legal capitalization // *Journal of Russ. law*. 2022. Vol. 26. No. 1. P. 16—28. DOI: 10.12737/jrl.2022.002 (in Russ.).
11. *Geger A. E., Geger S. A.* The study of value orientations: the specifics of different approaches // *Herald of the Tomsk State University*. 2015. No. 399. P. 13—17. DOI: 10.17223/15617793/399/3 (in Russ.).
12. *Guseynov A. A.* Morality and law: lines of demarcation // *Lex russica (Russian Law)*. 2018. No. 8 (141). P. 7—22 (in Russ.).
13. *Drobnitsky O. G.* Moral consciousness and its structure // *Questions of Philosophy*. 1972. No. 2. P. 31—42 (in Russ.).
14. *Zhukov V. I.* Justice in the paradigm of Philosophy of Law: an analytical review // *State and Law*. 2021. No. 11. P. 7—23. DOI: 10.31857/S102694520017455-1 (in Russ.).
15. *Zhukov V. N.* Introduction to legal axiology (questions of methodology) // *State and Law*. 2009. No. 6. P. 20—31 (in Russ.).

16. Zhukov V.N. Philosophy of Law: textbook for students of universities. 3rd ed., reprint and add. M., 2023. P. 153–363 (in Russ.).
17. Zakhartsev S.I. Some problems of theory and Philosophy of Law / ed. by V.P. Salnikov. M., 2014 (in Russ.).
18. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P., Seliverstov I.N. Sovereignty, the state and organized crime: an axiological aspect // Monitoring of law enforcement. 2021. No. 2 (39). P. 13–20. DOI: 10.21681/2226-0692-2021-2-13-20 (in Russ.).
19. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. XXII century: the law of the future (ideas and reflections) // Theory of State and Law. 2022. No. 1 (26). P. 80–92. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.125.1.007 (in Russ.).
20. Zinchenko V.P. On the goals and values of education // New goals and values of education: experience, problems, prospects of development: collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference., Moscow, April 17–18, 2015. M., 2015. Vol. 1. P. 8, 9 (in Russ.).
21. Kagan M.S. Consistency and integrity // Art education and Science. 2017. No. 3. P. 8–11 (in Russ.).
22. Kagan M.S. Philosophical theory of value. SPb., 1997 (in Russ.).
23. Kerimov D.A. System of law and systematization of legislation // Law and education. 2003. No. 1. P. 7–28 (in Russ.).
24. Kerimov D.A., Kerimov A.D. Methodology of law in the context of universal methodology of cognition // Politics and Society. 2009. No. 11 (59). P. 4–9 (in Russ.).
25. Kiryakova A.V. Axiological paradigm of modern university education // Higher education today. 2011. No. 1. P. 19–21 (in Russ.).
26. Kleandrov M.I. Justice and Justice. M., 2022 (in Russ.).
27. Klimenko A.I. Legal values and principles as the substantive basis of the legislation of the modern state // Legal technique. 2020. No. 14. P. 167–169 (in Russ.).
28. Kolokolov N.A. “Theory of judicial law and organization of judicial systems”: an interested opinion about the textbook // History of State and Law. 2018. No. 8. P. 15–20. DOI: 10.18572/1812-3805-2018-8-15-20 (in Russ.).
29. Kumankov A.D., Bolshakova V.M., Naumov P. Yu., Novikov N.S. Dialogue on the meanings of Military Law and Military Law as values (discussing Chapter 5 “The social value of Military Law” of Volume I of the monograph “Military Law”) // Law in the Armed Forces – Military-Legal Review. 2022. No. 7 (300). P. 2–12 (in Russ.).
30. Lectorsky V.A., Sadovsky V.N. On the principles of systems research // Questions of Philosophy. 1960. No. 8. P. 67–79 (in Russ.).
31. Leontiev D.A. Man and the life world: from ontology to phenomenology // Cultural and historical psychology. 2019. Vol. 15. No. 1. P. 25–34. DOI: 10.17759/chp.2019150103 (in Russ.).
32. Lunkov A.S. Evolution of the Rule of Law principle in the history of civilization. A.N. Savenkov. State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law: in 3 vols // State and Law. 2022. No. 12. P. 68–70. DOI: 10.31857/S102694520023459-5 (in Russ.).
33. Malakhov V.P. Value and target attitudes of constitutional and legal consciousness // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 12. P. 81–84 (in Russ.).
34. Naumov P. Yu. Consolidation of values and meanings of intelligence officer in the legislation of Russia and military regulations // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2022. Vol. 11. No. 3-1. P. 225–233. DOI: 10.34670/AR.2022.58.15.032 (in Russ.).
35. Naumov P. Yu. Approaches to understanding the essence of values and their systems: history and modernity // In the world of scientific discoveries. 2012. No. 7 (31). P. 192–206 (in Russ.).
36. Naumov P. Yu., Novikov N.S. The concept of value and forms of value systems // In the world of scientific discoveries. 2015. No. 9-4 (69). P. 1355–1360 (in Russ.).
37. Novikov N.S., Naumov P. Yu., Ironov A.A. Physical and mental health of military personnel as a socio-legal value // Actual problems of the state and law. 2022. Vol. 6. No. 3. P. 450–458. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-3-450-458 (in Russ.).
38. Ognerubov N.A., Zelepukin R.V., Bolshakova V.M. Occupational medical risks: conditions of legality in the context of current criminal legislation // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. Vol. 13. No. 6. P. 266–282. DOI: 10.12731/2658-6649-2021-13-6-266-282 (in Russ.).
39. Savenkov A.N. State and law: human rights and the world order based on the Rule of Law: in 3 vols. M., 2021 (in Russ.).
40. Savenkov A.N. Philosophy of Law and legal thinking: history and modernity // Questions of Philosophy. 2019. No. 8. P. 38–48 (in Russ.).
41. Savenkov A.N. Values of the Constitution of the Russian Federation in a changing world // State and Law. 2019. No. 3. P. 5–16 (in Russ.).
42. Stepin V.S. Methodological approaches to the analysis of social cognition // Herald of the Moscow University. Ser. 7: Philosophy. 2014. No. 3. P. 3–10 (in Russ.).
43. Tikhomirov Yu. A. Systematics in law in conditions of global instability // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 26. No. 5. P. 5–18. DOI: 10.12737/jrl.2022.048 (in Russ.).
44. Utyuganov A.A., Yanitsky M.S., Sery A.V. Narrative technologies of formation of value-semantic orientations of personality: psychological content and application in educational practice // Science for Education Today. 2019. Vol. 9. No. 1. P. 76–92. DOI: 10.15293/2658-6762.1901.05 (in Russ.).
45. Khabrieva T. Ya., Chirkin V.E. Social justice (some constitutional issues) // Social Sciences and modernity. 2017. No. 3. P. 5–14 (in Russ.).
46. Nolikov I.V., Milovanovich A., Naumov P. Yu. Dynamics of the functioning of International Law in the conditions of transformation of the modern world order: a post-non-classical approach // Journal of Russ. law. 2022. Vol. 26. No. 11. P. 132–148. DOI: 10.12737/jrl.2022.122 (in Russ.).
47. Shokhin V.K. Philosophy of Values and early axiological thought. M., 2006 (in Russ.).
48. Yanitsky M.S. System of value orientations of personality and social communities: structural-dynamic model and its application in psychological research and psychological practice // Herald of the Kemerovo State University. 2020. Vol. 22. No. 1 (81). P. 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206 (in Russ.).

Сведения об авторах**НАУМОВ Петр Юрьевич —**

кандидат педагогических наук,
помощник начальника госпиталя
по правовой работе — начальник
юридической службы
Главного военного клинического госпиталя
войск национальной гвардии
Российской Федерации;
143914 Московская область, г. Балашиха,
микрорайон Никольско-Архангельский,
Вишняковское шоссе, вл. 101
ORCID: 0000-0002-2875-2322

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович —

доктор юридических наук, профессор,
профессор Санкт-Петербургского
военного ордена Жукова
института войск национальной гвардии
Российской Федерации;
198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика
Пилютова, д. 1

ХОЛИКОВ Иван Владимирович —

доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Центра международного
права и сравнительно-правовых исследований,
профессор кафедры международного
и европейского права
Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации;
117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34
ORCID: 0000-0003-0421-5829

БОЛЬШАКОВА Валентина Михайловна —

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного
и административного права
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(Нижегородский институт
управления — филиал);
603950 г. Нижний Новгород,
проспект Гагарина, д. 46
ORCID: 0000-0002-7490-3443

Authors' information**NAUMOV Petr Y. —**

Candidate of Pedagogical Sciences,
Assistant Head of the Hospital for Legal Work —
Head of the Legal Support Department,
Main Military Clinical Hospital of the National
Guard Troops of the Russian Federation;
property 101, Vishnyakovskoye Highway,
Nikolsko-Arkhangelsky microdistrict,
143914 Moscow Region,
Balashikha, Russia

ZAKHARTSEV Sergey I. —

Doctor of Law, Professor,
Professor of the St. Petersburg
Military Order of Zhukov
Institute of the National Guard
of the Russian Federation;
1 Pilyutova Pilot str., 198206 St. Petersburg, Russia

KHOLIKOV Ivan V. —

Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher,
Center for International Law
and Comparative Law Research,
Professor of the Chair of International
and European Law,
Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation;
34 B. Cheremushkinskaya str.,
117218 Moscow, Russia

BOLSHAKOVA Valentina M. —

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of Constitutional
and Administrative Law Department,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
(Nizhny Novgorod Institute
of Management — Branch);
46 Gagarin Ave., 603950 Nizhny Novgorod, Russia

О НЕФЕДЕРАЛЬНОМ ПРАВОСУДИИ

Часть II. МИРОВАЯ ЮСТИЦИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗМЕНЕНИЯ ВЕКТОРА РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2023 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 10.05.2023 г.

Аннотация. Данная статья — вторая в серии авторских статей, посвященных механизму нефедерального правосудия¹. По мнению автора, после принятия в 1998 г. Федерального закона «О мировых судьях в Российской Федерации» чуть ли не все 23 изменения и дополнения к нему вели к федерализации мировой юстиции. Автор предлагает вернуться к ее истокам, корням, традициям — времени Судебной реформы Российской Империи 1864 г., когда и была впервые создана мировая юстиция — на основе добротного разработанного законодательного фундамента. Предлагается сменить нынешний вектор развития законодательного регулирования мировой юстиции с ее федерализации на ее автономизацию, ее полного отрыва от федерального механизма правосудия. В частности: передать в юрисдикцию мировых судей рассмотрение «мелких» экономических споров; в малонаселенных местностях ввести обязательную выборность мировых судей; во все процессуальные кодексы ввести положения об упрощении судебных процедур для мировых судей; апелляционную и кассационную инстанции создать в виде апелляционной палаты района и кассационной палаты субъекта Российской Федерации, состоящих из мировых судей, осуществляющих правосудие, соответственно, в районе и субъекте Российской Федерации, и т.д.

Ключевые слова: мировая юстиция, мировые судьи, Судебная реформа 1864 г., вектор развития, законодательство о мировых судьях.

Цитирование: Клеандров М.И. О нефедеральном правосудии. Часть II. Мировая юстиция: необходимость изменения вектора развития законодательного регулирования // Государство и право. 2023. № 9. С. 73–86.

DOI: 10.31857/S102694520027640-5

¹ См.: Клеандров М.И. О нефедеральном правосудии. Часть I. Следовало ли упразднить конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации? // Государство и право. 2023. № 6. С. 56–72. DOI: 10.31857/S102694520025928-1

ABOUT NON-FEDERAL JUSTICE

Part II. WORLD JUSTICE: THE NEED TO CHANGE
THE VECTOR OF DEVELOPMENT OF LEGISLATIVE REGULATION

© 2023 M. I. Kleandrov

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow**E-mail: mkleandrov@igpran.ru*

Received 10.05.2023

Abstract. This article is the second in a series of author's articles devoted to the mechanism of non-federal justice². According to the author, after the adoption of the Federal Law "On magistrates in the Russian Federation" in 1998, almost all 23 amendments and additions to it led to the federalization of the Justice of the peace. The author suggests returning to its origins, roots, traditions – the time of the Judicial reform of the Russian Empire in 1864, when the world justice system was first created – based on a soundly developed legislative foundation. It is proposed to change the current vector of development of the legislative regulation of world justice from its federalization to its autonomization, its complete separation from the federal mechanism of justice. In particular: to transfer to the jurisdiction of magistrates the consideration of "minor" economic disputes; in sparsely populated areas to introduce mandatory election of magistrates; in all procedural codes to introduce provisions on simplification of judicial procedures for magistrates; the appellate and cassation instances should be created in the form of the appellate chamber of the district and the cassation chamber of the subject of the Russian Federation, consisting of magistrates who administer justice, respectively, in the district and the subject of the Russian Federation, etc.

Key words: world justice, justices of the peace, Judicial reform of 1864, vector of development, legislation on justices of the peace.

For citation: Kleandrov, M.I. (2023). About non-federal justice

Part II. World justice: the need to change the vector of development of legislative regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 73–86.

На состоявшемся в декабре 2022 г. X Всероссийском съезде судей отмечалось (в буклете, розданном участникам съезда) следующее состояние корпуса мировых судей России.

Количество: штатная численность – 7733, фактическая численность – 7052, количество вакантных должностей – 681 (9%), что близко средним показателям по всей судебной системе.

Судейский стаж: до 5 лет – 2844 (40%), от 5 до 10 лет – 1986 (28%), от 10 до 15 лет – 1154 (16.5%), от 15 до 20 лет – 639 (9%), от 20 до 25 лет – 392 (6%), свыше 25 лет – 37 (0.5%).

Возраст: от 25 до 30 лет включительно – 140 (2%), от 31 до 40 лет включительно – 2724 (38.5%), от 41 до 50 лет включительно – 3140 (44.5%), от 51 до 55 лет включительно – 571 (8%), от 56 до 60 лет включительно – 276 (4%), от 61 до 65 лет включительно – 170 (2.5%), старше 65 лет – 31 (0.5%).

Пол: женщины – 5024 (71%), мужчины – 2028 (29%).

Наличие ученой степени, ученого звания, почетного звания: имеют ученую степень – 89, имеют звание «Заслуженный юрист Российской Федерации» – 2.

Таким образом, можно констатировать: по анкетным показателям мировые судьи в Российской Федерации соответствуют в целом федеральным судьям. Количество же их составляет менее четверти общего числа судей в стране.

Вместе с тем в 2022 г. только по первой инстанции судами было рассмотрено более 40 млн дел, что подчеркнул Президент РФ В.В. Путин, выступая на итоговом, за 2022 г., совещании судей. И это на 1 млн дел больше, чем было рассмотрено в 2021 г.

Что касается доли дел в этом общем количестве, рассмотренных мировыми судьями в 2022 г., то она по-прежнему огромна – около 70%. И она территориально и структурно неравномерна. Председатель Московского городского суда М. Птицын на совещании мировых судей и районных судов по итогам 2022 г. указал, что нагрузка на мирового

² See: Kleandrov M.I. (2023). About non-federal justice. Part I. Should the constitutional (statutory) ones have been abolished courts of the subjects of the Russian Federation? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 56–72. DOI: 10.31857/S102694520025928-1

судью в г. Москве по рассмотренным делам возросла на 7%, и это увеличение произошло за счет гражданских дел на 20% и уголовных дел на 14% (остальное — за счет дел об административных правонарушениях), при этом по уголовным делам основной категорией для рассмотрения мировыми судьями остаются преступления против собственности (50%, 85% из которых связаны с тайным хищением имущества)³. То есть нагрузка у мировых судей запредельная, и явно такое положение дел следует менять. При этом необходимо принять во внимание, что научно обоснованные нормы нагрузки на судей (и на работников судов), включая мировых судей, несмотря на острую в этом необходимость и усилия, принимаемые судебным сообществом в этом вопросе, так и не выработаны (проектов много, но до утверждения данных нормативов дело так и не дошло). А относительно мировых судей можно сказать: малыми силами ведется огромная правосудная работа.

Вместе с тем в постановлении X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. «О развитии судебной системы Российской Федерации» отмечено: «необходимо продолжить системное совершенствование института мировой юстиции». А в преамбуле этого постановления сказано: «В современном обществе существует запрос на законное, социально ориентированное, скорое, доступное и открытое правосудие, которое возможно на основе самостоятельности судебной власти и независимости судей, подчиняющихся только Конституции Российской Федерации и закону».

В полной мере это относится и к мировой юстиции. Пожалуй, даже больше, чем к федеральной, поскольку мировые судьи максимально близки к народу и территориально, и по предмету рассмотрения дел, а значит, в главном вопросе, с которым граждане обращаются в суд: восстановление прав при их нарушении или оспаривании, — восстановлении порушенной справедливости.

Стоит при этом принять во внимание нечеткость понятийного аппарата относительно мировой юстиции. В работе А. Н. Сачкова⁴ («Соотношение понятий “мировая юстиция”, “мировой суд” и “мировой судья”: истоки наименования и смыслового значения») в гл. 1 «Концептуальный формат мировой юстиции» этому вопросу посвящено изначальное — для конкретного, по предмету, исследования — внимание.

В этой работе отмечено: во многом это связано с тем, что в исторических источниках права России отсутствуют какие-либо комплексные

представления о правовом смысле мировой юстиции. Даже одно из наиболее развернутых описаний мирового суда, приведенное в Учреждениях Судебных установлений 1864 г., опирается на косвенное перечисление отдельных признаков, присущих ему: 1) мировой суд есть власть судебная, единосудная; 2) он рассматривает дела по существу; 3) на него возлагаются иные обязанности, определенные в особых уставах и положениях по принадлежности; 4) избирается на три года всеми сословиями и утверждается правительством; 5) состоит по уездам или городам; 6) его власть ограничивается территорией мирового участка и т.д.⁵

Но проблем бы с понятийным аппаратом института мировой юстиции было бы явно меньше, если бы федеральный законодатель при принятии Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»⁶ (далее — Федеральный закон о мировых судьях) ввел вместо понятия «мировой судья» как звена единой системы Российской Федерации понятие «мировой суд». Ведь понятие «районный суд» означает районное звено судебной системы, даже если это односоставный суд, т.е. в нем единственный судья, но есть и аппарат этого суда, а «районный судья» — судью, осуществляющего непосредственное правосудие в этом суде. Но у мирового судьи также есть аппарат, следовательно, с принятием Федерального закона о мировых судьях (в него к настоящему моменту внесено 23 дополнения) в одно понятие «мировой судья» было вложено два смысловых понятия: как звено судебной системы и как непосредственно судью, осуществляющего правосудие в рамках своих полномочий.

Мировая юстиция появилась в Российской Империи впервые в ходе Судебной реформы с принятием четырех законодательных актов, 20 ноября 1864 г., главным из которых было учреждение судебных установлений. Примечательно, что в ст. 1 кн. I «Общее учреждение судебных установлений. Введение» указывалось: «власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей», а далее уже — «окружным судам, судебным палатам» и т.д. Правда, отмечалось (там же, в примечании), что «судебная власть духовных, военных, коммерческих, крестьянских, станичных и иностранных судов определяется особыми о них постановлениями».

Тем не менее представляется целесообразным, в плане рассматриваемой в настоящей статье проблемы, указать на некоторые наиболее интересные

³ См.: Сайт «Право.ру» (дата обращения: 02.03.2023).

⁴ См.: Сачков А. Н. Российская мировая юстиция: институционально-правовые основы. Ростов н/Д., 2007.

⁵ См.: там же. С. 18, 19 (со ссылкой на: Учреждения Судебных установлений 1864 г. Свод законов Российской империи. Пг., 1914. Т. XVI. Ч. 1).

⁶ См.: СЗ РФ. 1998. № 51, ст. 6270.

с позиции взгляда на современное состояние мировой юстиции в стране положения, изложенные в названном документе, о мировой юстиции, закреплённой Судебной реформой 1864 г.

Прежде всего это — структура мировой юстиции. В гл. 1 «Общие правила» разд. 1 «О мировых судьях и их съездах» кн. I «Учреждение судебных установлений. Введение» было закреплено: «мировые судьи состоят по уездам и городам. Уезд с находящимися в нем городами составляет мировой округ» (ст. 12); «столичные города С.-Петербург и Москва разделяются каждый на несколько мировых округов, состоящих из двух или более частей города» (ст. 13); «мировой округ разделяется на мировые участки, число которых определяется особым расписанием» (ст. 14); «в каждом мировом участке находится участковый мировой судья» (ст. 15). При этом «в мировом округе, кроме участковых, состоят также почетные мировые судьи» (ст. 16). «Собрание как почетных, так и участковых мировых судей каждого мирового округа составляет высшую мировую инстанцию, именуемую съездом мировых судей, в котором председательствует один из мировых судей по собственному их избранию» (ст. 17).

В действующем Федеральном законе о мировых судьях ни о почетных, ни об участковых мировых судьях, как и об их собраниях (съездах), ничего не сказано. Установлено лишь, что деятельность мировых судей осуществляется в пределах судебного района на судебных участках, что общее число мировых судей и количество судебных участков субъекта Российской Федерации определяются федеральным законом по законодательной инициативе соответствующего субъекта Федерации, согласованной с Верховным Судом РФ, или по инициативе Верховного Суда РФ, согласованной с соответствующим субъектом Федерации. При этом судебные участки и должности мировых судей создаются и упраздняются законами субъектов Российской Федерации. Сами же судебные участки создаются из расчета численности населения на одном участке от 15 до 23 тыс. человек. А в административно-территориальных образованиях с численностью населения менее 15 тыс. человек создается один судебный участок.

Впрочем, различий между участковыми и почетными мировыми судьями Судебной реформой 1864 г. с очевидностью было предусмотрено немного. Главное различие, пожалуй, заключалось в том, что должность «участкового мирового судьи, как требующая постоянных занятий и безотлучного пребывания в участке, не может быть соединяема с другой должностью по государственной или общественной службе, за исключением только почетных должностей в местных богоугодных

и учебных заведениях» (ст. 42), а в соответствии с «Указом Правительствующего Сената — может быть соединяема с званием гласного земских собраний», а должность «почетного мирового судьи может быть соединима со всякой другой должностью по государственной или общественной службе, за исключением прокуроров, их товарищей (т.е. заместителей. — М.К.) и местных чиновников казенных управлений и полиции, а также должности волостного старшины» (ст. 49). Кроме того, почетные мировые судьи в отличие от участковых мировых судей «никаких сумм на содержание и распады по своей должности не получают» (ст. 50).

По сути, почетные мировые судьи являлись запасными, и вряд ли нам эту категорию мировых судей — в современных условиях — стоит вводить.

Далее. Одним, не лишенным любопытства требованием к кандидатам на должность мировых судей Судебная реформа 1864 г. провозгласила установление имущественного ценза, что в условиях сословного государства было, видимо, естественно. Пунктом 3 ст. 19 и ст. 20 гл. 2 «О порядке избрания и утверждения мировых судей» кн. I «Учреждение судебных установлений. Введение» было установлено, что «они сами, или их родители, или жены, владеют, хотя бы и в разных местах (и не только в той губернии, где имеют свое жительство, но и в других): или пространством земли вдвое против того, которое определено для непосредственного участия в избрании Гласных в Уездные Земские Собрания или другим недвижимым имуществом, ценой не ниже пятнадцати тысяч рублей, а в городах недвижимой собственностью, оцененной, для взимания налога: в столицах не менее шести тысяч, в прочих городах не менее трех тысяч рублей.

20. Право быть избранным в Мировые Судьи по недвижимому имуществу родителей предоставляется неотделенным сыновьям их только тогда, когда на долю каждого из них может причитаться часть сего имущества в размере, определенном в пункте 3 предшедшей (19) статьи»⁷.

Ничего подобного, даже близко, нет ни в Федеральном законе о мировых судьях, ни в Законе РФ о статусе судей, ни в иных актах. Не встречал автор этих строк и предложений о введении имущественного ценза для кандидатов на должность судей — ни мировым, ни любым иным в научной литературе.

Нужно ли его вводить для мировых судей в Российской Федерации? Вопрос далеко не однозначный, как это не покажется на первый взгляд. Почему ввели в ходе проведения Судебной реформы 1864 г. имущественный ценз для кандидатов на должности

⁷ Цит. по: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. Т. III. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. М., 2003. С. 388, 389.

мировых судей? С большой долей уверенности можно считать — с целью недопущения в корпус мировых судей коррупционно-ориентированных граждан. Иными словами, чтобы назначенные на должность мировые судьи в процессе судопроизводства не только не вымогали взятки от стороны в процессе, но и отказывались от их предложения, — а зачем, и так судья не бедный, честь судьи дороже.

Характерно, что эта сторона проблемы укомплектования судейского корпуса материально обеспеченными имеет очень древние корни. Около трех с половиной тысяч лет назад в Древнем Египте (где, как известно, была хорошо развита правовая, да и судебная система) один из Сеутских номархов (заместитель фараона в Верхнем Египте) приказал высечь на стене своей гробницы надпись, сохранившуюся до наших дней: «Я судил тяжущихся беспристрастно, ибо я был богат»⁸.

Этот древнеегипетский монарх надписью на своей гробнице утверждал — есть прямая зависимость между имущественным положением судьи и справедливостью выносимых им судебных решений.

Но всегда ли эта прямая зависимость действует — в наши дни и в нашей стране (остальное оставим за скобками)? Можно ли быть уверенным, что богатый гражданин Российской Федерации, может быть, даже олигарх, решивший кардинально сменить образ (и смысл) своей жизни, пожелает стать судьей в целях вершения им правосудия исключительно на справедливых началах, не мысля о возможных подношениях со стороны участников процесса. Не факт, ибо стремление стать еще более богатым независимо от способов обретения богатства наверняка органично присуще многим как олигархам, так и «просто» богатым, пожелавшим стать судьей, во всяком случае вероятность в этом высока. Серьезную помощь здесь могло бы оказать психодиагностирование кандидатов на должность судьи, но до этого — на законодательном уровне — не близко.

Автор же в результате длительных размышлений пришел к выводу: можно, наверняка, наделять судейской мантией олигарха (или иного богатого россиянина), но при наличии двух обстоятельств: а) когда он претендует на должность мирового судьи; б) когда вакантный судебный участок этого мирового судьи расположен в депрессивной местности, состоящей из убогих деревень без какой-либо экономической деятельности в них. Здесь просто заведомо некому и нечем давать взятки мировому судье, и он это, будучи кандидатом на должность, отчетливо осознает.

Далее. Судебной реформой 1864 г. был создан интересный институт мировой юстиции — съезд мировых судей, о чем было упомянуто ранее (ст. 17). Эти съезды,

как предусмотрено ст. 51, «собираются в назначенные сроки для окончательного решения дел, подлежащих мировому разбирательству, а также для рассмотрения, в кассационном порядке, просьб и протестов об отмене окончательных решений мировых судей».

Но вместе с тем не следует думать, что Судебной реформой 1864 г. мировая юстиция была провозглашена как полностью автономная. Статья 64 установила: «Непосредственный надзор за мировыми судьями принадлежит мировому съезду их округа — высший надзор за всеми вообще мировыми судьями, так же как и за их съездами, сосредоточивается в кассационных департаментах Сената и в лице министра юстиции».

В работе «Основы судебной реформы» (1891) известный правовед Г.А. Джаншиев так охарактеризовал создание мировой юстиции в Российской Империи: в такую дикую среду, с такими извращенными понятиями о правах и обязанностях и внес мировой суд первые элементы истинного правосознания, долженствовали внушить жертвам кулачного права сознание об их поруганном человеческом достоинстве и об ограждающем его праве. Про наш мировой суд можно сказать то же самое, что сказал Вольтер про Монтескье: гражданская личность растеряла документы на свои права, а мировой суд отыскал и вернул потерянное⁹.

Правда, довольно быстро реакционные круги Российской Империи стали «отыгрывать» назад «завоевания» Судебной реформы 1864 г., прежде всего мировой юстиции, но научный, да и практический интерес — в данной статье — представляет ее первоначальный, базовый фундамент. Тем более что немедленно после Октябрьской революции 1917 г. мировая юстиция была упразднена. Точнее, Декретом от 24 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР предписал (в п. 2): «Приостановить действие существующаго доныне института мировых судей, — заменяя мировых судей, избираемых доныне непрямыми выборами, местными судами въ лице постоянного местного судьи и двухъ очередныхъ заседателей, приглашаемыхъ на каждую сессию по особымъ спискамъ очередныхъ судей. Местные судьи избираются впредь на основаніи прямыхъ демократическихъ выборовъ, а до назначенія таковыхъ выборовъ временно — районными и волостными, а где таковыхъ нетъ, уездными, городскими и губернскими Советами Раб., Солд. и Кр. Депутатовъ. Этими же Советами составляются списки очередныхъ заседателей и определяется очередь ихъ явки на сессию. Прежніе мировые судьи не лишаются права, при изъявленіи ими на то согласія, быть избранными въ местные судьи какъ временно

⁸ Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI—X веков до н.э. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 52.

⁹ См.: Джаншиев Г. А. Основы судебной реформы: сб. ст. М., 2004. С. 192.

Советами, так и окончательно на демократических выборах»¹⁰.

Развитию мировой юстиции в Российской Империи после Судебной реформы 1864 г., а также после ее создания в 1998 г. посвящено немало научных работ, в том числе уже XXI в. В частности, монографии¹¹, учебная литература¹², научно-практические пособия¹³, защищаются диссертации¹⁴, публикуется множество научных статей, в том числе высокого теоретического уровня¹⁵.

Институт мировых судей есть и за рубежом, но далеко не во всех, даже не в большинстве государств. Есть «мировой суд» в Королевстве Бельгия, «мировой судья» в Княжестве Монако, «низовый суд» (бывший мировой суд) во Французской Республике, «мировой судья» в Швейцарской конфедерации, «мировой судья» в Итальянской Республике, «мировые судьи» в Португальской Республике¹⁶ и т.д.

Публикуются у нас и работы в сфере сравнительного правоведения российской и иностранной

мировых юстиций¹⁷, а также в отдельных государствах — Соединенном Королевстве¹⁸, Франции¹⁹.

Сама мировая юстиция может быть — как институт — весьма разнообразной. Например, мировые судьи в Гонконге и Малайзии — это не судьи, которые осуществляют разрешение споров и иных дел, не отправляют, в нашем понимании, правосудие, а скорее администраторы. В Гонконге, например, в их полномочия входит: посещение исправительных учреждений, в том числе тюрем, учреждений для несовершеннолетних нарушителей и наркоманов; посещение психиатрических больниц, следственных изоляторов, центров приема и содержания беженцев; принятие заявлений от граждан и др.; при том, что во многих странах мировой судья — это крайне почетная должность, которую присваивают за определенные заслуги перед обществом²⁰.

Анализ развития законодательного регулирования деятельности мировой юстиции в Российской Федерации с момента принятия 17 декабря 1998 г. Федерального закона о мировых судьях позволяет сформулировать вывод: постоянно и неуклонно происходит федерализация мировой юстиции и одновременно создается все меньше возможностей у мировой юстиции для проявления самостоятельности. А ведь она необходима, федеральное законодательство, по сути, нивелирует региональные и местные особенности — исторические, конфессиональные, культурные, этнические и иные, где осуществляет правосудие мировой судья на своем судебном участке.

Наиболее отчетливо это усматривается в изменениях Федерального закона о мировых судьях, произведенных: Федеральным законом от 19 июня 2004 г. № 50-ФЗ²¹, в соответствии с которым второе предложение п. 2 ст. 1 Федерального закона о мировых судьях теперь гласит: «Порядок осуществления правосудия мировыми судьями устанавливается федеральным законом» (в первоначальной редакции эта норма содержала положение: «а в части, касающейся осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях, может также устанавливаться законами субъектов

¹⁰ Текст воспроизведен в редакции, опубликованной в: Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 8.

¹¹ См., напр.: История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 4: Судостроительство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864–1881 годы) / Г.П. Краковский; отв. ред. В.М. Сырых. М., 2019. С. 184–204 (Глава 10 «Мировая юстиция»); *Дорошков В.В.* Мировой судья. Исторические организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004; Институт мирового судьи в России: теория, законодательство, практика / под общ. ред. В.А. Панюшкина. Воронеж, 2009; *Сачков А.Н.* Указ. соч.; Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия / под ред. А.Д. Поповой, С.В. Ланской. М., 2016; Институт мирового судьи: история, теория, законодательство, практика / В.Л. Головкин и др.; под общ. ред. Д.В. Зотова. Воронеж, 2019.

¹² См., напр.: Мировая юстиция: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция» / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.

¹³ См., напр.: Настольная книга мирового судьи города Севастополя: науч.-практ. пособие. Ростов н/Д., 2015.

¹⁴ См., напр.: *Волосатых Е.А.* Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской Империи и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.

¹⁵ См., напр.: *Очередько В.П.* Проблемы теоретического осмысления института мировых судей в России // Росс. правосудие. 2015. № 7 (111). С. 94–100; *Гарифуллина А.Р.* Мировая юстиция как социальная технология // Мировой судья. 2017. № 1. С. 3–8; *Колоколов Н.А.* Перспективы оптимизации деятельности мировых судей: без инноваций не обойтись // Мировой судья. 2017. № 3. С. 3–9; *Аширбекова М.Т.* Механизм мировой юстиции: согласованность институциональных и процессуальных оснований // Мировой судья. 2016. № 11. С. 3–9.

¹⁶ См. подр.: Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание: в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М., 2019. С. 49, 144, 180, 181, 218; т. 2. Южная и Восточная Европа. С. 142, 143, 236.

¹⁷ См., напр.: *Матеев М.М.* Мировая юстиция в Болгарии и России (историко-правовое исследование) // Государство и право. 2021. № 1. С. 111–120.

¹⁸ См.: *Ковальчук С.С.* Мировому судье о мировой юстиции Великобритании // Мировой судья. 2017. № 2. С. 3–6.

¹⁹ См.: *Фоков А.П.* Мировой судья во Франции и Великобритании: история и современность // Мировой судья. 2016. № 12. С. 3–6.

²⁰ См.: *Ермакова Е.П., Ивановская Н.В.* Суды малых исков за рубежом — аналог мировых судей в России: опыт Гонконга, Малайзии и Сингапура // Мировой судья. 2014. № 5.

²¹ См.: СЗ РФ. 2004. № 25, ст. 2481.

Российской Федерации»); введенным в ст. 4 Федерального закона о мировых судьях Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 20-ФЗ²² (в ред. от 05.04.2016 г. № 103-ФЗ) пункта 6, который установил: «Председатель районного суда в целях обеспечения равномерности нагрузки на мировых судей в случае, если нагрузка на мирового судью превышает среднюю нагрузку на мирового судью по судебному району, вправе мотивированным распоряжением передать часть уголовных, гражданских дел, дел об административных правонарушениях, исковых заявлений и заявлений о вынесении судебного приказа по требованиям о взыскании обязательных платежей и санкций, поступивших к мировому судье одного судебного участка, мировому судье другого судебного участка того же судебного района»; Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 284-ФЗ²³, в соответствии с которым п. 3 ст. 8 Федерального закона о мировых судьях установил: «При прекращении или приостановлении полномочий мирового судьи, а также в иных случаях временного отсутствия мирового судьи (болезнь, отпуск и иные уважительные причины) исполнение его обязанностей возлагается на мирового судью другого судебного участка того же судебного района постановлением председателя соответствующего районного суда. Если в судебном районе возложить обязанности отсутствующего по указанным основаниям мирового судьи на другого мирового судью этого же судебного района не представляется возможным (в судебном районе создана только одна должность мирового судьи или временно отсутствуют другие мировые судьи судебного района), то исполнение его обязанностей постановлением председателя вышестоящего суда или его заместителя возлагается на мирового судью, осуществляющего свою деятельность в ближайшем судебном районе».

Эти обстоятельства однозначно свидетельствуют: вектор развития мировой юстиции в нашей стране — ее федерализация. А учитывая изначальное федеральное законодательное регулирование в сегменте: переизбрания мирового судьи (теперь в силу Федерального закона от 05.04.2021 г. № 63-ФЗ²⁴ бессрочно, до достижения им 70-летнего возраста), когда при назначении на должность ключевую роль играет характеристика на мирового судью, представляемая председателем районного суда, на территории которого расположен судебный участок данного мирового судьи; процессуальном — рассмотрении жалоб на решения мирового судьи, которые рассматривает районный суд, т.е. районный суд выступает в роли второй судебной инстанции

в отношении к первой — мировой юстиции, то можно утвердительно сказать — мировая юстиция является самым низовым звеном, ниже районного звена, системы судов общей юрисдикции.

Следует полностью согласиться с высказанным в юридической литературе мнением: мировая юстиция создавалась в Российской Империи в 1864 г. для рассмотрения незначительных уголовных и гражданских дел, но основной целью было приблизить осуществление правосудия к населению, решить спор соглашением сторон или, как бы сейчас сказали, с использованием примирительных процедур. В то же время ставилась задача максимально устранить какую-либо зависимость мировых судей от местной власти. Такое назначение мирового суда сохраняется при возрождении его в Российской Федерации²⁵.

Таким образом, отделение мировой юстиции от федеральной должно быть хотя и не абсолютным, но более-менее полным — в организационном, кадровом, институциональном, инстанционном, финансовом, материально-ресурсном и иных планах; мировая юстиция не должна организационно и всяко иначе зависеть от власти субъектов Российской Федерации и от местной власти. И именно в таком качестве мировая юстиция способна более эффективно обеспечивать правовые, социальные, экономические и иные гарантии восстановления порушенной справедливости в ситуации малых их объемов.

При осуществлении правосудия мировая юстиция, находясь существенно ближе к народу, чем федеральная, может лучше федеральной воспринимать особенности психологического и иного мировосприятия жителей своего судебного участка, не становясь при этом слепым исполнителем закона. Иллюзией является представление о том, что судебное решение, вынесенное в полном соответствии с действующим законодательством, — и в процессуально-процедурном, и в сущностно-предметном смыслах — будет при всех условиях справедливым.

Недостатки мировой юстиции — объективного, от нее независимого свойства находятся не только в поле зрения юридической науки, не только в повестке дня федерального законодателя, но и у высшего федерального органа судейского сообщества. Еще в постановлении VIII Всероссийского съезда судей от 19 декабря 2012 г. было отмечено: «В субъектах РФ установлены различные нормативы кадрового и материально-технического обеспечения мировых судей; по-разному решаются вопросы

²² См.: СЗ РФ. 2013. № 9, ст. 872.

²³ См.: СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I), ст. 5112.

²⁴ См.: СЗ РФ. 2021. № 5 (ч. I), ст. 2430.

²⁵ См.: Гравина А.А. Правовая регламентация организации и деятельности судов субъектов Российской Федерации // Журнал рос. права. 2014. № 6. С. 87.

охраны судебных участков, обучения и повышения квалификации мировых судей, оплаты командировочных расходов и т.д. По-прежнему остаются нерешенными проблемы размещения судебных участков мировых судей, обеспечения их оргтехникой и мебелью. Зачастую мировые судьи осуществляют правосудие в помещениях районных судов, что противоречит цели создания мировой юстиции. Органами судейского сообщества неоднократно обращалось внимание на необходимость установления единого порядка обеспечения функционирования мировой юстиции. Однако решение VII Всероссийского съезда судей о передаче функции по организационному обеспечению деятельности мировых судей на федеральный уровень осталось нереализованным».

Ну, так оно и до сих пор не реализовано, что с очевидностью вытекает из постановления X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. «О развитии судебной системы Российской Федерации», в котором с одобрением названа законодательная инициатива Верховного Суда РФ по вопросам взаимодействия органов власти субъектов Российской Федерации с советами судей субъектов Российской Федерации по установлению структуры и штатного расписания аппарата мирового судьи, а также расширение компетенции Судебного департамента при Верховном Суде РФ по созданию условий для включения мировых судей в единое информационное пространство судебной системы Российской Федерации. И это создаст базу для дальнейшего совершенствования механизма такого взаимодействия органов власти субъектов Российской Федерации и советов судей, а также установления в федеральных законах нормативов финансирования деятельности мировых судей.

Необходимо учесть, что ст. 2 Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»²⁶ внесены изменения — в части мировых судей — в Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»²⁷ (в действ. ред.). Пункт 4 ст. 4 этого Закона теперь гласит: «Мировые судьи являются судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации». А это означает: а) мировая юстиция по-прежнему не федеральная, а субъектов Российской Федерации; б) при этом она относится к судам общей юрисдикции, в силу чего рассмотрение экономических споров не входит в ее полномочия. А почему, собственно?

²⁶ См.: СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. I), ст. 8029.

²⁷ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

В п/разд. 2 «Лица» разд. 1 «Общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации» (в действ. ред.) перечислены субъекты, занимающиеся предпринимательской деятельностью, в том числе названы граждане — предприниматели без образования юридического лица, к предпринимательской деятельности которых, как это установлено п. 3 ст. 23 ГК РФ, применяются «правила настоящего Кодекса, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношений».

Статьей 27 АПК РФ установлено, что арбитражные суды разрешают экономические споры и иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в индивидуальном порядке, а в случаях, предусмотренных федеральными законами, с участием Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований, государственных органов и т.д.

То есть споры с участием индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных в таковом качестве в установленном законом порядке, должен разрешать арбитражный суд. Но не все здесь так однозначно.

Во-первых, низовое звено арбитражно-судебной системы как системы специализированной, предназначенной именно для разрешения экономических споров, дислоцируется в столицах субъектов Российской Федерации, и редко где есть территориальные подразделения этих судов, которые все равно при этом остаются звеном субъекта Российской Федерации, не ниже. Достаточно взглянуть на географическую, с административным делением, карту нашей страны, то сразу бросится в глаза, что добрая половина территории Российской Федерации, весь ее северо-восток, — это малонаселенная территория, где от большинства мелких населенных пунктов до места дислокации арбитражных судов своего субъекта Федерации сотни и сотни километров. И это — по карте. В действительности — из-за практического бездорожья, еще дальше.

Можно, конечно, сказать: территориальная удаленность участников процесса от существующих органов судебной власти не является непреодолимым препятствием для доступа к правосудию — вследствие научно-технического прогресса. Отчасти это верно. Так, по состоянию на 23 марта 2023 г. участвовать в судебных заседаниях с помощью веб-конференций можно в 110 арбитражных судах и двух постоянных судебных присутствиях. В 2022 г. в режиме видеоконференцсвязи

арбитражные суды провели 415 787 заседаний, и это — на 50% больше, чем в 2021 г.²⁸

Но ведь очевидно — арбитражно-судебные заседания по видеоконференцсвязи возможно проводить там, где интернет-технологии хорошо отлажены. А там, где они отлажены неважно, где интернет-связь дает сбой или ее нет совсем, там уповать на стопроцентный доступ к правосудию заведомо преждевременно. А уж в ситуациях, когда у участников процесса (хоть у одного) недостаточно компьютерной грамотности либо вообще нет компьютера, — тем более. К тому же в немалом числе малонаселенных пунктов северо-восточной части нашей страны нет не только интернет-связи, но нет — элементарно — и электричества. А ведь и там кое-какая предпринимательская деятельность есть, и там возникают экономические споры: и вытекающие из гражданско-правовых отношений, и вытекающие из административно-правовых отношений. А упование в отношении этих участников споров на судебные интернет-технологии заведомо закрывают им доступ к правосудию, что категорически запрещено ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, которая провозглашает: «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

Во-вторых, судебная практика в этом вопросе неоднозначна. Интересно в этом плане дело, дошедшее до Верховного Суда РФ. Суть его такова. У предпринимателя С. есть в собственности торговый павильон, который частично находится на муниципальной земле. В 2021 г. местная администрация обратилась в районный суд с требованием обязать С. снести часть постройки, которая выступает за пределы его участка. Ответчик ходатайствовал о передаче дела на рассмотрение арбитражного суда, ссылаясь на коммерческий характер использования недвижимости и наличие у него статуса ИП. Районный суд нашел доводы С. обоснованными и передал спор в Арбитражный суд Краснодарского края. Апелляция отменила определение и отметила, что факт регистрации С. в качестве ИП еще не подтверждает экономический характер этого спора. Кассация с этим согласилась. Верховный Суд РФ подтвердил выводы суда первой инстанции. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ напомнила о подведомственности арбитражным судам экономических споров и других дел, связанных с предпринимательской и иной экономической деятельностью юридических лиц и ИП. Было указано, что при отнесении спора к компетенции арбитражного суда нужно учитывать в совокупности и его субъектный состав, и экономический характер. В этом деле апелляция не опровергла выводы районного суда об использовании ответчиком недвижимости

в предпринимательских целях. Поэтому, учитывая наличие у ответчика как статуса предпринимателя, так и цели получения коммерческой выгоды от использования павильона, спор должен рассмотреть арбитражный суд²⁹.

Вообще, в этом деле позиции апелляционной и кассационной инстанций судов общей юрисдикции непонятны. Ведь индивидуальный предприниматель без образования юридического лица, даже если он никакой предпринимательской деятельности не ведет, все равно предприниматель, и его цель — получение прибыли от предпринимательской деятельности, что установлено п. 1 ст. 2 ГК РФ. То есть априори установлено, что его деятельность (и цель ее) — экономическая.

В-третьих, на «арене» экономической деятельности в России присутствует такая категория граждан, как самозанятые, также ведущие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и долгое время предпочитающие вообще не регистрироваться. В результате эксперимента к настоящему времени около 7 млн российских самозанятых «вышли из тени», зарегистрировав себя в налоговых органах в качестве налогоплательщиков (с весьма широким налоговым режимом).

Всего же их около 20 млн³⁰, т.е. пока более половины самозанятых находятся «в тени», при этом они ведут предпринимательскую деятельность. Ведь еще в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П³¹ была сформулирована следующая позиция: поскольку в силу ст. 23 ГК РФ при несоблюдении обязанности пройти государственную регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, не вправе ссылаться в отношении заключенных им сделок на то, что он не является предпринимателем, отсутствие государственной регистрации само по себе не означает, что деятельность гражданина не может быть квалифицирована в качестве предпринимательской, если по своей сути она фактически является таковой.

²⁹ См.: Дело № 18 КГ22-126-К4 Верховного Суда РФ // В официальных источниках опубликовано не было.

³⁰ Правовая наука лишь недавно обратила внимание на их существование (см.: Клеандров М.И. О необходимости обретения незарегистрированным предпринимателем легального статуса // Предпринимательское право. 2015. № 3. С. 3—13). Но в настоящее время это внимание резко возросло, что наверняка обусловлено потребностями экономической жизнедеятельности нашей страны. Даже опубликована монография (см.: Савенко Н.Е. Статус самозанятого физического лица в Российской Федерации. Синергия междисциплинарного и межотраслевого правового анализа. М., 2023).

³¹ См.: СЗ РФ. 2013. № 1, ст. 78.

²⁸ См.: Сайт «Право.ру» (дата обращения: 23.03.2023).

Но при всем этом п. 1 ст. 23 ГК РФ установлено, что гражданин вправе (!) заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица в качестве индивидуального предпринимателя. И здесь важно — в п/разд. 2 «Лица» разд. 1 «Общие положения» ГК РФ перечислены субъекты гражданского законодательства, могущие заниматься предпринимательской деятельностью, и среди них самозанятых нет.

Статья 31 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан предусматривает такой субъект индивидуального предпринимательства, как личное предпринимательство, осуществляемое одним физическим лицом самостоятельно на базе имущества, принадлежащего ему на праве собственности, а также в силу иного права, допускающего пользование и (или) распоряжение имуществом, при этом для осуществления личного предпринимательства физическим лицом, состоящим в браке, согласия супруга не требуется.

У нас же самозанятые регистрируются (если пожелали) в качестве налогоплательщиков, а это значит, что все 20 млн самозанятых, и зарегистрированных как налогоплательщики³² (так и избегающих этого) — неправосубъектны — с позиции Гражданского кодекса РФ.

Поэтому, **в-четвертых**, ст. 27 АПК РФ установила, что арбитражные суды разрешают экономические споры и иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, приобретенный в индивидуальном порядке, а в случаях, предусмотренных федеральными законами, с участием Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований, государственных органов и т.д. То есть самозанятых здесь нет, и для того, чтобы они вошли в этот перечень, необходим федеральный закон, которого также нет. А значит, путь в арбитражный суд для самозанятого закрыт.

А посчитать, что и потребности в обращении в суд хотя бы нескольких самозанятых из общего их количества в 20 млн нет, не было и не будет, невозможно.

Следовательно, **в-пятых**, учитывая, что самозанятые, вне сомнений, ведут именно экономическую деятельность; что самое нижнее звено механизма специализированного — экономического —

правосудия — арбитражный суд субъекта Российской Федерации, а это несоразмерно далеко во всех смыслах для множества самозанятых, поскольку в системе арбитражных судов даже нет районного звена; что суды общей юрисдикции не предназначены для разрешения экономических споров, правильным было бы эти споры (с участием самозанятых) отнести к ведению мировых судей.

Иначе не обеспечивается выполнение конституционных положений, провозглашенных в ст. 18 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и местного самоуправления и обеспечиваются правосудием», а также в ч. 1 ст. 46 Конституции РФ: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

Вместе с тем в вопросе судопроизводственного регулирования мировыми судьями явно следует прислушаться к основоположникам Судебной реформы 1864 г. Как отмечал известный российский правовед XIX в. И.В. Гессен в работе «Судебная реформа», «для мировых судей устанавливается ряд существенных отступлений от общего порядка судопроизводства, гарантирующего правильное рассмотрение дел», и эти отступления мотивируются тем, что «в малочисленных делах не столько нужно опасаться ошибок, как заботиться об удовлетворении другой потребности обиженного — получить скорое удовлетворение, и притом, по преимуществу, на месте. Для достижения этой цели положено было освободить мир. судопроизводство от всяких пошлин, от письменной формы и вообще от строгого формального производства»³³.

Конечно, сегодня для мировой юстиции не нужно создавать специальный «уголовно-гражданско-административно-арбитражный процессуальный кодекс». Но в действующие УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, КоАП РФ и КАС РФ следует «вмонтировать» указания, согласно которым, к примеру, такие-то и такие-то положения на мировую юстицию не распространяются, такие-то и такие-то положения мировая юстиция применяет, если сочтет целесообразным, а такие-то и такие-то положения специально для мировой юстиции необходимо применять в таких-то редакциях. Уже сейчас в силу положений ч. 3 ст. 193 ГПК РФ (в ред. Федерального закона от 04.03.2013 г. № 20-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁴) мировой судья может не составлять мотивированное решение суда по

³² По данным Федеральной налоговой службы за 2022 г., число самозанятых, зарегистрированных в качестве налогоплательщиков, возросло за год в 1.7 раза и достигло 6.5 млн человек, а их общая выручка по итогам года составила 125.8 млрд руб. (см.: Мануйлова А. Самозанятость вошла во вкус // Коммерсантъ. 2023. 10 февр.).

³³ Цит. по: Судебная реформа в прошлом и настоящем. М., 2007. С. 306.

³⁴ См.: СЗ РФ. 2013. № 9, ст. 872.

рассмотренному делу (за исключением некоторых случаев), что само по себе уменьшает нагрузку на мировых судей, но в целом является весьма неоднозначным решением.

К примеру, для взыскания гражданами морального вреда с конкретных должностных лиц, пусть даже в незначительном размере, граждан вынужден вначале проходить административное судопроизводство, а выиграв спор, на основе решения по административному делу добиваться возмещения морального вреда в режиме гражданского судопроизводства. Как минимум у мирового судьи, рассматривающего такое дело по первой инстанции, указанного раздвоения юрисдикции не образуется по определению.

Итак, какой — структурно — должна стать мировая юстиция в Российской Федерации — в системно-модернизированном смысле, в самых общих чертах?

Нижнее, базовое, звено, оно же — первая инстанция в судопроизводстве мировой юстиции — это мировой судья на своем судебном участке, со своим аппаратом, избранный населением своего участка, ибо легислатура избранного всегда на порядок крепче легислатуры назначенного, и здесь для мирового судьи фундаментальным будет понимание: миром избран, миру служу. Но избрание мирового судьи обязательно должно производиться по особым избирательным технологиям без участия как самих кандидатов на должности мировых судей, так и без участия партий, местных и региональных властей и коммерческих структур. Здесь избирательная кампания и сами выборы на конкурсной основе (с сохранением всех установленных требований к претенденту на должность российского судьи) должны быть организованы непосредственно ЦИК и его органами на местах.

Мировой судья на своем судебном участке — это ведь четко определенное звено механизма мировой юстиции, в том числе и с судоустройственной позиции³⁵. Это именно тот суд, относительно которого ст. 47 (ч. 1) Конституции РФ гарантирует гражданину, проживающему на этом — конкретном — судебном участке мирового судьи (а не на любом из участков данного судебного района), что он не может быть «лишен права на рассмотрение его дела» «его» мировым судьей (естественно, если его дело вообще подсудно мировой юстиции). Да и с содержательной точки зрения, равно с позиции жителей судебного участка, можно задать вопрос:

правильно ли поступит председатель районного суда, передавая дела от одного мирового судьи другому, руководствуясь лишь разницей в уровне их судебной нагрузки (о чем сказано выше), если участок второго (малозагруженного) мирового судьи находится далеко, на другом конце административного района? А как воспримут обратившиеся к «своему» мировому судье жители судебного участка, именно его избравшие, когда узнают, что председатель райсуда их заявления передал иному мировому судье, ими не избравшемуся?

Вторым звеном, а также и апелляционной инстанцией судопроизводства мировых судей должна стать апелляционная палата мировой юстиции такого-то района такого-то субъекта Российской Федерации. Здесь апелляционную палату будут составлять все мировые судьи района, а если их меньше пяти, то нужно будет создавать межрайонную палату. Весь штат палаты будет состоять из одного технического работника, который все поступившие в течение недели жалобы будет регистрировать, и их будет раз в неделю рассматривать отобранная специальной компьютерной программой тройка мировых судей. Сама же апелляционная палата станет также серьезным органом судейского самоуправления, которая будет решать в том числе организационные вопросы (об отпусках мировых судей, повышении их квалификации, может быть, о присвоении квалификационных классов и др.) и принимать по ним соответствующие распорядительные акты.

Третьим звеном мировой юстиции, также кассационной инстанцией судопроизводства мировых судей, будет кассационная палата мировой юстиции субъекта Российской Федерации, которую будут составлять все мировые судьи этого субъекта Федерации. Но, поскольку кассация здесь будет работать в основном «по праву», а не «по факту», в состав «троек» специальная компьютерная программа будет отбирать мировых судей с более высокой квалификацией — с большим судейским стажем, более высоким квалификационным судейским классом, имеющих ученые степени и пр. Кассационная палата мировой юстиции также будет еще более значимым органом судейского самоуправления, а ее представители будут входить в состав всех органов судейского сообщества данного субъекта Российской Федерации.

А на федеральном уровне координирующую, организационную и некоторые иные, но не судопроизводственные функции для мировой юстиции будет выполнять специальная секция мировых судей Совета судей РФ. Ряд организационных вопросов, которые решались федеральной юстицией либо органами иных ветвей государственной власти, будут решаться самой мировой юстицией

³⁵ Здесь уместно привести позицию проф. В.В. Дорошкова, считающего, что мировой суд надлежит рассматривать как учреждение, судебный орган, входящий в судебную систему; а мирового судью — как физическое должностное лицо, представляющее судебный орган (см.: *Дорошков В.В.* Судья для мира // *эж-Юрист*. 2014. № 10).

(т.е. можно говорить и об их передаче органам судейского сообщества): вопросы уровня субъекта Российской Федерации — конференцией мировых судей соответствующего субъекта Федерации. При такой организации дел принципиально важно, чтобы «постоянного руководителя» не было, даже из числа мировых судей. Многие вопросы изначально должны быть отражены в соответствующих регламентирующих документах, принимаемых на конференциях, например: условия и порядок замещения одним мировым судьей другого на период временного отсутствия последнего, механизм проверки жалоб и заявлений на мировых судей в рамках дисциплинарного производства и пр.

Настоятельно необходимо при радикальной модернизации механизма мировой юстиции учесть важный аспект. Территория Российской Федерации огромна — во множестве смыслов. Очевидно, что правосудная деятельность мировых судей в Москве, Санкт-Петербурге (и в других крупных городах) отличается от правосудной деятельности мировых судей малых городов, еще больше — правосудной деятельности мировых судей, судебные участки которых расположены в сельской местности, и уж совсем основательно отличается от правосудной деятельности мировых судей, судебные участки которых расположены в малонаселенных территориях северо-востока страны. И различия эти по множеству параметров принципиальные. А действующее законодательство практически это обстоятельство не учитывает.

Поэтому представляется целесообразным первый этап названной модернизации провести в экспериментальном режиме — в четырех-пяти субъектах Российской Федерации.

Ведь в сфере правового регулирования на конкретной территории есть немало примеров экспериментальных подходов, причем на уровне федерального законодательства, например Федеральный закон от 18 марта 2023 г. № 84-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о проведении на территории Калининградской области эксперимента по созданию условий для упорядочения электронной торговли товарами»³⁶. Небезынтересно здесь то, что текстуально названный Закон весьма объемный, занимает 10 полных газетных страниц (с. 15–24), им внесено множество изменений, дополнений и признание утратившими силу положений восьми федеральных законов. Прежде всего это относится к Федеральным законам об особых экономических зонах (например, Федеральный закон от

31.05.1999 г. № 104-ФЗ «Об особой экономической зоне в Магаданской области»³⁷ (с четырьмя изм.)).

* * *

Изложенный выше перечень проблем механизма мировой юстиции можно продолжать, их немало. И устранять их можно по-разному. Но если к этому делу подойти с принципиальных позиций, то проистекать это устранение может лишь в двух названных выше векторах.

Либо постепенным (как и с 1998 г. по настоящее время) превращением мировой юстиции в юстицию федеральную в качестве низового звена федеральной юстиции, а на финише — и по форме, т.е. с изменением названия.

Либо радикальным преобразованием ее в подлинно мировую юстицию, во всех трех составляющих ее организационно-правового механизма, посредством полного ее отделения от юстиции федеральной, существенного укрепления ее независимости и т.д., словом, возвратом к изначальным ее истокам (по форме и по духу), провозглашенным и реально осуществленным Судебной реформой 1864 г. в Российской Империи.

Третьего пути нет, ибо, если ничего не делать (т.е. развивать мировую юстицию посредством точечных законодательных изменений, в основном ситуативно), значит, выбрать первый вектор.

Таким образом, речь идет уже даже не о выработке концепции федерального закона о мировой юстиции. Речь идет об определении изначальной, базовой идеологии мировой юстиции в Российской Федерации. И определяющей здесь должна быть в первую очередь ориентация на обеспечение вершения правосудия судьями, максимально — в структуре судебной системы — приближенными к народу, на началах справедливости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аширбекова М. Т.* Механизм мировой юстиции: согласованность институциональных и процессуальных оснований // Мировой судья. 2016. № 11. С. 3–9.
2. *Волосатых Е. А.* Хронодискретное историко-теоретическое исследование правового статуса мирового судьи в Российской Империи и Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016.
3. *Гарифуллина А. Р.* Мировая юстиция как социальная технология // Мировой судья. 2017. № 1. С. 3–8.
4. *Гравина А. А.* Правовая регламентация организации и деятельности судов субъектов Российской Федерации // Журнал рос. права. 2014. № 6. С. 87.

³⁶ См.: Росс. газ. 2023. 24 марта.

³⁷ См.: СЗ РФ. 1999. № 23, ст. 2807.

5. Джанишиев Г.А. Основы судебной реформы: сб. ст. М., 2004. С. 192.
6. Дорошков В.В. Мировой судья. Исторические организационные и процессуальные аспекты деятельности. М., 2004.
7. Дорошков В.В. Судья для мира // эж-Юрист. 2014. № 10.
8. Ермакова Е.П., Ивановская Н.В. Суды малых исков за рубежом — аналог мировых судей в России: опыт Гонконга, Малайзии и Сингапура // Мировой судья. 2014. № 5.
9. Институт мирового судьи в России: теория, законодательство, практика / под общ. ред. В.А. Панюшкина. Воронеж, 2009.
10. Институт мирового судьи: история, теория, законодательство, практика / В.Л. Головкин и др.; под общ. ред. Д.В. Зотова. Воронеж, 2019.
11. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 4: Судоустройство и судопроизводство в России периода судебных реформ (1864–1881 годы) / Г.П. Краковский; отв. ред. В.М. Сырых. М., 2019. С. 184–204 (Глава 10 «Мировая юстиция»).
12. Клеандров М.И. О необходимости обретения незарегистрированным предпринимателем легального статуса // Предпринимательское право. 2015. № 3. С. 3–13.
13. Клеандров М.И. О нефедеральном правосудии. Часть I. Следовало ли упразднить конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации? // Государство и право. 2023. № 6. С. 56–72. DOI: 10.31857/S102694520025928-1
14. Ковальчук С.С. Мировому судье о мировой юстиции Великобритании // Мировой судья. 2017. № 2. С. 3–6.
15. Колоколов Н.А. Перспективы оптимизации деятельности мировых судей: без инноваций не обойтись // Мировой судья. 2017. № 3. С. 3–9.
16. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы: в 6 т. Т. III. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. М., 2003. С. 388, 389.
17. Лурье И.М. Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э. Памятники и исследования. Л., 1960. С. 52.
18. Мануйлова А. Самозанятость вошла во вкус // Коммерсантъ. 2023. 10 февр.
19. Матеев М.М. Мировая юстиция в Болгарии и России (историко-правовое исследование) // Государство и право. 2021. № 1. С. 111–120.
20. Мировая юстиция в России: создание, деятельность, историческая миссия / под ред. А.Д. Поповой, С.В. Ланской. М., 2016.
21. Мировая юстиция: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по специальности «юриспруденция» / под ред. Н.А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014.
22. Настольная книга мирового судьи города Севастополя: науч.-практ. пособие. Ростов н/Д., 2015.
23. Очередько В.П. Проблемы теоретического осмысления института мировых судей в России // Росс. правосудие. 2015. № 7 (111). С. 94–100.
24. Савенко Н.Е. Статус самозанятого физического лица в Российской Федерации. Синергия междисциплинарного и межотраслевого правового анализа. М., 2023.
25. Сачков А.Н. Российская мировая юстиция: институционно-правовые основы. Ростов н/Д., 2007. С. 18, 19.
26. Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 8.
27. Судебная реформа в прошлом и настоящем. М., 2007. С. 306.
28. Судебные системы Европы и Евразии: научно-энциклопедическое издание: в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М., 2019. С. 49, 144, 180, 181, 218; т. 2. Южная и Восточная Европа. С. 142, 143, 236.
29. Фоков А.П. Мировой судья во Франции и Великобритании: история и современность // Мировой судья. 2016. № 12. С. 3–6.

REFERENCES

1. Ashirbekova M.T. Mechanism of world justice: consistency of institutional and procedural grounds // Justice of the Peace. 2016. No. 11. P. 3–9 (in Russ.).
2. Volosatyykh E.A. Chronodiscret historical and theoretical study of the legal status of a justice of the peace in the Russian Empire and the Russian Federation: abstract ... PhD in Law. N. Novgorod, 2016 (in Russ.).
3. Garifullina A.R. World justice as a social technology // Justice of the Peace. 2017. No. 1. P. 3–8 (in Russ.).
4. Gravina A.A. Legal regulation of the organization and activity of courts of the subjects of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2014. No. 6. P. 87 (in Russ.).
5. Dzhanishiev G.A. Fundamentals of judicial reform: collection of art. M., 2004. P. 192 (in Russ.).
6. Doroshkov V.V. Justice of the Peace. Historical organizational and procedural aspects of activity. M., 2004 (in Russ.).
7. Doroshkov V.V. Judge for the world // ezh-Yurist. 2014. No. 10 (in Russ.).
8. Ermakova E.P., Ivanovskaya N.V. Small claims courts abroad — an analogue of magistrates in Russia: the experience of Hong Kong, Malaysia and Singapore // Justice of the Peace. 2014. No. 5 (in Russ.).
9. The institute of Justice of the Peace in Russia: theory, legislation, practice / under the general editorship of V.A. Panyushkin. Voronezh, 2009 (in Russ.).
10. Institute of Justice of the Peace: history, theory, legislation, practice / V.L. Golovko et al.; under the general editorship of D.V. Zotov. Voronezh, 2019 (in Russ.).
11. History of the court of Justice in Russia: in 9 vols. / res. ed. V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 4: Judicial system and judicial proceedings in Russia during the period of judicial reforms (1864–1881) / G.P. Krakovsky; res. ed. V.M. Syrykh. M., 2019. P. 184–204 (Chapter 10 “World Justice”) (in Russ.).
12. Kleandrov M.I. On the need for an unregistered entrepreneur to acquire legal status // Entrepreneurial Law. 2015. No. 3. P. 3–13 (in Russ.).

13. *Kleandrov M.I.* About non-federal justice. Part I. Should the constitutional (statutory) ones have been abolished courts of the subjects of the Russian Federation? // *State and Law*. 2023. No. 6. P. 56–72. DOI: 10.31857/S102694520025928-1
14. *Kovalchuk S.S.* To the Justice of the Peace about the Justice of the Peace of Great Britain // *Justice of the Peace*. 2017. No. 2. P. 3–6 (in Russ.).
15. *Kolokolov N.A.* Prospects for optimizing the activities of magistrates: you can't do without innovations // *Magistrate*. 2017. No. 3. P. 3–9 (in Russ.).
16. *Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G. Yu.* Judicial power in Russia: history, documents: in 6 vols. Vol. III. From the Code of Laws to judicial reform in 1864. M., 2003. P. 388, 389 (in Russ.).
17. *Lurie I.M.* Essays on Ancient Egyptian law of the XVI–X centuries BC. Monuments and research. L., 1960. P. 52 (in Russ.).
18. *Manuylova A.* Self-employment has become a taste // *Kommersant*. 2023. 10 Feb. (in Russ.).
19. *Mateev M.M.* World justice in Bulgaria and Russia (historical and legal research) // *State and Law*. 2021. No. 1. P. 111–120 (in Russ.).
20. World justice in Russia: creation, activity, historical mission / ed. by A.D. Popova, S.V. Lanskaya. M., 2016 (in Russ.).
21. World Justice: studies. manual for students universities studying in the specialty “jurisprudence” / ed. by N.A. Kolokolov. 2nd ed., reprint and add. M., 2014 (in Russ.).
22. The handbook of the magistrate of the city of Sevastopol: scientific and practical stipend. Rostov-on-Don, 2015 (in Russ.).
23. *Ocheredko V.P.* Problems of theoretical understanding of the Institute of Justices of the Peace in Russia // *Russ. Justice*. 2015. No. 7 (111). P. 94–100 (in Russ.).
24. *Savenko N.E.* The status of a self-employed individual in the Russian Federation. Synergy of interdisciplinary and intersectoral legal analysis. M., 2023 (in Russ.).
25. *Sachkov A.N.* Russian World Justice: institutional and legal foundations. Rostov-on-Don, 2007. P. 18, 19 (in Russ.).
26. Judicial power and criminal procedure. 2017. No. 3. P. 8 (in Russ.).
27. Judicial reform in the past and present. M., 2007. P. 306 (in Russ.).
28. Judicial systems of Europe and Eurasia: scientific and encyclopedic edition: in 3 vols. 1. Western and Northern Europe / edited by R.A. Kurbanov, R.A. Gurbanov. M., 2019. P. 49, 144, 180, 181, 218; vol. 2. Southern and Eastern Europe. P. 142, 143, 236 (in Russ.).
29. *Fokov A.P.* Justice of the Peace in France and Great Britain: history and modernity // *Justice of the Peace*. 2016. No. 12. P. 3–6 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович —
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук, профессор,
 главный научный сотрудник
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. —
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law, Professor,
 Chief Researcher of the Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ТАК КАКАЯ ЖЕ ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ?

Часть 2

© 2023 г. Д. А. Авдеев

Тюменский государственный университет

E-mail: ronner@mail.ru

Поступила в редакцию 17.07.2023

Аннотация. В статье автор продолжает исследование особенностей отечественной формы правления, останавливаясь на содержании принципа разделения властей и его реализации в системе государственного управления Российской Федерации. Анализ эволюционного развития отечественной формы правления позволил выявить существенные признаки и характерные свойства российской системы публичной власти. Рассмотрев конституционно-правовой статус высших органов государственной власти и управления – Президента РФ, Правительства РФ, Федерального Собрания РФ и Конституционного Суда РФ, а также функционирование и взаимодействие их между собой в свете конституционных поправок 2020 года, автор обосновывает модель сложившейся в Российской Федерации формы государственного правления, которую предлагает именовать как конституционную монархию.

Ключевые слова: форма правления, разделение властей, конституционные поправки, публичная власть, монархия.

Цитирование: Авдеев Д.А. Так какая же форма правления в России? Часть 2 // Государство и право. 2023. № 9. С. 87–96.

DOI: 10.31857/S102694520027736-0

SO WHAT IS THE FORM OF GOVERNMENT IN RUSSIA?

Part 2

© 2023 D. A. Avdeev

Tyumen State University

E-mail: ronner@mail.ru

Received 17.07.2023

Abstract. In the article, the author continues to study the features of the domestic form of government, dwelling on the content of the principle of separation of powers and its implementation in the public administration system of the Russian Federation. An analysis of the evolutionary development of the domestic form of government made it possible to identify the essential features and characteristic properties of the Russian system of public authority. Having considered the constitutional and legal status of the highest bodies of state power and administration – President of the Russian Federation, Government of the Russian Federation, Federal Assembly of the Russian Federation and Constitutional Court of the Russian Federation, as well as their functioning and interaction with each other in the light of the constitutional amendments of 2020, the author substantiates the model of the form of state government that has developed in the Russian Federation, which he proposes to call as constitutional monarchy.

Key words: form of government, separation of powers, constitutional amendments, public authority, monarchy.

For citation: Avdeev, D.A. (2023). So what is the form of government in Russia? Part 2 // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 87–96.

Введение

Поиск новых критериев и оснований классификации форм правления позволит группировать сложившиеся в различных государствах модели форм правления в те или иные виды (разновидности). Существующие критерии классификации не со всей достоверностью определяют вид формы правления того или иного государства, что вносит путаницу в классификацию и создает проблемы их идентификации. Например, отсутствуют какие-либо существенные различия между современной парламентской республикой и парламентской монархией в силу того обстоятельства, что сам вариант организации государственной власти в таких странах предполагает, во-первых, политическую зависимость правительства от парламента и, во-вторых, функции главы государства де-факто осуществляет премьер-министр. Способ же формирования главы государства — престолонаследие или же выборность — потерял свою значимость и не играет первостепенной роли, как ранее, при классификации формы правления. В этой связи подобные виды форм правления именуются парламентскими (парламентарными) — Соединенное Королевство, ФРГ, Греция, Королевство Испания, Королевство Швеция, Япония и т.д. При этом, отметим, в каждом из данных государств сложилась своя национальная модель парламентского вида правления.

Таким образом, способ формирования главы государства как основной критерий отличия республики от монархии не имеет ключевого значения в классификации современных государств, равно как способ формирования высшего коллегиального органа исполнительной власти — правительства и его политическая ответственность.

Нельзя не согласиться с мнением З.Н. Курдюковой, что различие между монархией и республикой по критериям выборности, коллегиальности, краткосрочности, подотчетности весьма условно¹. Непосредственное руководство правительством главой государства или же существование самостоятельной фигуры премьер-министра (председателя правительства) перестало быть основополагающим критерием различия президентской и полупрезидентской формы правления, а способствуют лишь появлению многообразных разновидностей президентской формы правления, характеризующихся как полупрезидентская, полупарламентская, президентско-парламентская, парламентско-президентская, милитарно-президентская и пр., что

лишь вносит путаницу в классификацию форм правления².

Сегодня на первое место выходят не перечисленные нами выше критерии и основания классификации форм правления, а то, как *происходит распределение государственно-властных полномочий между высшими органами власти, принимающих решения управленческого характера, что позволяет определить количество политических центров, участвующих в государственном управлении*. Следовательно, можно выделить *монархическую* или же *поликратическую* формы правления, которые соответственно допускают наличие одного или же двух, как правило, политических центров управления.

В любом случае вне зависимости, сколько существует таких политических центров управления, происходит распределение компетенционных полномочий в сфере государственного управления или же между двумя такими центрами (поликратический вид формы правления), или же внутри такого центра между органами власти и управления, его образующими (монархический вид формы правления). Таким образом, в обоих случаях речь идет об объеме властных полномочий, их концентрации и распределении между соответствующими органами власти и управления или, как обычно принято говорить о разделении властей между органами государственной власти различного вида и уровня.

Российский вариант разделения властей и «система сдержек и противовесов»

Разделение властей — один из древних принципов организации публичной власти в государстве, о котором писали Аристотель, Платон, Полибий, Цицерон и др. Обоснование необходимости разделения властей в государственном управлении нашло в трудах Дж. Локка и Ш. Монтескье, а последний и вывел классическую триаду ветвей власти — законодательную, исполнительную и судебную, которая по прошествии порядка трех веков (!) продолжает применяться в неизменном виде, несмотря на существенную модернизацию организации публичной власти государства в современных условиях его развития. По нашему мнению, по крайней мере странным выглядит использование в содержательном смысле деления государственной власти на три ее ветви в силу того, что сама система публичной власти современного государства существенно, даже кардинально, отличается от системы публичной власти времен Дж. Локка и Ш. Монтескье. Функционал властных полномочий и сферы деятельности государства обширен и многоаспектен, а это приводит к появлению не существующих

¹ См.: Курдюкова З.Н. Теоретические проблемы политической формы современного государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 4. С. 60.

² См.: Авдеев Д.А. Так какая же форма правления в России? Часть 1 // Государство и право. 2023. № 8. С. 64–73.

ранее государственно-правовых институтов и органов власти и управления (органы прокуратуры, институт омбудсмена, контрольно-счетные органы, избирательные комиссии, система консультативно-совещательных органов власти и пр.), что не может, в свою очередь, не отражаться на разделении властей. Тем не менее неизменной должна оставаться сама сущность разделения властей — создание такой организации государственной власти, которая позволяет избежать концентрации в одних руках (одном органе) государственно-властных полномочий, за счет «системы сдержек и противовесов».

Нельзя не отметить, что концепция разделения властей не раз подвергалась критике относительно невозможности деления государственной власти на какие-либо ветви в силу ее неделимости. Так, Г.Ф. Шершеневич считал, что не может существовать трех равных по силе властей, а законодательство, исполнение и суд — это только три формы проявления единой и неделимой государственной власти, а не три власти³. Н.М. Коркунов также говорил не о разделении властей, а о распределении функций между самостоятельными органами единой государственной власти⁴. Н.Н. Ворошилов полагал, что разделение властей следует понимать только как разграничение отдельных функций государственной власти, всегда единой и неделимой⁵. Таким образом, дореволюционные государствоведы в целом отрицательно относились к возможности и необходимости разделения единой государственной власти, аргументируя это тем, что существование самостоятельных властей ведет не к их уравниванию и взаимному сдерживанию, а напротив, противодействию друг другу и ничем не оправданной и опасной конкуренции и в конечном счете к столкновению. Наш современник Б.А. Страшун утверждал, что принцип разделения властей в своем практическом воплощении означает структурно-функциональную определенность каждого из государственных органов, компетенция которого зависит от его правового статуса и фактического соотношения и размежевания полномочий с другими органами⁶.

Солидаризуясь с приведенными выше мнениями, убеждены, что нельзя рассматривать разделение властей сугубо только в контексте деления ветвей власти на законодательную, исполнительную

и судебную. В частности, Г.Н. Чеботарев пишет, что «разделение законодательной, исполнительной и судебной властей имеет несколько уровней, при этом данное разделение посредством определенной организации законодательных, исполнительных и судебных органов (именно органов) занимает производное, вторичное место по сравнению с первичным, “корневым” разделением властей, определенным в ст. 3 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., в которой прежде всего говорится об источнике власти — многонациональном народе Российской Федерации. Народ может осуществлять власть в нескольких формах. Такое осуществление власти народом и есть изначальное, первичное, “корневое” разделение власти»⁷. По мнению С.А. Авакьяна, следует учитывать два аспекта разделения властей, связанных прежде всего с территориальным государственным устройством: разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную и разделение властных функций по уровням системы государственных органов. Поэтому, с его точки зрения, суть принципа разделения властей заключается в следующем: 1) каждая ветвь (уровень) имеет собственную компетенцию; 2) ветви (уровни) самостоятельны между собой, не могут вмешиваться в компетенции друг друга; 3) каждая ветвь (уровень) обладает собственными средствами воздействия на другие⁸.

Конституция РФ вслед за Декларацией о государственном суверенитете от 12 июня 1990 г.⁹, устанавливающей, что принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей является важнейшим принципом функционирования Российской Федерации как правового государства, закрепляет его как одну из основ конституционного строя. Однако ст. 10 указывает лишь на самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной властей, что, по верному замечанию А.Н. Писарева, «не отражает реальное содержание форм публичной власти и не способствует ее адекватному восприятию», в этой связи она «не оптимальна и не отражает важные особенности реализации публичной власти»¹⁰.

⁷ Чеботарев Г.Н. Разделение властей в Российской Федерации — важнейший конституционный принцип функционирования правового демократического государства // Вестник ТюмГУ. 2013. № 3. С. 17.

⁸ См.: Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. 1. С. 351, 352.

⁹ См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2, ст. 22.

¹⁰ Писарев А.Н. Российская модель формы правления в свете конституционной реформы 2020: президентская или полупрезидентская республика // Образование и право. 2020. № 9. С. 11.

³ См.: Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1908. С. 334.

⁴ См.: Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1913. Т. II. С. 9.

⁵ См.: Ворошилов Н.Н. Критический обзор учения о разделении властей. Ярославль, 1871. С. 383.

⁶ См.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. / отв. ред. Б.А. Страшун. М., 2000. С. 251.

При этом, как уже неоднократно отмечалось в научной литературе, устанавливая разделение властей, вопрос о месте Президента РФ в системе органов государственной власти продолжает оставаться открытым. По мнению М.В. Емельянова, Президент РФ выходит за систему разделения властей, образуя собой Центр Верховной Власти, который необходимо еще институционализировать, определить его функции, полномочия и признаки¹¹.

«Система сдержек и противовесов» — важная составляющая принципа разделения властей, представляет собой взаимообусловленную возможность органов власти и управления использовать существующие (конституционно установленные) взаимосдерживающие полномочия высших органов власти и управления в отношении друг друга в процессе государственного управления. Однако очевиден тот факт, что российский вариант принципа разделения властей, провозглашенный в Конституции РФ, не содержит подобные полномочия, что приводит к их дисбалансу и сосредоточению значительного объема власти в руках главы государства¹². Нельзя не упомянуть, что разделение властей в федеративном государстве также предполагает распределение властных полномочий между федеральным центром и субъектами федерации. Что же касается Российской Федерации, то вряд ли найдется тот, кто будет отрицать чрезмерно централизованный характер отечественной модели федерализма.

Эволюция российской формы правления

В правовом развитии отечественной формы правления можно выделить несколько исторических периодов — дореволюционный, советский и постсоветский. Каждый период, в свою очередь, включает в себя те или иные стадии трансформации публичной власти или же этапы модернизации системы органов государственной власти и управления. Безусловно, рассмотреть в рамках данной статьи всю эволюцию российской формы правления, а также обозначить характерные особенности и свойства тех или иных периодов (этапов) не представляется возможным. Мы лишь попытаемся выявить общую тенденцию развития отечественной системы публичной власти и сосредоточим внимание на сущностных ее признаках, ставших в последующем неотъемлемым атрибутом российской формы правления.

Анализируя особенности организации публичной власти на разных стадиях истории Российского государства, можно выделить два основных

типа государственного управления — коллегиальное и единоличное, которые с переменным успехом воздействовали друг на друга. В результате такой конкуренции в России стала формироваться модель единоличного управления, которая основывалась на использовании государственного принуждения правового порядка или же в основе такого принуждения лежала собственная воля князя (монарха). При этом орган власти народного представительства (парламент) отсутствовал достаточно долго. Его заменяли различного рода консультативно-совещательные органы при главе государства, которые, как правило, могли наделяться делегированным нормотворчеством (Правительствующий Сенат при Государе Императоре Петре Алексеевиче (Петре I), Верховный тайный совет при Екатерине I и Петре II, Кабинет при Анне Иоанновне, Конференция при Елизавете Петровне, Совет при Петре III). Как показал опыт их функционирования, они не могли вести полномасштабное и оперативное управление государственными делами, что приводило к появлению новых специальных учреждений узкой направленности. Образование отдельного ведомства, специализировавшегося на определенном круге вопросов, способствовало их оперативному рассмотрению и принятию незамедлительных мер. В этом и проявляется одно из сущностных свойств отечественной системы публичной власти — создание разветвленной системы исполнительно-распорядительных органов различных уровней и видов, имеющих собственную структуру и иерархию по функциональному принципу организации и деятельности.

Отсутствие продолжительное время конституции и парламента не могло не отразиться на особенностях российской системы организации государственной власти и развитии отечественного конституционализма. В XVIII—XIX вв. в Российской Империи высказываются идеи о возможном переходе к республиканской форме правления, что должно найти свое выражение, прежде всего в необходимости разработки и принятии Конституции. В частности, М.М. Сперанский разрабатывал концепцию по ограничению самодержавия и переходу к конституционной монархии, в основе которой будет положен принцип разделения властей. В качестве конституционного ограничения, по его мнению, должна выступать Государственная дума. Однако не всегда подобные идеи находили поддержку. В среде декабристов, ратовавших за политико-правовые и социально-экономические преобразования, также не было единства мнений относительно приоритета в выборе формы правления Российской Империи.

Только в начале XX в. в России появляется парламент в лице Государственной думы и Государственного Совета, принимаются акты

¹¹ См.: Емельянов М.В. Тектоника власти. М., 2019. С. 11.

¹² См.: Авдеев Д.А. Российский вариант принципа разделения властей // Право и политика. 2013. № 13 (168). С. 1802.

конституционного характера, устанавливающие основы государственного порядка (Основные государственные законы от 23 апреля 1906 г.), и провозглашаются права подданных (Манифест от 17 октября 1905 г.). Казалось бы, прослеживается переход к конституционной монархии. Но последующие события военно-политического характера, а также складывающиеся социально-экономические условия повлекли за собой Октябрьскую революцию 1917 г., а вместе с ней кардинальную трансформацию публичной власти, которая заключалась в воплощении идеи построения социалистического государства и перехода в дальнейшем к коммунистическому обществу.

Несмотря на то что Советская Россия была федеративной республикой, позиционирующей себя как действительно народное государство, в котором провозглашается полновластие Советов как представительных органов, стратегическое управление государством было сосредоточено в руках партийного руководства, а органы государственной власти и управления фактически представляли собой политический центр монархического вида формы правления.

Переход к строительству подлинного федеративного демократического государства с республиканской формой правления был обозначен принятой 12 декабря 1993 г. Конституцией РФ. Предшествующее политическое противостояние соратников первого российского Президента Б.Н. Ельцина и сторонников Верховного Совета РСФСР не могло не отразиться на положениях Конституции, в период ее разработки, где уклон был сделан на привилегированное положение главы Российского государства. Сохраняя преемственность в развитии отечественной государственности, сложившуюся столетиями, в России становится неизменной тенденция сохранения за главой государства концентрированного объема властных полномочий по государственному управлению, и ни один из существующих государственных органов не в силах противопоставить какие бы то ни было меры сдерживающего и (или) ограничительного характера.

Таким образом, можно резюмировать, что установленная юридически форма правления должна соответствовать уровню развития политико-правовых отношений и социально-экономическим условиям того или иного государства в конкретный исторический промежуток времени. Развитие государственно-правовых отношений, безусловно, приводит к изменениям (преобразованиям) формы правления, модернизируя систему организации власти и взаимодействие высших органов власти между собой, что находит отражение в поиске оптимальной ее юридической конструкции, которая

проявляется в конституции государства (*статичная форма правления*). Реальное соотношение политических сил и функционирование высших органов власти и управления представляет собой *динамичную форму правления*, которая может не соответствовать статичной ее форме, что и вызывают различные споры и дискуссии относительно характеристики формы правления того или иного государства при сопоставлении формы правления де-юре и формы правления де-факто. При этом не исключена некая цикличность изменчивости форм правления.

Изменилась ли форма правления в результате конституционных поправок 2020 года?

Конституционные поправки 2020 года были направлены на совершенствование регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти¹³. Одним из таких нововведений стало придание понятию «публичная власть» правового значения и использование его в законодательстве, что является не вполне удачным в силу того обстоятельства, что сама категория «публичная власть», по верному замечанию О.А. Кожевникова, «не имеет своего четкого, завершеного понимания ни в науке, ни в законодательстве»¹⁴.

Тем не менее в соответствии с ч. 3 ст. 132 Конституции РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления входят в единую систему публичной власти и осуществляют взаимодействие для эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Если не брать во внимание изменение конституционного текста в части закрепления социально-экономических, духовно-просветительских, культурно-исторических, а также правовых положений, отражающих стратегию внешней политики Российской Федерации, направленной на обеспечение национальной безопасности и сохранение государственного суверенитета, то определенная часть поправок затрагивала ряд моментов организационной деятельности высших органов государственной власти, что не могло не отразиться в той или иной степени на элементах отечественной формы правления. К числу ключевых изменений следует отнести то, что, во-первых, была скорректирована процедура формирования Правительства РФ, включая назначение его

¹³ См.: Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020, № 11, ст. 1416.

¹⁴ Кожевников О.А. Органы местного самоуправления в новой структуре единой системы публичной власти: вопросы нормативной регламентации // Вестник Белгородского юрид. ин-та МВД России им. И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 70.

Председателя и отдельных министров, установлена их ответственность и подконтрольность главе государства; во-вторых, предложен новый порядок формирования Совета Федерации; в-третьих, изменена организационная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации.

Первое. Несмотря на корреляцию процедуры назначения Председателя Правительства РФ и отдельных министров, сам способ формирования Правительства РФ не претерпел существенных изменений. Замена «согласования» кандидатуры Председателя Правительства РФ Государственной Думой на его «утверждение» не повлекли «усилений» парламентских полномочий, сохранив за Президентом РФ правовую преференцию выбора кандидатуры на данную должность с возможностью принятия решения о роспуске Государственной Думы в случае трехкратного отклонения представленных кандидатур. Аналогичная норма используется в случае утверждения заместителей Председателей Правительства РФ, несмотря на то что согласно ч. 3 ст. 112 Конституции РФ Президент РФ не вправе отказать в назначении их на должность.

Если бы кандидатура Председателя Правительства РФ не могла быть назначена Президентом РФ без утверждения ее Государственной Думой, то в таком случае можно было бы говорить об усилении парламентских позиций в процедуре назначения руководителя высшего коллегиального органа исполнительной власти Российской Федерации. Анализируя процедуру назначения Председателя Правительства РФ, возникают как минимум два вопроса: во-первых, почему в случае его отставки Президентом РФ не требуется утверждение такого решения Государственной Думой? Во-вторых, если Правительство РФ функционирует под общим руководством Президента РФ и несет перед ним ответственность, то какой смысл утверждать кандидатуры Председателя РФ и его заместителя, а также иных министров Государственной Думой?

Полагаем, что если при назначении какого-либо должностного лица требуется утверждение его кандидатуры иным органом власти, то отставка такого лица невозможна без участия органа, утверждавшего его кандидатуру. В ином случае теряется сама необходимость такого утверждения. Конституционная искусственность участия Государственной Думы в назначении Председателя Правительства РФ, его заместителей и отдельных министров, равно как и выражение Государственной Думой вотума недоверия, или же принятие резолюции порицания (отказа в доверии) лишены всякого юридического смысла в силу того, что в любом случае окончательное решение остается за Президентом РФ. Как видим, говорить о парламентской

ответственности Правительства РФ и его членов не приходится.

Осуществляя общее руководство над деятельностью Правительства РФ, включая возможность использования персональной ответственности Председателя Правительства РФ и ряда министров перед Президентом РФ, возможности отмены принятых Правительством РФ решений главой государства, возможности председательствовать на заседаниях Правительства РФ свидетельствуют о признаках президентской республики. Следовательно, на наш взгляд, необходимо в последующем при принятии новой Конституции РФ концептуально определиться с процедурой формирования Правительства РФ во избежание создания искусственности парламентского воздействия или иного влияния Государственной Думы как части Федерального Собрания на процедуру формирования Правительства РФ. Так, если Правительство РФ формируется фактически Президентом РФ и несет перед ним ответственность, то Государственная Дума не вмешивается в организационную деятельность высшего коллегиального органа исполнительной власти и не вправе выражать вотум недоверия. Или же в другом случае, если Государственная Дума участвует в утверждении кандидатуры Председателя Правительства РФ, его заместителей и отдельных министров, то тогда она должна иметь возможность выражать вотум недоверия данным лицам без опасения быть распущенной Президентом РФ.

Второе. За свою непродолжительную историю существования Совет Федерации несколько раз претерпел изменения порядка своего формирования, при этом все эти способы вполне соответствовали тогдашним положениям Конституции РФ — два представителя от каждого субъекта Российской Федерации входили в Совет Федерации (один от исполнительного, другой от законодательного органа власти). Предусмотренный конституционными поправками 2020 года новый способ является не только смешанным, но и комбинированным. Во-первых, сенаторы могут как назначаться, так и избираться; во-вторых, различен срок исполнения обязанностей сенаторов (он варьируется в зависимости от того органа, который избирает / назначает сенатора); в-третьих, допускается назначение в состав Совета Федерации представителей Российской Федерации и экс-Президента РФ.

Такой порядок формирования Совета Федерации актуализирует ряд вопросов, связанных с организационной деятельностью Совета Федерации: чьи интересы представляет Совет Федерации? Почему среди сенаторов, избираемых / назначаемых органами государственной власти субъектов Федерации, могут быть представители Российской

Федерации, а тем более и экс-Президент РФ? Как соотносится назначение сенатора пожизненно с положениями ст. 1 Конституции РФ, устанавливающей республиканскую форму правления, которая исключает возможность нахождения лица в той или иной должности такой срок? Какова миссия Совета Федерации в системе государственного управления?¹⁵ Эти и многие другие вопросы «побуждают к оценке последних внесенных в Конституцию РФ поправок и соответствующих конституционных новелл не в частностях (по отдельности), а в их совокупном значении и соотношении с позиций влияния их на целостную картину реального конституционализма в современной России»¹⁶, а ответы на подобные вопросы требуют своего скорейшего разрешения. Анализ компетенции Совета Федерации позволяет констатировать, что данная палата Федерального Собрания, по сути, обладает ратификационными полномочиями, которые сводятся либо к утверждению принятых решений (утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации, Указа Президента РФ о введении чрезвычайного и военного положений, решение вопроса об использовании Вооруженных Сил РФ за пределами Российской Федерации), либо к решению кадровых вопросов, которые сводятся к назначению (утверждению) представленных кандидатур на те или иные государственные должности (судей Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, Генерального прокурора РФ и прокуроров субъектов Федерации, Председателя и половины аудиторов Счетной палаты РФ, проведение консультаций по предложенным Президентом РФ кандидатурам отдельных федеральных министров). Невольно приходишь к выводу, что решение данных вопросов вполне могло стать частью компетенции Государственной Думы... Поэтому полагаем, что определение функционального назначения Совета Федерации, обусловленное его представительской природой и полномочиями, позволит выявить роль и необходимость данной палаты Федерального Собрания в системе государственного управления.

Третье. Важность деятельности Конституционного Суда РФ в обеспечении реализации и прямого действия Конституции РФ трудно переоценить. Самостоятельность организационной деятельности и независимость Конституционного Суда РФ, невмешательство в каких бы то ни было формах в процесс принятия им правовых решений являются одной из важных гарантий функционирования

Конституционного Суда РФ как высшего органа конституционной юстиции, который играет первостепенную роль в обеспечении разделения властей, устанавливая правовые ограничения или иным образом предопределяя деятельность органов публичной власти, прежде всего высших органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов.

К сожалению, предложенные изменения в отношении организации Конституционного Суда РФ (сокращение численности судейского корпуса при увеличении объема полномочий), на наш взгляд, негативно скажутся на деятельности названного органа конституционной юстиции. Возвращение возможности избрания Председателя Конституционного Суда РФ самими судьями непосредственно позволит обеспечить независимость его деятельности. Как верно указывает Н.М. Добрынин, обеспечение действительного разделения властей возможно «при условии наличия в стране подлинно авторитетного, независимого и беспристрастного правосудия»¹⁷. В этой связи убеждены, что гарантом Конституции РФ, со всей очевидностью, должен выступать именно Конституционный Суд РФ, а не какой-либо иной орган государственной власти.

Таким образом, эти и другие конституционные изменения усилили ведущие политико-правовые позиции Президента РФ, закрепив его полномочия и прерогативы в сфере государственного управления. Произошла конституционализация сложившейся практики взаимодействия высших органов государственной власти¹⁸. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 110 Конституции РФ происходит распределение между Правительством РФ и Президентом РФ управленческих функций и руководства министерствами и иными федеральными органами исполнительной власти. Подобное «разделение труда» нашло отражение в процедуре назначения федеральных министров, ответственных перед Президентом РФ (руководители федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности). Иные полномочия Президента РФ в сфере исполнительной власти свидетельствуют о его непосредственном влиянии и воздействии на систему исполнительной власти. Конституционное оформление сложившейся дихотомической природы федеральной исполнительной власти подтверждает, что Президент РФ не просто является верховным правителем, продолжая

¹⁵ См.: Авдеев Д.А. Роль и назначение Совета Федерации в системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 41–46.

¹⁶ Добрынин Н.М. Новеллы Конституции России: настоящее и будущее. Работа над ошибками... или на результат? // Государство и право. 2021. № 6. С. 126.

¹⁷ Добрынин Н.М. Указ. соч. С. 134.

¹⁸ См.: Авдеев Д.А. Конституционная реформа 2020 года в России и ее политико-правовые последствия (некоторые замечки) // Государство и право. 2022. № 9. С. 52.

контролировать исполнительную власть, которую осуществляет Правительство РФ, а его Председатель РФ несет персональную ответственность перед Президентом РФ. Конституционные поправки юридически оформили концентрацию в руках Президента РФ спектра управленческих полномочий в отношении иных федеральных органов, конституционализируя монархическую модель государственного управления¹⁹.

Россия как конституционная монархия

Несмотря на то что вопрос о форме правления Российской Федерации остается открытым и дискуссионным, большинство ученых-правоведов склоняются рассматривать ее как президентскую республику (суперпрезидентскую), основываясь на классической классификации форм республиканского правления, которая, как мы обосновали ранее, уже не отвечает современным реалиям организации государственной власти и не соответствует тенденции развития государственности как таковой.

По нашему мнению, способы образования (формирования) высших органов государственной власти и управления, равно как и их ответственность и взаимосдерживающие (контрольные) полномочия в отношении друг друга, уходят на второй план, а акценты смещаются на распределение государственно-властных полномочий между органами власти и управления, которые могут образовывать один или же два политических центра управления государством. Иными словами, важным становится то, как происходит распределение властных полномочий, как осуществляется публичная власть, насколько объем компетенционных полномочий по управлению государством сконцентрирован в том или ином органе власти.

Речь идет о монархии (монархической форме правления) или же о поликратии (поликратической форме правления). *Монархия* — форма правления, основанная на принципах единовластия и централизации, характеризуется концентрацией властных прерогатив в лице одного органа, дисбалансом в распределении властных полномочий между высшими органами государственной власти, в отсутствие системы сдержек и противовесов. *Поликратия* характеризуется распределением на сбалансированной основе властных полномочий между одним или несколькими высшими органами власти, с учетом системы сдержек и противовесов, несущими взаимную ответственность по публичному управлению делами государства.

¹⁹ Авдеев Д.А. Конституционная реформа: поиск желаемого или констатация сущего // Право и правоприменение в современной России: сб. ст. / ред.: И.А. Кравец, Т.В. Шепель, Н.В. Омелехина и др. Новосибирск, 2020. С. 32.

Синтезирование признаков (элементов) монархических и поликратических форм правления позволяют конструировать многообразные модели организации власти.

Важным является выбор оптимального вида формы правления, который будет взят за основу с учетом обстоятельств, имеющих ключевое значение для создания национальной модели государственного правления, такие как уровень развития государственно-правовых институтов и институтов гражданского общества, степень зрелости политико-правовой культуры общества и правосознания граждан, состояния политической конкуренции, легитимации организационной деятельности органов публичной власти и пр.

Например, иллюзорным выглядит наделение палат российского парламента полномочиями, которые не имеют под собой реального значения в государственном управлении. В частности, зачем заслушивать отчеты Правительства РФ, равно как и Центрального банка РФ, если Государственная Дума не обладает реальным воздействием на данные государственные органы, а попытка выразить вотум недоверия по результатам заслушивания отчета Правительства РФ обернется ее роспуском. Совет Федерации утверждает поступающие от Президента РФ решения, которые Совет Федерации не в состоянии по политическим соображениям отклонить или не утвердить. Решение об отрешении Президента РФ от должности принимает также Совет Федерации, что выглядит юридически абсурдно.

В силу сложившейся многовековой традиции российской государственности, несмотря на «республиканские» атрибуты отечественной формы правления, сохраняется ведущая роль главы государства в сфере публичного управления, что свидетельствует о монархическом подходе к организации публичной власти и управления. Как отмечают В.А. Лебедев и В.В. Киреев, «гибкость нашей Конституции такова, что на базе одних и тех ее норм российская действительность по воле различных политических сил приобретала различные качественные состояния. Это и всевластие олигархов, и последовавшее утверждение бюрократического капитализма, который, сыграв свою государственно-организующую позитивную роль на непростом этапе истории, превращается в фактор социальной стагнации»²⁰.

Поэтому предлагаем характеризовать форму правления Российской Федерации как *конституционную монархию*, сущностными (атрибутивными) признаками которой являются установленное

²⁰ Лебедев В.А., Киреев В.В. Главное — конституционализм! (Пути развития российской демократии) // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 2.

конституционно-правовыми нормами и положениями сосредоточение в одном политическом центре значительного объема государственно-властных полномочий по государственному управлению, доминирование исполнительно-распорядительных органов в системе публичной власти, отсутствие (или же недостаточность) контрольно-сдерживающих полномочий иных органов власти и управления, которые могут использовать их в отношении политического центра и органов, его образующих, слаборазвитая политическая и партийная конкуренция. Процесс становления конституционной монархии в Российской Федерации обусловлен эволюцией ее государственности, а также сформировавшимися ментальными, культурными, национально-психологическими и исторически сложившимися особенностями жизни российского народа²¹. Это проявляется в том, что «ветви государственной власти находятся в реальной зависимости от главы государства, формально находящегося вне данного деления»²².

Заключение

Подводя итог рассмотрению особенностей отечественной формы правления, понимаем, что ответ на вопрос, вынесенный в название статьи, требует исследования другого характера и объема. Однако мы попытались в концентрированном виде остановиться на важных аспектах российской формы правления, показать ее сущностные свойства, выявить ее атрибутивные черты и характерные признаки организационной деятельности высших органов государственной власти.

Более детальный анализ организации и деятельности высших органов государственной власти предоставит возможность в дальнейшем при принятии новой (очередной) российской Конституции учесть опыт функционирования и взаимодействия системных элементов публичной власти, чтобы избежать юридической искусственности или же эфемерности, а порой и ненужности закрепления тех или иных положений в Конституции РФ, которые не востребованы или же не соответствуют действительности, или же просто не работают. Умелое использование отечественного опыта государственного строительства различных периодов (дореволюционного, советского и постсоветского), сочетание применяемых разнообразных, проверенных временем механизмов функционирования публичной власти (система взаимодействия высших органов власти и управления между собой, распределение компетенции и полномочий,

вариативность способов образования (формирования) органов публичной власти, роль институтов народного (общественного) контроля и юридической ответственности органов публичной власти, деятельность органов конституционной юстиции и т.д.) позволят создать оптимальную национальную модель формы государственного правления. Богатый правоприменительный эмпирический материал развития отечественного государства и права, сочетающий (комбинирующий) в себе различного рода элементы и признаки организационной деятельности публичной власти, является основой для его внедрения в целях наиболее эффективно и гармоничного государственного управления в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. 1. С. 351, 352.
2. Авдеев Д.А. Конституционная реформа 2020 года в России и ее политико-правовые последствия (некоторые заметки) // Государство и право. 2022. № 9. С. 52.
3. Авдеев Д.А. Конституционная реформа: поиск желаемого или констатация сущего // Право и правоприменение в современной России: сб. ст. / ред.: И.А. Кравец, Т.В. Шепель, Н.В. Омелехина и др. Новосибирск, 2020. С. 32.
4. Авдеев Д.А. Роль и назначение Совета Федерации в системе публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 41–46.
5. Авдеев Д.А. Российский вариант принципа разделения властей // Право и политика. 2013. № 13 (168). С. 1802.
6. Авдеев Д.А. Так какая же форма правления в России? Часть 1 // Государство и право. 2023. № 8. С. 64–73.
7. Ворошилов Н.Н. Критический обзор учения о разделении властей. Ярославль, 1871. С. 383.
8. Добрынин Н.М. Новеллы Конституции России: настоящее и будущее. Работа над ошибками... или на результат? // Государство и право. 2021. № 6. С. 126, 134.
9. Емельянов М.В. Тектоника власти. М., 2019. С. 11.
10. Кожевников О.А. Органы местного самоуправления в новой структуре единой системы публичной власти: вопросы нормативной регламентации // Вестник Белгородского юрид. ин-та МВД России им. И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 70.
11. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. / отв. ред. Б.А. Страшун. М., 2000. С. 251.
12. Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1913. Т. II. С. 9.
13. Курдюкова З.Н. Теоретические проблемы политической формы современного государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 4. С. 60.
14. Лебедев В.А., Киреев В.В. Главное – конституционализм! (Пути развития российской демократии) // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 2.

²¹ См.: Сташ З.К. Политический режим современного российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 11.

²² Овчинникова О.Д. Особенности формы правления российского государства на современном этапе развития // Философия права. 2020. № 4 (95). С. 186.

15. *Овчинникова О.Д.* Особенности формы правления российского государства на современном этапе развития // *Философия права*. 2020. № 4 (95). С. 186.
16. *Писарев А.Н.* Российская модель формы правления в свете конституционной реформы 2020: президентская или полупрезидентская республика // *Образование и право*. 2020. № 9. С. 11.
17. *Сташ З.К.* Политический режим современного российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 11.
18. *Чеботарев Г.Н.* Разделение властей в Российской Федерации – важнейший конституционный принцип функционирования правового демократического государства // *Вестник ТЮмГУ*. 2013. № 3. С. 17.
19. *Шершеневич Г.Ф.* Общее учение о праве и государстве. М., 1908. С. 334.
7. *Voroshilov N.N.* Critical review of the doctrine of the separation of powers. Yaroslavl, 1871. P. 383 (in Russ.).
8. *Dobrynin N.M.* Novelties of the Constitution of Russia: present and future. Work on mistakes... or on the result? // *State and Law*. 2021. No. 6. P. 126, 134 (in Russ.).
9. *Emelyanov M.V.* Tectonics of power. M., 2019. P. 11 (in Russ.).
10. *Kozhevnikov O.A.* Local self-government bodies in the new structure of the unified system of public power: issues of regulatory regulation // *Herald of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022. No. 1. P. 70 (in Russ.).
11. *Constitutional (State) Law of foreign countries: textbook / ed. by B.A. Strashun.* M., 2000. P. 251 (in Russ.).
12. *Korkunov N.M.* Russian State Law. St. Petersburg, 1913. Vol. II. P. 9 (in Russ.).
13. *Kurdyukova Z.N.* Theoretical problems of the political form of the modern state // *Legal policy and legal life*. 2010. No. 4. P. 60 (in Russ.).
14. *Lebedev V.A., Kireev V.V.* The main thing is constitutionalism! (Ways of development of Russian democracy) // *Constitutional and Municipal Law*. 2012. No. 2. P. 2 (in Russ.).
15. *Ovchinnikova O.D.* Features of the form of government of the Russian state at the present stage of development // *Philosophy of Law*. 2020. No. 4 (95). P. 186 (in Russ.).
16. *Pisarev A.N.* The Russian model of the form of government in the light of constitutional reform 2020: presidential or semi-presidential republic // *Education and Law*. 2020. No. 9. P. 11 (in Russ.).
17. *Stash Z.K.* The political regime of the modern Russian state: abstract ... PhD in Law. Krasnodar, 2009. P. 11 (in Russ.).
18. *Chebotarev G.N.* The separation of powers in the Russian Federation is the most important constitutional principle of the functioning of a legal democratic state // *Herald of TSU*. 2013. No. 3. P. 17 (in Russ.).
19. *Shershenevich G.F.* The general doctrine of law and the state. M., 1908. P. 334 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

АВДЕЕВ Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тюменского государственного университета; 625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6

Authors' information

AVDEEV Dmitry A. – PhD in Law, Associate Professor, Department of Theoretical and Public Law Disciplines, Tyumen State University; 6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia

О КРИЗИСЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА (ПЕРЕЧИТЫВАЯ А.Э. ЖАЛИНСКОГО)

© 2023 г. Н. А. Лопашенко

Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: lopashenko@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.11.2022 г.

Аннотация. Автор рассуждает о двух видах кризиса в уголовном праве: с одной стороны, о кризисе уголовно-правовой доктрины, который уже достаточно исследован, с другой — о кризисе самого уголовного права, о котором одним из первых писал профессор А. Э. Жалинский, выделяя его (кризиса) социальные и правовые признаки. Через анализ и тех и других, с использованием большого иллюстративного материала (экономического, статистического, доктринального) автор приходит к выводу о том, что уголовное право находится в кризисном состоянии, при этом разные кризисные признаки имеют разную степень выраженности.

Ключевые слова: кризис уголовного права, законодательная инфляция, расширение предмета уголовно-правового воздействия, злоупотребление уголовным правом, снижение уровня законотворчества

Цитирование: Лопашенко Н.А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. № 9. С. 97–111.

DOI: 10.31857/S102694520027656-2

ON THE CRISIS OF RUSSIAN CRIMINAL LAW (RE-READING A.E. ZHALINSKY)

© 2023 N. A. Lopashenko

Saratov State Law Academy

E-mail: lopashenko@yandex.ru

Received 18.11.2022

Abstract. The author discusses two types of crisis in Criminal Law: on the one hand, the crisis of criminal law doctrine, which has already been sufficiently investigated, on the other — the crisis of Criminal Law itself, which Professor A.E. Zhalinsky was one of the first to write about, highlighting its (crisis) social and legal signs. Through the analysis of both, using a large illustrative material (economic, statistical, doctrinal), the author comes to the conclusion that Criminal Law is currently in a state of crisis, while different crisis signs have different degrees of severity.

Key words: crisis of Criminal Law, legislative inflation, expansion of the subject of criminal law impact, abuse of Criminal Law, decrease in the level of lawmaking.

For citation: Lopashenko, N.A. (2023). On the crisis of Russian criminal law (re-reading A.E. Zhalinsky) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 97–111.

Уголовное право России, несмотря на ожидание перемен в нем, и сейчас представляет собой достояние государства и общества.
А.Э. Жалинский¹

1. О разном понимании кризиса в уголовном праве. Кризис уголовно-правовой науки

Применительно к уголовному праву выделяют по меньшей мере два вида кризисов, связанных с ним: кризис уголовно-правовой науки и кризис самого уголовного права, включая кризис уголовного законодательства². Они, разумеется, связаны между собой, однако это далеко не связь порождения, связь причинная. Иногда кризис в уголовно-правовой доктрине появляется на фоне совсем некризисного состояния уголовного права, как раз на фоне того, что наука в силу благополучия отрасли не находит путей для своего развития, переходит на схоластические исследования³. Хотя истинно русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» могут возникнуть в уголовно-правовой науке и в связи с кризисом отрасли, знаменуя собой стадию, когда наука ничего не может предложить для выхода из кризиса.

О первом кризисе в уголовно-правовой науке говорят довольно часто, вслед за классиками — проф. А.Э. Жалинским, впервые рассуждавшим об этом в середине первого десятилетия XXI в.⁴, акад. В.Н. Кудрявцевым, выступившим на эту тему на одном из конгрессов уголовного права в МГУ им. М.В. Ломоносова⁵, ответившим ему проф. А.В. Наумовым⁶ и оживленной полемикой в юридических СМИ⁷. Обсуждаются проблемы кризиса в доктрине и сегодня⁸.

¹ См.: Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2008. С. 2.

² Одна из первых публикаций на эту тему принадлежит проф. О.Л. Дубовик (см.: Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. 2001. № 2).

³ См. об этом, напр.: Мацкевич И.М. Геометрия уголовного закона // Lex russica. 2018. № 9 (142). С. 10.

⁴ См.: Жалинский А.Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1.

⁵ См.: Кудрявцев В.Н. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130, 131.

⁶ См.: Наумов А.В. Открытое письмо академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135–138.

⁷ См.: Кузнецова Н.Ф. Нужна ли модернизация уголовного права? // Уголовное право. 2007. № 2; Наумов А.В. О будущем российского уголовного права — законодательства, его применения и науки // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2008. № 6. С. 15–20; и др.

⁸ См., напр.: Бытко Ю.И. О некоторых признаках кризиса в сфере уголовно-правового нормотворчества // Вестник СГЮА. 2013. № 3 (92); Бочкарев С.А. Метафизика и ее место в структуре уголовного правового знания // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 4;

Многие, в том числе и я, полагают, что кризис в науке есть. На мой взгляд, одна из основных причин кризиса состоит в невозможности быстрого осмысления тех изменений, которые происходят в уголовном законодательстве (в этом смысле законодателю проще — он осмыслением, сопоставлением вновь введенной нормы с другими мало озабочен, к сожалению). То есть академическая наука «тонет» в том потоке информации, который ей необходимо освоить и усвоить, для того чтобы подняться немного над практикой законотворчества и правоприменением и сформулировать новые выводы и новые подходы к проблемам уголовного права. Очевидно, главенствует наука практическая, прикладная, занимающаяся узкими проблемами квалификации. Она, разумеется, должна быть, но ее роль вторична, она носит в основном обслуживающий характер, к созиданию, построению основ нового уголовного права она редко когда пригодна...

Профессор А.Э. Жалинский, напротив, утверждал, что «теория уголовного права в принципе прикладная наука и фундаментальной не является»⁹ (с. 113), однако пределы фундаментальности и прикладного характера он понимал, как представляется, специфически и противоречиво себе же. Предваряя ту цитату, которая приведена, А.Э. Жалинский писал, что «действующее уголовное законодательство нуждается в принципиальных изменениях, но они должны быть фундаментально подготовлены...». Назначение науки — «в обеспечении “выращивания институтов уголовного права”» (с. 113). Разве сказанное — не про фундаментальность науки? Прикладной характер науки уголовного права есть тогда, когда она следует (и часто слепо) за уголовным законом, объясняя его для нужд правоприменения. Фундаментальные задачи заключаются в том, чтобы сформировать научную основу для правотворчества, и правотворчества не сиюминутного.

А.Э. Жалинский принадлежал к тем, чей вклад в созидание уголовного права невозможно переоценить. Готовя этот материал, я пролиставала его главную, на мой взгляд, книгу — «Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ», вышедшую 15 лет назад: актуальность авторского глубокого анализа со временем только возросла.

Шиханов В.Н. Регрессивный сдвиг и утрата этических оснований в уголовном праве как глобальная проблема // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: А.М. Бычкова, Н.В. Кешикова. Иркутск, 2021. С. 222–228; Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Проблемы производства и оборота криминалистической информации // Российский девьянтологический журнал. 2021. № 1 (1). С. 137–150.

⁹ Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ (далее по тексту будут указаны страницы этой работы).

2. Кризис уголовного права и его признаки

Уходя от кризиса науки, остановлюсь на другом — и главном — кризисе, — на кризисе самого российского уголовного права, по сути, часто предтече кризиса в доктрине. Об этом кризисе мало пишут («понятие “кризис” применительно к уголовному праву употребляется не везде и является во многом спорным» (с. 117)). А.Э. Жалинский, анализируя суждения европейских ученых, сформулировал признаки кризиса уголовного права, условно разделив их на социальные и собственно правовые (с. 117). Принимая позицию автора, далее попробую посмотреть на уголовное право через призму выделенных им признаков. Единственная коррекция, которую я себе здесь позволю, — это очередность рассмотрения кризисных признаков. Как представляется, некоторые социальные и правовые

признаки кризиса уголовного права должны исследоваться последовательно.

2.1. Быстрый рост прямых и косвенных затрат на поддержание реализации уголовного закона (социальный признак кризиса)

А.Э. Жалинский имел в виду рост затрат на розыск, расследование, судебную деятельность, исполнение приговора (это прямые затраты), а также повышение транзакционных издержек субъектов социальных отношений (косвенные затраты) (с. 117).

Данные *о прямых затратах на реализацию уголовного закона* едва ли можно выявить без опять-таки специальных исследований. Однако можно посмотреть на общие затраты государства на судебную власть, функционирование органов прокуратуры и следствия, органов внутренних дел, органов юстиции, системы исполнения наказаний через анализ исполнения расходов федерального

Таблица 1

Расходы федерального бюджета на содержание правоохранительных органов, судебной власти и системы исполнения наказания в России (в млрд руб.)¹⁰

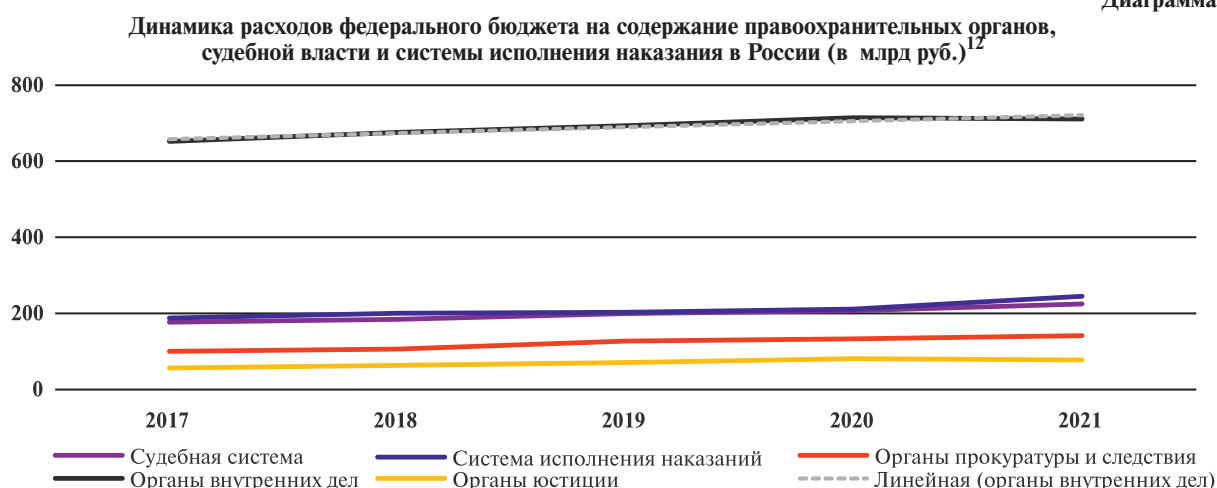
Наименование / год		2017	2018	2019	2020	2021 ¹¹
Судебная система	План	161.589	167.877	172.169	184.6	—
	Уточн. роспись	176.921	184.425	199.727	207.2	225.138
	Исполнение	172.683	177.023	190.455	202.2	220.358
Органы прокуратуры и следствия	План	100.986	105.709	126.460	131.3	—
	Уточн. роспись	99.989	106.309	127.253	133.0	141.220
	Исполнение	98.587	105.588	126.010	131.4	138.848
Органы внутренних дел	План	644.422	663.463	687.778	691.7	—
	Уточн. роспись	652.547	675.828	693.459	714.6	711.357
	Исполнение	647.674	671.611	688.731	709.5	706.364
Органы юстиции	План	43.899	50.552	58.513	67.0	—
	Уточн. роспись	56.675	63.405	70.330	80.9	77.509
	Исполнение	53.984	60.680	68.046	78.9	77.202
Система исполнения наказания	План	185.536	198.726	199.623	205.2	—
	Уточн. роспись	187.258	200.744	202.427	210.9	209.570
	Исполнение	218.503	227.641	231.776	244.2	245.023

¹⁰ См.: Официальный сайт Министерства финансов РФ // <https://minfin.gov.ru/>

За период 2017–2019 гг. расходы обозначались в миллионах рублей, с 2020 г. — в миллиардах; для удобства все переведено в миллиарды (Авт.).

¹¹ Полный отчет с таблицей исполнения расходов федерального бюджета в 2021 г. в разрезе разделов и подразделов классификации расходов федерального бюджета на сайте Министерства финансов РФ найти не удалось. Есть только анализ расходов по государственным программам, однако по предыдущим годам я их не учитывала. Чтобы картина была однородной, в этой колонке использованы данные из отчета Казначейства РФ // <https://spending.gov.ru/budget/fkr/?year=2021> (Авт.).

Диаграмма 1

бюджета в разрезе разделов и подразделов классификации расходов федерального бюджета. Понятно, что значительная часть этих расходов относится к расходам на реализацию уголовного законодательства, хотя и не исчерпывается ими.

Таким образом, можно констатировать, что расходы бюджета на содержание правоохранительных органов, судебной власти и системы исполнения наказания за последние пять лет росли. Посмотрим, каким был рост в каждом следующем году, и каков он, если

всего увеличивались в течение пяти лет расходы государства на содержание системы исполнения наказания и органов внутренних дел. Однако показатели последнего года анализируемого периода (в сравнении с показателями начала периода) продемонстрировали рост по содержанию всех органов, напрямую противодействующих преступности. Более всего выросло содержание органов прокуратуры и следствия (почти в половину), затем — органов юстиции, далее — судебной системы.

Таблица 2

Динамика расходов федерального бюджета на содержание правоохранительных органов, судебной власти и системы исполнения наказания в России (в %) ¹³

Наименование / год	2018 г. к 2017 г.	2019 г. к 2018 г.	2020 г. к 2019 г.	2021 г. к 2020 г.	2021 г. к 2017 г.
Судебная система	4.2	8.3	3.7	8.7	27.3
Органы прокуратуры и следствия	6.3	19.7	4.5	6.2	41.2
Органы внутренних дел	3.6	2.6	3.0	-0.45	9.0
Органы юстиции	11.9	10.9	15.0	-4.19	36.8
Система исполнения наказания	7.2	0.83	4.2	-0.63	11.9

сопоставить данные расходов за первый и последний годы анализируемого периода.

Таблица 2 показывает неравномерность роста расходов государства на содержание указанных органов в течение пяти последних лет. При этом показатели 2021 г. по сравнению с предыдущим годом продолжили рост только по содержанию судебной системы, а также органов прокуратуры и следствия; по остальным органам они оказались в минусовой зоне. Менее

Понятно, что рост содержания правоохранительной, судебной и уголовно-исполнительной систем учитывает инфляционные процессы. По данным Росстата, по годам, входящим в анализируемую совокупность, инфляция в России составила: 2017 г. — 2.5%; 2018 г. — 4.3%; 2019 г. — 3.0%; 2020 г. — 4.9%; 2021 г. — 8.39%¹⁴, т.е. в среднем инфляция за пять лет росла каждый год на 4.6%. Таким образом, для того чтобы содержание правоохранительной, судебной, уголовно-исполнительной систем не страдало и не уменьшалось под влиянием инфляционных процессов, за пять истекших лет оно должно было вырасти

¹² Приняты во внимание только данные по плановому показателю (уточненная роспись) (Авт.).

¹³ См.: Официальный сайт Министерства финансов РФ // <https://minfin.gov.ru/>

За период 2017–2019 гг. расходы обозначались в миллионах рублей, с 2020 г. — в миллиардах; для удобства все переведено мною в миллиарды (Авт.).

¹⁴ См.: Инфляция в России по годам: 1991–2022. URL: <http://global-finances.ru/inflyatsiya-v-rossii-po-godam/?ysclid=la969wxfy2414306500>

примерно на 25–26.5%¹⁵ (и это, на мой взгляд, очень высокая цифра; при таких темпах за каждые 20 лет содержание указанных систем должно удваиваться, что, в свою очередь, не может не провоцировать дальнейший рост инфляции. Но это проблема не содержания правоохранительной, судебной, уголовно-исполнительной систем, а экономической системы России).

Если вернуться к данным *табл. 2*, видим, что ближе всего к обоснованному росту инфляции цифрам стоит покрывающий инфляционные процессы рост расходов бюджета на содержание судебной системы — 27.3% (хотя и он внутри периода «выбивается» в сторону неоправданного увеличения в 2019 г.). Содержание органов прокуратуры и следствия, с одной стороны, и органов юстиции — с другой, выросло за пять лет гораздо больше уровня инфляции, соответственно на 41.2% и 36.8%. В таком росте *можно усмотреть наличие кризисного признака уголовного права* (не забывая о том, что органы прокуратуры и органы юстиции предназначены не только для противодействия преступности).

Но сделанный анализ приводит еще к одному выводу, и он по возможным последствиям, представляется, гораздо хуже первого: данные *табл. 2* явно свидетельствуют о недофинансировании для покрытия инфляции содержания таких органов, как органы внутренних дел (всего 9%-ное увеличение содержания за пять лет вместо 25–26.5%) и система исполнения наказания (11.9%). Недофинансирование указанных систем может привести к росту преступности в последних, и прежде всего к росту коррупции, должностных преступлений, преступлений против правосудия и против порядка управления (в частности, побегов из мест лишения свободы и дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества).

Косвенные затраты на поддержание реализации уголовного закона

Это вторая часть анализируемого признака кризиса уголовного права, состоящая в повышении трансакционных издержек субъектов социальных отношений. Пожалуй, это одно из самых неоднозначно понимаемых, трудно устанавливаемых кризисных значений уголовного права. Трансакционные издержки — понятие изначально сугубо экономическое, применяемое для оценки дополнительных, не рассчитываемых, как правило, заранее затрат субъектов на исполнение экономического договора. Затем понятия трансакции и трансакционных издержек стали распространяться и на другие сферы общественной жизни, на право в том числе. Так, по мнению Р.Ф. Степаненко

и М.Р. Камарова, для правовой сферы можно сформулировать такое понятие трансакции: «Трансакция — это отчуждение либо присвоение прав, обязанностей, свобод, гарантий, ответственности и компетенции между субъектами правоотношений (государство, общество, личность)»¹⁶. А трансакционные издержки они же определяют как потери материального, временного и нематериального характера, необходимые для совершения трансакции¹⁷. Применительно к уголовному праву с точки зрения экономической теории А.М. Разогреева и А.А. Чутченко понимают под издержками в целом «явные и альтернативные затраты, потраченные на ресурсы (товары, услуги, работы), необходимые для достижения той или иной цели»¹⁸.

Отрадно, что в последние годы доктрина стала обращать внимание на тему экономических последствий и издержек применения уголовного закона¹⁹, цены преступности²⁰ и пр., но таких исследований пока еще слишком мало и они часто разрозненны, касаются трансакционных издержек при рассмотрении других проблем (например, связанных с предупреждением отдельных видов преступности или посвященных анализу эффективности отдельных уголовно-правовых норм). Впервые же о трансакционных издержках уголовного права говорил именно А.Э. Жалинский, связывая их с поддержанием реализации уголовного закона²¹.

Косвенные трансакционные издержки как проявление кризисного признака уголовного права даже

¹⁶ Степаненко Р.Ф., Камаров М.Р. Трансакционные издержки: современные методологические подходы к изучению правовой реальности // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 298.

¹⁷ См.: там же.

¹⁸ Разогреева А.М., Чутченко А.А. Перспективы развития экономического уголовного права // Вестник Таганрогского ин-та им. А.П. Чехова. Сер. «Право». 2022. № 1. С. 371.

¹⁹ См., напр.: Бибики О.Н. Применение теории рационального выбора в уголовном праве и криминологии (на примере теории Коуза) // Юридический вестник Самарского ун-та. 2016. Т. 2. № 1. С. 91–98; Его же. Экономический подход в юридической науке // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2016. № 4 (49). С. 26–33; Его же. Рынок «лимонов» и проблема учета личности преступника // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2017. № 1 (50). С. 197–199; Его же. Стратегические приоритеты уголовного права — возмездие или ресоциализация? // Юридический вестник Самарского ун-та. 2018. Т. 4. № 2. С. 17–23.

²⁰ См., напр.: Квашиш В.Е. «Цена» преступности как криминологическая проблема // Уголовное право. 2008. № 6. С. 94–102; Афанасьева О.Р. «Цена» преступности и проблемы ее исчисления // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2012. № 5. С. 9–16; Цена преступности (методология ее определения) / под ред. Н.А. Лопашенко, М., 2014; Михайлов А.Е. Цена преступности и ее место в системе противодействия преступности // Ученые записки РАНХиГС (Владимир). 2022. № 2 (42). С. 142–147.

²¹ См., напр.: Жалинский А.Э. Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству // Государство и право. 2007. № 10. С. 58–67.

¹⁵ Инфляционные калькуляторы дают последнюю цифру — 26.5% (см., напр.: URL: <https://xn----ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8F%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%8B?ysclid=l a98vfpzib658405502>).

в ближайшем рассмотрении слишком масштабны для того, чтобы дать полное или хотя сколько-нибудь полное представление о них в рамках настоящей статьи, еще и с учетом дискуссионности понятий трансакции и трансакционных издержек вообще и неразработанности теории издержек в уголовно-правовой доктрине. Не утверждая, что я верно понимаю А.Э. Жалинского, рискну предположить, что речь в данном случае должна идти, прежде прочего, о криминализации, а также об исполнении уголовного закона (в плане уголовного наказания и иных уголовно-правовых мер).

Бездурное расширение криминализации, с одновременным высоким порогом пенализации новых деяний, ведет к тому, что трансакционные негативные последствия — издержки привлечения к уголовной ответственности, осуждения за совершение вновь появившихся преступлений, а часто — «псевдопреступлений», не обладающих необходимой для преступления степенью общественной опасности, издержки применения строгих наказаний за них вырастают многократно и по самым разным направлениям жизни человека, общества, государства. Например, по цепочке: осужденный утрачивает место постоянной работы (чаще всего), деловые контакты (если вел предпринимательскую деятельность), контакты с друзьями, а то и с семьей; социализация его сильно ограничивается; семья осужденного теряет в обычных доходах, за счет утраты места работы осужденным, иногда лишается имущества (если была произведена конфискация); меняется в сторону ухудшения социальный статус семьи в обществе и коммуникации между членами семьи; организация (предприятие) теряет своего осужденного сотрудника (работника) на время (иногда уже на стадии предварительного

расследования, а затем и на стадии исполнения наказания) или навсегда (если применено лишение свободы или наказание в виде запрета заниматься определенной деятельностью или занимать определенные должности) и вынуждена искать новых сотрудников; перед государством встает проблема ресоциализации осужденного.

И это далеко не полные звенья трансакционных издержек... А есть еще глобальный пласт издержек — издержки, связанные с коррупцией, в том числе с коррупцией в правоохранительных и судебных органах.

Подводя итоги анализа кризисного признака, можно признать его наличие в российском уголовном праве, хотя и здесь с разной степенью выраженности в отношении прямых и косвенных затрат (по прямым затратам признак выражен меньше, чем по косвенным затратам).

2.2. Одновременный рост числа обвинительных приговоров и совершаемых преступлений — несоответствие социальных издержек социальным выгодам (социальный признак кризиса)

Если принять во внимание официальную регистрацию преступности и статистику судимости, следует сделать вывод о том, что свидетельствующего о признаке кризиса уголовного права роста показателей в Российской Федерации нет. Регистрация преступности (данные о возбужденных уголовных делах) долгое время, после пика в 2006 г., «падала», сейчас относительно стабилизировалась, с общей тенденцией все-таки к снижению показателей, что демонстрирует *диаграмма 2*.

Посмотрим соотношение регистрации преступлений и судимости, — то, на что указывал в кризисном признаке А.Э. Жалинский, добавив сюда

Диаграмма 2

Регистрация преступлений в России (1997–2021 гг.)

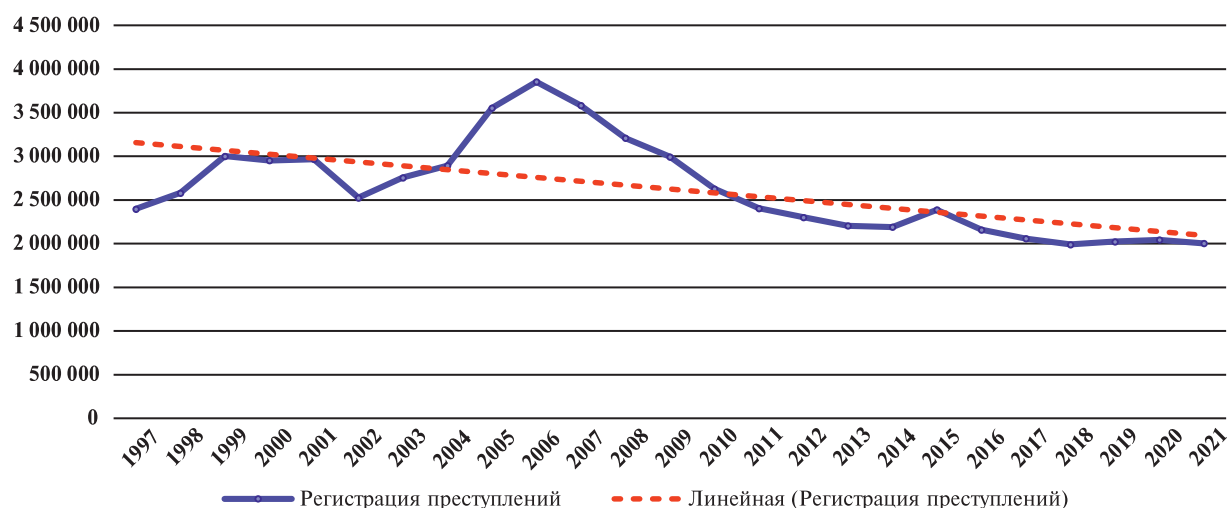
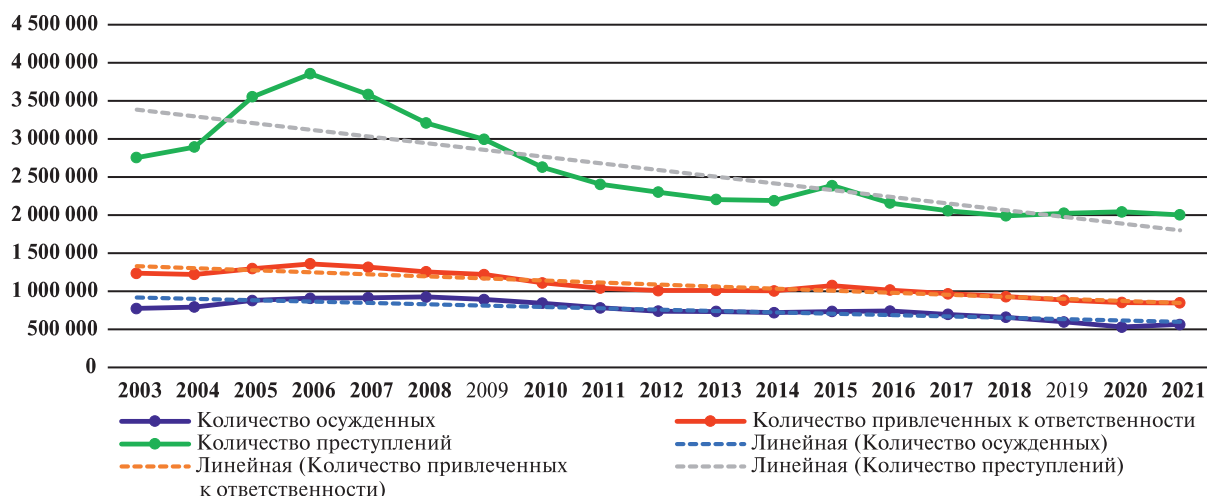

Диаграмма 3

Соотношение регистрации преступлений, привлеченных за них к ответственности и судимости в России (2003–2021 гг.)

же показатель регистрации привлеченных к ответственности лиц (диаграмма 3).

И здесь мы не видим роста обвинительных приговоров и регистрации преступлений, напротив, все показатели демонстрируют одновременное, по Жалинскому, их снижение.

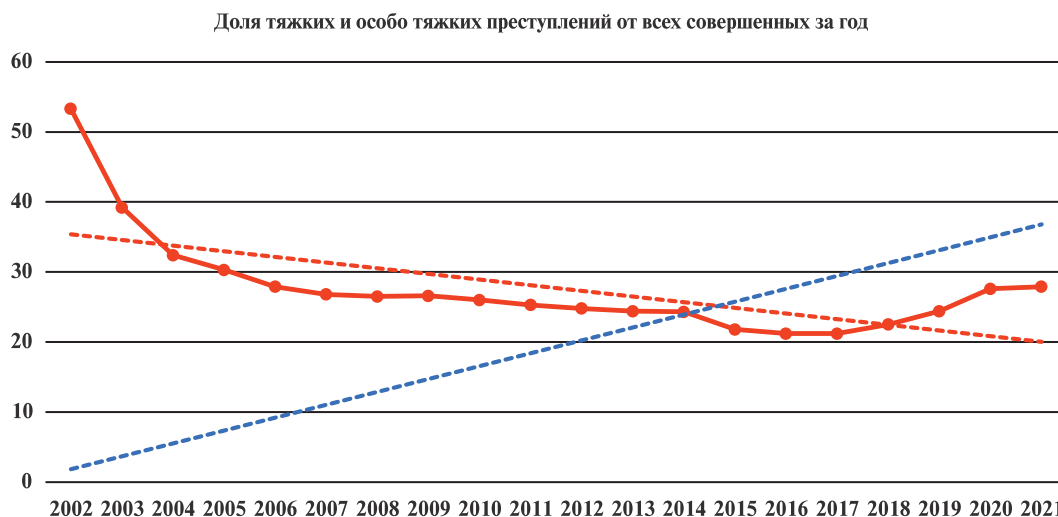
Однако я бы не решилась категорически утверждать, что социальные издержки уголовного права соответствуют социальным выгодам от него. А.Э. Жалинский видел в этом контексте социальные издержки как делегированное публичной властью право на насилие, а социальную выгоду — как обеспечение безопасности общества. Применяя право на насилие, если корректно выражаться, — право на государственное принуждение — в случае совершения деяний, обозначенных в Уголовном кодексе РФ как преступление, государство защищает нас от них, в том числе и посредством превентивного воздействия самого существования нормы — запрета, во всяком случае защищает от тех потенциальных нарушителей уголовного закона, на кого подобные нормы могут предупредительно воздействовать. Проблем здесь несколько: прежде всего, нельзя преувеличивать значение уголовно-правовой превенции — всегда, во всех обществах и государствах, остаются люди, которые ей не поддаются. Кроме того, снижение регистрации преступности и судимости, равно как и увеличение этих показателей, может свидетельствовать и о другом, например о хорошей (плохой) работе правоприменителей, о невозможности или, напротив, о возможности применить уголовный закон после последних изменений, наконец, о нежелании правоприменителей его применять, опять же ввиду разных причин (трудоемкости работы по выявлению,

пресечению преступления, его доказыванию, особенно, если это преступление небольшой или средней тяжести, — сил требуется много, а конечный результат — часто условная мера наказания; очевидном для правоприменителя псевдоопасном характере деяния, объявленного преступлением; и т.д.), либо о поступившем негласном распоряжении от власти предрежающих о необходимости создать прецеденты «работы» уголовно-правового запрета.

Поэтому само по себе наличие кризисного признака уголовного права «одновременный рост числа обвинительных приговоров и совершаемых преступлений» не предопределяет и даже в большинстве случаев вовсе не подтверждает реальный кризис уголовного права. Здесь, на мой взгляд, важно другое, хотя тоже без излишней переоценки значения этого факта: тенденции традиционной общеуголовной преступности, отнесенной законодателем к тяжкой или особо тяжкой (убийств, тяжкого вреда здоровью, насильственных половых преступлений, разбоев и вымогательств, некоторых других), и судимости за такие преступления. Для того чтобы такие тенденции выявить, этому вопросу нужно посвятить отдельное исследование — оно затратно по времени и трудоемко. Проще посмотреть на то, каковы тенденции регистрации преступлений, являющихся тяжкими и особо тяжкими. Принимаем во внимание здесь, что существенное количество таких преступлений приходится как раз на посягательства на жизнь, здоровье, половую свободу и неприкосновенность и собственность, хотя включает и довольно распространенные тяжкие и особо тяжкие преступления, которые относятся к преступлениям против общественной безопасности, против здоровья

Диаграмма 4

Динамика изменений регистрации тяжких и особо тяжких преступлений в России (2002–2021 гг., в %)

населения, коррупционные преступления и пр. Эту кривую, основываясь на данные МВД России за 20 последних лет, я построила (диаграмма 4).

Приведенная кривая демонстрирует две тенденции: *общую*, если брать весь период, охваченный диаграммой, и это пока еще тенденция на снижение таких показателей, но с учетом следующей тенденции, скорее в последние годы *инерционная*; и *тенденцию последних шести-семи лет*, которая явно состоит в увеличении доли тяжкой и особо тяжкой преступности. И последняя тенденция не может не тревожить. При этом, не имеет значения, за счет каких именно преступлений эта тенденция сформировалась, — все плохо. И все может косвенно свидетельствовать о нарастающем проявлении кризисного значения этого факта для уголовного права.

2.3. Инфляция уголовного законодательства (правовой признак кризиса)

К сожалению, этот кризисный признак уголовного права даже не требует особых доказательств, он подтверждается объективно²². При этом законодательную инфляцию признают в отношении всей правовой системы России. Совершенно верно отмечается, что она «дестабилизирует

систему законодательства»²³. В уголовном праве законодательная инфляция вредна максимально, поскольку касается самой строгой в государстве ответственности.

Посмотрим, сколько раз менялся Уголовный кодекс РФ за время своего действия, с 1997 г. по середину ноября 2022 г. За эти неполные 26 лет было только два года, в которые не принимались федеральные законы, направленные на изменения Уголовного кодекса РФ, — это 1997 и 2000 гг. В остальные годы Уголовный кодекс РФ менялся с такой периодичностью: 1998 г. — 2 федеральных закона; 1999 г. — 7; 2001 г. — 8; 2002 г. — 8; 2003 г. — 7; 2004 г. — 5; 2005 г. — 2; 2006 г. — 4; 2007 г. — 10; 2008 г. — 8; 2009 г. — 13; 2010 г. — 22; 2011 г. — 12; 2012 г. — 14; 2013 г. — 22; 2014 г. — 25; 2015 г. — 15; 2016 г. — 14; 2017 г. — 16; 2018 г. — 19; 2019 г. — 14; 2020 г. — 14; 2021 г. — 15; на 15 ноября 2022 г. — 12 федеральных законов.

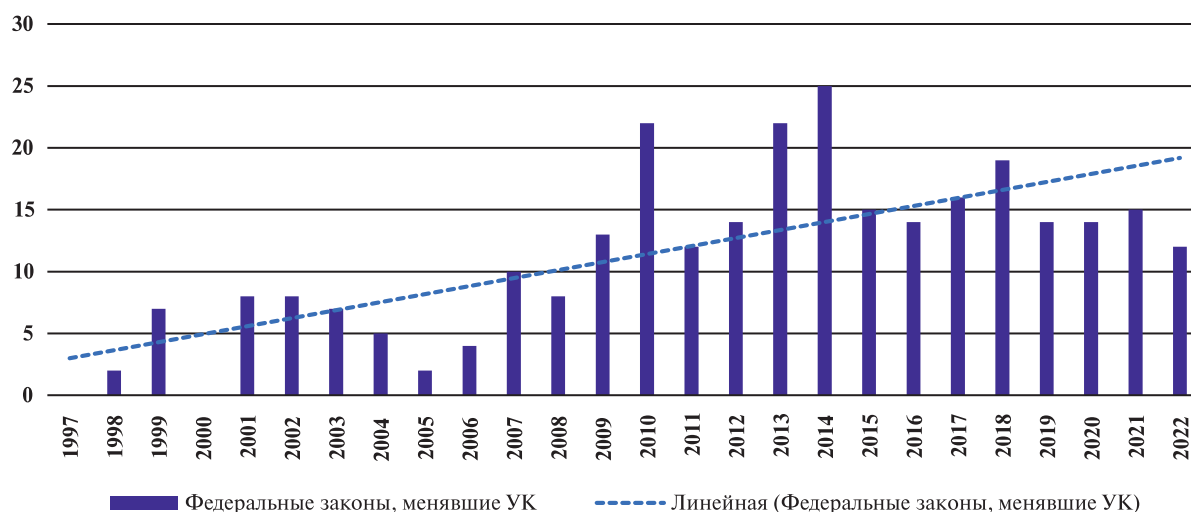
Всего за весь период действия Уголовного кодекса РФ принято 288 федеральных законов, реформировавших уголовное законодательство, с нарастанием подобной законотворческой работы, что видно по идущей вверх линии тренда. А были еще изменения Уголовного кодекса РФ, внесенные постановлениями Конституционного Суда РФ (всего их за весь период 11). По сути, от уголовного права, каким оно было на момент принятия Уголовного кодекса РФ, мало что осталось; в Общей части, к счастью (именно она — фундамент, основа), больше, чем в Особенной.

²² См. об этом, напр.: Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: от стагнации к гиперинфляции // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 115–120; Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex russica. 2014. № 12. С. 1399–1409; Шutowa B. H. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества // Вестник Востоchno-Сибирского ин-та МВД России. 2020. № 4 (95). С. 41–49; Курсаев А. В. Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 600–605.

²³ См. об этом, напр.: Кожокар И. П. Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 159.

Диаграмма 5

Динамика изменений уголовного законодательства России

К самым крупным изменениям Уголовного кодекса РФ в *Общей части* относятся:

расширение криминализации путем понижения возраста уголовной ответственности с 16 до 14 лет за совершение преступлений, предусмотренных 12 статьями (включая части статьи, если понижение касалось не всей статьи), — двумя в 2014 г. и 10 в 2016 г.;

изменения в категоричности преступлений, самыми важными из которых являются изменения, связанные с выделением системы категорий для неосторожных преступлений, с повышением предельных значений лишения свободы, которое может быть за них назначено (2019 г.);

наделение суда полномочиями по изменению категории преступлений — расширение судебско-го усмотрения (2011 г.);

изменения в системе наказаний (исключение конфискации имущества (2003 г.), включение принудительных работ (2011 г.)); изменения законодательной регламентации отдельных видов наказания (штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных и исправительных работ, ограничения свободы, лишения свободы);

увеличение возможностей освобождения от уголовной ответственности путем установления своеобразной платы за преступление (освобождение в связи с возмещением ущерба и с назначением судебного штрафа);

наделение конфискации имущества иной правовой природой и расширение ее применения в отношении лиц, не участвовавших в совершении преступления.

Не давая оценку каждому из указанных крупных изменений, отмечу, что их общие тенденции связаны с раздвижением рамок криминализации, с ужесточением наказания, с введением в уголовный закон легальной «платы» за преступление, с предоставлением суду все более широких полномочий (границы судебного усмотрения все более раздвигаются). Ни одну из названных тенденций поддержать не могу; на мой взгляд, они противоречат уголовно-правовым принципам, изложенным в гл. 1 УК РФ и пока не менявшимся.

Принципиальных изменений в *Особенной части* гораздо больше, фактически она законодателем почти переписана за прошедшие с момента принятия Уголовного кодекса РФ годы.

Главная тенденция — та же, что и в *Общей части*, только гораздо более выраженная, — расширение криминализации. Это видно даже по количеству статей в *Особенной части*, они увеличились вдвое (хотя, оговорюсь, не всегда новые статьи — это криминализация, достаточно часто — специфическая дифференциация, см. далее). На момент вступления в действие Уголовного кодекса РФ (1997 г.) в его *Особенной части* было 256 статей. На 18 ноября 2022 г. — 385 статей. Таким образом, процентный рост *Особенной части* — 50.4%, количественный рост — 129 статей. При этом инфляционные процессы затронули даже законодательно-технические приемы изложения норм в *Особенной части*: за счет включения в одну статью сразу нескольких составов преступлений и увеличения частей в статье до восьми (ст. 200⁷ «Подкуп арбитра (третейского судьи)», ст. 204 «Коммерческий подкуп»).

Даже не касаясь содержания уголовного закона, можно констатировать, что пользование таковым правоприменителями затруднено; он меняется так быстро и так кардинально, что неизбежны ошибки в привлечении к уголовной ответственности. В частности, диспозиция ч. 1 ст. 171 «Незаконное предпринимательство» менялась семь раз²⁴. А если учесть еще изменения санкций и примечания²⁵ — девять раз.

А если посмотреть на крайне важное для всей гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ примечание, которое разъясняет понятия крупного (особо крупного) размера, крупного ущерба, дохода либо задолженности в крупном (особо крупном) размере для многих составов преступлений этой главы, изменений еще больше, включая и местонахождение этого примечания (оно было введено в Уголовный кодекс РФ в 2003 г. к ст. 169, а в июле 2017 г. перекочевало волею законодателя в ст. 170² УК), — их 12²⁶.

Об инфляции уголовного закона свидетельствует и большое количество псевдопреступлений, которые не обладают общественной опасностью вообще или в достаточной степени.

Можно анализировать и далее, но, полагаю, сказанного вполне достаточно для констатации наличия этого кризисного признака уголовного права.

2.4. Немотивированное расширение предмета уголовно-правового воздействия и усиление ответственности (правовой признак кризиса)

Если оценивать расширение предмета уголовно-правового воздействия по формальным признакам, то следует признать, что законодатель пытается объяснить любое свое решение, с большей или меньшей убедительностью, публикуя пояснительные записки к каждому проекту изменений Уголовного кодекса РФ. Лишь к одному изменению уголовного закона документов по законопроекту отыскать не удалось — Федеральному закону от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ. В первоначальном тексте законопроекта речь шла лишь об одном изменении Уголовного кодекса РФ — ст. 80. Но в сентябре того же года законопроект был кардинально изменен, в него были включены четыре

новых состава преступления. Мотивации такого решения нет.

Если же исходить из сути изменений Уголовного кодекса, то, на мой взгляд, расширение предмета уголовно-правового воздействия заметить очень легко, хотя бы обратив внимание на все более широкое использование административной преюдиции как условия уголовной ответственности. В Особенной части УК РФ 32 состава преступления, в которых криминообразующим признаком выступает административная преюдиция, по-разному называемая (и неоднократно, и прямой ссылкой на конкретную статью Уголовного кодекса РФ, и указанием на наличие административного наказания)²⁷. Таким образом, уголовное право

²⁷ См.: Часть 1 ст. 116¹ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ст. 151¹ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», ч. 1, 2 ст. 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», ст. 158¹ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 171⁴ «Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», ст. 171⁵ «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)», ч. 1 ст. 191 «Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга», ч. 1 ст. 193 «Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации», ч. 1 ст. 201² «Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа», ст. 201³ «Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа», ст. 212¹ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», ч. 1 ст. 215³ «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность», ч. 1 ст. 215⁴ «Незаконное проникновение на охраняемый объект», ч. 2 ст. 255 «Нарушение правил охраны и использования недр», ч. 1 ст. 264¹ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ч. 1 ст. 264² «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами», ч. 1 ст. 264³ «Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ч. 1 и ч. 2 ст. 274² «Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования», ч. 1 ст. 280¹ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации», ч. 1 ст. 280³ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными

²⁴ Федеральными законами: от 25.06.2002 г. № 72-ФЗ, от 11.03.2003 г. № 30-ФЗ, от 08.12.2003 г. № 169-ФЗ, от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ, от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ, от 26.07.2017 г. № 203-ФЗ, от 26.07.2019 г. № 207-ФЗ.

²⁵ Федеральными законами, ранее не названными: от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ и от 21.07.2004 г. № 73-ФЗ.

²⁶ См.: Федеральные законы: от 30.10.2009 г. № 241-ФЗ, от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ, от 27.07.2010 г. № 224-ФЗ, от 21.07.2014 г. № 277-ФЗ, от 31.12.2014 г. № 530-ФЗ, от 01.05.2016 г. № 139-ФЗ, от 26.07.2017 г. № 203-ФЗ, от 29.07.2017 г. № 250-ФЗ, от 23.04.2018 г. № 99-ФЗ, от 27.12.2018 г. № 530-ФЗ, от 27.10.2020 г. № 352-ФЗ, от 11.06.2021 г. № 215-ФЗ.

вмешивается не в свою сферу, смешивая предмет административного и предмет уголовного права. В Российской Федерации, между тем, это самостоятельные отрасли права.

Включение уголовной ответственности за повторенные административные правонарушения демонстрирует и второе проявление анализируемого кризисного признака — усиление ответственности. При этом определяя категорию такого специфического преступления — повторенного правонарушения, законодатель далеко не всегда относит его к преступлениям небольшой тяжести, что было бы хоть сколько-то логично. Шесть деяний отнесены к категории преступлений средней тяжести (ст. 212¹, ч. 1 ст. 280¹, ч. 1 ст. 282¹, ч. 1 и ч. 2 ст. 282⁴, ч. 1 ст. 284¹ УК РФ). Еще четыре и вовсе сочтены тяжкими преступлениями (ч. 1 ст. 201², ст. 201³, ч. 1 ст. 285⁵, ст. 285⁶ УК РФ), при этом самое строгое наказание — лишение свободы — предусматривает и нижний, и верхний предел (от четырех до восьми лет везде) и отягощено еще и сразу двумя *обязательными* дополнительными наказаниями — штрафом и лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Последние статьи были введены в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом от 24 сентября 2022 г. № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Логика законодателя может быть объяснена (как было указано

ранее, пояснительной записки нет) тяжелой ситуацией в стране и вокруг нее. Однако в таком случае правильнее было бы вовсе исключить административную ответственность за подобные деяния, с установлением сразу ответственности уголовной и дифференцированной.

Еще два примера усиления уголовной ответственности. Первый касается половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. Бесконечное ужесточение наказания привело к тому, что ныне убийство двух и более малолетних будет квалифицироваться по п. «а» и «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с максимальным наказанием в виде *лишения свободы на срок от восьми до двадцати лет* с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненного лишения свободы (смертная казнь тоже предусмотрена, но не применяется). А вот изнасилование двух малолетних или несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131 УК РФ) повлечет уголовную ответственность в виде *лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет* с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо пожизненного лишения свободы. Спросите у любой матери: это адекватная охрана половой неприкосновенности и жизни ребенка? Для меня ответ совершенно очевиден — нет. Изнасилование, разумеется, причиняет психологическую (иногда и физическую) травму, но с этим можно бороться за ребенка через психологов, врачей, через любовь, наконец. А если ребенка убивают — не поможет уже ничто.

Второй пример касается повышения порога лишения свободы для неосторожных преступлений до пятнадцати лет, с выделением категории тяжких неосторожных преступлений. Вид исправительного учреждения при этом не изменен, осужденные вне зависимости от категории совершенного неосторожного преступления отбывают наказание в виде лишения свободы в колониях-поселениях. Если ранее, в первой редакции ст. 264 УК РФ, максимальное наказание, которое могло быть назначено за это неосторожное преступление, составляло от четырех до десяти лет лишения свободы (ч. 4), то по действующей редакции статьи (ч. 6) максимальное наказание заключается в лишении свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. Как такое наказание соотносится с ответственностью за простое (лишение свободы от шести до пятнадцати лет) и квалифицированное убийство (от восьми до двадцати лет), с одной стороны, и неосторожное причинение смерти двум и более лицам (ч. 3 ст. 109 УК РФ) — с другой (ограничение свободы на срок до четырех лет либо принудительные работы на срок до четырех лет,

органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях», ч. 1 ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ч. 1 и ч. 2 ст. 282⁴ «Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрация которых запрещены федеральными законами», ч. 1 ст. 284¹ «Осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности», ст. 284² «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц», ч. 1 ст. 285⁵ «Нарушение должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа», ст. 285⁶ «Отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа», ч. 2 ст. 314¹ «Неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений», ч. 1 ст. 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта», ч. 2 и ч. 3 ст. 330¹ «Злостное уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в связи с признанием лица выполняющим функции иностранного агента» УК РФ.

либо лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового)? Никак не соотносится. Ужесточение наказания точечное, несоразмерное ответственности за другие неосторожные деяния и приближающееся к ответственности за убийство.

2.5. Снижение технического уровня уголовного законодательства, сопряженное с ростом недействующих норм, с потерей определенности уголовного закона (*правовой признак кризиса*)

Качество законодательной техники, используемой при изменении уголовного закона, является притчей во языцех. Конституционный Суд РФ постоянно получает жалобы и заявления о правовой неопределенности и (или) неконституционности норм Уголовного кодекса РФ (чаще других речь идет о нормах ст. 10, 30, 72, 105, 159, 228, 228¹ и т.д.²⁸).

К наиболее крупным недостаткам уголовного закона в части законодательной техники, непосредственно негативно влияющим на содержание уголовно-правовой нормы, в том числе нормы запрета, я бы отнесла:

изложение сути запрета в непомерном количестве слов, что не позволяет вычленить суть запрета ни с первого, ни со второго, а иногда и ни с третьего, четвертого и т.д. взгляда. В частности, в диспозиции ч. 1 ст. 141¹ УК РФ состав нарушения порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума изложен при помощи 250 слов (более 2000 знаков, с пробелами); состав ч. 1 ст. 142¹ «Фальсификация итогов голосования» — при помощи 167 слов (более 1600 знаков); состав ч. 1 ст. 185⁵ «Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества» — при помощи 248 слов (более 2100 знаков), и т.д.;

не вызываемое необходимостью стремление к выделению специальных составов из общей нормы (мошенничество тому яркий пример, но и различные варианты злоупотребления полномочиями и злоупотребления должностными полномочиями, и др.);

конструкция уголовно-правовых запретов при помощи объявления в отдельных статьях (или в части статьи) преступными, по сути, приготовительных действий к давно известным преступлениям

(например, многочисленные варианты террористической деятельности), или же таких же действий, если они совершаются в сложном соучастии (с выделением самостоятельной ответственности за пособничество, подстрекательство, организацию конкретного преступления), тогда как уголовный закон позволяет привлечь таких лиц к уголовной ответственности на основе положений сразу Общей и Особенной частей по давно существующим нормам.

Отдельно скажу о недействующих нормах. Чаще всего они вредны, потому как создают видимость уголовно-правового регулирования или уголовно-правовой охраны, обозначают возможности того и (или) другого. Но на самом деле представляют собой только законодательный текст, за которым ничего нет. К таким нормам можно отнести, например норму об аресте (ст. 54 УК РФ) — наказании, которое так и не было введено в действие.

В Особенной части УК РФ есть уголовно-правовые запреты, которые не применяются вообще или почти не применяются²⁹. Таким образом,

²⁹ К таким относятся, например, организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110², всего за пять лет действия возбудили 25 уголовных дел), принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120, за 25 лет — восемь дел), воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124¹, за три года дел нет), нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 136, за 25 лет — 31 дело), отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 140, шесть дел), нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума (ст. 141¹, с 2003 г. — 15 дел), воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149, девять дел), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151², за пять лет — 12 дел), подмена ребенка (ст. 153, 26 дел), невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах (ст. 172³, за три года дел нет), оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184, девять дел), злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах (ст. 185¹, с 2003 г. — 10 дел), нарушение порядка учета прав на ценные бумаги (ст. 185², с 2011 г. — девять дел), манипулирование рынком (ст. 185³, с 2011 г. — 15 дел), воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ст. 185⁴, с 2011 г. — четыре дела), неправомерное использование инсайдерской информации (ст. 185⁶, с 2013 г. — шесть дел), невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей (ст. 190, девять дел), уклонение страхователя — физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (ст. 199³, за четыре года дел нет), уклонение страхователя-организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (ст. 199⁴, за четыре года дел нет), злоупотребления в сфере закупок

²⁸ См.: Список часто обжалуемых статей УК РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Compilation/%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B0%20%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%A3%D0%9A%20%D0%A0%D0%A4.pdf>

практика демонстрирует ненужность этих и других столь же редко применяемых составов.

Разумеется, есть в Уголовном кодексе РФ неприменяемые нормы, от которых отказаться нельзя: они касаются редких (или редчайших) высоко общественно опасных деяний, как правило, появившихся в Кодексе на основании международно-правовых предписаний (например, геноцид, экоцид) или обусловленных собственной историей (например, состав незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128)). По последнему составу ежегодно в России возбуждается, как правило, от одного до пяти-шести уголовных дел (максимальные значения ежегодной регистрации приходились на первые годы действия Уголовного кодекса РФ и составляли 9–11 дел). Однако исключение этой нормы из Уголовного кодекса РФ будет, без сомнения, какую бы аргументацию ни приводили, расценено как наступление на права человека, возвращение в эпоху брежневского застоя, когда людей — оппонентов режима помещали в психиатрические больницы, убивая в них личность.

Таким образом, и по этому кризисному признаку уголовного права можно подтвердить, что он есть.

2.6. Влияние избыточного использования уголовно-правовых средств на соотношение властных полномочий и политический климат (социальный признак кризиса)

А.Э. Жалинский указывал по этому признаку, что наличие его проявлений «приводит к уменьшению контроля общества над уголовным правом» (с. 117) и подробно останавливался на сути и негативных последствиях влияния избыточного использования уголовно-правовых средств на соотношение властных полномочий. Автор справедливо подчеркивал: «чем шире пределы криминализации поведения, тем в принципе шире порождается ими круг уголовно-правовых властеотношений» (с. 196). Он выделял законные и противоправные властеотношения, относя к последним, в частности, вмешательство в предпринимательскую деятельность и «самое опасное» — коррупцию. К сожалению, и то и другое распространено у нас повсеместно.

Очень точно, на мой взгляд, А.Э. Жалинским передана суть негативного изменения властеотношений: «Власть в целом становится более авторитарной, поскольку договорная схема отношений, характерная для частноправового регулирования, сменяется принудительной, не допускающей диспозитивности. Это

прерывает диалог с населением, блокирует развитие гражданского общества и вынуждает граждан к коррупционному поведению. Невозможность или трудность установления законных договорных в широком смысле этого слова отношений вынуждает покупать услуги лиц, обладающих в связи с определенным содержанием закона крайне опасной для их контрагентов властью. Далее, меняется иерархическое соотношение властей и властных структур — усиливаются позиции правоохранительной власти и ослабляются позиции власти исполнительной, в иных сферах — даже судебной власти. Поскольку реализация уголовного закона и связанные с этим властные возможности весьма специфичны в этих рамках, на нижних уровнях может иногда происходить нелегальная приватизация власти, последствия которой также могут носить самый различный характер. Кроме того, даже действуя вполне законно, власть, получив избыточные уголовно-правовые полномочия, может деформировать, разумеется, частично, цели социального развития. Наконец, может произойти общее ослабление творческих сил общества» (с. 197).

По сути, речь идет о злоупотреблении уголовным правом государством, «штампующим» все новые законы об уголовной ответственности, бесконечно расширяющим сферу преступного и наказуемого, порождающим в силу невозможности применения отдельных политических или с экономическим интересом порожденных уголовно-правовых норм избирательное правоприменение, избирательное правосудие.

Все сказанное не может влечь позитивные последствия для политического климата в стране. В любые времена. Патриотизм не рождается введением новых статей Уголовного кодекса РФ, даже если каждая из них будет предусматривать максимальное уголовное наказание. Иногда — с точностью наоборот. Для примера можно привести историю признания Тверским судом г. Москвы 21 марта 2022 г. экстремистской организацией Meta, ранее известной как Facebook, владелицу социальных сетей Facebook и Instagram. Запрет на пользование названными социальными сетями и их блокирование на территории Российской Федерации привели к тому, что практически все пользователи Интернета стали устанавливать на свои телефоны и компьютеры VPN (англ. *Virtual Private Network* «виртуальная частная сеть») — технологии, позволяющие обеспечить одно или несколько сетевых соединений поверх другой сети, например сети Интернет. Не для ведения экстремистской деятельности, разумеется, а для продолжения привычных коммуникаций с партнерами по бизнесу, коллегами, с друзьями, с родными. В использовании VPN публично признавался даже пресс-секретарь Президента РФ. Однако в первые дни ноября 2022 г. «прилетела» новость из Томска о первом приговоре, якобы

товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 200⁴, за четыре года — девять дел), заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200⁶, за три года — одно дело), и т.д.

связанном с использованием VPN³⁰. Новость породила широкие дискуссии, где в равной степени были представлены позиции, согласно которым: 1) для такого решения суда нет оснований; 2) для такого решения есть основания; 3) нам не представили данных о точном содержании приговора, а потому дебаты основаны только на догадках. В то же время томская история может быть «пробным шаром», проверкой возможности уголовной ответственности за подобное в рамках ст. 273 УК РФ. Благо специалисты в области уголовного и цифрового права, участвовавшие в дискуссиях, дали дополнительные аргументы правоприменению в части того, что уголовная ответственность возможна. Всех, разумеется, не привлечь, т.е. вполне реально избирательное правоприменение.

Основные выводы

Проделанный анализ позволяет заключить, что российское уголовное право находится в кризисном состоянии, с достаточной степенью выраженности каждого из предложенных проф. А.Э. Жалинским признаков.

Означает ли это, что его нужно менять путем, например, принятия еще одного Уголовного кодекса РФ, за что и сама я до сравнительно недавнего времени ратовала?

Думаю, что сейчас не время для таких перемен. Да и средств — ресурсов у государства на подобные перемены нет. Они должны проводиться в спокойное время, не знаменуемое глобальными мировыми и внутригосударственными потрясениями.

Единственное, что мы можем сделать сейчас, — пытаться донести до законодателя, что уголовным правом всех бед не преодолеть...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева О.Р. «Цена» преступности и проблемы ее исчисления // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2012. № 5. С. 9–16.
2. Бирик О.Н. Применение теории рационального выбора в уголовном праве и криминологии (на примере теоремы Коуза) // Юридический вестник Самарского ун-та. 2016. Т. 2. № 1. С. 91–98.
3. Бирик О.Н. Рынок «лимонов» и проблема учета личности преступника // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2017. № 1 (50). С. 197–199.
4. Бирик О.Н. Стратегические приоритеты уголовного права — возмездие или ресоциализация? // Юридический вестник Самарского ун-та. 2018. Т. 4. № 2. С. 17–23.
5. Бирик О.Н. Экономический подход в юридической науке // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». 2016. № 4 (49). С. 26–33.
6. Бочкарев С.А. Метафизика и ее место в структуре уголовно-правового знания // Вестник Тамбовского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2014. № 4.
7. Бытко Ю.И. О некоторых признаках кризиса в сфере уголовно-правового нормотворчества // Вестник СГЮА. 2013. № 3 (92).
8. Голик Ю.В., Коробеев А.И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex russica. 2014. № 12. С. 1399–1409.
9. Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. 2001. № 2.
10. Жалинский А.Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1.
11. Жалинский А.Э. Об экономическом подходе к уголовному правотворчеству // Государство и право. 2007. № 10. С. 58–67.
12. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2008. С. 2, 113, 117, 196, 197.
13. Квашиш В.Е. «Цена» преступности как криминологическая проблема // Уголовное право. 2008. № 6. С. 94–102.
14. Кожокар И.П. Законодательная инфляция: теоретико-правовое исследование // Вестник Пермского ун-та. Юридические науки. 2022. Вып. 56. С. 159.
15. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: от стагнации к гиперинфляции // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 115–120.
16. Кудрявцев В.Н. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130, 131.
17. Кузнецова Н.Ф. Нужна ли модернизация уголовного права? // Уголовное право. 2007. № 2.
18. Курсаев А.В. Отрицательные аспекты новеллизации уголовного закона // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 600–605.
19. Мацкевич И.М. Геометрия уголовного закона // Lex russica. 2018. № 9 (142). С. 10.
20. Михайлов А.Е. Цена преступности и ее место в системе противодействия преступности // Ученые записки РАНХиГС (Владимир). 2022. № 2 (42). С. 142–147.
21. Наумов А.В. О будущем российского уголовного права — законодательства, его применения и науки // Вестник Ставропольского гос. ун-та. 2008. № 6. С. 15–20.
22. Наумов А.В. Открытое письмо академику В.Н. Кудрявцеву // Уголовное право. 2006. № 4. С. 135–138.
23. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Проблемы производства и оборота криминологической информации // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1 (1). С. 137–150.
24. Разогреева А.М., Чутченко А.А. Перспективы развития экономического уголовного права // Вестник Таганрогского ин-та им. А.П. Чехова. Сер. «Право». 2022. № 1. С. 371.
25. Степаненко Р.Ф., Камаров М.Р. Трансакционные издержки: современные методологические подходы к изучению правовой реальности // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 298.

³⁰ См.: URL: http://oktiabrsky.tms.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=378

26. Цена преступности (методология ее определения) / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2014.
27. Шиханов В.Н. Регрессивный сдвиг и утрата этических оснований в уголовном праве как глобальная проблема // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред.: А.М. Бычкова, Н.В. Кешикова. Иркутск, 2021. С. 222–228.
28. Шутова В.Н. Тенденции современного российского законодательства и вопросы повышения его качества // Вестник Восточно-Сибирского ин-та МВД России. 2020. № 4 (95). С. 41–49.
13. Kvashis V.E. “The price” of crime as a criminological problem // Criminal Law. 2008. No. 6. P. 94–102 (in Russ.).
14. Kozhokar I.P. Legislative inflation: theoretical and legal research // Herald of the Perm University. Legal sciences. 2022. Issue 56. P. 159 (in Russ.).
15. Korobeev A.I. Criminal law policy of modern Russia in the field of lawmaking: from stagnation to hyperinflation // Legal policy and legal life. 2013. No. 2. P. 115–120 (in Russ.).
16. Kudryavtsev V.N. It's time to modernize the science of Criminal Law // Criminal Law. 2006. No. 5. P. 130, 131 (in Russ.).
17. Kuznetsova N.F. Is modernization of criminal law necessary? // Criminal Law. 2007. No. 2 (in Russ.).
18. Kursaeu A.V. Negative aspects of the novelization of the Criminal Law // Legal technique. 2021. No. 15. P. 600–605 (in Russ.).
19. Matskevich I.M. Geometry of Criminal Law // Lex russica. 2018. No. 9 (142). P. 10 (in Russ.).
20. Mikhailov A.E. The price of crime and its place in the system of combating crime // Scientific Notes of RANEPa (Vladimir). 2022. No. 2 (42). P. 142–147 (in Russ.).
21. Naumov A.V. About the future of Russian Criminal Law – legislation, its application and science // Herald of the Stavropol State University. 2008. No. 6. P. 15–20 (in Russ.).
22. Naumov A.V. An open letter to academician V.N. Kudryavtsev // Criminal Law. 2006. No. 4. P. 135–138 (in Russ.).
23. Pudovochkin Yu. E., Babaev M.M. Problems of production and turnover of criminological information // Russian Deviantological Journal. 2021. No. 1 (1). P. 137–150 (in Russ.).
24. Razogreeva A.M., Chutchenko A.A. Prospects for the development of economic Criminal Law // Herald of Chekhov Taganrog Institute. Ser. “Law”. 2022. No. 1. P. 371 (in Russ.).
25. Stepanenko R.F., Kamarov M.R. Transaction costs: modern methodological approaches to the study of legal reality // Chekhov of the Kazan Legal in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (37). P. 298 (in Russ.).
26. The price of crime (methodology of its definition) / ed. by N.A. Lopashenko. M., 2014 (in Russ.).
27. Shikhanov V.N. Regressive shift and loss of ethical grounds in criminal law as a global problem // Problems of modern legislation of Russia and foreign countries: materials of the X International Scientific and Practical Conference / ed.: A.M. Bychkova, N.V. Keshikova. Irkutsk, 2021. P. 222–228 (in Russ.).
28. Shutova V.N. Trends of modern Russian legislation and issues of improving its quality // Herald of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4 (95). P. 41–49 (in Russ.).

REFERENCES

1. Afanaseva O.R. The “price” of crime and the problems of its calculation // Problems of strengthening law and order: science, practice, trends. 2012. No. 5. P. 9–16 (in Russ.).
2. Bibik O.N. Application of the theory of rational choice in Criminal Law and criminology (on the example of the Coase theorem) // Legal Herald of the Samara University. 2016. Vol. 2. No. 1. P. 91–98 (in Russ.).
3. Bibik O.N. The “lemon” market and the problem of accounting for the identity of the criminal // Herald of the Omsk University. Ser. “Law”. 2017. No. 1 (50). P. 197–199 (in Russ.).
4. Bibik O.N. Strategic priorities of criminal law – retribution or re-socialization? // Legal Herald of the Samara University. 2018. Vol. 4. No. 2. P. 17–23 (in Russ.).
5. Bibik O.N. Economic approach in legal science // Herald of Omsk University. Ser. “Law”. 2016. No. 4 (49). P. 26–33 (in Russ.).
6. Bochkarev S.A. Metaphysics and its place in the structure of criminal law knowledge // Herald of the Tambov University. Ser.: Humanities. 2014. No. 4 (in Russ.).
7. Bytko Yu.I. On some signs of a crisis in the field of criminal law rulemaking // Herald of the SSSA. 2013. No. 3 (92) (in Russ.).
8. Golik Yu. V., Korobeev A.I. Reform of the criminal legislation of Russia: to be or not to be? // Lex russica. 2014. No. 12. P. 1399–1409 (in Russ.).
9. Dubovik O.L. The crisis of Criminal Law and criminal law theory // Law and Politics. 2001. No. 2 (in Russ.).
10. Zhalinsky A.E. On the current state of criminal law science // Criminal Law. 2005. No. 1 (in Russ.).
11. Zhalinsky A.E. On the economic approach to criminal lawmaking // State and Law. 2007. No. 10. P. 58–67 (in Russ.).
12. Zhalinsky A.E. Criminal Law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. M., 2008. P. 2, 113, 117, 196, 197 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛОПАШЕНКО Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Authors' information

LOPASHENKO Natalya A. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Saratov State Law Academy; 1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russia

ЭТИОЛОГИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ЕЩЕ ОДИН ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

© 2023 г. И. М. Рагимов¹, *, А. Н. Савенков², **, Х. Д. Аликперов³, ***

¹Ассоциация юристов стран Черноморско-Каспийского региона, г. Баку, Азербайджанская Республика

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

³Центр правовых исследований, г. Баку, Азербайджанская Республика

*E-mail: professorilhamragimov@gmail.com

**E-mail: an61s@yandex.ru

***E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Поступила в редакцию 17.05.2023 г.

Аннотация. В статье на основе междисциплинарного подхода анализируются содержание и внутренняя логика традиционного для криминологии вопроса: «Почему одни совершают преступление, а другие — нет?» По мнению авторов, в формулировке данного фразеологизма изначально допущена методологическая погрешность, так как в нем исходный посыл неверен («почему одни совершают преступление»), что повлекло за собой ложное умозаключение («а другие — нет»). Историческая реконструкция в рассматриваемой сфере показывает, что за всю историю цивилизации не было человека (за исключением недееспособных и лиц, страдающих криминофобией), который хотя бы один раз в жизни не совершал бы преступления. Поэтому предлагается сформулировать данный вопрос иначе: «Почему одни, совершив преступление, несут уголовную ответственность, а другие остаются безнаказанными?» Отталкиваясь от этой данности, выдвинута гипотеза, согласно которой делинквентное поведение человека (в том числе преступное) так же, как и генетические заболевания, является имманентным свойством его бытия, которое изначально заложено в ДНК-матрицу всех без исключения людей. Эта генетически заданная программа активируется в подростковом возрасте 12–15 лет, а порой и раньше и сохраняет свою наступательность до достижения человеком 50 лет, после чего ее динамика с каждым годом становится все слабее.

Ключевые слова: человек, генетически заданная программа, детерминанты преступности, причины преступности, преступление, наказание, недееспособность, наркозависимые, интуитивное мышление, каннибалы, криминофобия, клептоманы, ДНК-матрица.

Цитирование: Рагимов И.М., Савенков А.Н., Аликперов Х.Д. Этиология индивидуального преступного поведения: еще один взгляд на проблему // Государство и право. 2023. № 9. С. 112–125.

DOI: 10.31857/S102694520027657-3

ETIOLOGY OF INDIVIDUAL CRIMINAL BEHAVIOR:
LOOKING AT THE PROBLEM FROM A DIFFERENT ANGLE© 2023 I. M. Ragimov^{1, *}, A. N. Savenkov^{2, **} Kh. J. Alikperov^{3, ***}¹Association of Lawyers of the Countries of the Black Sea-Caspian Region, Baku, Republic of Azerbaijan²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow³Center for Legal Research, Baku, Republic of Azerbaijan

*E-mail: professorilhamragimov@gmail.com

**E-mail: an61s@yandex.ru

***E-mail: xan_alikperov@hotmail.com

Received 17.05.2023

Abstract. Based on an interdisciplinary approach, the article analyzes the content and internal logic of the traditional question for criminology and sociology: “Why do some commit a crime, while others do not?” According to the authors, in the formulation of this phraseological unit, a methodological error was initially made, because it misrepresents the original message (“why do some people commit a crime”), which led to a false conclusion (“and others do not”). Thus, the historical reconstruction in the area under consideration shows that in the entire history of civilization there has not been a person (with the exception of the incapacitated and those suffering from criminophobia) who would not commit a crime at least once in his life. Therefore, it is proposed put this question differently: “Why do some, having committed a crime, bear criminal responsibility, while others remain unpunished?” Based on this reality, the article puts forward a hypothesis according to which delinquent behavior of a person (including criminal), as well as some genetic diseases, is an immanent property of his being, which was originally embedded in the DNA matrix of all without exception. people from the moment of their conception. This genetically predetermined program is activated in adolescence (12–15 years, sometimes even earlier) and retains its aggressiveness until a person reaches 50 years of age, after which its dynamics become weaker every year.

Key words: human, crime, disability, drug addicts, punishment, intuitive thinking, causes of crime, criminophobia, genetically programmed program, kleptomaniacs, DNA matrix, cannibals, determinants of crime.

For citation: Ragimov, I.M., Savenkov, A.N., Alikperov, Kh. J. (2023). Etiology of individual criminal behavior: looking at the problem from a different angle // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 112–125.

С развитием уголовно-правовой и криминологической мысли в последние годы все отчетливее проявляются контуры неизведанных горизонтов уголовного права и криминологии, которые являются предметом всестороннего исследования преступников и представителей других смежных наук. Благодаря этому наука уголовного права и криминологии за последние 30–40 лет обогатилась генеративными трудами (некоторые с оттенком картезианства¹), в которых выдвинуты принципиально новые доктрины, а многие фундаментальные вопросы преступления и наказания, причин преступности, механизма формирования преступной мотивации и т.д. в них кардинально пересмотрены. В частности, в этих

исследованиях², большинство из которых основано на непреходящих ценностях научного наследия прошлого³, поставлены под обоснованное

¹ Напомним, что одним из главных методов картезианства является метод радикального сомнения Рене Декарта, предполагающий необходимость подвергать сомнению все полученные знания и не принимать их как истину в последней инстанции (см. подр.: Новая философская энциклопедия / редсовет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. М., 2000).

² См.: Гилинский Я.И. Криминология постмодерна: неокриминология. СПб., 2021; Преступность XXI века. Транснациональный характер. Теневая экономика. Влияние на государство / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019; Рагимов И.М. Религия и наказание. СПб., 2020; Его же. О нравственности наказания. СПб., 2016; Аликперов Х.Д. Новый взгляд на преступление и наказание. СПб., 2022; Его же. Неизведанные грани наказания и тайны его бытия (Учение о нечеловеческой природе наказания). СПб., 2020; Шестаков Д.А. Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учеб. СПб., 2006; Уголовная ответственность. Фундаментальные основы теории и практики / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019; Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рарога. М., 2021; Чучаев А.И. Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергеевского. М., 2017; и др.

³ Нельзя забывать, что «общение с мыслителями прошлого всегда было источником эстетического наслаждения и давало сильнейший этический заряд интеллектуальной энергии творческим умам последующих поколений» (см.: Ляткер Я.А. Декарт. М., 1975).

сомнение большинство господствующих в уголовном праве и криминологии парадигм⁴, а некоторые из них мотивированно опровергнуты в силу их ошибочности или несостоятельности.

Одновременно с этим в них даны заслуживающие внимания убедительные ответы на многие сложные теоретические вопросы, которые либо были поставлены ранее, но не решены до конца (к примеру, патогенез феномена наказания) или вообще не рассматривались до последнего времени (например, бинарная сингулярность причин преступности).

Этот качественный скачок в преступноведении⁵, который продолжается по сей день, повлек за собой существенные сдвиги как в осмыслении этиологии преступности и онтологии наказания, так и в углублении учения о механизме формирования преступной мотивации и т.д.⁶ Так, сегодня стало более чем очевидно, что не все преступления, предусмотренные в Уголовном кодексе той или иной страны, являются продуктом социального конструкта. В частности, анализ генезиса преступности показывает, что отдельные виды преступления (к примеру, убийство, изнасилование, грабеж, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, кража и т.д.) совершались и задолго до

⁴ По мнению проф. Ю. В. Голика, переосмысления требуют все без исключения институты, категории и понятия уголовного права (см.: *Голик Ю. В.* Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 37).

⁵ Как писал А. Эйнштейн, «творения интеллекта переживают шумную суету поколений и на протяжении веков озаряют мир светом и теплом» (см.: *Эйнштейн А.* Собр. науч. тр. М., 1967. Т. 4. С. 78).

⁶ Вместе с тем следует отметить, что за анализируемый период уголовное право и криминология обогатились не только прогрессивными идеями и принципиально новыми доктринами. Наряду с этим тогда же в преступноведение были привнесены и крайне реакционные институты, которые противостоят не только общепризнанным фундаментальным правам и свободам человека, но и здравому смыслу. В качестве примера можно сослаться на теорию опасного состояния личности в рамках социологической школы уголовного права, на основе которой сегодня в Германии, Канаде, США и ряде других стран заключают под стражу на неопределенный срок лиц («превентивный арест»), которые не совершали преступления, но, по мнению законодателя, представляют общественную опасность. При этом, как справедливо указывают А. В. Бриллиантов и А. Д. Щербаков, «к такой категории относят не только лиц, которые имели объективную опасность для общества (к примеру, рецидивисты и профессиональные преступники), но и лиц, которые обладали известной долей девиации в отношениях с другими представителями общества (к примеру, алкоголики, наркозависимые, секс-работники). И если усиление уголовной репрессии в отношении первых было хотя бы как-то обосновано с позиции необходимости предупреждения тяжких преступлений, то введение мер предупреждения в отношении второй группы лиц порождало исключительно их стигматизацию в глазах общества» (см.: *Бриллиантов А. В., Щербаков А. Д.* Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90).

возникновения государства и его нормативных установлений, хотя и назывались по-иному (вира, зло, грех и т.д.), что, естественно, не меняет существенных качеств таких деяний. Помимо этого, как писал Э. Дюркгейм, «общество без преступности совершенно невозможно»⁷. А, как известно, человеческое сообщество возникло задолго до появления на исторической арене первого государства⁸.

Сказанное можно повторить и относительно утверждений криминологов XX – начала XXI в. о том, что причины преступности носят социальный характер. Между тем современные исследования в этой области показывают, что причины преступности не от мира сего, они гнездятся внутри самого человека в виде неудовлетворенной потребности, а совершаемое им конкретное преступление – не что иное, как генетически обусловленный определенным поведенческий акт деструктивно-волевого характера, базирующийся в геноме *Homo sapiens* в alertном состоянии, который активируется лишь при сцеплении с определенными внешними факторами природного, техногенного или антропогенного свойства, воспользовавшись которыми, он удовлетворяет свои потребности, которые не смог или не захотел реализовать в рамках закона.

Таким образом, становится очевидным, что всё многообразие смысла понятия «преступление» нельзя сводить к его нормативному определению, а причины преступности объяснять лишь социальными явлениями.

Не отражает всех глубинных пластов причин индивидуального преступного поведения и господствующий в теоретической криминологии постулат, согласно которому под детерминантом преступности подразумевается комплекс социальных явлений, совместное действие которых порождает конкретное преступление, если учесть, что в механизме детерминации преступного поведения часто участвуют и другие факторы как природного, техногенного, так и антропогенного характера (к примеру, трагедии на АЭС Чернобыля и «Фукусима»).

Не лишен логики и такой вопрос: «Существует ли де-факто такой вид уголовного наказания, как лишение свободы, закрепленное в уголовных кодексах всех стран мира, если принять во внимание, что свобода человека неотчуждаема как нечто абсолютное, раз и навсегда данное ему с момента рождения?» Как указано в современных уголовно-правовых исследованиях, она является неотъемлемым

⁷ *Дюркгейм Э.* Норма и патология. Социология преступности // Современные буржуазные теории: сб. ст. / пер. с англ. М., 1966. С. 39.

⁸ В частности, первобытнообщинный строй с его потестарной властью и без профессиональных органов власти, в том числе правоохранительных.

качеством его генетической природы и имманентным свойством повседневного бытия. Поэтому свобода не сводится лишь к ограничению сложившегося у человека повседневного уклада жизни в ее привычных проявлениях или сужению пространства и условий физического перемещения, выбора им места жительства и т.д., как это трактуется практически во всех учебниках уголовного права.

Иными словами, можно ограничить свободу воли человека, его решения, действия и т.д., но отчуждать у человека его свободу в целом невозможно по определению. Это — аксиома, в силу чего она не нуждается в дополнительных обоснованиях.

Современные криминологические исследования напрочь опровергли и ошибочную законодательную константу, согласно которой «лишение свободы заключается в изоляции осужденного от общества...», как это указано в уголовных кодексах многих стран мира (например, ст. 56 УК РФ). Дело в том, что водворение осужденного в ту или иную пенитенциарную обсервацию не означает его изоляции от общества, так как: а) под обществом подразумевается совокупность наделенных волей и сознанием двух и более людей, вступающих в определенные общественные отношения в той или иной социальной системе; б) в культурной среде невозможно изолировать дееспособного человека от общества, за исключением его смерти или помещения на необитаемый остров.

Этот далеко не полный перечень аргументов свидетельствует, что исправительные колонии, как и другие пенитенциарные учреждения, являются таким же социальным обществом (хотя и с негативным оттенком), что и социум, функционирующий за стенами того или иного пенитенциарного учреждения⁹.

Сегодня, как и несколько веков назад, в уголовном праве и уголовном процессе утверждается, что наказание за совершенное преступление всегда и везде назначается судом на основе обвинительного приговора, в котором определяется как его вид, так и сроки (размеры). Между тем этот постулат был опровергнут еще в 1866 г. Ф.М. Достоевским в его бестселлере «Преступление и наказание», в котором он показал, что эту карательную

функцию выполняет не только и не всегда суд¹⁰. В частности, в своем знаменитом романе писатель более чем убедительно показывает, что в социуме не существует преступления без наказания, так как кара *de facto* настигает виновного и при его уклонении от правосудия, и при латентных преступлениях, и при неустановлении лица, совершившего преступление, и т.д.

Но это — кара особого свойства, ее нет ни в одном уголовном кодексе. Но она реально существует и применяется не на основе вердикта суда, а налагается на виновного его внутренним «Я» («синдром Раскольникова»). Иными словами, неминуемость кары за совершенное зло — не только прерогатива суда, но и имманентное свойство повседневного бытия социальной среды, как, впрочем, и промысл Всевышнего, как это утверждают богословы.

В уголовно-правовой и криминологической литературе из года в год утверждается, что только суд может назначить виновному законное и справедливое наказание, выбрать его вид и определить оптимальные сроки (размеры). А так ли это в реальности? Ведь давно установлено, что для назначения законного и справедливого наказания необходимо, чтобы судьи обладали глубокими познаниями не только в области уголовного права, уголовного процесса и т.д., но и как минимум в теории прогнозирования поведения осужденного в процессе отбывания им наказания¹¹, пенологии и пенитенциарной психологии. В то же время трудно даже гипотетически предположить, что в современном мире есть судья, который в состоянии одновременно быть носителем всех этих знаний в той степени, чтобы безошибочно определить виновному адекватное наказание.

Поэтому считаем, что, возлагая на суд обязанность определять меру наказания виновному за совершенное преступление, тем самым законодатель превратил суд в карательный орган, а судью — в помощника заплечных дел мастера, что, естественно, не согласуется с природным эталоном правосудия¹².

¹⁰ Как писал Рене Декарт, «великие мысли чаще встречаются в произведениях писателей, чем в трудах философов... зародыши знания... философы культивируют... с помощью разума, писатели же разжигают... посредством воображения» (цит. по: Ляткер Я.А. Указ. соч.).

¹¹ Об этом см. подр.: Рагимов И.М., Аликуперов Х.Д. Уголовное наказание: понятие, сущность, предмет (социологический и криминологический анализ) // Труды ИГП РАН. 2023. № 18 (1). С. 97–115.

¹² Учитывая это, полагаем, что лицу, признанному судом виновным в совершении преступления, наказание и его сроки (размеры) необходимо определять с применением электронной системы определения оптимальной меры наказания (сокращенно — «Электронные весы правосудия»), которая была разработана в 2011–2019 гг. учеными Ассоциации юристов стран

⁹ Хотим особо подчеркнуть, что высказанные выше замечания логико-семантического характера вовсе не носят релятивистский характер и не продиктованы стремлением авторов абсолютизировать относительность и условность содержания того или иного понятия, так как авторы не ставят форму выше содержания и далеки от мысли «примата связи (относительности) над приматом истины» (см.: Яковлева А.Ф. Размышления над книгой «Релятивизм как болезнь современной философии» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps20_1/209–222.pdf (дата обращения: 08.10.2021)).

Учитывая ограниченные рамки журнальной статьи, мы здесь прервем дальнейший обзор существующих в уголовном праве и криминологии концептуальных просчетов и зияющих пропастей и остановимся на анализе лишь одной фундаментальной проблемы — этиологии индивидуального преступного поведения, которую рассмотрим с иного ракурса.

Прежде всего отметим, что в теоретической криминологии столетиями традиционным является вопрос: «Почему одни совершают преступление, а другие — нет?» На наш взгляд, постановка данного вопроса в такой редакции некорректна, так как она внутренне крайне противоречива, а в его формулировке изначально допущена грубая методологическая погрешность: исходный посыл изложен неверно («почему одни совершают преступление»), что повлекло за собой ложное умозаключение («а другие — нет»). Так, ретроспективный анализ показывает, что за всю историю нашей цивилизации не было человека, который хотя бы один раз в жизни не совершал преступления. Исключение составляют лишь две категории граждан. Это, во-первых, недееспособные лица, в силу чего независимо от тяжести совершенного ими деяния и его вредных последствий оно *de jure* не признается преступлением¹³. Во-вторых, не совершают преступления и лица, страдающие криминофобией. Под этим термином¹⁴ (*timor in crimen tuum* — страх перед собственным преступлением) мы подразумеваем отдельных лиц с редким психическим

Черноморско-Каспийского региона. Особенность этой технологии заключается в том, что в ней впервые в теории уголовного права процесс назначения наказания максимально формализован, а сама процедура определения наказания осуществляется автоматически, на основе исходных данных об уголовном деле и виновном, введенных судьей в диалоговое окно (интерфейс) «Электронных весов правосудия».

¹³ К примеру, лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, вследствие психического расстройства не могут понимать значения своих действий или руководить ими и т.д.

¹⁴ Термин «криминофобия» (буквально — неконтролируемый страх перед преступлением, возникающий без реального раздражителя), как и большинство слов в русском языке, обладает многозначностью, так как имеет несколько лексических значений, связанных по смыслу. К примеру, под понятием «пол» подразумевается не только гендерная принадлежность живых организмов, но и нижний настил в помещении, по которому ходят. Или термин «брак», который одновременно означает и супружество, и брак на производстве, и т.д. Перечень таких многозначных лексем в русском языке достаточно длинный. В силу этого считаем, что под криминофобией надо подразумевать не только боязнь стать объектом преступного посяательства, но и неконтролируемый страх оказаться субъектом преступления, что не противоречит не только букве этого понятия, но и его внутренней логике (духу), так как такая интерпретация анализируемого понятия базируется на первичном, прямом значении этой лексемы. Поэтому в предложенной статье термин «криминофобия» применен в узком значении — патологический страх совершить преступление.

отклонением, не исключающим вменяемость¹⁵, которые патологически боятся совершить преступление, так как даже гипотетическая вероятность оказаться в полиции или пенитенциарном учреждении за содеянное вызывает у них гипертрофический и неконтролируемый страх (редко встречающаяся особая форма фобии¹⁶ по отношению к органам правоохраны), часто сопровождаемый панической атакой и тремором¹⁷. Поэтому для них совершение преступления равносильно сознательному прыжку с высокой скалы¹⁸.

Наши исследования показывают, что в формировании такой антикриминогенной позиции принимают опосредственное (подсознательное) участие и такие личностные качества криминофоба, как хорошее воспитание¹⁹, сильный внутренний нравственный стержень, праведность от закона

¹⁵ При этом не следует путать фобию со страхом. Как отмечает канд. мед. наук Н. Чадаев, фобия — это диагноз. Страх — это когда человек чего-то боится. И это считается в пределах нормы. Когда он прошел темный переулок, напрягся, потом вышел на свет и тут же переключился, т.е. миновал участок напряжения и страха, и все. А когда мы говорим о фобиях или невротических состояниях, это тоже разновидность психологического отклонения, но более глубокая, когда это же глубокое переживание практически невозможно преодолеть. Это загруженное отрицательными эмоциями состояние (см. подр.: Чадаев Н. Фобия — это заболевание. Каковы ее причины? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://doctor.ru/question/7265/> (дата обращения: 29.04.2023)).

¹⁶ Фобия — навязчивый страх, природа которого изучена не до конца. Это невротическое состояние, которое проявляется у людей, испытывающих иррациональный страх перед чем угодно: от змей и пауков до открытого или закрытого пространства. Фобии могут возникать и под влиянием психотравмирующих факторов, сопровождающихся присутствием тех или иных объектов (продуктов питания, предметов и т.д.). Фобии отличаются от страха тем, что они иррациональны, не поддаются контролю и часто сопровождаются паническими атаками. Иными словами, чувство страха осознаваемо и контролируемо здравым смыслом. Фобия же не поддается никаким разумным доводам, не контролируется сознанием, справиться самостоятельно с ней человеку не удастся (подробнее об этом см.: Самые редкие формы фобии у человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://medobr.com/news/samye-redkie-fobii-u-cheloveka/> (дата обращения: 30.04.2023); Фобии человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://medgz.ru/stati/article_post/fobiya (дата обращения: 01.05.2023)).

¹⁷ Непроизвольная продолжительная дрожь (дрожание конечностей) (подробнее об этом см.: Тремор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://junonann.com/stati/nevrologiya/tremor.html#chto-takoe-tremor> (дата обращения: 29.04.2023)).

¹⁸ Однако это вовсе не исключает возможность совершения криминофобами мелких видов иных правонарушений (к примеру, переход проезжей части дороги в неположенном месте, превышение скорости и т.д., что, как известно, во многих странах наказуемо, так как считается административным проступком, хотя и стараются избегать таких ситуаций).

¹⁹ См.: Гулинский Я.И. Немного о социальном контроле над девиантностью // Вопросы девиантологии. 2023. № 3. С. 7.

и исповедуемой веры²⁰ и т.д. Этой редкой формой фобии страдают в основном лица, которые когда-то были жертвами или свидетелями жестокого обращения со стороны отдельных сотрудников органов внутренних дел или пенитенциарных учреждений²¹. Поэтому в таких случаях (прошлый негативный опыт) у них автоматически срабатывает генетическая память об опасности попадания в орбиту уголовной юстиции, инстинктивно извлеченная из глубоких пластов их подсознания, где она хранилась в alertном состоянии.

С учетом приведенных выше пояснений считаем, что обсуждаемый вопрос надо ставить иначе: «Почему одни, совершив преступление, несут уголовную ответственность, а другие остаются безнаказанными?»²².

Отталкиваясь от этого исходного посыла, полагаем, что делинквентное поведение человека (в том числе преступное) так же, как и генетические заболевания²³, является имманентным свойством его бытия, которое изначально заложено в ДНК-матрицу всех без исключения людей (генетическое зло — Рэй Брэдбери). Эта генетически заданная программа активируется в подростковом возрасте (12–15 лет, а порой и раньше) и сохраняет свою наступательность до достижения человеком 50 лет, после чего ее динамика с каждым годом становится все слабее. Такой нисходящий вектор криминальной активности у людей объясняется несколькими причинами. Во-первых, к этому времени гаснет

животное начало мотивации поведения человека²⁴, он становится более законопослушным, степенным и рассудительным. Во-вторых, мозг человека устроен так, что его лобные доли, являющиеся важным органом торможения (большой тормозной центр), отвечающие за рациональное мышление, принятие осознанных решений и выполняющие другие когнитивные функции, начинают функционировать в полную силу лишь после достижения человеком 50 лет²⁵. В-третьих, с возрастом человек постепенно отходит от интуитивного²⁶ к рациональному мышлению, что позволяет ему часто обуздать свои низменные побуждения, страсти и другие делинквентные физиологические, социальные, материальные и иные потребности.

Вместе с тем мы вышеизложенное не рассматриваем как аксиому, так как в реальной жизни не всегда и не каждому удается управлять своими врожденными наклонностями. К примеру, в любом обществе есть категория людей с определенными психическими отклонениями, не исключающими уголовную ответственность, которые генетически запрограммированы на совершение отдельных видов преступлений. Здесь имеем в виду преступления kleптоманов, каннибалов, педофилов, садистов²⁷ и т.д.

²⁴ Подробнее об этом см. лекцию д-ра биол. наук, проф. С.В. Савельева «Эволюционный процесс отбора» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=538826439813039> (дата обращения: 24.03.2023).

²⁵ См.: Савельев С.В. Отбор и эволюция мозга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://vk.com/video/@savelevmorg?z=video-52111900_456239179%2Fpl_-52111900_-2 (дата обращения: 17.12.2023).

²⁶ Как известно, процесс интуитивного мышления протекает не под контролем сознания, так как интуиция такой бессознательный процесс, результат которого всплывает в сознании. И этот процесс происходит по каким-то неизвестным укороченным схемам (короткая мысленная модель поведения в той или иной жизненной ситуации), которые не обеспечивают достоверности выводов, но позволяют быстро получить результат, хотя и не надежный. Значимость интуитивного мышления заключается в том, что при недостатке информации и дефиците времени можно быстро получить вывод. Это делается благодаря тому, что процесс мышления (интуитивного) протекает не под контролем сознания. Иными словами, в процессе интуитивного мышления решение принимается, минуя причинно-следственные связи. Таким образом, рациональная (логическая) система мышления долгая, но надежная, а интуитивная — быстрая, но не очень надежная. Поэтому психологи считают, что интуиции доверять полностью нельзя (об этом см. подр.: Черниговская Т.В. Интуитивное мышление и как его развивать [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: www.google.com/search?q=Черниговская+Т.В.+Интуитивное+мышление (дата обращения: 12.04.2023)).

²⁷ При этом отметим, что садизм (страстное влечение к неограниченной власти над другим живым существом), в отличие от педофилии, kleптомании и т.д., «не физиологическая потребность человека, а страсть, произрастающая из характера (потребность в любви, свободе, разрушении, мазохизме, жажда собственности)» (см.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Новая философия. М., 1973. С. 17).

²⁰ По мнению христианских богословов, само слово «праведность» в современной культуре очень редко используется. Причем под ней обычно понимают исполнение определенного свода правил (светских, религиозных и т.д.). Такую праведность Библия называет «праведностью от закона» (Рим. 10:5), причем апостол не только не высоко ее ценит, но даже хочет от нее дистанцироваться: «[хочу] найтись в Нем не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру во Христа, с праведностью от Бога по вере; чтобы познать Его...» (Фил. 3:9, 10) (см.: Праведность по закону и праведность по вере [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://dzen.ru/media/spasenie/pravednost-po-zakonu-i-pravednost-po-vere-6048f70e013fe76fa35a6512?utm_referer=www.google.com (дата обращения: 28.04.2023)).

²¹ В том числе и в результате просмотра соответствующего видеосюжета со сценами жестокого избиения задержанных в полиции или зверских пыток заключенных в пенитенциарных учреждениях, о чём достаточно часто сообщается в СМИ и на различных сайтах онлайн-платформ. В качестве примера можно сослаться на многочисленные чудовищные пытки заключенных в Гуантанамо, как и на сотни других установленных фактов садистских методов применения пыток к задержанным и заключенным со стороны отдельных органов правопорядка.

²² Здесь и далее речь идет о дееспособных лицах, которые несправедным путем избежали уголовной ответственности за содеянное.

²³ К примеру, синдром Дауна (врожденная хромосомная аномалия, заключающаяся в наличии лишней хромосомы в 21-й паре). Как известно, генетические заболевания нельзя излечить. В ряде случаев можно лишь ослабить их симптомы.

Другой вопрос, что у одних совершение такого деяния отсрочено во времени и пространстве (буфер времени²⁸), а у других запускается при возникновении подходящей ситуации для его реализации. Например, наркозависимый в состоянии абстиненции²⁹, когда болевые ощущения («ломка») достигают своего пика, готов на все, в том числе убить кого угодно (включая родных и близких), лишь бы добыть новую дозу наркотиков или средства на ее приобретение. Сказанное можно повторить и относительно kleptomанов, педофилов и т.д. Как показывает правоприменительная практика, в этих случаях угроза уголовного наказания, какой бы она ни была суровой, мягко говоря, не всегда срабатывает³⁰.

Наряду с генетическими предпосылками делинквентное поведение человека (в том числе преступное) может быть обусловлено и потребностями криминального характера, приобретёнными в постнатальный (земной) период жизни (к примеру, наркомания, игромания и т.д.). Однако в этих случаях механизм формирования преступной мотивации принципиально иной. Так, после совершения лицом двух-трех умышленных преступлений (кражи, изнасилования и т.д.), оставшихся безнаказанными (например, в силу латентности), дальнейшая преступная деятельность³¹ у некоторых из них трансформируется в устойчивый образ жизни³². Это объясняется тем, что лицо, систематически и безнаказанно совершающее преступления, со временем утрачивает свою природную

благосклонность (благодать³³), в силу чего его личность начинает постепенно саморазрушаться: он уже видит себя Раскольниковым, убеждая самого себя в том, что он не тварь дрожащая, а право имеющий, а совершаемые деяния воспринимает как естественное состояние своего бытия. Поэтому и не сожалеет, что встал на преступный путь. Такая самоуверенность еще больше разжигает его фантазии, придавая им бесовскую силу, и усиливает в нем процесс саморазрушения.

Этот необратимый процесс, перманентно происходящий в сознании, сопровождается постепенным перепрограммированием его мозга, который начинает воспринимать совершение того или иного корыстно-насильственного, корыстного, насильственного и т.д. преступления как жизненно важную физиологическую потребность (к примеру, как приём пищи, воды и т.д.), которая по своей настойчивости куда сильнее, чем его свобода воли.

К перечисленным выше социальным факторам, побуждающим людей совершать те или иные насильственные, корыстные, корыстно-насильственные и другие умышленные преступления, следует добавить и тот факт, что с древних времен отдельные нормы уголовного законодательства вынуждали и в наше время толкают человека преступить уголовный закон³⁴ в силу абсурдности³⁵ содержащихся в них уголовно-правовых запретов³⁶ (патология закона — Ю.В. Голик). В результате этого сотни тысяч людей были осуждены за деяния, которые по истечении определенного времени были либо декриминализированы или переведены в разряд административных правонарушений (к примеру, туеядство, оскорбление, побои, мелкое хищение и т.д.). Поэтому следует согласиться

²⁸ Время между желанием и его воплощением, в течение которого происходит коррекция желания, шлифовка нюансов его воплощения в жизнь.

²⁹ Синдром наркозависимости, который возникает при недополучении больным наркоманией очередной дозы наркотика.

³⁰ Сказанное можно распространить и на спонтанно возникающие насильственные семейно-бытовые преступления, преступления, совершенные в состоянии аффекта, нищеты, граничащей с голодной смертью, и т.д.

³¹ Этому во многом способствуют и промахи органов правоохраны по выявлению и раскрытию совершенных преступлений, в результате чего преступление остается нераскрытым, а его деятель — безнаказанным, что, естественно, становится для него веским поводом для мотивации совершения новых преступлений.

³² Примером сказанному могут служить рецидивная преступность (в криминологическом смысле), профессиональная преступность, удельный вес которых в числе ежегодно регистрируемых в той или иной стране достаточно внушительный, а порой и превышает 50%-ный порог. К примеру, в среднем по России рецидивная преступность составляет не менее 30%, а по ряду регионов — до 50% и более (см.: *Болотин В.С.* Рецидивная преступность: параметры оценки, основные показатели и проблемы нормативно-правового регулирования деятельности по ее предупреждению // *Политика и право.* 2008. № 4. С. 780).

³³ По мнению богословов, благодать — особая божественная сила, ниспосылаемая человеку в результате воздействия на него Святого Духа для преодоления внутренне присущих ему несовершенства и греховности (см.: *Религии мира. Благодать* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.hrono.ru/religia/spravka/blagodat.php> (дата обращения: 25.04.2023)).

³⁴ К примеру, в Средние века в Испании курение табака считалось преступлением, за которое была предусмотрена единственная мера наказания — смертная казнь (об этом см. подр.: *Гилинский Я.И.* Немного о социальном контроле над девиантностью. С. 9).

³⁵ Например, уголовная ответственность за отрицание Холокоста (Франция), незаконное хранение наркотических средств для личного потребления (ч. 1 ст. 228 УК РФ), эвтаназия (к примеру, ст. 135 УК Азербайджанской Республики) и т.д.

³⁶ Как писал древнекитайский философ Лао-Цзы (VI—V вв. до н.э.) в своем классическом даосском трактате (*Дао Дэ Цзин*), «когда множатся законы и приказы, растет число воров и разбойников» (см. подр.: *Десять мудрых афоризмов Лао-Цзы* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://eksmo.ru/interview/10-mudrykh-aforizmov-lao-tszy-ID15439009/> (дата обращения: 30.04.2023)).

с проф. Я.И. Гилинским, что уголовный закон содержит немало таких «преступных» деяний, в результате чего каждый гражданин оказывается «преступником»³⁷.

С давних времен в правоприменительной практике многих государств, включая СССР (особенно в 30–50-е годы), Россию, другие страны ближнего и дальнего зарубежья, известен и такой праворазрушающий и социально *неадаптированный*³⁸ феномен, как «наказание без преступления»³⁹, когда человека привлекают к уголовной ответственности и наказывают за преступление, которое таковым не является по определению. Здесь в качестве примера можно сослаться на крайне шаткий и непомерно оценочный институт превышения пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 37, ст. 114, 108 и т.д. УК РФ), на основе которого ежегодно тысячи людей необоснованно привлекаются к уголовной ответственности и осуждаются лишь за то, что активно защищали себя и своих близких, жилье или имущество⁴⁰ от посягательств насильников, хулиганов и т.д.⁴¹

³⁷ Гилинский Я.И. Немного о социальном контроле над девиантностью. С. 8.

³⁸ См.: Хомич В.М. Криминологическая экспертиза публичного правообразования как система социального упреждающего контроля криминогенного злоупотребления правом. Тезисы доклада в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/455-16-iyunya-2023-g-beseda> (дата обращения: 29.04.2023).

³⁹ Этот феномен достаточно подробно описан в рассказе Рэя Брэдбери «Наказание без преступления» (Punishment Without Crime), написанном им в 1950 г. и переизданном во многих странах мира (в том числе неоднократно в России). Данной проблематике посвящены и мемуары А. Авдеенко (см.: Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991).

⁴⁰ Рассматриваемый институт уголовного закона вступает в грубое противоречие и с древнеримским принципом “*Actus non facit reum nisi mens sit rea*” — действие не делает виновным, если не виновна мысль.

⁴¹ В качестве примера здесь можно сослаться на получившие широкий международный резонанс уголовные дела по обвинению 28-летнего инвалида-бегуна, шестикратного победителя Паралимпийских игр на различных спринтерских дистанциях Оскара Писториуса, причинившего смерть Реве Стенкам, которая поздно ночью через форточку пробралась в его ванную комнату и хотела сделать ему сюрприз ко Дню святого Валентина. От шума, доходившего из ванной комнаты, Писториус просыпается. Решив, что в его дом проникли грабители, он в целях самообороны хватает пистолет и четыре раза стреляет в дверь ванной комнаты. Стенкам была убита, а Писториус осужден к лишению свободы на длительный срок. В качестве другого примера можно привести уголовное дело по обвинению трехкратного чемпиона мира по боям без правил 25-летнего Расула Мирзоева. 15 августа 2011 г. возле ночного клуба «Гараж» (г. Москва) между ним и 19-летним студентом Иваном Агафоновым произошла ссора из-за того, что Агафонов оскорбительно приставал к его девушке, предлагал ей «сняться» с ним и т.д. Оскорбленный таким дерзким поведением Агафопова и с целью защитить честь своей девушки он нанёс ему один удар, который пришёлся в голову обидчика, тот упал и ударился головой об

Среди криминогенных факторов следует выделить и отдельные ниши социальной структуры общества, которые сконструированы так, что многие виды деятельности человека (государственная служба, контрольно-разрешительная система, коммерческая деятельность и т.д.) неизбежно сопряжены или с нарушением определенных бюрократических нормативных предписаний, что влечет за собой уголовную ответственность, либо с широким спектром разнообразных источников соблазна⁴², подсознательно побуждающих чиновника превышать (злоупотреблять) своими должностными полномочиями, заниматься мздоимством, «распилом» бюджетных средств, лихоимством и т.д.

Наконец, еще одной причиной, толкающей людей на преступление, всегда была и остается крайняя нужда (нищета на грани голодной смерти, отсутствие у родителей необходимых средств на покупку дорогостоящих лекарств при тяжелых формах болезни их детей и т.д.), пути выхода из которой часто невозможно найти в рамках правового поля⁴³. К иной разновидности преступлений, совершаемых в условиях крайней нужды, можно отнести людей, лишенных элементарных благ общества, в силу чего они целенаправленно стремятся попасть в места лишения свободы.

Здесь речь идет прежде всего о лицах, освободившихся из мест лишения свободы и не имеющих семьи, родственников, друзей или других полезных социальных связей, на которые можно было бы опереться в период адаптации после освобождения из заключения. В силу этого у них на свободе нет жилья и средств на пропитание (приобретение лекарств), они не могут устроиться на работу и т.д.

Поэтому эти люди хотят посредством совершения того или иного преступления (обычно не тяжкого и не особо тяжкого) вновь оказаться в пени-тенциарной обсервации, где у них есть хоть какая-то

асфальт, а через три дня скончался. За это Мирзоев был судом признан виновным в причинении смерти по неосторожности и осужден к двум годам ограничения свободы. Увы, подобных примеров в мировой судебной практике более чем достаточно.

⁴² К примеру, правоохранительная деятельность, таможенная и налоговая службы, сферы торговли, здравоохранения, образования и т.д.

⁴³ Сегодня более 3 млрд людей в мире живут за чертой бедности, из которых ежедневно голодают свыше 800 млн (см.: Отчет ООН: голод в мире стал масштабнее из-за пандемии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ntdvtv.ru/109524-otchyot-oon-golod-v-mire-stal-masshtabnee-iz-za-pandemii> (дата обращения: 25.02.2023)). При этом более 41 млн человек в 43 странах находятся на грани голодной смерти (см. подр.: Десятки миллионов людей в 43 странах мира — на грани голодной смерти [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/10/1411202> (дата обращения: 04.03.2023)).

крыша над головой, какое-никакое трехразовое питание, медицинское обслуживание и т.д.

Как видим, корневой причиной преступности всегда были и остаются, с одной стороны, необдуманная перманентная криминализация⁴⁴ широкого круга деяний, которые по сути своей таковыми не являются (в частности, отдельные запреты, противоречащие человеческой природе и здравому смыслу⁴⁵), а с другой — неудовлетворенные определенные потребности человека, часть из которых к тому же по определению невозможно удовлетворить в рамках правового поля (к примеру, педофилия, каннибализм и т.д.). Что же касается всех других факторов природного, техногенного, социального или антропогенного свойства (например, психологические травмы, в том числе исходящие из детства, мотивирующие противоправное поведение), так или иначе участвующих в механизме индивидуального преступного поведения, то они являются лишь внешними триггерами, создающими условия для совершения конкретного преступления.

В свете сказанного представляются спорными расхожие утверждения, что человек, мол, рождается чуть ли не как агнец божий или как «добрый самаритянин»⁴⁶ либо как «чистый лист», незапятнанный девиантными устремлениями, и т.д. «Современные науки о разуме, мозге, генах и эволюции убедительно демонстрируют ошибочность такого подхода»⁴⁷. «Деструктивный букет» заложен в матрицу человека задолго до его рождения, поэтому «люди рождаются порочными»⁴⁸.

Дело в том, что, во-первых, как было указано выше, в основе деятельности человека лежит программа, заложенная в него с момента зачатия⁴⁹,

⁴⁴ По мнению криминологов, такое положение объясняется тем, что уголовные законы принимаются без криминологических исследований, без научной экспертизы и т.д. (см., напр.: Голик Ю.В. Современное состояние и развитие уголовного закона // Уголовная ответственность. Фундаментальные основы теории и практики / под общ. ред. А.Н. Савенкова. С. 9).

⁴⁵ Достаточно в этой связи вспомнить норму УК бывших советских социалистических республик об уголовной ответственности за незаконное обучение карате, скучку для скармливания или скармливание скоту и птице хлеба и других хлебобулочных изделий (ст. 219.1, 154.1 УК РСФСР) и т.д.

⁴⁶ Как писал Ф. Энгельс, «изучая сравнительную физиологию, начинаешь испытывать величайшее презрение к идеалистическому возвышению человека над всем прочим зверьем» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1948. С. 104).

⁴⁷ Пинкер С. Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. М., 2018. С. 520.

⁴⁸ Маслов В.А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 112.

⁴⁹ См.: Амосов Н.М. Моделирование мышления и психики. Киев, 1965. С. 96.

а во-вторых, с момента своего сотворения «власти над мозгом мы не имеем, он принимает решения сам, “Я” и мой мозг разные субстанции. И это ставит нас в очень щекотливое положение»⁵⁰. Такая жизненная диспозиция наиболее выпукло проявляется в случайно возникающих ситуациях. Одна из разновидностей таких случайностей — спонтанно сложившаяся криминогенная обстановка, на которую порой не каждый может отреагировать адекватно, так как часто «бессилие благоразумия превращает человека во всесильного злодея»⁵¹. Этому в немалой степени способствуют и такие качества личности, как «стремление не только и не настолько к равенству, сколько к утверждению своего превосходства, руководствуясь при этом лишь собственными интересами»⁵², причем иногда до такой степени, что «готов жиром ближнего смазать себе сапоги» (Шопенгауэр).

Анализируя эти темные качества личности, Артур Кестлер пришел к выводу, что человек — «ошибка эволюции», так как в его генетической программе отсутствует механизм, ограничивающий убийство им особей своего вида (такая программа есть у большинства животных). Если бы в геноме человека была такая «стоп-программа», то история была бы совсем иной: не было бы человеческих жертвоприношений, массовых казней и пыток, кровопролитных войн⁵³. Так, объясняя этиологию этого феномена, Кестлер отмечал, что «плохо сбалансированы три основные эволюционные подсистемы человеческого мозга — подкорка (от пресмыкающихся), древняя кора (от млекопитающих) и новая кора, обеспечивающая высшие психические функции человека. Поэтому когда на операционном столе лежит человек, пишет Кестлер, то это одновременно крокодил, лошадь и человек, так как ускоренное формирование мозга не обеспечило согласования трех его подсистем, что является истоком иррациональных поступков, взрыва агрессии, эмоциональной внушаемости человека и т.д.»⁵⁴

⁵⁰ По мнению Т. Черниговской, мозг в 800 трлн раз сложнее, чем «я», в котором он размещен. Он сам решает, как вести себя в той или иной ситуации, и определяет поведение человека (см.: Черниговская Т. Линия жизни [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.YouTube.com/watch?v=YN6Ezh46Qjw> (дата обращения: 04.05.2023)).

⁵¹ Горшенков Г.Н. Этюды о жизни и криминологическом творчестве. Н. Новгород, 2017. С. 174.

⁵² Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии. СПб., 2015. С. 17.

⁵³ Академик Вячеслав Степин: Станет ли человек промежуточным звеном на пути к другой мыслящей субстанции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://iz.ru/news/350395> (дата обращения: 30.12.2022).

⁵⁴ См.: там же.

Как видим, природа вставила в архитектуру человека солидный «багаж» разнообразных деструктивных наклонностей, в силу чего он порой представляет собой смесь ада с раем. И это, увы, реальность человеческого бытия: у каждого в шкафу свои скелеты. Поэтому вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что в социуме есть индивидуумы, обладающие иммунитетом от противоправных (в том числе преступных) форм поведения. Это нереально, если учесть, что наряду с перечисленными выше темными сторонами личности существуют и такие врожденные пороки, как агрессивность⁵⁵ и алчность, зависть и гордыня, жадность и сребролюбие, чревоугодие и блуд и т.д., которые крайне сложно искоренить из сознания человека. В процессе онтогенеза они окутывают некоторых людей ресентиментными доминантами, а в дальнейшем становятся источником диверсификации его сознания и формирования девиантного поведения.

Поэтому при исследовании причинного комплекса преступности нельзя упускать из виду подобные генетически обусловленные негативные потребности личности, памятуя, что человек в своей повседневной деятельности подчиняется не только социальным, но «и фундаментальным биологическим законам»⁵⁶, в силу чего многие преступления есть результат «воздействия подсознательных инстинктов, которые являются врожденными»⁵⁷.

С учетом изложенного считаем, что утверждения отдельных юристов и политиков о том, что подавляющее большинство населения Земли

законопослушные граждане⁵⁸, не соответствуют действительности⁵⁹. Эти утверждения опровергаются и социологическими исследованиями.

Так, в 1947 г. американские исследователи И. Валерстайн и К. Вайл в одном из научных журналов опубликовали статью «Наши законопослушные правонарушители», в которой привели результаты интересного исследования. Они опросили около двух тысяч жителей Нью-Йорка на предмет, не совершали ли они когда-либо преступления. Результаты опроса показали, что 91% опрошенных признали, что им приходилось совершать те или иные преступления (в том числе и такие серьезные, как грабежи, разбои, похищения (угон) автомобилей и кража иных ценных вещей), за которые они не были привлечены ни к какой ответственности, поскольку их преступления остались нераскрытыми либо незарегистрированными⁶⁰.

Аналогичные результаты получены и другими исследователями⁶¹.

На основании приведенных выше аргументов полагаем, что в истории человечества не было, нет и, видимо, не будет людей (за исключением недееспособных и преступнофобов), которые не совершали бы за свою жизнь хотя бы одного преступления. Иное дело, что одни попадают и несут уголовную ответственность за совершенное преступление, а другие — нет (например, в силу

⁵⁸ См., напр.: *Медведев Д.А.* Алкоголизм и наркомания [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://blog.damedvedev.ru/accounts/5279?page=12> (дата обращения: 08.04.2023).

⁵⁹ Достаточно отметить, что ежегодно в мире более 10 млрд людей подвергаются административной ответственности. К примеру, только за 2022 г. в России более 200 млн водителей были подвергнуты административному штрафу за нарушения правил дорожного движения (см.: Госавтоинспекция опубликовала статистику нарушений ПДД за 2022 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://news.drom.ru/93128.html#> (дата обращения: 10.04.2023)). К этим цифрам следует добавить еще свыше 10 млн граждан Российской Федерации, иностранцев, лиц без гражданства и должностных лиц, которые ежегодно подвергаются административному наказанию судами Российской Федерации (см.: Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://stat.xn---7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 19.04.2023)). Эти показатели приведены без учета латентных правонарушений, уровень которых как минимум на порядок выше показателей официальной статистики. Словом, количество административных правонарушений, совершаемых гражданами (в том числе должностными лицами) на территории Российской Федерации в течение одного года, как минимум в два раза превышает количество населения, проживающего на ее территории. Это объясняется тем, что некоторые граждане в течение года несколько раз подвергаются административному наказанию.

⁶⁰ См.: *Инишаков С.М.* Латентная преступность как объект исследования // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2009. № 16. С. 109.

⁶¹ См., напр.: *Криминология* / под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб., 2003. С. 117.

⁵⁵ О генетической природе агрессивности свидетельствует и открытие генетиков, которые обнаружили у человека ген агрессивности (MAOA на X-хромосоме) (см. подр.: У людей есть ген агрессивного поведения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://mel.fm/nauchpor/835627-aggression> (дата обращения: 11.06.2021)). Наличие в геноме человека гена агрессии подтверждают и исследования российских генетиков (см.: *Драгович А.Ю., Боринская С.А.* Генетическая и геномная основа агрессивного поведения человека // *Генетика.* 2019. № 12; *Давыдова Ю.Д., Литвинов С.С., Еникеева Р.Ф. и др.* Современные представления о генетике агрессивного поведения // *Вавиловский журнал генетики и селекции.* 2018. Т. 22. № 6). Помимо этого исследователи Машаген, Хилбих и Зеттлер открыли существование общего центра негативных особенностей поведения человека, который они назвали «темным ядром личности» (D-фактор). Именно этот фактор влияет на различные типы безрассудного и злонамеренного поведения людей (см.: *Найден D-фактор — «темное ядро личности»* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.moslabo.ru/info/nauden-d-faktor-temnoe-yadro-lichnosti/> (дата обращения: 12.04.2021)).

⁵⁶ *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М., 1989. С. 15.

⁵⁷ *Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н.* Теории преступного поведения: от истоков к современности // *Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России.* 2018. Т. 9. № 4. С. 557.

латентности совершенного деяния, «заговора молчания» потерпевших, умышленного сокрытия преступления от учета, несправедливых методов освобождения виновного от наказания за содеянное и т.д.); или одни после совершения преступления имеют возможность откупиться от содеянного (в том числе за счет высоких покровителей⁶²), а другие — нет⁶³. Но это уже другая проблема, требующая отдельного исследования.

* * *

Учитывая ограниченность объема журнальной статьи, мы рассмотрели лишь некоторые грани этиологии индивидуального преступного поведения, механизма его формирования и реализации, роли генетических и социальных факторов в этом, чрезмерной формализации общественных отношений и неоправданно избыточной криминализации отдельных деяний и т.д., что, естественно, не исчерпывает широкий спектр других нерешенных вопросов этой мультидисциплинарной проблемы. Поэтому не считаем свою позицию ариадниной нитью и не претендуем ни на полноту, ни на бесспорность своих суждений (выводов), в силу чего с благодарностью примем конструктивные замечания и предложения читателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991.
2. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 19.04.2023).
3. Аликперов Х.Д. Незнанные грани наказания и тайны его бытия (Учение о нечеловеческой природе наказания). СПб., 2020.
4. Аликперов Х.Д. Новый взгляд на преступление и наказание. СПб., 2022.
5. Амосов Н.М. Моделирование мышления и психики. Киев, 1965. С. 96.
6. Болотин В.С. Рецидивная преступность: параметры оценки, основные показатели и проблемы нормативно-правового регулирования деятельности по ее предупреждению // Политика и право. 2008. № 4. С. 780.
7. Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90.
8. Гилинский Я.И. Криминология постмодерна: неокриминология. СПб., 2021.
9. Гилинский Я.И. Немного о социальном контроле над девиантностью // Вопросы девиантологии. 2023. № 3. С. 7–9.
10. Голик Ю.В. Современное состояние и развитие уголовного закона // Уголовная ответственность. Фундаментальные основы теории и практики / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019. С. 9.
11. Голик Ю.В. Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 37.
12. Горшенков Г.Н. Этюды о жизни и криминологическом творчестве. Н. Новгород, 2017. С. 174.
13. Давыдова Ю.Д., Литвинов С.С., Еникеева Р.Ф. и др. Современные представления о генетике агрессивного поведения // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2018. Т. 22. № 6.
14. Десять мудрых афоризмов Лао-Цзы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://eksmo.ru/interview/10-mudrykh-aforizmov-lao-tszy-ID15439009/> (дата обращения: 30.04.2023).
15. Драгович А.Ю., Боринская С.А. Генетическая и геномная основа агрессивного поведения человека // Генетика. 2019. № 12.
16. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М., 1989. С. 15.
17. Дюркгейм Э. Норма и патология. Социология преступности // Современные буржуазные теории: сб. ст. / пер. с англ. М., 1966. С. 39.
18. Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Парог А.И., Чучаев А.И. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Парога. М., 2021.
19. Захаревич Ф. Опыт юридической статистики // Журнал Министерства внутренних дел. 1853. Ч. 41. С. 258.
20. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 16. С. 107–115.
21. Кетле А.А. Социальная физика, или Опыт исследования человеческих способностей. Киев, 1911. С. 262.
22. Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли. СПб., 2003. С. 117.
23. Лятакер Я.А. Декарт. М., 1975.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Избр. письма. М., 1948. С. 104.
25. Маслов В.А. Учение Габриеля Тарда о личности преступника // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 112.
26. Медведев Д.А. Алкоголизм и наркомания [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://blog.da-medvedev.ru/accounts/5279?page=12> (дата обращения: 08.04.2023).
27. Найден D-фактор — «темное ядро личности» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.moslabo.ru/info/nayden-d-faktor-temnoe-yadro-lichnosti/> (дата обращения: 12.04.2021).
28. Новая философская энциклопедия / редсовет: В.С. Стёпин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов. М., 2000.

⁶² См.: Кетле А.А. Социальная физика, или Опыт исследования человеческих способностей. Киев, 1911. С. 262; Захаревич Ф. Опыт юридической статистики // Журнал Министерства внутренних дел. 1853. Ч. 41. С. 258; Иншаков С.М. Указ. соч. С. 107–115.

⁶³ См.: Шестаков Д.А. Основы учения о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2. С. 18–20.

29. *Пинкер С.* Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня / пер. с англ. М., 2018. С. 520.
30. Праведность по закону и праведность по вере [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://dzen.ru/media/spasenie/pravednost-po-zakonu-i-pravednost-po-vere-6048f70e013fe76fa35a6512?utm_referer=www.google.com (дата обращения: 28.04.2023).
31. Преступность XXI века. Транснациональный характер. Теневая экономика. Влияние на государство / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019.
32. *Рагимов И.М.* О нравственности наказания. СПб., 2016.
33. *Рагимов И.М.* Религия и наказание. СПб., 2020.
34. *Рагимов И.М., Алиперов Х.Д.* Уголовное наказание: понятие, сущность, предмет (социологический и криминологический анализ) // Труды ИГП РАН. 2023. № 18 (1). С. 97–115.
35. Религии мира. Благодать [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.hrono.ru/religia/spravka/blagodat.php> (дата обращения: 25.04.2023).
36. *Савельев С.В.* Отбор и эволюция мозга [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://vk.com/video/@savelevvmozg?z=video-52111900_456239179%2Fpl_-52111900_-2 (дата обращения: 17.12.2023).
37. *Савельев С.В.* Эволюционный процесс отбора [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=538826439813039> (дата обращения: 24.03.2023).
38. Самые редкие формы фобии у человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://medobr.com/news/samye-redkie-fobii-u-cheloveka/> (дата обращения: 30.04.2023).
39. Академик Вячеслав Степин: Станет ли человек промежуточным звеном на пути к другой мыслящей субстанции [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://iz.ru/news/350395> (дата обращения: 30.12.2022).
40. Тремор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://junonann.com/stati/nevrologiya/tremor.html#chto-takoe-tremor> (дата обращения: 29.04.2023).
41. У людей есть ген агрессивного поведения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://mel.fm/nauchpor/835627-agression> (дата обращения: 11.06.2021).
42. Уголовная ответственность. Фундаментальные основы теории и практики / под общ. ред. А.Н. Савенкова. М., 2019.
43. Фобии человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://medgz.ru/stati/article_post/fobiya (дата обращения: 01.05.2023).
44. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. Новая философия. М., 1973. С. 17.
45. *Хомич В.М.* Криминологическая экспертиза публичного правообразования как система социального упреждающего контроля криминогенного злоупотребления правом. Тезисы доклада в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/455-16-iyunya-2023-g-beseda> (дата обращения: 29.04.2023).
46. *Чадаев Н.* Фобия — это заболевание. Каковы ее причины? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://doctor.ru/question/7265/> (дата обращения: 29.04.2023).
47. *Черниговская Т.В.* Интуитивное мышление и как его развивать [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: www.google.com/search?q=Черниговская+Т.В.+Интуитивное+мышление (дата обращения: 12.04.2023).
48. *Черниговская Т.* Линия жизни [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.YouTube.com/watch?v=YN6Ezh46Qjw> (дата обращения: 04.05.2023).
49. *Чучаев А.И.* Уголовно-правовые взгляды Н.Д. Сергеевского М., 2017.
50. *Шалагин А.Е., Хрусталева О.Н.* Теории преступного поведения: от истоков к современности // Вестник Казанского юрид. ин-та МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 557.
51. *Шестаков Д.А.* Криминология: новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учеб. СПб., 2006.
52. *Шестаков Д.А.* Основы учения о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2. С. 18–20.
53. *Шестаков Д.А.* Теория преступности и основы отраслевой криминологии. СПб., 2015. С. 17.
54. *Эйнштейн А.* Собр. науч. тр. М., 1967. Т. 4. С. 78.
55. *Яковлева А.Ф.* Размышления над книгой «Релятивизм как болезнь современной философии» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://iphrrs.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps20_1/209-222.pdf (дата обращения: 08.10.2021).

REFERENCES

1. *Avdeenko A.* Punishment without crime. M., 1991 (in Russ.).
2. Administrative offenses. Indicators for individual offenses [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/stats/adm/t/31/s/1> (accessed: 19.04.2023) (in Russ.).
3. *Alikperov Kh. J.* Unexplored facets of punishment and the secrets of its existence (The doctrine of the inhumanity of punishment). SPb., 2020 (in Russ.).
4. *Alikperov Kh. J.* A new look at crime and punishment. SPb., 2022 (in Russ.).
5. *Amosov N.M.* Modeling of thinking and psyche. Kiev, 1965. P. 96 (in Russ.).
6. *Bolotin V.S.* Recidivism: assessment parameters, main indicators and problems of regulatory regulation of activities for its prevention // Politics and law. 2008. No. 4. P. 780 (in Russ.).
7. *Brilliantov A. V., Shcherbakov A. D.* Theory of the dangerous state of personality: one step forward or two steps back? // State and Law. 2020. No. 10. P. 90 (in Russ.).
8. *Gilinsky Ya. I.* Criminology of postmodernity: neokriminologiya. SPb., 2021 (in Russ.).
9. *Gilinsky Ya. I.* A little about social control over deviance // Questions of deviantology. 2023. No. 3. P. 7–9 (in Russ.).

10. *Golik Yu. V.* The current state and development of the Criminal Law // Criminal responsibility. Fundamental foundations of theory and practice / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2019. P. 9 (in Russ.).
11. *Golik Yu. V.* Philosophy of Criminal Law. SPb., 2004. P. 37 (in Russ.).
12. *Gorshenkov G.N.* Etudes about life and criminological creativity. N. Novgorod, 2017. P. 174 (in Russ.).
13. *Davydova Yu. D., Litvinov S.S., Enikeeva R.F. et al.* Modern ideas about the genetics of aggressive behavior // Vavilovsky Journal of Genetics and Breeding. 2018. Vol. 22. No. 6 (in Russ.).
14. Ten wise aphorisms of Lao Tzu [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://eksmo.ru/interview/10-mudrykh-aforizmov-lao-tszy-ID15439009/> (accessed: 30.04.2023) (in Russ.).
15. *Dragovich A. Yu., Borinskaya S.A.* Genetic and genomic basis of aggressive human behavior // Genetics. 2019. No. 12 (in Russ.).
16. *Dubin N.P., Karpets I.I., Kudryavtsev V.N.* Genetics, behavior, responsibility. On the nature of antisocial acts and ways to prevent them. M., 1989. P. 15 (in Russ.).
17. *Durkheim E.* Norm and pathology. Sociology of crime // Modern bourgeois theories: collection of articles / transl. from English. M., 1966. P. 39 (in Russ.).
18. *Esakov G.A., Poniatovskaya T.G., Rarog A.I., Chuchaev A.I.* Criminal legal impact / ed. by A.I. Rarog. M., 2021 (in Russ.).
19. *Zakharevich F.* The experience of legal statistics // Journal of the Ministry of Internal Affairs. 1853. Part 41. P. 258 (in Russ.).
20. *Inshakov S.M.* Latent crime as an object of research // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2009. No. 16. P. 107–115 (in Russ.).
21. *Kettle A.A.* Social physics, or the experience of studying human abilities. Kiev, 1911. P. 262 (in Russ.).
22. Criminology / ed. by J.F. Shelley. SPb., 2003. P. 117 (in Russ.).
23. *Lyatker Ya. A.* Descartes. M., 1975 (in Russ.).
24. *Marx K., Engels F.* Selected letters. M., 1948. P. 104 (in Russ.).
25. *Maslov V.A.* The doctrine of Gabriel Tarde about the identity of the criminal // Herald of the Kazan legal in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (37). P. 112 (in Russ.).
26. *Medvedev D.A.* Alcoholism and drug addiction [Electronic resource]. — Access mode: URL: <http://blog.da-medvedev.ru/accounts/5279?page=12> (accessed: 08.04.2023) (in Russ.).
27. The D-factor was found — the “dark core of personality” [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://www.moslabo.ru/info/nayden-d-faktor-temnoe-yadro-lichnost/> (accessed: 12.04.2021) (in Russ.).
28. New Philosophical Encyclopedia / editorial Board: V.S. Stepin, A.A. Huseynov, G. Yu. Semigin, A.P. Ogurtsov. M., 2000 (in Russ.).
29. *Pinker S.* Blank sheet. Human nature. Who and why refuses to recognize it today / transl. from English. M., 2018. P. 520 (in Russ.).
30. Righteousness by law and righteousness by faith [Electronic resource]. — Access mode: URL: https://dzen.ru/media/spasenie/pravednost-po-zakonu-i-pravednost-po-veru-6048f70e013fe76fa35a6512?utm_referer=www.google.com (accessed: 28.04.2023) (in Russ.).
31. Crime of the XXI century. Transnational nature. Shadow economy. Influence on the state / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2019 (in Russ.).
32. *Ragimov I.M.* On the morality of punishment. SPb., 2016 (in Russ.).
33. *Ragimov I.M.* Religion and punishment. SPb., 2020 (in Russ.).
34. *Ragimov I.M., Alikperov Kh.J.* Criminal punishment: concept, essence, subject (sociological and criminological analysis) // Proceedings of the IGP RAS. 2023. No. 18 (1). P. 97–115 (in Russ.).
35. Religions of the world. Grace [Electronic resource]. — Access mode: URL: <http://www.hrono.ru/religia/spravka/blagodat.php> (accessed: 25.04.2023) (in Russ.).
36. *Saveliev S.V.* Selection and evolution of the brain [Electronic resource]. — Access mode: URL: https://vk.com/video/@save/lyevmozg?z=video-52111900_456239179%2Fpl_-52111900_-2 (accessed: 17.12.2023) (in Russ.).
37. *Saveliev S.V.* The evolutionary selection process [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://www.facebook.com/watch/?v=538826439813039> (accessed: 24.03.2023) (in Russ.).
38. The rarest forms of phobia in humans [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://medobr.com/news/samye-redkie-fobii-u-cheloveka/> (accessed: 30.04.2023) (in Russ.).
39. Academician Vyacheslav Stepin: Will a person become an intermediate link on the way to another thinking substance [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://iz.ru/news/350395> (accessed: 30.12.2022) (in Russ.).
40. Tremor [Electronic resource]. — Access mode: <https://junon-ann.com/stati/nevrologiya/tremor.html#chto-takoe-tremor> (accessed: 29.04.2023) (in Russ.).
41. People have a gene for aggressive behavior [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://mel.fm/nauchpop/835627-agression> (accessed: 11.06.2021) (in Russ.).
42. Criminal liability. Fundamental foundations of theory and practice / under the general editorship of A.N. Savenkov. M., 2019 (in Russ.).
43. Human phobias [Electronic resource]. — Access mode: https://medgz.ru/stati/article_post/fobiya (accessed: 01.05.2023) (in Russ.).
44. *Fromm E.* Anatomy of human destructiveness. New Philosophy. M., 1973. P. 17 (in Russ.).
45. *Khomich V.M.* Criminological examination of public legal education as a system of social proactive control of criminogenic abuse of law. Abstracts of the report in the St. Petersburg International Criminological Club [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://www.criminologyclub.ru/home/forthcoming-sessions/455-16-iyunya-2023-g-beseda> (accessed: 29.04.2023) (in Russ.).

46. *Chadaev N.* Phobia is a disease. What are its causes? [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://doctor.ru/question/7265/> (accessed: 29.04.2023) (in Russ.).
47. *Chernigovskaya T.V.* Intuitive thinking and how to develop it [Electronic resource]. — Access mode: URL: www.google.com/search?q=Черниговская+Т.В.+Интуитивное+мышление (accessed: 12.04.2023) (in Russ.).
48. *Chernigovskaya T.* Line of life [Electronic resource]. — Access mode: URL: <https://www.YouTube.com/watch?v=YN6Ezh46Qjw> (accessed: 04.05.2023) (in Russ.).
49. *Chuchaev A.I.* Criminal law views of N.D. Sergeevsky. M., 2017 (in Russ.).
50. *Shalagin A.E., Khrustaleva O.N.* Theories of criminal behavior: from the origins to the present // Herald of the Kazan legal in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. Vol. 9. No. 4. P. 557 (in Russ.).
51. *Shestakov D.A.* Criminology: new approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. Countering crime in a changing world: textbook. SPb., 2006 (in Russ.).
52. *Shestakov D.A.* Fundamentals of the doctrine of countering crime // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2019. No. 2. P. 18–20.
53. *Shestakov D.A.* Crime theory and fundamentals of branch criminology. SPb., 2015. P. 17 (in Russ.).
54. *Einstein A.* Collection of scientific papers. M., 1967. Vol. 4. P. 78 (in Russ.).
55. *Yakovleva A.F.* Reflections on the book “Relativism as a disease of modern philosophy” [Electronic resource]. — Access mode: URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps20_1/209–222.pdf (accessed: 08.10.2021) (in Russ.).

Сведения об авторах

РАГИМОВ Ильгам Мамедгасанович —
иностраннный член
Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Азербайджана,
Президент Ассоциации юристов стран
Черноморско-Каспийского региона;
г. Баку, Азербайджанская Республика

САВЕНКОВ Александр Николаевич —
член-корреспондент
Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
член Президиума РАН,
директор Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

АЛИКПЕРОВ Ханлар Джафарович —
доктор юридических наук, профессор,
директор Центра правовых исследований;
г. Баку, Азербайджанская Республика

Authors' information

RAGIMOV Ilgam M. —
Foreign Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Azerbaijan,
President of the Association of Lawyers
of the Countries the Black Sea-Caspian Region;
Baku, Azerbaijan Republic

SAVENKOV Alexander N. —
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Director of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ALIKPEROV Khanlar J. —
Doctor of Law, Professor,
Director of the Center for Legal Research;
Baku, Azerbaijan Republic

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ НА УКРАИНЕ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УКРАИНСКИХ НЕОНАЦИСТОВ, ИХ НАТОВСКИХ ПОСОБНИКОВ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

© 2023 г. В. В. Мельник

Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

E-mail: melnik55@mail.ru

Поступила в редакцию 27.04.2023 г.

Аннотация. В статье с применением методологии системного анализа¹ комплексного подхода с использованием этических понятий добро, зло и других категорий общей и профессиональной этики рассматриваются морально-психологические основания специальной военной операции на Украине и уголовной ответственности украинских неонацистов, их натовских пособников за преступления против мира и безопасности человечества. Реализуя специальную военную операцию, Россия действует на стороне Добра, о чем свидетельствует гуманистическая направленность этого способа ведения вооруженной борьбы на защиту людей от геноцида и других преступлений против мира и безопасности человечества, совершаемых действующими на стороне мирового зла неонацистским киевским политическим режимом и его западными союзниками – странами НАТО во главе с Соединенными Штатами Америки, вооружающими украинских неонацистов и их западных наемников современным летальным оружием. О том, что Россия в этой вооруженной борьбе действует на стороне Добра, а не зла, свидетельствует и гуманный стиль проведения спецоперации, в ходе которой российские военнослужащие проявляют не только гуманизм, но и патриотизм, мужество, отвагу и героизм. У действующих на стороне Добра наших военнослужащих эти высокие морально-психологические качества в экстремальных ситуациях специальной военной операции проявляются в неразрывном единстве с благородной яростью и разумной решительностью, которые в боевой обстановке выступают в качестве своеобразных духовных катализаторов, обеспечивающих проявление в поведении здравомыслящих людей подлинного мужества, отваги, героизма и патриотизма.

Ключевые слова: системный анализ, комплексный подход с использованием понятийного аппарата общей и профессиональной этики, морально-психологические основания специальной военной операции на Украине и уголовной ответственности действующих на стороне мирового зла украинских неонацистов за преступления против мира и безопасности человечества, гуманизм, патриотизм, мужество, отвага, героизм, благородная ярость и разумная решительность действующих на стороне Добра российских участников специальной военной операции на Украине.

Цитирование: Мельник В. В. Морально-психологические основания специальной военной операции на Украине и уголовной ответственности украинских неонацистов, их натовских пособников за преступления против мира и безопасности человечества // Государство и право. 2023. № 9. С. 126–136.

DOI: 10.31857/S102694520027737-1

¹ См.: Мельник В. В. Значение системного анализа для активизации системного мышления юристов при постановке и решении актуальных проблем военного права и других отраслей юридической науки // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 14–20; *Его же*. Значение системного анализа для совершенствования правоприменения // Вестник военного права. 2019. № 3. С. 125–135; *Его же*. Системный анализ существующих подходов к пониманию и познанию истины в российском уголовном процессе // Государство и право. 2021. № 5. С. 125–135.

MORAL AND PSYCHOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE AND THE CRIMINAL LIABILITY OF UKRAINIAN NEO-NAZIS FOR CRIMES AGAINST THE PEACE AND SECURITY OF MANKIND

© 2023 V. V. Melnik

Prince Alexander Nevsky Military University Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

E-mail: melnik55@mail.ru

Received 27.04.2023

Abstract. In the article, using the methodology of system analysis² an integrated approach using the ethical concepts of good and evil and other categories of general and professional ethics, the moral and psychological foundations of the special military operation in Ukraine and the criminal liability of Ukrainian neo-Nazis, their NATO accomplices for crimes against the peace and security of mankind are considered. By implementing this special military operation, Russia is acting on the side of Good, as evidenced by the humanistic orientation of this method of warfare to protect people from genocide and other crimes against the peace and security of mankind committed by the neo-Nazi Kiev political regime acting on the side of world evil and its Western allies – NATO countries led by the United States of America, arming Ukrainian neo-Nazis and their Western mercenaries with modern lethal weapons. The fact that Russia is acting on the side of Good and not evil in this armed struggle is also evidenced by the humane style of this special operation, during which Russian servicemen show not only humanism, but also patriotism, courage, courage and heroism. For our servicemen acting on the side of Good, these high moral and psychological qualities in extreme situations of a special military operation are manifested in inseparable unity with noble rage and reasonable determination, which in a combat situation act as a kind of spiritual catalysts that ensure the manifestation of genuine courage, courage, heroism and patriotism in the behavior of sane people.

Key words: system analysis, an integrated approach using the conceptual apparatus of general and professional ethics, the moral and psychological foundations of the special military operation in Ukraine and the criminal liability of Ukrainian neo-Nazis acting on the side of world evil for crimes against the peace and security of mankind, humanism, patriotism, courage, courage, heroism, noble rage and reasonable determination of the Russian participants acting on the side of Good special military operation in Ukraine.

For citation: Melnik, V.V. (2023). Moral and psychological foundations of the special military operation in Ukraine and the criminal liability of Ukrainian Neo-Nazis for crimes against the peace and security of mankind // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 126–136.

Постановка и обоснование проблемы

В условиях продолжающейся российской специальной военной операции на Украине особую актуальность приобретает осмысление морально-психологических оснований законности и справедливости этой операции, а также морально-психологических оснований уголовной ответственности украинских неонацистов, их западных наемников и военных советников из агрессивного блока НАТО за совершенные ими

преступления против мира и безопасности человечества в отношении мирного населения народов Донбасса и других территорий, освобождаемых участниками нашей спецоперации.

Актуальность исследования этой комплексной юридической и морально-психологической проблемы обусловлена тем, что, как отмечает Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «право может и должно стать эффективным средством преодоления опасности хаотизации как на внутригосударственном уровне, так и в масштабах планетарного миропорядка...» только тогда, когда не только правоприменители, но и законодатели хорошо осознают, что «право, мораль и нравственность – это внутренне взаимосвязанный соционормативный комплекс. Поэтому отрыв права от исповедуемых большинством морально-нравственных норм резко снижает его эффективность».

² See: Melnik V.V. The importance of system analysis for activating the system thinking of lawyers in the formulation and solution of topical problems of military law and other branches of legal science // Herald of Military Law. 2019. No. 2. P. 14–20; His. The importance of system analysis for improving law enforcement // Herald of Military Law. 2019. No. 3. P. 125–135; His. System analysis of existing approaches to understanding and cognition of the truth in the Russian Criminal Process // State and Law. 2021. No. 5. P. 125–135.

О неразрывном единстве права и морали как общего блага в регулировании общественных отношений на уровне, позволяющем эффективно бороться с различными проявлениями социального хаоса, свидетельствуют также следующие концептуальные положения В.Д. Зорькина: «В последнее время становится особенно ясно, что право, теряющее опору в своих морально-нравственных основах, не способно справиться с современными системными вызовами», вследствие чего «в нынешнюю эпоху перемен “удерживающий” Закон слишком часто не работает, обнажая тайны беззакония», наиболее опасные проявления которого «неизбежно приходится усмирять. Усмирять тем более жестокими и болезненными правовыми мерами, чем глубже оказалось кризисно-хаотическое “повреждение нравов”». Далее справедливо указывается, что «право есть существенный и необходимый признак человека разумного. Современное человечество не может существовать, развиваться и реализовывать свою миссию во Вселенной иначе как в виде цивилизации права. Никак иначе. И поэтому — во имя единства прошлых, нынешних и будущих поколений — мы обязаны сохранить право, как искусство добра и справедливости!»³.

Уточним, что о цивилизованном праве как общем для всех народов благе, искусстве добра и справедливости, соционормативном комплексе, состоящем из взаимосвязанных правовых и морально-нравственных норм, препятствующих хаотизации общества, кризисно-хаотическому повреждению нравов, можно говорить только применительно к тем странам, составной частью правовой системы которых являются общепризнанные принципы и нормы международного права, при условии, что политическое руководство этих стран последовательно соблюдает эти принципы и нормы не только в своей стране, но и в международных отношениях с другими государствами.

Следует согласиться с проф. А.В. Наумовым, что необходимо сохранить общепризнанные принципы и нормы международного права в уголовной политике Российской Федерации⁴, несмотря на то что после распада Советского Союза политическое руководство западных государств во главе с США в своей агрессивной внешней политике предпочитает руководствоваться своими эгоистическими «правилами», противоречащими законным интересам других стран и общепризнанным принципам и нормам международного права.

³ Зорькин В.Д. Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 4, 5, 7, 8, 29.

⁴ См.: Наумов А.В. О роли и сохранении общепризнанных принципов и норм международного права в уголовной политике Российской Федерации // Журнал рос. права. 2023. Т. 27. № 1. С. 42–51.

Используя блок НАТО как военный инструмент своих имперских амбиций, США вместе со своими западными сателлитами поистине превратились в «империю зла», о чем свидетельствуют их жестокие, бесчеловечные ковровые бомбежки с многотысячными человеческими жертвами в Югославии, Ираке, Сирии и Ливии. Действуя таким образом как международные террористы, страны НАТО, в том числе являющиеся постоянными членами Совета Безопасности ООН США, Великобритания и Франция, цинично пренебрегая и попирая общепризнанные принципы и нормы международного права, спровоцировали огромную волну международного терроризма, его распространение по всему миру. Продолжая свою агрессивную внешнюю политику, США организовали в 2014 г. антиконституционный государственный переворот на Украине и привели к власти неонацистский политический режим, исповедующий фашистскую идеологию, прославляющий и героизирующий бандеровцев и их современных последователей, стали вооружать украинских националистов и неонацистов современным летальным оружием, которое они при помощи западных наемников и советников используют против мирного населения, не принявшего неонацистский государственный переворот.

Разработка поставленной юридической и морально-психологической проблемы приобретает повышенную актуальность в связи с задачами по обеспечению национальных интересов Российской Федерации и стратегических национальных приоритетов, определенных в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» с учетом угроз национальной безопасности России, исходящих от агрессивного блока НАТО во главе с Соединенными Штатами Америки, особенно в связи с приоритетными задачами по защите конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укреплению обороны страны, подготовке органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований и органов к обеспечению защиты государства от вооруженного нападения и удовлетворению потребностей государства и нужд населения в военное время, поддержанию на высоком уровне морально-политического и психологического состояния личного состава, правопорядка и воинской дисциплины в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях и органах, военно-патриотическому воспитанию и подготовке к военной службе граждан.

Основные направления разработки поставленной проблемы

1. В связи с тем, что российская специальная операция на Украине продвигается медленно, у многих россиян возникает вопрос: почему гуманитарные цели и задачи этой спецоперации на Украине, связанные с защитой мирных людей от геноцида и других преступлений против мира и безопасности человечества, решаются не так быстро, как это хотелось бы большинству россиян и всему прогрессивному человечеству, исповедующим идеалы Добра и Справедливости?

Такое положение дел на фронтах нашей специальной операции объясняется прежде всего тем, что против Российской Федерации вместе с неонацистским киевским политическим режимом «до последнего украинца» воюет вооружающий их современным оружием массового поражения весь коллективный Запад во главе с Соединенными Штатами Америки. Для более глубокого осмысления причин того, что гуманитарные цели и задачи российской специальной военной операции решаются не очень быстро, а также нравственно-психологической подоплеку такого положения важное значение имеет мудрое поэтическое высказывание азербайджанского поэта, философа и просветителя Мирза Шафи:

*Добру и злу дано всегда сражаться.
Но в вечной битве зло сильнее тем,
Что средства для добра не все годятся,
Меж тем как зло не брезгует ничем.*

2. С момента начала нашей специальной военной операции на Украине вечная борьба между Добром и злом на планете Земля вступила в новую фазу. В этой вооруженной борьбе на стороне Добра действуют Вооруженные Силы РФ, а на стороне зла — силы, исповедующие фашистскую идеологию: 1) пришедший к власти в результате антиконституционного государственного переворота украинский неонацистский политический режим; 2) украинские вооруженные силы, их западные наемники; 3) их пособники — страны НАТО во главе с США, вооружающие киевский неонацистский политический режим современным летальным оружием.

О том, что в ходе специальной военной операции на Украине Вооруженные Силы РФ действуют на стороне Добра, свидетельствуют гуманитарные цели и задачи нашей военной спецоперации, ее гуманистическая направленность на защиту мирных людей от геноцида и других преступлений против мира и безопасности человечества, а также гуманитарная стратегия реализации российской специальной военной операции, демонстрирующая всему миру, что в вооруженной борьбе средства для Добра не все годятся. Это подразумевается в высказывании пресс-секретаря Президента РФ Д.С. Пескова из

его интервью сербскому телеканалу: «Вы скажете, почему русские так медленно действуют? Потому, что русские не ведут войну. <...> Мы не ведем войну. Вести войну — это совсем другое дело, это полное уничтожение инфраструктуры, это полное уничтожение городов. <...> Мы этого не делаем. Мы пытаемся сохранять инфраструктуру, и мы пытаемся сохранять человеческие жизни»⁵. Это подтвердил и генерал армии С.В. Суровикин, который отметил, что благодаря гуманной стратегии проведения спецоперации «не только минимизируются потери в рядах российской армии, но и значительно сокращается количество жертв среди мирного населения»⁶.

На стороне зла в этой вооруженной борьбе действуют украинский неонацистский политический режим, страны НАТО во главе с США, а также исповедующие фашистскую идеологию украинские вооруженные силы и западные наемники. Об этом свидетельствует то, что они воюют против России, мирного населения как международные преступники-террористы, не брезгуя ничем: бомбят мирные города, жилые дома, прикрываются мирным населением как живым щитом, подвергают жестоким пыткам и убивают не только российских военнопленных, но и женщин, детей и стариков.

Совершая эти преступления против мира и безопасности человечества, украинские неонацисты, их западные наемники и советники действуют в духе расистской фашистской идеологии, один из бесчеловечных постулатов которой характеризует следующее демагогическое⁷ циничное высказывание Гитлера: «Мы... должны развивать технику обезлюдивания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюдиванием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это то, что я намерен осуществить, это, грубо говоря, моя задача. Природа жестока, поэтому и мы можем быть жестокими. Если я могу послать цвет германской нации в пекло войны без малейшего

⁵ Песков объяснил медленные действия России на Украине. URL: https://news.mail.ru/politics/56162355/?frommail=1&utm_partner_id=735 (дата обращения: 11.05.2023).

⁶ Суровикин С.В. назвал число ежедневных потерь в рядах ВСУ в зоне проведения СВО. URL: https://radiosputnik.ria.ru/20221018/surovikin-182497403.html?utm_source=24smi&utm_medium=cpc&utm_term=20512&utm_term=20512&utm_content=451984... (дата обращения: 18.10.2022).

⁷ О демагогии как способе манипуляции, используемом защитниками нацистских преступников на Нюрнбергском процессе за неимением веских доводов в их защиту см.: Мельник В.В. Демагогия как основной способ защиты на Нюрнбергском процессе // Нюрнбергский процесс: история и современность: сб. материалов науч.-практ. конф. V Междунар. науч. форума. Симферополь, 2021. С. 182—196; Его же. Научно-методические основы распознавания речевой манипуляции в процессе доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве // Вестник военного права. 2021. № 2. С. 77—87.

сожаления о пролитии ценной германской крови, то, конечно, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются как черви»⁸.

К подлежащим уничтожению «миллионам низшей расы» Гитлер, его высокопоставленные и рядовые подручные относили не только русских, евреев, украинцев, но и представителей других национальностей, проживавших на территории многонационального Советского Союза, а также в других странах. Составной частью этой бесчеловечной технологии «обезлюдивания» стала разработанная гитлеровскими нацистскими идеологами и пропагандистами «памятка германского солдата». Содержащиеся в ней наставления («Уничтожь в себе жалость и сострадание. Убивай всякого русского, не останавливаясь, если перед тобой старик или женщина, девушка или мальчик»⁹) были направлены на освобождение фашистских захватчиков от такой, по выражению Гитлера, «химеры, как совесть», формирование у немецких захватчиков чувства вседозволенности, безнаказанности за совершение преступлений против мира и безопасности человечества в отношении многонационального народа Советского Союза.

В духе циничных, кощунственных наставлений, содержащихся в «памятке германского солдата», направленных на «обезлюдивание» народов Советского Союза, действуют не только современные украинские неонацисты и западные наемники, но и натовские страны во главе с США, ведущие против России гибридную войну до последнего украинца.

3. В связи с тем, что в ходе нашей специальной военной операции украинские неонацисты и их западные наемники при ведении оборонительных и наступательных боев оказывают яростное сопротивление и многие из них за более или менее успешные наступательные и оборонительные действия представляются украинским неонацистским политическим режимом к государственным наградам, возникает вопрос: можно ли использовать для нравственной характеристики их поведения в экстремальных условиях боевой обстановки этические понятия «мужество», «отвага», «героизм» и «патриотизм»?

На этот вопрос следует дать решительный отрицательный ответ по следующим этическим основаниям. Этические категории «мужество», «отвага» и «героизм» характеризуют поведение

здравомыслящих и совестливых людей¹⁰, действующих на стороне Добра в сложной и порой опасной для жизни обстановке с целью достижения благородных, социально значимых целей, требующих весьма значительного напряжения физических и моральных сил. **Мужество** проявляется *на протяжении относительно долгого*, а **отвага** — *на протяжении относительно короткого периода времени*¹¹. **Героизм** — это проявление в поведении здравомыслящих людей мужества и отваги *на уровне воинского подвига, одним из высших проявлений которого является самопожертвование во имя достижения благородных, социально значимых целей*.

С учетом этого исповедующих фашистскую идеологию украинских неонацистов, применяющих пытки и другие жестокие, бесчеловечные, террористические методы ведения боевых действий, следует называть военными преступниками. Величать украинских неонацистов и зарубежных наемников патриотами, героями, мужественными, отважными, храбрыми людьми несправедливо и даже кощунственно, особенно тех, которые не сдаются в плен не из принципиальных нравственных соображений, а из чувства страха, что их за это расстреляют другие украинские неонацисты¹², а также тех, кто отчаянно обороняется или наступает, находясь в состоянии наркотического опьянения.

По свидетельству полковника Э. Басурина, украинских неонацистов перед атакой накачивают сильнодействующими психотропными препаратами, после чего у них притупляется чувство боли и страха и они превращаются в жестоких, бессердечных «киборгов», человекообразных роботов. Человек под воздействием такого психотропного средства «не падает от выстрелов. Можно всю обойму выпустить, а он идет на тебя. <...> Его убиваешь — он идет. В него стреляешь — он падает, встает, опять идет. Пока в голову не попадешь или в сердце. <...> Может и без головы пытаться подняться и идти»¹³.

Под влиянием сильнейших психотропных средств у них изменяется сознание до уровня потери

¹⁰ О здравом смысле и совести как духовных качествах, присущих социально, интеллектуально и нравственно зрелым людям, см.: Мельник В. В. Здравый смысл и совесть как основа профессионального сознания юриста // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика: сб. науч. ст. М., 2008. С. 17–66.

¹¹ См.: Носков И. Ю. Профессиональная этика юриста: учеб. для бакалавриата и специалитета. М., 2019. С. 65, 66.

¹² См.: Путин сообщил об уничтожении ВСУ на одном из участков 14 своих военных, сдавшихся в плен // РИА «Новости». URL: <https://riamediabank.ru/> (дата обращения: 06.04.2023).

¹³ Цит. по: Юров Дмитрий. Нарко-ВСУ идут в атаку: какими препаратами кормят «киборгов» на фронте. URL: <https://tvzvezda.ru/news/201702160805-wq5g.htm> (дата обращения: 25.09.2022).

⁸ Цит. по: Савенков А. Н., Жуков В. И. Социология уголовного права (национальный исследовательский опыт). М., 2020. С. 182, 183.

⁹ Коровин Е. А. Германские преступные методы ведения войны и международное право // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. Ашхабад, 1943. Вып. III. С. 68.

здорового смысла и совести. В результате они превращаются в нелюдей, аморальных идиотов, фанатиков¹⁴, лишенных стыда и совести, что лишает их способности во время боя принимать разумные решения. Таким образом, в преступных действиях украинских неонацистов проявляется ярость аморальных идиотов, а не благородная ярость.

4. Этическое понятие «благородная ярость» означает особое интеллектуальное, нравственно-психологическое, эмоционально-волевое и психофизиологическое состояние, которое в условиях вооруженной борьбы с агрессором испытывают здравомыслящие люди, осознающие при совершении мужественных, отважных, героических поступков, что они действуют на стороне Добра, а их противник — на стороне зла. Иными словами, благородная ярость в сражении с действующим на стороне зла противником проявляется в мужественном, отважном, героическом поведении разумных, нравственно добропорядочных людей, осознающих свою моральную правоту и моральную несостоятельность противника.

В годы Великой Отечественной войны советский народ, бойцов Красной Армии и партизан вдохновляли на проявление благородной ярости, ненависти к фашистским захватчикам, а также на проявление патриотизма, мужества, отваги и героизма в борьбе с фашистами советские патристические песни, особенно песня «Священная война» на слова поэта В.И. Лебедева-Кумача:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!*

Как и во время Великой Отечественной войны с фашистскими захватчиками, справедливое основание благородной ярости в ходе специальной военной операции на Украине выражают замечательные слова В.М. Молотова из его обращения к советскому народу 22 июня 1941 г.: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!».

Особенно ярко справедливое основание для проявления российскими военнослужащими в ходе специальной военной операции на Украине

благородной ярости по отношению к украинским неонацистам, их западным наемникам и советникам, а также по отношению ко всему коллективному Западу во главе с США выражают следующие слова Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами — Президента РФ В.В. Путина из его обращения к россиянам накануне этой спецоперации: «*Правящая в Киеве верхушка постоянно и публично заявляет о нежелании выполнять Минский комплекс мер по урегулированию конфликта, не заинтересована в мирном решении. Напротив, пытается вновь организовать на Донбассе блицкриг, как это было в 2014-м и в 2015 годах. <...>*

Сейчас практически ни одного дня не обходится без обстрелов Донбасса. Сформированная крупная войсковая группировка постоянно использует ударные беспилотники, тяжелую технику, ракеты, артиллерию и системы залпового огня. Убийство мирных жителей, блокада, издевательство над людьми, включая женщин, стариков, не прекращается. Как у нас говорят, конца и края этому не видно.

А так называемый цивилизованный мир, единственными представителями которого самозванно объявили себя наши западные коллеги, предпочитает этого не замечать, как будто и нет этого ужаса, геноцида, которому подвергается почти 4 миллиона человек, и только потому, что эти люди не согласились с поддержанным Западом переворотом на Украине в 2014 году, выступили против введенного в ранг государственного движения в сторону нещерного и агрессивного национализма и неонацизма. И борются за свои элементарные права — жить на своей земле, говорить на своем языке, за сохранение своей культуры и традиций.

Сколько эта трагедия может продолжаться? Сколько еще можно это терпеть? Россия сделала все для сохранения целостности Украины, все эти годы настойчиво и терпеливо боролась за исполнение Резолюции Совета Безопасности ООН 2202 от 17 февраля 2015 года, закрепившей Минский комплекс мер от 12 февраля 2015 года по урегулированию ситуации на Донбассе.

Все тщетно. Меняются президенты, депутаты Рады, но не меняется суть, агрессивный, националистический характер самого режима, захватившего власть в Киеве. Он целиком и полностью — порождение государственного переворота 2014 года, и те, кто встали тогда на путь насилия, кровопролития, беззакония, не признавали и не признают никакого другого решения вопроса Донбасса, кроме военного (выделено нами. — В.М.)»¹⁵.

5. Благородная ярость как духовный компонент мужественного, отважного, героического

¹⁴ Аморальный идиотизм и фанатизм, при котором субъект теряет подобающие представителям человеческого вида *Notio sariens* качества, в том числе способность принимать разумные, взвешенные, осмысленные решения, соответствующие императивам Здравому смыслу, подразумевается в мудром высказывании выдающегося русского историка В.О. Ключевского: «Мысль без морали — недомыслие; мораль без мысли — фанатизм» (см.: Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 415).

¹⁵ Обращение Владимира Путина к россиянам. URL: <https://tass.ru/politika/13791435> (дата обращения: 23.04.2023).

поведения здравомыслящих людей проявляется в неразрывном единстве еще с одним интеллектуальным, морально-волевым и эмоционально-волевым качеством личности — **разумной решительностью**, под которой понимается «способность принимать твердые и окончательные решения на основе правильной оценки ситуации»¹⁶.

Разумная решительность как один из важнейших духовных компонентов мужественного, отважного, героического поведения, без которого невозможно эффективное достижение победы над врагом в быстро меняющейся боевой обстановке, подразумевается в мудрых высказываниях военного теоретика и педагога Российской Империи, видного участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг. генерала М.И. Драгомирова о том, что «нерешительный подобен человеку со связанными руками: всякий его одолеет»¹⁷; Петра I из его Воинских артикулов: «Не должен есть от соперника себе первого удара ждать, ибо через первый удар может тако учиниться, что и противится весьма забудет»¹⁸; М.В. Фрунзе: «Раз мы готовим армию к решающей борьбе с крупными и серьезными противниками...», то нашей стране нужно иметь такой командный состав, «который мог бы быстро принять соответствующее решение, неся ответственность за все его последствия, и твердо провести его в жизнь»¹⁹.

Необходимость проявления разумной решительности при реальной угрозе нападения противника подразумевается и в известном высказывании Президента РФ В.В. Путина: «Если драка неизбежна, бить надо первым»²⁰. Если бы Верховный Главнокомандующий не проявил разумную решительность накануне и в момент принятия ответственного решения о начале специальной военной операции на Украине и по этой причине опоздал бы с принятием такого решения хотя бы на один или несколько дней, первыми ударили бы вооруженные до зубов украинские неонацисты и их натовские наемники со всеми вытекающими отсюда печальными для российского народа последствиями в виде многочисленных человеческих жертв, разрушенных российских городов и сел, потерей не только Донбасса, ЛНР, Крыма,

но и других огромных, стратегически важных территорий Российской Федерации. Иными словами, если бы Президент РФ и Верховный Главнокомандующий до предполагаемого нападения украинских неонацистов не решился на применение упредительных мер военного характера в форме специальной военной операции, наша страна неизбежно «наступила бы на те же грабли», что и советское правительство накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз.

6. Разумная, здравомыслящая решительность как духовный компонент мужества, отваги, героизма в поведении участников специальной военной операции на Украине проявляется в неразрывном единстве еще с одним важным морально-психологическим качеством — патриотизмом, под которым понимается «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины. <...> Патриотические идеи, чувства возвышают личность только тогда, когда они сопряжены с уважением к народам других стран и не вырождаются в психологию национальной исключительности»²¹. То есть настоящий патриотизм выражается не только в любви к своему Отечеству, но и в уважительном отношении к другим странам и другим народам»²².

В борьбе с фашистскими захватчиками подлинные мужество, отвага, героизм, храбрость, патриотизм и благородная ярость советских людей включали в себя и такой духовный компонент, как чувство ненависти к врагу, сочетающееся с любовью к своему народу. Это хорошо показано в рассказе М.А. Шолохова «Наука ненависти», в котором герой рассказа лейтенант Виктор Герасимов говорит: «Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей родине и мне лично, и в то же время сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под немецким игом. Вот это-то и заставляет меня, да и всех нас драться с таким ожесточением, именно эти два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу»²³. Этот духовный компонент (чувство ненависти к исповедующему фашистскую идеологию врагу и любви к своему народу, своей Родине) проявляется

¹⁶ Егоров Т.Г. Психология для генералов, адмиралов и офицеров Советской Армии и ВМФ. М., 2023. С. 274.

¹⁷ Цит. по: Мельник В.В. Значение учебного курса «Поддержание государственного обвинения органами военной прокуратуры» для подготовки современных военных прокуроров // Вестник военного права. 2020. № 3. С. 27.

¹⁸ Цит. по: Наумов А.В. Указ. соч. С. 48.

¹⁹ Цит. по: Егоров Т.Г. Указ. соч. С. 274.

²⁰ Если драка неизбежна, бить надо первым — Путин о правилах улицы и операции в Сирии // ТРК «Звезда». Новости, 22. URL: <https://tvzvezda.ru/news/201510222143-e39k.htm> (дата обращения: 12.11.2022).

²¹ Скибицкий М.М. Патриотизм // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М., 2009. С. 493; см. также: Егоров Т.Г. Патриотизм // Философский словарь / под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухиной; сост. П.П. Апырьшко, А.П. Поляков. 9-е изд., дораб. и доп. М., 2021. С. 551.

²² См.: Судейская этика: учеб. для студ. вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / под ред. Н.Д. Эриашвили. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 240.

²³ Шолохов М. Наука ненависти // Правда. 1942. 22 июня.

и в патриотичном, мужественном, отважном и героическом поведении наших участников специальной военной операции.

Указанные духовные признаки подлинного патриотизма отсутствуют в деятельности пришедшего к власти в результате антиконституционного переворота украинского неонацистского киевского политического режима, прославляющего и героизирующего Бандеру, совершившего во время Великой Отечественной войны многочисленные преступления против мира и безопасности человечества. Руководство этого неонацистского политического режима, превратив Украину в «антиРоссию», воюющую против нашей страны до последнего украинца, объективно работает не в интересах многонационального украинского народа, а в корыстных интересах кучки оторванных от этого многострадального народа высокопоставленных украинских и западных политических проходимцев, дельцов и коррупционеров во главе с Соединенными Штатами Америки, а также военно-промышленного комплекса стран НАТО, наживающегося на военных поставках Украине современного летального оружия.

7. В связи с отмеченными в упомянутом Указе Президента РФ угрозами национальной безопасности Российской Федерации от агрессивного блока НАТО и стратегическими задачами по защите от них в условиях вынужденного проведения Россией специальной военной операции на Украине сохраняют актуальность пророческие высказывания выдающегося русского философа И.А. Ильина из его статей, написанных в 1938 г. Так, в статье «Германия — главный национальный враг России» он писал о том, что основой нацистского «нового порядка» в Европе является патологическое стремление западников к «походу на Восток», к покорению бескрайних российских просторов и истреблению живущих на них людей «низшей расы». В другой статье — «Основы борьбы за национальную Россию» — И.А. Ильин обращает внимание на негативные для многонационального украинского народа последствия такого сепаратизма, которые до сих пор никак не могут понять многие украинцы, одурманенные националистически-неонацистской и западной пропагандой: «Украинский сепаратизм есть явление искусственное, лишенное реальных оснований. Малороссы суть ветвь единого, славяно-русского народа. Эта ветвь не имеет причин враждовать с другими ветвями того же народа и отделяться в отдельное государство. Отделившись, это государство предаст само себя на завоевание и разграбление иностранцам. Малороссия и Восток связаны воедино верой, племенем, исторической судьбой, географическим положением, хозяйством, культурой и политикой. Иностранцы, подготовляющие расчленение, должны помнить, что они объявляют этим всей России вековую

борьбу. Не будет мира и хозяйственного расцвета при таком расчленении»²⁴.

8. К сожалению, многие украинцы, оболваненные вражеской пропагандой агрессивного блока НАТО и украинского неонацистского политического режима, не понимают, что гибридная война против России до последнего украинца ведется странами НАТО руками украинских неонацистов в целях одновременного «обезлюживания» в этой кровопролитной братоубийственной войне не только России, но и Украины, ослабления их экономического, военно-политического и морально-психологического потенциала до уровня, при котором они потеряют способность существовать в качестве суверенных государств. Не задумываются многие жители Украины и о том, что США и его европейские сателлиты формируют таким образом благоприятные условия для сохранения своего доминирующего экономического и военно-политического положения в современном мире, дальнейшего расширения и укрепления агрессивного блока НАТО, а также для захвата ими стратегически важных в военно-политическом и экономическом отношении обширных территорий Украины и России с их плодородными землями и полезными ископаемыми. Как справедливо отмечал в своем интервью Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации, генерал армии, Председатель научного совета при Совете Безопасности РФ, д-р юрид. наук Н.П. Патрушев, сейчас администрация США с «легкостью идет на продолжение войны с Россией до последнего украинца». По его мнению, «при этом сохранение Украины в качестве государства в планы США не входит... Украина требуется американцам только в качестве объекта нещадной эксплуатации имеющихся природных ресурсов без традиционного населения. Следуя такой неонацистской линии, Вашингтон уже превратил ее в территорию, которую миллионы людей массово покидают, стремясь найти за границей защиту от социально-экономических проблем и профашистских притеснений»²⁵.

Судя по тому, что при таком массовом «обезлюживании» миллионы людей разных национальностей бегут с территории Украины даже не в самые богатые страны, они убегают из своей страны в основном от безысходности, спасаясь от профашистских притеснений киевского неонацистского политического режима, на которые «сквозь

²⁴ Цит. по: Звягинцев А. В 1938 году философ, идеолог Белого движения Иван Ильин дал точный прогноз событий на Украине // Росс. газ. 2022. 26 мая. С. 10.

²⁵ Патрушев: сохранение Украины в качестве государства не входит в планы США. URL: https://news.mail.ru/politics/56067346/?frommail=1&utm_partner_id=735 (дата обращения: 03.05.2023).

пальцы» смотрит коллективный Запад. Таким образом, политическое руководство стран НАТО благословляет неонацистско-бандеровский режим на дальнейшие фашистские злодеяния, на продолжение геноцида и других преступлений против мира и безопасности человечества, что свидетельствует о том, что натовские страны во главе с США превратились в империю зла, потерявшую моральное право позиционировать себя как цивилизованные, демократические правовые государства, на которые в своем культурном, экономическом и военно-политическом развитии должны ориентироваться другие страны.

Некоторые украинцы бегут в другие страны еще и потому, что хорошо понимают то, что прекрасно выразил один из немногих здравомыслящих лидеров западных государств — премьер Венгрии Орбан. Отмечая сильную зависимость киевского политического режима от западной помощи, он заявил, что Украина — это экономически не существующая страна, поскольку в финансовом плане ее поддерживает Запад. С его точки зрения, конфликт «тут же прекратится», как только США и Евросоюз решат больше не финансировать Киев. Далее он подчеркнул, что долгосрочной такая помощь быть не может и что нельзя представить победу над ядерной державой; те, кто считает возможным проигрыш России на Украине, верят в сказки²⁶.

Заключение: морально-нравственные уроки российской специальной военной операции на Украине

Основываясь на системном анализе морально-психологических оснований российской специальной военной операции на Украине и уголовной ответственности украинских неонацистов и их пособников — коллективного Запада во главе с США — за преступления против мира и безопасности человечества, можно сформулировать следующие выводы, выражающие основные морально-нравственные уроки этой спецоперации.

1. Россия, располагая достоверными сведениями о готовящемся нападении украинских неонацистов и их западных наемников, применяя упредительные меры военного характера в форме специальной военной операции на Украине, действовала в состоянии необходимой самообороны, т.е. на стороне Добра, о чем свидетельствует также гуманистическая направленность данного способа ведения вооруженной борьбы на защиту мирных народов Донбасса и других освобожденных от украинских неонацистов территорий от геноцида и иных преступлений против мира и безопасности человечества, совершаемых действующими на

стороне мирового зла украинскими неонацистами, киевским политическим режимом и его западными союзниками — странами НАТО во главе с Соединенными Штатами Америки, вооружающими киевский националистический режим и западных наемников современным летальным оружием.

2. В связи с тем, что политическое руководство агрессивного блока НАТО не извлекло нравственных, военно-политических и исторических уроков из походов польских королей, Наполеона, Гитлера и «прочих разных шведов» под Полтавой, посягавших на русские земли на западе, на севере и на востоке, и забыло, чем все эти походы закончились, уместно напомнить США и их западным сателлитам заветное слово Отто фон Бисмарка: «Знаю сотни способов вытащить из берлоги русского медведя, но ни одного, чтобы загнать его обратно. Не дразните русского медведя!» В основе этого мудрого высказывания авторитетного западного политика и государственного деятеля, до уровня которого явно не дотягивают современные западные политики, лежит основанное на многовековом военно-политическом и историческом опыте понимание особенностей ментальности многонационального русского народа, проявляющихся в экстремальных условиях ведения справедливой войны против различных захватчиков. Как отмечалось, к важнейшим особенностям российской ментальности, проявляющимся в подобных чрезвычайных ситуациях, относятся основанные на осознании своей моральной правоты и аморальности поведения агрессора благородная ярость и разумная решительность, которые в жестокой борьбе с противником выступают в качестве своеобразных духовных катализаторов, обеспечивающих проявление в поведении здравомыслящих россиян подлинного мужества, отваги, героизма и патриотизма. Эти духовные слагаемые ментальности россиян и других народов Советского Союза, обеспечившие победу советского народа над вооруженными до зубов фашистскими захватчиками, охватываются понятием «морально-психологический фактор», который в полной мере проявляется и в поведении всех участников российской специальной военной операции на Украине, рожденных как в Советском Союзе, так и в постсоветской России. О том, что морально-психологический фактор играет решающую роль и в наступлении, и в обороне, свидетельствует известное положение Ф. Энгельса о том, что в сражении с противником «моральный фактор, храбрость, здесь сразу же превращается в материальную силу»²⁷, обеспечивающую победу стороне, превосходящей противника в морально-психологическом отношении.

²⁶ См.: Орбан счел победу Украины над Россией возможной только в сказке. URL: https://news.mail.ru/politics/56102991/?frommail=1&utm_partner_id=735 (дата обращения: 05.05.2023).

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 14. С. 318.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Егоров Т.Г.* Психология для генералов, адмиралов и офицеров Советской Армии и ВМФ. М., 2023. С. 274.
2. *Звягинцев А.* В 1938 году философ, идеолог Белого движения Иван Ильин дал точный прогноз событий на Украине // Росс. газ. 2022. 26 мая. С. 10.
3. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса. 2-е изд., испр. и доп. М., 2018. С. 4, 5, 7, 8, 29.
4. *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 415.
5. *Коровин Е.А.* Германские преступные методы ведения войны и международное право // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. Ашхабад, 1943. Вып. III. С. 68.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1959. Т. 14. С. 318.
7. *Мельник В.В.* Демагогия как основной способ защиты на Нюрнбергском процессе // Нюрнбергский процесс: история и современность: сб. материалов науч.-практ. конф. V Междунар. науч. форума. Симферополь, 2021. С. 182–196.
8. *Мельник В.В.* Здравый смысл и совесть как основа профессионального сознания юриста // Мораль и догма юриста: профессиональная юридическая этика: сб. науч. ст. М., 2008. С. 17–66.
9. *Мельник В.В.* Значение системного анализа для активизации системного мышления юристов при постановке и решении актуальных проблем военного права и других отраслей юридической науки // Вестник военного права. 2019. № 2. С. 14–20.
10. *Мельник В.В.* Значение системного анализа для совершенствования правоприменения // Вестник военного права. 2019. № 3. С. 125–135.
11. *Мельник В.В.* Значение учебного курса «Поддержание государственного обвинения органами военной прокуратуры» для подготовки современных военных прокуроров // Вестник военного права. 2020. № 3. С. 27.
12. *Мельник В.В.* Научно-методические основы распознавания речевой манипуляции в процессе доказывания в состязательном уголовном судопроизводстве // Вестник военного права. 2021. № 2. С. 77–87.
13. *Мельник В.В.* Системный анализ существующих подходов к пониманию и познанию истины в российском уголовном процессе // Государство и право. 2021. № 5. С. 125–135.
14. *Наумов А.В.* О роли и сохранении общепризнанных принципов и норм международного права в уголовной политике Российской Федерации // Журнал рос. права. 2023. Т. 27. № 1. С. 42–51.
15. *Носков И.Ю.* Профессиональная этика юриста: учеб. для бакалавриата и специалитета. М., 2019. С. 65, 66.
16. *Савенков А.Н., Жуков В.И.* Социология уголовного права (национальный исследовательский опыт). М., 2020. С. 182, 183.
17. *Скибицкий М.М.* Патриотизм // Философский словарь / под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. 9-е изд., дораб. и доп. М., 2021. С. 551.

18. *Скибицкий М.М.* Патриотизм // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М., 2009. С. 493.
19. Судейская этика: учеб. для студ. вузов, обучающихся по направлениям «Юриспруденция», «Правоохранительная деятельность» / под ред. Н.Д. Эриашвили. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 240.
20. *Шолохов М.* Наука ненависти // Правда. 1942. 22 июня.

REFERENCES

1. *Egorov T.G.* Psychology for generals, admirals and officers of the Soviet Army and Navy. M., 2023. P. 274 (in Russ.).
2. *Zvyagintsev A.* In 1938, the philosopher, ideologist of the White Movement Ivan Ilin gave an accurate forecast of events in Ukraine // Ross. gaz. 2022. May 26. P. 10 (in Russ.).
3. *Zorkin V.D.* Law against chaos. 2nd ed., rev. and exp. M., 2018. P. 4, 5, 7, 8, 29 (in Russ.).
4. *Klyuchevsky V.O.* Aphorisms. Historical portraits and sketches. Diaries. M., 1993. P. 415 (in Russ.).
5. *Korovin E.A.* German criminal methods of warfare and International Law // Proceedings of the Military Law Academy of the Red Army. Ashhabad, 1943. Issue III. P. 68 (in Russ.).
6. *Marx K., Engels F.* Essays. 2nd ed. M., 1959. Vol. 14. P. 318 (in Russ.).
7. *Melnik V.V.* Demagogy as the main method of protection at the Nuremberg trial // Nuremberg trial: history and modernity: collection of materials of Scientific and Practical Conf. V International Scientific forum. Simferopol, 2021. P. 182–196 (in Russ.).
8. *Melnik V.V.* Common sense and conscience as the basis of a lawyer's professional consciousness // Morality and dogma of a lawyer: professional legal ethics: Collection of scientific articles. M., 2008. P. 17–66 (in Russ.).
9. *Melnik V.V.* The importance of system analysis for activating the system thinking of lawyers in the formulation and solution of topical problems of Military Law and other branches of legal science // Herald of Military Law. 2019. No. 2. P. 14–20 (in Russ.).
10. *Melnik V.V.* The importance of system analysis for improving law enforcement // Herald of Military Law. 2019. No. 3. P. 125–135 (in Russ.).
11. *Melnik V.V.* The significance of the training course “Maintenance of state prosecution by military prosecutor's offices” for the training of modern military prosecutors // Herald of Military Law. 2020. No. 3. P. 27 (in Russ.).
12. *Melnik V.V.* Scientific and methodological foundations of speech manipulation recognition in the process of proving in adversarial criminal proceedings // Herald of Military Law. 2021. No. 2. P. 77–87 (in Russ.).
13. *Melnik V.V.* System analysis of existing approaches to understanding and cognition of the truth in the Russian Criminal Process // State and Law. 2021. No. 5. P. 125–135 (in Russ.).
14. *Naumov A.V.* On the role and preservation of universally recognized principles and norms of International Law in

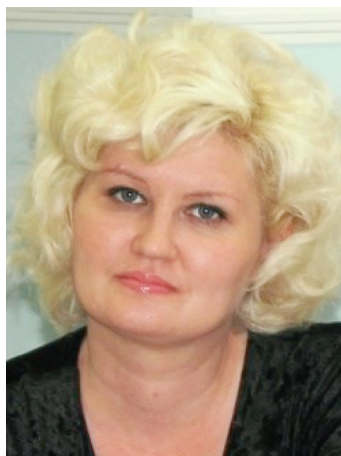
- the criminal policy of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2023. Vol. 27. No. 1. P. 42–51 (in Russ.).
15. *Noskov I. Yu.* Professional ethics of a lawyer: studies. for bachelor's degree and specialty. M., 2019. P. 65, 66 (in Russ.).
 16. *Savenkov A. N., Zhukov V. I.* Sociology of Criminal Law (national research experience). M., 2020. P. 182, 183 (in Russ.).
 17. *Skibitsky M. M.* Patriotism // Philosophical Dictionary / ed. by A. A. Guseynov and Yu. N. Solodukhin; comp. P. P. Apryshko, A. P. Polyakov. 9th ed., rev. and add. M., 2021. P. 551 (in Russ.).
 18. *Skibitsky M. M.* Patriotism // Philosophical Dictionary / ed. by I. T. Frolov. 8th ed., rev. and add. M., 2009. P. 493 (in Russ.).
 19. Judicial ethics: textbook for students of universities studying in the areas of "Jurisprudence", "Law enforcement" / ed. by N. D. Eriashvili. 2nd ed., rev. and add. M., 2019. P. 240 (in Russ.).
 20. *Sholokhov M.* The science of hate // Pravda. 1942. June 22 (in Russ.).

Сведения об авторе

МЕЛЬНИК Валерий Васильевич —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры уголовного процесса
Военного университета им. князя
Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации;
123001 г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14

Authors' information

MELNIK Valery V. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department Criminal
Procedure of Prince Alexander Nevsky
Military University Ministry of Defense
of the Russian Federation;
14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО РЫНКА РОССИИ

© 2023 г. С. В. Запольский*, Е. Л. Васянина**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: zpmoscow@mail.ru*

***E-mail: elenavasyanina@yandex.ru*

Поступила в редакцию 06.03.2023 г.

Аннотация. Анализируя различные подходы к пониманию правовой природы финансового рынка, авторы исследуют особенности функционирования финансового рынка России. Рассмотрение особенностей возникновения и исполнения финансовых обязательств в сфере функционирования финансового рынка позволило авторам статьи выявить ряд проблем и определить основные направления их разрешения.

Применение методов исследования, в том числе анализа и синтеза, формально-юридического и сравнительно-правового, позволили авторам сформулировать вывод о том, что финансовый рынок представляет собой систему экономических отношений, направленных на аккумуляцию и перераспределение финансовых ресурсов посредством формирования и исполнения финансовых обязательств, основанных на кредитном, страховом, бюджетном, фискальном и инвестиционном механизмах, в целях обеспечения устойчивого экономического развития государства. Формирование и исполнение эмиссионных финансовых обязательств происходят в условиях расщепления функций регулятора денежной эмиссии между Центральным банком РФ, бюджетной системой и финансовыми институтами развития, что приводит к созданию схем передачи денег в экономику, минуя банковскую и бюджетную систему, не позволяя Банку России достичь ключевых целей реализации денежно-кредитной политики. По мнению авторов, настоятельной необходимостью служит создание единого инвестиционного центра в рамках национальной экономики, ориентированного на исключение недофинансирования и недокредитования хозяйствующих субъектов и их объединений.

Ключевые слова: финансовый рынок, денежная эмиссия, кредит, бюджет, налоги, расходы, финансовые обязательства, банки, Центральный банк РФ, финансовые институты развития.

Цитирование: Запольский С. В., Васянина Е. Л. Правовые аспекты функционирования финансового рынка России // Государство и право. 2023. № 9. С. 137–146.

DOI: 10.31857/S102694520027658-4

LEGAL ASPECTS OF THE FUNCTIONING
OF THE FINANCIAL MARKET OF RUSSIA

© 2023 S. V. Zapolsky*, E. L. Vasyanina**

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow**E-mail: zpmoscow@mail.ru**E-mail: elenavasyanina@yandex.ru

Received 06.03.2023

Abstract. Analyzing various approaches to understanding the legal nature of the financial market, the authors study the features of the functioning of the Russian financial market. Consideration of the peculiarities of the emergence and fulfillment of financial obligations in the sphere of the financial market functioning allows the authors of the article to identify a number of problems and determine the main directions for their resolution. The use of research methods, including analysis and synthesis, the formal legal and comparative legal, allowed the author to conclude that the financial market is a system of economic relations aimed at accumulating and redistributing financial resources through the formation and fulfillment of financial obligations. based on credit, insurance, budgetary, fiscal and investment mechanisms in order to ensure stable economic development of the state. It is substantiated that the formation and execution of issuing financial obligations takes place in the conditions of the splitting of the functions of the regulator of money emission between the Central Bank of the Russian Federation, the budget system and financial development institutions, which leads to the creation of schemes for transferring money to the economy, bypassing the banking and budget system, preventing the Bank of the Russian Federation achieve the key objectives of the implementation of monetary policy. According to the authors, the urgent need is the creation of a single investment center within the national economy, focused on eliminating underfunding and undercrediting of economic entities and their associations.

Key words: financial market, money issue, credit, budget, taxes, expenses, financial obligations, banks, Bank of Russia, development financial institutions.

For citation: Zapolsky, S.V., Vasyanina, E.L. (2023). Legal aspects of the functioning of the financial market of Russia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 137–146.

Цифровизация и глобализация экономических процессов, беспрецедентные антироссийские санкции повлекли изменение условий развития российского финансового рынка, усиление его роли в финансировании структурной трансформации экономики¹.

Финансовый рынок, будучи узловой категорией экономики, обладает уникальной способностью отражать возможности и перспективы развития хозяйственной системы. Динамика формирования и использования тех или иных финансовых фондов обеспечивает органы прогнозирования и планирования особо ценной информацией о состоянии дел в экономике, а эффективное управление финансовым рынком должно обеспечить стабильное экономическое развитие государства.

Помимо экономической составляющей важное значение имеет правовой аспект, поскольку

законодательство, правоприменение существенно влияют на ход экономических процессов².

Целью подготовки настоящей статьи служит попытка освоить соотношение экономики и права в сфере функционирования финансового рынка России.

В правовой и экономической науке выработаны различные подходы к определению финансового рынка, «выполняющего функцию трансформации сбережений в инвестиции на рыночных условиях»³. В рамках экономической доктрины финансовый рынок рассматривается в качестве элемента

² См. об этом, напр.: Клюкин П. Н., Галузо В. Н., Канафин Н. А. «Эффективный контракт» в Российской Федерации (экономико-юридический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2016. № 10. С. 40–46; Галузо В. Н. От экономического анализа социальных явлений в зарубежных государствах к «экономике права» в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 12. С. 81–85.

³ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов (разработаны Банком России) // В официальных источниках опубликованы не были.

¹ См.: распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 г. № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. III), ст. 476.

воспроизводственной структуры экономики⁴ и рыночных форм торговли финансовыми активами⁵. В правовой науке финансовый рынок определяется как система, которая охватывает в качестве своих элементов различные сектора⁶, как сфера осуществления финансовых сделок с финансовыми инструментами⁷, как совокупность экономико-правовых отношений, возникающих между различными субъектами, использующими денежные средства как средства накопления, платежа, кредита (займа)⁸.

Безусловно представленные определения отражают сущность финансового рынка, развитие которого можно рассматривать через анализ различных правовых и экономических категорий. Поскольку имущественные отношения, возникающие в сфере функционирования финансового рынка, так или иначе реализуются в форме обязательств, изучение финансового рынка целесообразно проводить, опираясь на исследования о природе финансовых обязательственных правоотношений, основанных на кредитном, страховом, бюджетном и фискальном механизмах⁹. Рассмотрение особенностей возникновения и исполнения указанных типов финансовых обязательств в плоскости функционирования финансового рынка позволяет выявить ряд проблем и определить основные направления их разрешения, способствующие развитию финансово-правовой науки.

Подготовка Правительством РФ обновленной стратегии функционирования финансового рынка обусловлена тем, что ключевую роль в финансировании экономических преобразований играет

бюджетный механизм. При этом потенциал иных инструментов финансового рынка, нацеленных на привлечение в национальную экономику частных инвестиций, раскрыт недостаточно, а в отдельных случаях их избыточное применение приводит к негативным экономическим последствиям. Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблемы в сфере функционирования финансового рынка связаны с применением бюджетного, кредитного, страхового и фискального механизмов, с определением параметров их взаимодействия.

Несмотря на то что исследованию обозначенных инструментов развития финансового рынка, их анализу и оценке посвящено значительное количество работ, написанных в рамках как гражданско-правовой, финансово-правовой, так и экономической науки, экономическая реальность требует переосмысления существующих подходов к правовому регулированию финансового рынка, поиска новых и раскрытия потенциала существующих правовых средств воздействия на финансовые отношения в целях переориентации российского финансового рынка на обеспечение национальных целей и интересов.

Ключевая роль в функционировании финансового рынка принадлежит эмиссионным правоотношениям, в основе возникновения и исполнения которых лежит как кредитный, так и бюджетный механизм. Опосредованная банковской системой эмиссия кредитных денег обеспечивается инструментами реализуемой Банком России денежно-кредитной политики, что свидетельствует о публично-правовой природе кредитных обязательств, условия исполнения которых детализируются в рамках договора банковского кредитования. Далеко не случайно в условиях резкого роста инфляции в 2014–2015 гг. в судебной практике начала формироваться концепция об удовлетворении требований заемщиков к банкам о прекращении кредитных обязательств в связи с неисполнением Центральным банком РФ обязанностей по обеспечению устойчивости курса рубля¹⁰. Однако данный подход не получил развития и в дальнейшем, отказывая в удовлетворении подобных требований заемщиков, заявленных по таким же основаниям, суды, отвергая публично-правовую составляющую кредитных правоотношений, разрешали споры исключительно в соответствии с положениями Гражданского кодекса РФ об основаниях прекращения обязательств, в том числе по требованию одной из сторон¹¹. Представляется,

⁴ См.: *Игнатова И.А.* Финансовый рынок в воспроизводственной структуре экономики России: дис. ... канд. эк. наук. Саратов, 2005.

⁵ См.: *Диркова Е.Ю.* Положение по бухгалтерскому учету «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы» (ПБУ 8/2010): особенности применения и связь с МСФО // *Международный бухгалтерский учет*. 2011. № 21. С. 47–54.

⁶ См.: *Турбанов А.В.* Финансовое право и финансовый рынок (часть 1) // *Финансовое право*. 2020. № 10. С. 7–12.

⁷ См.: *Современные финансовые рынки* / под ред. В.В. Иванова. М., 2014. С. 20.

⁸ См.: *Лузнов А.Г.* Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016; *Тропская С.С.* К вопросу о предмете современного финансового права // *Избр. труды кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия*: сб. ст. / под ред. И.А. Цинделиани. М., 2018. С. 188. Определение финансового рынка см. также: *Финансовое право*: учеб. / отв. ред. Е.Ю. Грачева, О.В. Болтинова. М., 2020. С. 425.

⁹ См.: *Васянина Е.Л.* Обязательства в финансовом праве. М., 2020; *Запольский С.В., Васянина Е.Л.* Обязательство – ключевая категория финансового права // *Государство и право*. 2022. № 8. С. 111–120; *Их же.* Финансовые обязательства – способ осуществления финансовой политики государства // *Государство и право*. 2020. № 5. С. 55–63.

¹⁰ См.: *Трансформация финансового права в новых экономических условиях* / под ред. С.В. Запольского. М., 2021. С. 262.

¹¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.09.2016 г. № 18-КГ16-102; Апелляционное определение Пермского краевого суда от 06.07.2016 г. по делу № 33-7338 // В официальных источниках опубликованы не были.

что конструкция кредитного договора выступает лишь технико-юридическим приемом упорядочения финансовых отношений в сфере осуществления эмиссии кредитных денег, регулятором которой является Центральный банк РФ, ответственный за применение инструментов реализуемой им денежно-кредитной политики в целях обеспечения устойчивости курса рубля.

В отличие от кредитных обязательств, регулятором которых выступает Банк России на основании Федерального закона от 27 июня 2002 г. «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»¹², правовое регулирование бюджетных обязательств, обеспечивающих эмиссию бюджетного рубля, охватывается Бюджетным кодексом РФ, а условия их исполнения конкретизируются в государственных (муниципальных) контрактах, соглашениях о предоставлении субсидий, концессионных соглашениях¹³ и других двусторонних и односторонних актах, применение которых не свободно от критических замечаний.

Продемонстрировали по ряду аспектов свою неэффективность концессионные соглашения, конкретизирующие условия предоставления бюджетных средств и частных инвестиций для финансирования инфраструктурных проектов. Проблемы в сфере применения этих соглашений связаны с тем, что нередко на определенном этапе исполнения концессии трансформируются в государственные закупки, приводя к увеличению финансовых рисков для бюджетной системы. Изложенное можно проиллюстрировать на примере материалов, подготовленных Счетной палатой РФ. Проверив эффективность реализации концессионных соглашений по строительству двух платных трасс – «Новый выход на МКАД» и «М-11 Москва – Санкт-Петербург на участке км 15 – км 58», контрольный орган пришел к выводу о том, что заключение концессионных соглашений для строительства этих дорог не только не помогло оптимизировать бюджетные расходы, но и привело к дополнительным расходам бюджета в сумме 5,6 млрд руб., которую государство выплатило концессионерам в качестве компенсации за недополученный доход¹⁴. В настоящее время в субъектах Российской

Федерации происходит формирование бюджетных обязательств на основе т.н. квазиконцессионных соглашений, т.е. концессионных соглашений, основанных исключительно на использовании бюджетных средств, в рамках которых концессионерами выступают дочерние компании региональных корпораций, а концедентами – субъекты Российской Федерации¹⁵. Это фактически сводит на нет смысл концессий, которые государство создает для оптимизации бюджетных расходов и привлечения частных инвестиций.

Проблемы в правоприменительной практике связаны с исполнением соглашений о предоставлении субсидий, масштаб которых увеличивается с каждым годом, тем самым превращая субсидию в один из ключевых инструментов эмиссии бюджетного рубля, который активно используется государством в связке с кредитным механизмом в целях создания платежеспособности хозяйствующих субъектов. В контексте изложенного важным представляется вопрос, касающийся правовых и экономических параметров применения кредитного и бюджетного механизмов в сфере функционирования финансового рынка.

Кредит, выступающий инструментом денежной эмиссии, способствует развитию инвестиционной активности, позволяет аккумулировать в хозяйственном обороте денежные ресурсы, не охваченные другими каналами финансового распределения¹⁶. Однако в аспекте осуществления контроля за объемом денежной массы, выпускаемой в обращение, открытым остается вопрос об определении пределов осуществления эмиссии кредитных денег. Об избыточном применении кредитного механизма свидетельствует тот факт, что гарантией возврата долга, возникшего в рамках кредитного договора, является принудительное взыскание долга в судебном порядке и даже через коллекторские агентства. Кроме того, эмиссия кредитных денег сопровождается активной практикой кредитных организаций, направленной на заключение соглашений о взаимовыгодном сотрудничестве с организациями, по реализации программы по оказанию услуг населению в кредит. В результате реализация кредитного механизма сопровождается навязыванием кредита организациями, оказывающими дорогостоящие услуги, на заранее невыгодных для заемщиков условиях.

<https://ach.gov.ru/upload/iblock/37c/37c22ef5107087c0bb122bc8d2b525c3.pdf>

¹⁵ См.: *Потаева К.* В российских регионах становятся популярными концессии без привлечения частного капитала // *Ведомости*. 2022. 8 сент.

¹⁶ См.: *Аллахвердян Д.А.* Финансово-кредитный механизм развитого социализма. М., 1976.

¹² См.: СЗ РФ. 2002. № 28, ст. 2790.

¹³ См.: *Васянина Е.Л.* О правовой природе денежной эмиссии // *Финансовое право*. 2021. № 6. С. 3–6.

¹⁴ См.: Отчет Счетной палаты РФ «О результатах контрольного мероприятия “Проверка эффективности применения и реализации Государственной компанией “Российские автомобильные дороги” концессионных соглашений “Строительство скоростной автомобильной дороги Москва – Санкт-Петербург на участке км 15 – км 58” и “Строительство нового выхода на МКАД с федеральной автомобильной дороги М-1 “Беларусь” Москва – Минск (обход г. Одинцово) в 2015–2019 годах и истекшем периоде 2020 года”». URL:

Неограниченная денежная эмиссия, опосредованная кредитным механизмом, охватившая все сегменты экономики, приводит к закредитованности населения и даже публично-правовых образований, а в конечном счете к увеличению цен на товары, работы, услуги. Использование банковского кредита в качестве инструмента формирования доходной базы привело ряд субъектов Российской Федерации в «долговую яму». По официальным данным, по состоянию на 1 января 2018 г. у некоторых субъектов Федерации полученные кредиты существенно превышают весь годовой доход, а долг 11 субъектов Федерации составляет более 50% доходов¹⁷. Рост в структуре государственного долга коммерческих кредитов привел к тому, что по состоянию на начало 2020 г. соотношение госдолга и собственных доходов некоторых субъектов Российской Федерации превышало 100 и даже 200%¹⁸.

На фоне закредитованности населения объемы эмиссии кредитных денег на развитие производственного сектора недостаточны, долгосрочное кредитование развивается медленно. Одновременно кредитный механизм активно применяется в особо значимых для обеспечения безопасности государства сферах производства, в отношении которых целесообразно применять основанный на казначейском сопровождении расходов механизм финансирования государственных контрактов. Например, в последнее время широкое распространение для финансирования гособоронзаказа на выполнение госпрограммы на вооружение получили целевые кредиты, предоставление которых сопровождается субсидированием процентных ставок.

Применение кредитного механизма в рамках финансирования долевого строительства, сопровождающееся масштабным бюджетным финансированием, привело к дестабилизации уровня цен на рынке недвижимости. Кроме того, в соответствии с докладом Банка России экстремально низкие ставки по программам «льготной ипотеки от застройщика» достигаются за счет завышения стоимости квартиры для заемщика и выплаты застройщиком кредитной организации этой разницы в составе комиссии для компенсации его выпадающих доходов; использования субсидируемой ставки от государства¹⁹.

Разрешение проблемы закредитованности населения проявляется в установлении Центральным банком РФ прямых ограничений на отдельные виды кредитов. Речь идет о введении макропруденциальных лимитов, ограничивающих выдачу необеспеченных кредитов заемщикам с высоким уровнем долговой нагрузки²⁰. Однако этого недостаточно для эффективного управления масштабом эмиссии кредитных денег. Дело в том, что в условиях отступления от золотого стандарта довольно сложно проконтролировать объем денежной массы, выпускаемой в обращение²¹. С этой точки зрения регулирование процесса возникновения и исполнения эмиссионных финансовых обязательств, включая обязательства, возникающие в сфере банковского кредитования, является наиболее уязвимой областью. Поскольку, по обоснованному мнению представителей экономической науки, эмиссия вторична по отношению к денежным обязательствам и инфляционным процессам, которые в условиях рыночной экономики запускаются посредством свободного ценообразования²², одним из основных инструментов, обеспечивающих стыковку финансовой системы и экономической реальности, выступает цена. Далеко не случайно основной целью реализуемой Центральным банком РФ денежно-кредитной политики является ценовая стабильность.

Данные экономической статистики позволяют выявить случаи, когда роль финансового регулятора в обеспечении ценовой стабильности ослабевает. В частности, негативное влияние на ценовую стабильность оказывает предоставление кредита, сопровождающегося субсидированием процентных ставок. С экономической точки зрения изложенное объясняется снижением эффективности процентного канала трансмиссионного механизма. Растущая доля льготных кредитов, сопровождающаяся субсидированием процентных ставок, ослабляет влияние ключевой ставки на стоимость заемных средств для конечных заемщиков, в результате чего ослабевает роль Центрального банка РФ в обеспечении ценовой стабильности.

С правовой точки зрения искажение процесса воздействия ключевой ставки на спрос и цены вызвано одновременным контрпродуктивным действием нескольких регуляторов денежной эмиссии: *бюджетной системы*, опосредующей эмиссию бюджетного рубля в форме финансирования, включая

¹⁷ См.: Минфин отдал регионы с населением в «работу» госбанкам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://zen.yandex.ru/media/compmaxru> (дата обращения: 11.01.2018).

¹⁸ См.: Базанова Е. Долги регионов вырастут до максимума в начале века из-за коронавируса // Ведомости. 2020. 8 мая.

¹⁹ См.: Доклад Банка России (для общественных консультаций) «Программы льготной ипотеки от застройщика». URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/140482/Consultation_Paper_12102022.pdf

²⁰ См.: Решение Совета директоров ЦБ России от 21.11.2022 г. // В официальных источниках опубликовано не было.

²¹ См.: Мизес Л. фон Теория денег и кредита / пер. с англ. и нем. под ред. и с комм. Гр. Сапова. 2-е изд., испр. М.; Челябинск, 2018. С. 455.

²² См.: Юровицкий В. М. Денежное обращение в эпоху перемен. URL: https://www.yur.ru/Denejnoe_Obrashenie.pdf

предоставление субсидий, грантов; *банковской системы*, выступающей источником эмиссии кредитных денег; *финансовых институтов развития* задуманных как активных участников реализации кредитного механизма, осуществляя тем самым часть полномочий Центрального банка РФ.

Немаловажную роль в функционировании финансового рынка играют фискальные обязательства, основаниями возникновения которых выступают как доходы, получаемые участниками финансового рынка от операций с денежными средствами, ценными бумагами, деривативами, так и потребность в формировании публичных денежных фондов в целях защиты прав потребителей финансовых услуг.

Пристальное внимание к особенностям осуществления фискальных обязательств вызвано применяемой в мировой практике новой денежной теорией, в соответствии с которой фискальная политика превращается в фактор системного стимулирования экономического развития государства, а налоги являются инструментами придания ценности деньгам²³. В контексте изложенного закреплённая Налоговым кодексом РФ конструкция элементов налогообложения (условий налогового обязательства) представляет собой правовой инструмент легализации доходов, поступивших в распоряжение налогоплательщика, — один из ключевых регуляторов денежного обращения²⁴. Это означает, что получение налогоплательщиком дохода в обход механизма налогообложения должно порождать право государства на взыскание необоснованно полученных участником гражданского оборота всех (а не только суммы национального налога) денежных средств в доход бюджета. Однако такой механизм правового регулирования может быть закреплён лишь в случае создания законодателем безупречной конструкции юридического состава налога.

Несовершенство конструкции налогового обязательства, развитие правоприменительной практики в обход положений Налогового кодекса РФ не позволяют раскрыть потенциал налоговых обязательств для целей регулирования финансового рынка. Достаточно вспомнить, что в Налоговом кодексе РФ отсутствуют общие положения о сроке давности предъявления требований в рамках налогового обязательства, не закреплёны положения о перемене лиц в обязательстве, имеет место многократное (в экономическом смысле)

налогообложение. Сложившийся уровень правового регулирования фискальных обязательств не только ослабляет гарантии защиты прав участников гражданского оборота, но и не позволяет обеспечить интересы государства.

Трудно признать эффективным введение практики зачисления денежных средств, подлежащих перечислению в бюджет в виде отдельных налогов на единый налоговый счет. Во-первых, это снижает роль отдельных налогов как инструментов экономического роста и приводит фактически к возникновению некоего «подушного налога», неизвестного российскому законодательству. Во-вторых, расчеты по единому налоговому счету способствуют увеличению налоговой недоимки, что, в частности, показали финансовые результаты российской экономики в первом квартале 2023 г.

Представляется также, что в целях стимулирования технического перевооружения производства следовало бы рассмотреть возможность оставления в распоряжении хозяйствующих субъектов части прибыли, направляемой на внедрение новой техники и технологий, импортозамещения, прикладных научных исследований и другие перспективные цели. Такой порядок существовал в СССР в виде фонда развития производства как изъятия из облагаемой платежами в бюджет прибыли.

Не может компенсировать отсутствие конкретизации в Налоговом кодексе РФ условий исполнения налоговых обязательств цифровизация фискального администрирования. По оценкам экономистов, усиление финансового контроля со стороны государства посредством применения информационных систем «породило в качестве реакции экономики усиление теневых расчетов. Это объясняется одновременным ростом суммы наличных денег и счетов “до востребования”, скорости их оборота и низкими, на грани нуля, темпами инфляции»²⁵. Более того, внедряемые в механизм фискального администрирования информационные системы нередко используются в качестве инструмента уклонения от уплаты налогов и иных обязательных платежей. Так, национальной системой платежных карт обнаружена схема, связанная с подменой торгово-сервисными предприятиями МСС кодов (*Merchant Category Code*) в целях снижения уплачиваемых эквайринговых комиссий²⁶. ФНС России, Банком России и Росфинмониторингом раскрыта «ресторанная схема» уклонения от уплаты налогов и отмывания средств,

²³ См.: Трунёв В. Современная денежная теория (ММТ): новая парадигма или набор рекомендаций для макроэкономической политики // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 3. С. 8–43.

²⁴ См.: Запольский С. В. О юридических инструментах борьбы с экономическими правонарушениями // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 132–143.

²⁵ Белоусов Д. Тринадцать тезисов об экономике, декабрь 2022. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/fall/TT13F.pdf

²⁶ См.: Буйлов М., Дементьева К. Магазины выпишут международные штрафы // Коммерсантъ. 2022. 15 нояб.

полученных криминальным путем, с использованием подменных касс и терминалов для карт²⁷.

Формирование правовой модели регулирования финансового рынка сопровождается появлением параллельных финансово-правовых институтов, что в условиях беспрецедентного санкционного давления оправдано, поскольку вызвано необходимостью противодействия геополитическим рискам. Формирование субсидиарных по отношению к основному правовому режиму правовых институтов регулирования внешнеэкономических отношений, затрагивающих сферу функционирования финансового рынка, обусловлено Федеральным законом от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»²⁸.

Учитывая появление в законодательстве специальных правовых режимов в отношении резидентов недружественных государств, обоснованным видится создание экспериментального правового режима, обеспечивающего использование криптовалюты для проведения международных расчетов. Прежде всего это позволит легализовать оборот криптовалюты, которая, по данным Всемирного банка, достаточно активно используется в мировой практике в качестве промежуточного звена, средства обмена в цепочке международных расчетов²⁹.

В отдельных случаях децентрализация правового регулирования национального финансового рынка не выглядит аргументированной, но осложняет его развитие. Проведенный анализ позволяет сформулировать вывод о том, что появление параллельного правового регулирования в исследуемой сфере вызвано наделением финансовых институтов развития полномочиями финансового мегарегулятора, что приводит к появлению параллельного правового регулирования в сфере кредитования. Изложенное подтверждается оценками Ассоциации российских банков, свидетельствующими о постепенном формировании трехуровневой банковской системы, ключевая роль в рамках которой отводится таким системно значимым кредитным организациям с государственным участием, как институты развития³⁰.

²⁷ См.: Раскрыта «ресторанная» схема ухода от налогов // Коммерсантъ. 2022. 15 нояб.

²⁸ См.: СЗ РФ. 2018. № 24, ст. 3394.

²⁹ См.: Clemens Graf von Luckner, Carmen M. Reinhart, Kenneth Rogoff. Decrypting New Age International Capital Flows. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream>

³⁰ См.: Письмо Банка России от 01.06.2022 г. № 03-23/4893 // В официальных источниках опубликовано не было.

Помимо Банка России регуляторами эмиссии кредитных денег выступают: ДОМ.РФ — финансовый институт развития в жилищной сфере, созданный в 1997 г. под названием «Агентство ипотечного жилищного кредитования» и являющийся оператором программы льготного кредитования на приобретение жилья, распределяющий лимиты льготного ипотечного кредитования среди кредитных организаций; ВЭБ.РФ, устанавливающий порядок, сроки и ограничения предоставления кредитов, займов в рамках инвестиционной деятельности, и другие финансовые институты развития, наделенные полномочиями по распределению кредитов и финансированию. При этом не Центральным банком РФ, а Правительством РФ утверждаются нормативы устойчивости финансовых институтов развития, а также условия распределения кредитов между участниками гражданского оборота. Постановлением Правительства РФ от 13 октября 2020 г. № 1680³¹ утверждена методика расчета нормативов финансовой устойчивости, методика количественной оценки кредитного риска единого института развития в жилищной сфере. Меморандумом о финансовой политике государственной корпорации развития ВЭБ.РФ (утв. распоряжением Правительства РФ от 10.08.2021 г. № 2208-р³²) устанавливаются порядок, сроки и иные ограничения предоставления кредитов, займов, финансирования в рамках осуществления инвестиционной деятельности.

Регуляторами эмиссии бюджетного рубля, помимо бюджетной системы, выступают государственные компании, наделенные полномочиями по распределению выделенных из бюджета субсидий между хозяйствующими субъектами, определению условий финансирования проектов.

Фактически произошла ситуация, когда государственные компании, наделенные государственно-властными полномочиями в целях эффективного развития определенного сегмента экономики, завладели полномочиями по распределению бюджетных средств, кредитов, а фактически полномочиями по определению условий возникновения и исполнения эмиссионных финансовых обязательств.

Децентрализация правового регулирования финансовых отношений, не способствующая развитию финансового рынка, приводит вместе с тем к утяжелению механизма финансового правового регулирования, создает споры в правоприменительной практике. Наблюдается правовая девиация штрафных санкций в сфере осуществления расчетов с участием кредитных организаций. В частности, порядок применения штрафов в отношении

³¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 43, ст. 6782.

³² См.: СЗ РФ. 2021. № 34, ст. 6222.

кредитных организаций не подчиняется общим правилам установления принудительных изъятий, а в отдельных случаях устанавливается решениями Агентства по страхованию вкладов; за правонарушения в сфере расчетных отношений торгово-сервисные предприятия подвергаются штрафным тарифам в соответствии с офертой Национальной системы платежных карт о заключении договора оказания операционных услуг и услуг платежного клиринга и т.д.

Не соответствует ключевым принципам функционирования фискальной системы, образуя параллельное правовое регулирование, порядок исчисления и уплаты финансовыми организациями взносов, поступающих в фонд финансирования деятельности финансового уполномоченного, которые фактически влекут для участников финансового рынка дополнительную фискальную нагрузку. Произвольное установление тарифов и условий для разного вида финансовых организаций явилось основанием для обращения участников финансового рынка в целях разрешения обозначенной проблемы в Центральный банк РФ³³.

* * *

Вышеизложенное позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Финансовый рынок представляет собой систему экономических отношений, направленных на аккумуляцию и перераспределение финансовых ресурсов посредством формирования и исполнения финансовых обязательств, основанных на кредитном, страховом, бюджетном, фискальном и инвестиционном механизмах, в целях обеспечения стабильного экономического развития государства. Учитывая избранный подход к пониманию сущности финансового рынка, его развитию будет способствовать внедрение эффективных правовых средств, направленных на последовательное закрепление полноты существенных условий финансовых обязательств в целях обеспечения их надлежащего исполнения.

2. Формирование и исполнение эмиссионных финансовых обязательств происходят в условиях расщепления функций регулятора денежной эмиссии между Центральным банком РФ, бюджетной системой и финансовыми институтами развития. Роль регуляторов эмиссии бюджетного рубля, помимо бюджетной системы, выполняют многочисленные государственные компании, наделенные полномочиями по распределению выделенных из бюджета субсидий между хозяйствующими субъектами. Сложившийся подход приводит к созданию параллельных, имеющих

субсидиарное значение по отношению к основному правовому режиму финансово-правовых институтов регулирования отношений в сфере финансирования, кредитования, инвестирования, что существенно осложняет функционирование финансового рынка. Расщепление функций между ключевыми регуляторами денежной эмиссии и финансовыми институтами развития, публично-правовыми компаниями приводит к созданию схем передачи денег в экономику, минуя банковскую и бюджетную систему, не позволяя Банку России достичь ключевых целей реализации денежно-кредитной политики.

3. Сопровождаемая возможными обвинениями в подогреве инфляции эмиссионная политика уполномоченных органов приводит к недофинансированию экономики и малой доступности банковского кредита для предприятий производственного сектора с одновременной финансовой «самодеятельностью» коммерческих банков, проявляющейся в применении ими мисселинга и других недобросовестных практик, в навязывании потребительских ссуд, депозитов и страхования капиталовложений. Настоятельной необходимостью служит создание единого инвестиционного центра в рамках национальной экономики, ориентированного на исключение недофинансирования и недокредитования хозяйствующих субъектов и их объединений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аллахвердян Д.А.* Финансово-кредитный механизм развитого социализма. М., 1976.
2. *Базанова Е.* Долги регионов вырастут до максимума в начале века из-за коронавируса // *Ведомости*. 2020. 8 мая.
3. *Белоусов Д.* Тринадцать тезисов об экономике, декабрь 2022. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/fall/TT13F.pdf
4. *Буйлов М., Дементьева К.* Магазинам выпишут международные штрафы // *Коммерсантъ*. 2022. 15 нояб.
5. *Васянина Е.Л.* О правовой природе денежной эмиссии // *Финансовое право*. 2021. № 6. С. 3–6.
6. *Васянина Е.Л.* Обязательства в финансовом праве. М., 2020.
7. *Галузо В.Н.* От экономического анализа социальных явлений в зарубежных государствах к «экономике права» в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. 2016. № 12. С. 81–85.
8. *Гузнов А.Г.* Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
9. *Диркова Е.Ю.* Положение по бухгалтерскому учету «Оценочные обязательства, условные обязательства и условные активы» (ПБУ 8/2010): особенности применения и связь с МСФО // *Международный бухгалтерский учет*. 2011. № 21. С. 47–54.

³³ См.: *Кузнецов М.* Финансисты пожаловались в ЦБ на закрытость и тарифную политику омбудсмена // *Ведомости*. 2022. 26 дек.

10. *Запольский С.В.* О юридических инструментах борьбы с экономическими правонарушениями // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 132–143.
11. *Запольский С.В., Васянина Е.Л.* Обязательство — ключевая категория финансового права // Государство и право. 2022. № 8. С. 111–120.
12. *Запольский С.В., Васянина Е.Л.* Финансовые обязательства — способ осуществления финансовой политики государства // Государство и право. 2020. № 5. С. 55–63.
13. *Игнатова И.А.* Финансовый рынок в воспроизводственной структуре экономики России: дис. ... канд. эк. наук. Саратов, 2005.
14. *Клюкин П.Н., Галузо В.Н., Канафин Н.А.* «Эффективный контракт» в Российской Федерации (экономико-юридический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2016. № 10. С. 40–46.
15. *Кузнецов М.* Финансисты пожаловались в ЦБ на закрытость и тарифную политику омбудсмена // Ведомости. 2022. 26 дек.
16. *Мизес Л. фон* Теория денег и кредита / пер. с англ. и нем. под ред. и с комм. Гр. Сапова. 2-е изд., испр. М.; Челябинск, 2018. С. 455.
17. *Потаева К.* В российских регионах становятся популярными концессии без привлечения частного капитала // Ведомости. 2022. 8 сент.
18. Раскрыта «ресторанная» схема ухода от налогов // Коммерсантъ. 2022. 15 нояб.
19. Современные финансовые рынки / под ред. В.В. Иванова. М., 2014. С. 20.
20. Трансформация финансового права в новых экономических условиях / под ред. С.В. Запольского. М., 2021. С. 262.
21. *Тропская С.С.* К вопросу о предмете современного финансового права // Избр. труды кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия: сб. ст. / под ред. И.А. Цинделиани. М., 2018. С. 188.
22. *Трунёв В.* Современная денежная теория (ММТ): новая парадигма или набор рекомендаций для макроэкономической политики // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 3. С. 8–43.
23. *Турбанов А.В.* Финансовое право и финансовый рынок (часть 1) // Финансовое право. 2020. № 10. С. 7–12.
24. Финансовое право: учеб. / отв. ред. Е.Ю. Грачева, О.В. Болтинова. М., 2020. С. 425.
25. *Юровицкий В.М.* Денежное обращение в эпоху перемен. URL: https://www.yur.ru/Denejnoe_Obrashenie.pdf
26. *Clemens Graf von Luckner, Carmen M. Reinhart, Kenneth Rogoff.* Decrypting New Age International Capital Flows. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream>
2. *Bazanov E.* Debts of regions will grow to a maximum at the beginning of the century due to coronavirus // Vedomosti. 2020. May 8 (in Russ.).
3. *Belousov D.* Thirteen theses on economics, December 2022. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Mon_13/2022/fall/TT13F.pdf (in Russ.).
4. *Buylov M., Dementieva K.* International fines will be issued to shops // Kommersant. 2022. 15 Nov. (in Russ.).
5. *Vasyanina E. L.* On the legal nature of monetary emission // Financial Law. 2021. No. 6. P. 3–6 (in Russ.).
6. *Vasyanina E. L.* Obligations in Financial Law. M., 2020 (in Russ.).
7. *Galuzo V. N.* From the economic analysis of social phenomena in foreign countries to the “economics of law” in the Russian Federation // Law and the State: Theory and Practice. 2016. No. 12. P. 81–85 (in Russ.).
8. *Guznov A. G.* Financial and legal regulation of the financial market in the Russian Federation: abstract ... Doctor of Law. M., 2016 (in Russ.).
9. *Dirkova E. Yu.* Accounting regulations “Estimated liabilities, contingent liabilities and contingent assets” (PBU8/2010): features of application and connection with IFRS // International Accounting. 2011. No. 21. P. 47–54 (in Russ.).
10. *Zapolsky S. V.* On legal instruments for combating economic offenses // Legal policy and legal life. 2021. No. 3. P. 132–143 (in Russ.).
11. *Zapolsky S. V., Vasyanina E. L.* Obligation is a key category of Financial Law // State and Law. 2022. No. 8. P. 111–120 (in Russ.).
12. *Zapolsky S. V., Vasyanina E. L.* Financial obligations — a way to implement the financial policy of the state // State and Law. 2020. No. 5. P. 55–63 (in Russ.).
13. *Ignatova I. A.* The financial market in the reproductive structure of the Russian economy: dis. ... Candidate of Ec. sciences. Saratov, 2005 (in Russ.).
14. *Klyukin P. N., Galuzo V. N., Kanafin N. A.* “Effective contract” in the Russian Federation (economic and legal aspect) // Law and the State: Theory and Practice. 2016. No. 10. P. 40–46 (in Russ.).
15. *Kuznetsov M.* Financiers complained to the Central Bank about the closeness and tariff policy of the Ombudsman // Vedomosti. 2022. 26 Dec. (in Russ.).
16. *Mises L. von* The theory of money and credit / transl. from English and German. ed. and with comm. Gr. Sapov. 2nd ed., rev. M.; Chelyabinsk, 2018. P. 455 (in Russ.).
17. *Potaeva K.* Concessions without attracting private capital are becoming popular in Russian regions // Vedomosti. 2022. 8 Sep. (in Russ.).
18. The “restaurant” scheme of tax evasion is revealed // Kommersant. 2022. 15 Nov. (in Russ.).
19. Modern financial markets / ed. by V.V. Ivanov. M., 2014. P. 20 (in Russ.).
20. Transformation of Financial Law in new economic conditions / ed. by S.V. Zapolsky. M., 2021. P. 262 (in Russ.).
21. *Tropkaya S. S.* On the subject of modern Financial Law // Selected Works of the Department of Financial Law

REFERENCES

- of the Russian State University of Justice: Collection of articles / ed. by I.A. Tsindeliani. M., 2018. P. 188 (in Russ.).
22. *Truney V.* Modern Monetary theory (ММТ): a new paradigm or set of recommendations for macroeconomic policy // *Economic policy*. 2021. Vol. 16. No. 3. P. 8–43 (in Russ.).
 23. *Turbanov A.V.* Financial Law and financial market (part 1) // *Financial Law*. 2020. No. 10. P. 7–12 (in Russ.).
 24. *Financial Law: textbook* / ed. by E. Yu. Gracheva, O.V. Boltinova. M., 2020. P. 425 (in Russ.).
 25. *Yurovitsky V.M.* Monetary circulation in the era of change. URL: https://www.yur.ru/Denejnoe_Obrashenie.pdf (in Russ.).
 26. *Clemens Graf von Luckner, Carmen M. Reinhart, Kenneth Rogoff.* Decrypting New Age International Capital Flows. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream>

Сведения об авторах

ЗАПОЛЬСКИЙ Сергей Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ВАСЯНИНА Елена Леонидовна — доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZAPOLSKY Sergey V. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Administrative Law and Administrative Procedure Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

VASYANINA Elena L. — Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Administrative Law and Administrative Procedure Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СМЕНЫ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ЕС

© 2023 г. М. С. Лизикова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lizikova_m@mail.ru

Поступила в редакцию 20.03.2023 г.

Аннотация. В статье рассмотрен выбор Европейского Союза в пользу атомной энергетики: проанализированы политические решения и правовые акты на уровне ЕС в свете Таксономии ЕС, являющейся ключевым законодательным актом, направленным на содействие «зеленой сделке», Закона о делегированной таксономии, Постановления Парламента ЕС о классификации водорода, произведенного с помощью АЭС в качестве низкоуглеродного, а также Закона о чистой нулевой промышленности (NZIA). Автором на основе анализа политических программ, положений документов стратегического планирования и законодательства ряда государств – членов ЕС отмечено, что ими все чаще принимаются решения в пользу этого источника энергии, путем установления в национальных планах конкретных целей и конкретных инвестиционных мер. В исследовании также затронут вопрос санкций в отношении российской атомной энергетики. Сделан вывод о том, что изменчивость и противоречивость регулирования энергетического сектора ЕС требует проведения систематического анализа реализуемых инициатив на уровне как ЕС, так и его государств-членов в целях стратегической подготовки к повышению устойчивости в кризисных условиях российской экономики.

Ключевые слова: энергетический переход, декарбонизация, атомная энергетика, энергетическая безопасность, Европейский Союз, энергетическое право, энергетическая парадигма.

Цитирование: Лизикова М. С. Политико-правовые аспекты смены парадигмы развития атомной энергетики в ЕС // Государство и право. 2023. № 9. С. 147–157.

DOI: 10.31857/S102694520027659-5

POLITICAL AND LEGAL ASPECTS OF PARADIGM CHANGE IN THE DEVELOPMENT OF NUCLEAR ENERGY IN THE EU

© 2023 M. S. Lizikova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lizikova_m@mail.ru

Received 20.03.2023

Abstract. The article considers the choice of the European Union in favor of nuclear energy: political decisions and legal acts at the EU level are analyzed in the light of the EU Taxonomy, which is a key piece of legislation aimed at promoting the Green Deal, the Law on Delegated Taxonomy, the EU Parliament Regulation on the classification of hydrogen, produced by nuclear power plants as a low-carbon, as well as the Clean Zero Industry Act (NZIA). Based on the analysis of political programs, provisions of strategic planning documents and legislation of a number of EU member states, the author notes that they are increasingly making decisions in favor of this energy source by setting specific goals and specific investment measures in national plans. The study also touches upon the issue of sanctions against Russian nuclear energy. It is concluded that the variability and inconsistency of the EU energy sector regulation requires a systematic analysis of ongoing initiatives both at the EU level and at the level of its member states in order to strategically prepare for increasing resilience in the crisis conditions of the Russian economy.

Key words: energy transition, decarbonization, nuclear energy, energy security, European Union, energy law, energy paradigm, legal regulation.

For citation: Lizikova, M.S. (2023) Political and legal aspects of paradigm change in the development of nuclear energy in the EU // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 9, pp. 147–157.

Регулирование энергетического сектора Европейского Союза — одна из наиболее подверженных трансформации сфер. Это, а также взаимосвязанность внутренних и международных политических процессов, оказывающих воздействие на развитие атомной энергетики, обуславливает актуальность данной тематики для России, особенно в условиях обострения геополитической ситуации вокруг конфликта на Украине, представляющего для Европы проблему, связанную с зависимостью от российской энергетики.

Энергетический кризис вкупе с угрозами энергетической безопасности и снижением интенсивности производства электроэнергии ведет к изменениям в парадигме европейской энергетической политики. Если ранее парадигмой являлся текущий энергетический переход, где определяющим вектором было развитие возобновляемых источников энергии (далее — ВИЭ)¹, предполагающее сокращение традиционных источников энергии, а также стремление к поэтапному отказу от атомной энергии, то сегодня стремление к безопасной энергии в ЕС все чаще приводит к обратному — политике повышения роли атомной энергии. Ей прочится² доминирующая роль наряду с ВИЭ в росте глобального электроснабжения в ближайшей перспективе. Энергетический переход в изменившихся условиях влечет за собой преобразования в технологиях, структуре энергетического рынка, а также политической, правовой и институциональной структурах, идеологии, в свою очередь, определяющих и направляющих его.

Необходимо отметить, что наметившийся процесс эволюции парадигмы развития атомной энергетики ЕС не вступает в конфликт с экологической парадигмой при условии обеспечения высокого уровня ядерной и радиационной безопасности атомной энергетики, являющейся одним из самых низких источников выбросов парниковых газов на протяжении всего своего жизненного цикла, а также ускорения разработки инновационных решений по удалению радиоактивных отходов в странах ЕС. Понимание этого может иметь значение для принятия решений в пользу развития атомной

энергетики государствами ЕС, ранее не допускавшими или не планировавшими такой возможности.

Выбор и управление компонентами энергетической системы, необходимыми для ее устойчивости, предсказуемости и надежности, включает в себя широкий спектр действий и инструментов, требующих принятия политических решений, определяющих стратегические аспекты развития энергетического сектора³.

Предшествующий энергетическому кризису выбор ЕС в пользу трансформации экономики и преобразований в энергетической системе для достижения целей декарбонизации отражен в комплексе климатических, энергетических и финансовых инструментов стратегического и программного характера: “Green Deal”, Новая промышленная стратегия для Европы, Стратегия ЕС по интеграции энергетической системы, Водородная стратегия для климатически нейтральной Европы, “Fit for 55”, Программа «Чистая энергия для всех европейцев» и др. При этом в них атомная энергетика не учитывалась в качестве источника энергии, способствующего энергопереходу и целям борьбы с изменением климата. Энергетическая дорожная карта ЕС 2050⁴ определяла ее как один из путей достижения декарбонизации энергетической системы ЕС.

Последующий же выбор был определен необходимостью изменений намеченного курса. В то время как доклад Международного энергетического агентства⁵ для его преодоления рекомендовал ЕС наряду с ВИЭ повышением эффективности и импортом сжиженного природного газа эксплуатировать существующие АЭС, в новом энергетическом плане REPowerEU⁶, принятом Европейской

³ См.: Boev B. Challenges of the EU Energy Policy to the Nuclear Energy Sector [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/337137101_Challenges_of_the_EU_Energy_Policy_to_the_Nuclear_Energy_Sector#fullTextFileContent (дата обращения: 07.03.2023).

⁴ См.: EU, Energy Roadmap 2050: Impact assessment and scenario analysis. URL: https://energy.ec.europa.eu/system/files/2014-10/roadmap2050_ia_20120430_en_0.pdf

⁵ См.: Nuclear Power and Secure Energy Transitions: From Today's Challenges to Tomorrow's Clean Energy Systems, June 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.iea.org/reports/nuclear-power-and-secure-energy-transitions> (дата обращения: 07.03.2023).

⁶ См.: REPowerEU Plan, 18 May 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/DOC/?uri=CELEX%3A52022DC0230> (дата обращения: 07.03.2023).

¹ См.: Клинова М.В. Энергетический вектор современной европейской экономики и политики // *Общественные науки и современность*. 2022. № 5. С. 59.

² См.: Electricity Market Report 2023, February 2023 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.iea.org/reports/electricity-market-report-2023> (дата обращения: 07.03.2023).

комиссией, атомная энергетика прямо не упоминалась, а лишь косвенно констатировались ее существующая роль и стремление снизить зависимость от импорта российского урана.

Поворотным моментом в изменении позиции ЕС в отношении атомной энергетики стало утверждение Таксономии ЕС⁷, документа, имеющего приоритет над национальным законодательством государств — членов ЕС, и принятие Делегированного акта ЕС по таксономии⁸, вступившего в силу 1 января 2023 г. Если еще недавно она не относилась к «зеленой» энергетике, то включение ее в качестве переходной деятельности, пусть и на временной основе с установлением критериев приемлемости, некоторых видов деятельности в области использования атомной энергии⁹, изменило отношение к ней, создав тем самым положительную основу для продвижения вперед в финансировании новых ядерных проектов, в первую очередь малых модульных реакторов¹⁰ (далее — ММР).

Необходимо отметить, что Таксономия ЕС не рассматривается в качестве инструмента энергетической политики Европейского Союза¹¹. Ее цель — способствовать переходу к климатической нейтральности — достигается путем повышения прозрачности финансовых рынков для устойчивых инвестиций частного сектора. При этом на пути к достижению коллективных и экологических целей ЕС государства — члены ЕС с учетом своих реалий самостоятельно определяют собственный энергетический баланс и пути обеспечения энергетической безопасности и стабильности цен на энергоносители. Важно подчеркнуть, что законодательство ЕС не только не препятствует развитию

национальной атомной политики, но и не исключает мер помощи для развития атомной отрасли, если последние соответствуют другим требованиям конкурентного и природоохранного законодательства. На это указывает недавняя судебная практика в отношении законодательства ЕС о конкуренции¹². Таким образом, с учетом добровольного характера применения Таксономии — на данном этапе она не устанавливает обязательств и запретов для государств — членов ЕС по инвестированию в определенный вид деятельности — показательные решения ряда государств — членов ЕС инвестировать в атомную энергетику.

Для целей настоящего исследования представляется целесообразным рассмотреть политические программы, положения документов стратегического планирования и законодательства, направленные на поддержку атомной энергетики, отдельных стран — членов ЕС, как выступающих за ее развитие, так и принявших ранее решение о поэтапном отказе от нее, а также государств, не имеющих собственных ядерно-энергетических программ.

В число государств первой группы, т.е. активно выступающих за развитие атомной энергетики, входит около 10 стран ЕС¹³ преимущественно из Центральной и Восточной Европы (Франция, Польша, Чехия, Болгария, Румыния, Хорватия, Словения, Венгрия и др.), у которых на протяжении последних полутора десятков лет уже сформировалась тенденция защиты атомной энергетики как инструмента декарбонизации экономики и оказания непосредственного влияния на политику ЕС в рассматриваемой области¹⁴.

Так, во **Франции** — ведущем государстве ЕС по использованию атомной энергии¹⁵, планировавшей начиная с 2014 г. 50%-ное ограничение ядерных мощностей к 2025 г. и в соответствии с законопроектом об

⁷ См.: EU taxonomy for sustainable activities, 22 June 2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://finance.ec.europa.eu/sustainable-finance/tools-and-standards/eu-taxonomy-sustainable-activities_en (дата обращения: 07.03.2023).

⁸ См.: EU taxonomy: Complementary Climate Delegated Act to accelerate decarbonization, 2 February 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://finance.ec.europa.eu/publications/eu-taxonomy-complementary-climate-delegated-act-accelerate-decarbonisation_en (дата обращения: 07.03.2023).

⁹ В части атомной энергетики включены следующие направления: инновационные технологии получения энергии в ядерных реакторах с образованием минимального количества отходов на всем ЯТЦ; строительство и обеспечение безопасной эксплуатации АЭС для производства электроэнергии и тепловой энергии, производства водорода; модификация существующих АЭС в целях продления их срока эксплуатации.

¹⁰ Подробнее о роли малых модульных реакторов в достижении целей устойчивого развития см.: *Lizikova M.* Nuclear energy prospects and legal challenges towards achieving sustainable development goals. In: E3S Web of Conferences: 1, Yekaterinburg, 28–29 September 2020. Vol. 208. Yekaterinburg, 2020. P. 02009.

¹¹ См.: *De Iacovo S.* The EU taxonomy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/fisma/items/738336/en> (дата обращения: 07.02.2023).

¹² См.: *Mittha M.* Nuclear power — a clean energy transition fuel in Europe? An analysis of legal and policy developments about nuclear power under the European Union law, and a perspective on decommissioning frameworks for nuclear power plants. Dissertation, CEPMLP Annual Review 2022.

¹³ См.: Nuclear Power and Secure Energy Transitions: From today's challenges to tomorrow's clean energy systems. IEA Report [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/016228e1-42bd-4ca7-bad9-a227c4a40b04/NuclearPowerandSecureEnergyTransitions.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁴ См.: *Кувалдин С.А.* Атомная энергетика постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы: влияние на энергетическую политику Евросоюза // Международная экономика. 2022. № 10.

¹⁵ См.: *Sekacheva A.B.* Trends, Features and Problems of the Development of Nuclear Energy in France // The World of New Economy. 2022. 15(3):85–96.

энергетике и климате 2019 г.¹⁶ отложившей эти планы до 2035 г., сегодня возрождение атомной энергетики рассматривается в качестве «приоритетного проекта», необходимого для «укрепления ее суверенитета и уважения амбиций с точки зрения декарбонизации и конкурентоспособности французской экономики»¹⁷.

Несмотря на то что все еще не завершены обсуждения многолетних энергетических программ (PPE)¹⁸, определяющих ее основные энергетические приоритеты на периоды 2019–2023 и 2024–2028 гг. и, соответственно, направления государственных и частных инвестиций, по вопросам количества подлежащих остановке и строительству ядерных реакторов, в феврале 2022 г. была обнародована программа строительства шести новых реакторов EPR2 стоимостью около 50 млрд евро с 2028 г. с возможностью дальнейшего расширения к 2050 г. еще на восемь реакторов. Кроме того, инвестиционным планом развития «Франция 2030»¹⁹ в качестве первой из 10 приоритетных целей указана разработка небольших инновационных ядерных реакторов с более эффективным управлением отходами в срок до 2030 г. с объемом инвестиций в 1 млрд евро, а также продление срока службы всех ядерных реакторов при условии обеспечения безопасности. Касательно последнего, Совет по ядерной политике, которому прочится роль инструмента, позволяющего «управлять атомной политикой нации»²⁰, уже подтвердил начало исследований по подготовке к продлению срока службы существующих электростанций до 60 лет. Средства, необходимые для реализации этого плана, — почти 10 млрд евро (8.5 млрд фунтов стерлингов), составляющие значительную часть государственных расходов Франции — предполагается изыскать за счет национализации Le groupe Électricité de France (EDF) — компании, являющейся крупнейшим производителем атомной энергии

в Европе. Соответствующий законопроект²¹ был принят 9 февраля 2023 г. Национальным собранием.

На значимость намерений Франции в отношении планов расширения использования атомной энергетики указывает и одобрение в Сенате 11 января 2023 г. законопроекта об ускорении процедур, связанных со строительством новых ядерных установок вблизи существующих ядерных объектов и эксплуатацией существующих установок²². Данный документ направлен на устранение положений действующего законодательства Франции, препятствующих «перезапуску атомной энергетики». В частности, в целях безопасного производства электроэнергии ядерного происхождения в долгосрочной перспективе и дальнейшего продолжения его развития им предусмотрено: внесение изменений в Закон «Об энергетическом переходе» от 2015 г. и Энергетический кодекс в части отмены цели сокращения ядерных мощностей на 50% к 2035 г. и априорного предела ограничения разрешений на объекты производства атомной электроэнергии на уровне в 63.2 ГВт; согласование Национальной энергетической стратегии и содержания Пятилетнего закона об энергетике в отношении атомной энергии и низкоуглеродного водорода с возрождением атомной энергетики, а также интеграция политики, проводимой правительством в отношении последних, в будущую многолетнюю энергетическую программу (PPE); отступление от положений Закона о прибрежной зоне для облегчения строительства, разработки, оборудования, установок и работ, связанных с созданием или эксплуатацией ядерного энергетического реактора; освобождение проектов ядерных энергетических реакторов и оборудования, необходимого для их эксплуатации, от градостроительного разрешения, а также упрощение мер, касающихся эксплуатации существующих основных ядерных установок, и др.

Стремление ускорить реализацию отмеченных выше планов поставило вопрос о реформировании органов ядерной безопасности. О соответствующем решении было объявлено 3 февраля 2023 г. посредством правительственных поправок к законопроекту «Новая ядерная энергетика»²³. Однако в первом чтении законопроект был отклонен по

¹⁶ См.: *Projet de loi relatif à l'énergie et au climat* (Texte définitif) N° 146 SÉNAT, 26 Septembre 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.senat.fr/leg/tas18-146.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁷ *French ministerial council prepares for nuclear revival* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/French-ministerial-council-prepares-for-nuclear-re> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁸ *Programmation Pluriannuelle de l'Energie* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.ecologie.gouv.fr/programmations-pluriannuelles-lenergie-ppe> (дата обращения: 07.02.2023).

¹⁹ *France 2030* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.gouvernement.fr/france-2030> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁰ *Egloff E. Énergie: première réunion du Conseil de politique nucléaire* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/energie-premiere-reunion-du-conseil-de-politique-nucleaire-20230202> (дата обращения: 07.03.2023).

²¹ См.: *Proposition de loi, adoptée, par l'Assemblée nationale, visant à protéger le groupe Électricité de France d'un démembrement* N° 341 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.senat.fr/leg/pp122-341.html> (дата обращения: 07.03.2023).

²² См.: *Projet de loi relatif à l'accélération des procédures liées à la construction de nouvelles installations nucléaires à proximité de sites nucléaires existants et au fonctionnement des installations existantes* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://www.senat.fr/rap/122-236/122-2361.html> (дата обращения: 07.03.2023).

²³ *Fusion ASN-IRSN: La commission des affaires économiques du Sénat fera preuve d'une grande vigilance dans le cadre de la navette du projet de loi "Nouveau Nucléaire"* [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.senat.fr/presse/cp20230309a.html> (дата обращения: 10.03.2023).

причинам рисков дестабилизации системы управления во время перезапуска атомной отрасли, вероятности утраты опыта или исследовательских навыков в атомной энергетике и иных сферах использования радиоактивности, а также путаницы между экспертной и контрольной функциями. Осторожность, проявленная при рассмотрении этого законопроекта, объяснима в том числе и неудачной предшествующей реформой инфраструктуры атомного регулирования, пришедшейся на первое десятилетие 2000-х годов, недостатки которой привели французскую атомную энергетику к кризису²⁴.

Глубокие преобразования энергетики запланированы и в *Польше*. Их стратегической основой является новая — первая за последние 12 лет — Энергетическая политика Польши до 2040 г. (EPP2040)²⁵, уделяющая особое внимание чистым формам энергии и призывающая к увеличению доли ВИЭ до уровня не менее 23% конечного потребления энергии к 2030 г. Внедрение атомной энергетики постулируется в качестве одной из восьми стратегических целей, предусмотренных в этом документе.

Так, укреплению новой энергетической системы и сокращению выбросов от нее будет способствовать начиная с 2033 г. реализация планов развития атомной энергетики, включающая в себя: строительство за десять лет шести атомных энергоблоков общей мощностью 6–9 ГВт; раннее внесение правовых изменений, облегчающих реализацию программы; завершение работы над моделью финансирования; введение в эксплуатацию нового хранилища низко- и средне-активных радиоактивных отходов; использование высокотемпературных реакторов (ВТР) «в основном в качестве источника технологического тепла для промышленности», а также подготовку профессиональных кадров.

Деятельность, связанная с комплексной реализацией польской ядерно-энергетической программы, также предусматривает параллельные усилия, направленные на перспективное внедрение ММР²⁶, которые могут стать альтернативой традиционным установкам для промышленности и теплоснабжения и выступать дополнительным

компонентом диверсификации структуры производства электроэнергии и усиления энергетической безопасности на локальном уровне. Первым практическим шагом в этом направлении стало согласие правительства Польши в 2022 г. на развертывание ММР на основе американской технологии для замены существующих угольных когенерационных установок²⁷.

Инвестиции в преобразования атомной энергетики Польши оцениваются в 150 млрд злотых (32 млрд долл.). На сокращение сроков их реализации направлен Закон «О внесении изменений в Закон “О подготовке и осуществлении инвестиций в объекты атомной энергетики и сопутствующих инвестиций”»²⁸, предусматривающий: бесплатное предоставление информации и данных для использования в связи с выполнением задач, связанных с объектами атомной энергетики и сопутствующих инвестиций, органами государственного управления по надлежащему запросу; расширение каталога сопутствующих инвестиций за счет включения инвестиций, необходимых для проведения экологических исследований и исследований площадки для строительства АЭС и сопутствующей инфраструктуры; распространение решения о выборе места инвестирования и разрешения на доступ к собственности на измерения, испытания или другие работы, необходимые для подготовки отчета о воздействии проекта на окружающую среду, а также возможность временной эксплуатации объекта использования атомной энергии в период между получением лицензии на ввод в эксплуатацию и выдачей лицензии на эксплуатацию.

Планы по развитию атомной энергетики присущи и *Болгарии*, стремящейся сохранить лидерство в производстве и экспорте электроэнергии в регионе. Амбиции страны основаны на оценке наличия у нее предпосылок для развития атомной энергетики с обученным персоналом, традициями, инфраструктурой и лицензированными площадками²⁹. Согласно проекту Энергетической стратегии на 2023–2053 гг.³⁰,

²⁷ См.: Polish energy policy for next two decades adopted [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.ans.org/news/article-2606/polish-energy-policy-for-next-two-decades-adopted/> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁸ См.: Ustawa z dnia 13 stycznia 2023 r. o zmianie ustawy o przygotowaniu i realizacji inwestycji w zakresie obiektów energetyki jądrowej oraz inwestycji towarzyszących oraz niektórych innych ustaw [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://orka.sejm.gov.pl/proc9.nsf/ustawy/2562_u.htm (дата обращения: 07.02.2023).

²⁹ См.: Bulgaria energy strategy includes four new nuclear reactors [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Bulgaria-sets-out-plans-for-four-new-nuclear-react> (дата обращения: 07.02.2023).

³⁰ Это первый представленный проект Энергетической стратегии Болгарии с момента истечения срока действия

²⁴ См.: Andrews-Speed P. The governance of civil nuclear power in France: advantages and disadvantages of deep state involvement // The Journal of World Energy Law & Business. 2022. 15(2):151–166.

²⁵ См.: Energy Policy of Poland until 2040 (EPP2040) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.gov.pl/web/climate/energy-policy-of-poland-until-2040-epp2040> (дата обращения: 07.02.2023).

²⁶ См.: Principles for the update of Energy Policy of Poland until 2040 (EPP2040) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.gov.pl/web/climate/energy-policy-of-poland-until-2040-epp2040> (дата обращения: 07.02.2023).

который еще только предстоит принять Совету министров, к 2053 г. предполагается осуществить строительство 2000 МВт ядерных мощностей в Козлодуде (два реактора) и еще столько же в Белене, которые, как ожидается, обеспечат продолжение развития атомной энергетики даже после вывода из эксплуатации пятого и шестого блоков АЭС “Kozloduy”.

Приверженность атомной энергетике прослеживается в энергетической политике Чехии начиная с 2015 г., когда был принят Проект национальной энергетической политики до 2060 г., предусматривающий существенное увеличение ядерной мощности к 2040 г.³¹ Увеличению доли атомной энергии до 40% к установленному сроку призвано способствовать строительство атомного энергоблока на АЭС “Dukovany” в период с 2029 по 2036 г., на который намечено завершение введения реактора в эксплуатацию.

Государственную помощь по финансированию строительства объектов в атомной сфере призваны способствовать меры, установленные Законом о низком уровне выбросов углерода³², вступившим в силу в январе 2022 г. А именно: покупка государственной компанией электроэнергии на новых АЭС по фиксированной ставке не менее 30 лет с возможностью продления и дальнейшей ее продажей на оптовом рынке, что позволит осуществлять корректировку счетов за электроэнергию, а также предоставление государством беспроцентного кредита, покрывающего до 70% стоимости строительства, что даст возможность сократить расходы на коммерческие кредиты. Эти меры также могут быть применены и для строительства новых энергоблоков на АЭС “Temelin”.

Что касается действующих АЭС, то в 2023 г. Чехия инвестирует 3.6 млрд чешских крон в их модернизацию с целью продления срока эксплуатации еще как минимум на 60 лет³³.

Параллельно с целью дополнения к традиционным АЭС и источникам энергии, способным заместить угольные электростанции в стране, разрабатываются планы использования ММР. В частности, в 2022 г. энергетической группой CEZ был

в 2000 г. предыдущей стратегии.

³¹ См.: Státní Energetická koncepce České Republiky [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.mpo.cz/assets/dokumenty/52841/60959/636207/priloha006.pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

³² См.: Act on Measures for the Czech Republic's Transition to Low-Carbon Energy and on the Amendment of Act No. 165/2000 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.mpo.cz/en/guidepost/for-the-media/press-releases/government-has-approved-a-bill-for-a-transition-to-low-carbon-energy-256068/> (дата обращения: 15.12.2023).

³³ См.: Modernisation projects under way at Czech plants. URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Modernisation-projects-under-way-at-Czech-plants> (07.03.2023).

подписан контракт на создание Южночешского ядерного парка на территории Темелин³⁴ для строительства первого в Европе ММР, а также образовательного центра для представителей технических профессий, необходимых для развития атомной отрасли. Это одно из долгосрочных решений, направленных на укрепление энергетической безопасности и независимости Чехии.

Сохранение мощностей атомной энергетики за счет продления срока службы и потенциальных новых генерирующих мощностей предусмотрено и стратегическими программными документами Венгрии — Национальной энергетической стратегией до 2030 г. с перспективой до 2040 г.³⁵ и Второй национальной стратегией в области изменения климата (NCCS2)³⁶. Иными словами, замена существующих блоков на АЭС «Пакш» до истечения срока их службы является одной из ключевых стратегических мер, направленных на дальнейшую декарбонизацию электроэнергетического сектора.

Повышенные опасения по поводу энергетической безопасности, вызванные ситуацией на Украине, стремление уменьшить зависимость от ископаемых видов топлива и ускорить энергетический переход повлекли за собой пересмотр прежней нетерпимой к атому национальной энергетической модели, продвигаемой ранее государствами второй группы. В их числе ФРГ, Испания, Швеция, Италия, Нидерланды и др., которыми под влиянием крупных ядерных аварий, под давлением общественного мнения были приняты долгосрочные решения о поэтапном отказе от использования атомной энергии.

В реализации национальных планов ведущую роль играют частный сектор и гражданское общество³⁷, в формировании которого определяющим является общественное мнение относительно важнейших проблем и процессов. Позиция последнего по отношению к атомной энергетике претерпела значительные изменения. Так, показательны примеры ФРГ³⁸,

³⁴ См.: Space for Small Modular Reactors to Be Created at Temelin. URL: <https://www.cez.cz/en/media/press-releases/space-for-small-modular-reactors-to-be-created-at-temelin-156969> (07.03.2023).

³⁵ См.: Nemzeti energiastratégia 2030. URL: <https://www.enhat.mekh.hu/strategiak> (07.03.2023).

³⁶ См.: Második nemzeti éghajlatváltozási stratégia (NCCS2). URL: <https://nakfo.mbfisz.gov.hu/hu/node/365> (07.03.2023).

³⁷ См.: Ahali A. Y. Developing Local Content Policy in Pursuit of Sustainable Development Goals // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 15 (5). С. 64.

³⁸ См.: Eine repräsentative Studie zur politischen Stimmung im Auftrag der ARD-Tagesthemen und der Tageszeitung DIE WELT. April 2022. Berlin: Infratest dimap [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.infratest-dimap.de/fileadmin/user_upload/DT2204_Report.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

Италии³⁹, Швеции⁴⁰, Нидерландов⁴¹, Бельгии⁴² где опросы общественного мнения, проводившиеся в период с 2018 по 2022 г., показали высокую (соответственно 53%, 51%, 59%, 55%, 60%) общественную поддержку атомной энергетики.

На энергетическую политику ФРГ оказала значительное влияние спецоперация России на Украине⁴³. Ответом страны на энергетический кризис стало принятие 8 июля 2022 г. крупнейших за последние десятилетия поправок к энергетическому законодательству, подтвердивших обязательства государства в отношении климата и экологически чистой энергии. В их числе поправка к Закону об энергетической безопасности⁴⁴, расширяющая вариативность проводимой правительством политики в целях поддержания энергетических рынков и цепочек поставок в случае ухудшения поставок газа, а также поправка к Закону об атомной энергии⁴⁵, вступившая в силу 9 декабря 2022 г. и продлевающая срок службы трех оставшихся в ФРГ АЭС (Emsland, Isar 2 и Neckarwestheim 2) до 15 апреля 2023 г., что отменило прежние планы по их закрытию к 31 декабря 2022 г.

По некоторым оценкам, принятое решение только предлагает средства, чтобы гарантировать вклад атомной энергетики в национальный баланс

³⁹ См.: Public opinion on the return of nuclear energy in Italy 2021 (Published by Statista Research Department, Aug 1, 2022) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.statista.com/statistics/1281948/survey-on-nuclear-power-italy/> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴⁰ См.: Swedish government frees up legislation on nuclear expansion. URL: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/swedish-government-frees-up-legislation-on-nuclear-expansion/> (10.03.2023).

⁴¹ См.: Opinions on generating nuclear energy in the Netherlands 2018 (Published by Statista Research Department, Aug 1, 2022).

⁴² См.: Poles and Belgians See Nuclear Energy As Necessary Low-Carbon Source [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.euronuclear.org/news/poles-and-belgians-citizens-support-nuclear-energy-as-lowcarbon-energy/> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴³ См.: Белов В. Б. Смена парадигмы в энергетической кооперации Германии с Россией // Современная Европа. 2022. № 4 (111). С. 5–21; Хорольская М. В. Новые векторы энергетической политики Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 10 (66). С. 56–64.

⁴⁴ См.: Entwurf eines Gesetzes zur Bereithaltung von Ersatzkraftwerken zur Reduzierung des Gasverbrauchs im Stromsektor im Fall einer drohenden Gasemangellage durch Änderungen des Energiewirtschaftsgesetzes und weiterer energiewirtschaftlicher Vorschriften [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.bmwl.de/Redaktion/DE/Downloads/F/formulierungshilfe-anderung-ensig.html> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴⁵ См.: Entwurf eines Neunzehnten Gesetzes zur Änderung des Atomgesetzes (19. AtGAndG) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.bmuv.de/fileadmin/Daten_BMU/Download_PDF/Glaeserne_Gesetze/20_Lp/19_atg_aendg/Entwurf/19_atg_aendg_refe_bf.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

электроэнергии, не компенсируя дефицит газа⁴⁶, в то время как при ином подходе атомная энергетика могла бы удовлетворить высокий и постоянно растущий спрос на энергию, характерный для ФРГ. Такой подход сохраняет вероятность продолжения в дальнейшем курса по отказу страны от атомной энергетики, что поднимает вопрос о возможном противоречии Договору о Европейском сообществе по атомной энергии, а также первичному и вторичному законодательству ЕС в отношении безопасности энергоснабжения, ограничивающим автономию национальной энергетической политики и, соответственно, законности стратегии ФРГ по поэтапному отказу от атомной энергии⁴⁷.

На готовность правительства *Италии*, единственного государства ЕС, где были закрыты все АЭС, исследовать возможности возрождения атомной энергетики указывает заключение соглашения о сотрудничестве в области ММП и других новых ядерных проектов между французской компанией EDF и итальянскими компаниями Ansaldo Energia, Ansaldo Nucleare⁴⁸.

Под влиянием происходящих геополитических событий в марте 2022 г. решение отложить планы по поэтапному отказу от атомной энергетики на 10 лет, продлить работу двух ядерных реакторов Doel 4 и Tihange 3 до 2035 г., а также изучить возможность продления эксплуатации еще трех реакторов (Doel 1 и 2 и Tihange 1) до 2027 г., закрытие которых было запланировано соответственно на февраль и декабрь 2025 г., приняла *Бельгия*⁴⁹.

Смена позиции правительства *Швеции* в отношении «мирного атома» нашла отражение в подписанном в октябре 2022 г. соглашении Tidö⁵⁰. Оно меняет цель энергетической политики страны с полностью возобновляемой на диаметрально противоположную — «100% свободную от ископаемых источников

⁴⁶ См.: *Livet A.* Germany and nuclear energy: towards a necessary readjustment? 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/publications/recherches-et-documents/2022/142022.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴⁷ См.: *Rochette G.* Is the German Nuclear strategy lawful under EU law? Article 194(2) TFEU and its limitations // The Journal of World Energy Law & Business. 2021. No. 14 (4).

⁴⁸ См.: EDF teams up with Italian partners on SMR development [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://world-nuclear-news.org/Articles/EDF-teams-up-with-Italian-partners-on-SMR-development> (дата обращения: 10.03.2023).

⁴⁹ См.: Belgium considers extended use of older reactors [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Belgium-considers-extended-use-of-older-reactors> (дата обращения: 07.03.2023).

⁵⁰ См.: Tidöavtalet: Överenskommelse för Sverige [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.liberalerna.se/wp-content/uploads/tidoavtalet-overenskommelse-for-sverige-slutlig.pdf> (дата обращения: 07.03.2023).

энергии»⁵¹, и уделяет особое внимание расширению и развитию атомной энергетики. Причем последнее должно быть реализовано максимально оперативно. Однако здесь велик риск, что ускорение процессов в части изменения существующих правил и экологических оценок будет противоречить правовой директиве ЕС.

В качестве мер, призванных способствовать созданию новой атомной энергетики Швеции, предлагается осуществить ряд законодательных изменений: снять запрет в Экологическом кодексе на разрешение строительства новых реакторов в местах, отличных от тех, где уже есть атомная энергетика, а также на одновременное использование более 10 реакторов; разработать правила, облегчающие строительство и использование ММР; сократить процесс выдачи разрешений на новое строительство; снизить плату за подачу заявки на новые ядерные реакторы; ввести новые правила для предотвращения произвольного закрытия атомных электростанций политиками; ввести специальные государственные кредитные гарантии для укрепления условий для инвестиций в рассматриваемую отрасль. Как видно из вышесказанного, рассматриваемый документ сосредоточен как на строительстве новых АЭС, так и на потенциальном перезапуске существующих (Ringhals 1 и 2). Ожидается, что эти поправки вступят в силу марте 2024 г.

Принятию решения в *Нидерландах* об отмене поэтапного отказа от атомной энергетики в 2021 г. предшествовала всесторонняя оценка возможной роли атомной энергетики в структуре энергопотребления Нидерландов после 2030 г.⁵², согласно которой атомная энергетика может дополнять генерацию из ВИЭ и сделать Нидерланды менее зависимыми от импорта газа.

В планы Правительства Нидерландов⁵³ входит продление срока эксплуатации единственной АЭС в стране до 2033 г., строительство двух новых блоков АЭС, строительство нового исследовательского реактора для замены еще работающего, а также разветвление ММР. В декабре 2022 г. была представлена дорожная карта строительства новых АЭС, ввод в эксплуатацию которых планируется в 2035 г. На

поддержку планов строительства новых АЭС было выделено в общей сложности 5 млрд евро.

Следует отметить, что не все страны, входящие в эту группу, пересмотрели свое отношение к атомной энергетике. Например, Испания, несмотря на призывы Испанского ядерного общества к отмене реализации планов по закрытию испанских АЭС в силу их стратегической важности⁵⁴, не намерена отступать от своих планов.

Из числа третьей группы государств показателен пример *Эстонии*, где вопрос о принятии потенциального решения о разработке собственной гражданской ядерной энергетической программы после 2030 г. вынесен на повестку дня⁵⁵. Такое решение поставленной долгосрочной стратегией развития «Эстония 2035»⁵⁶ цели достижения климатической нейтральности к 2050 г. предложено Эстонским национальным планом по энергетике и климату до 2030 г.⁵⁷ и Анализом возможностей для повышения климатических амбиций в Эстонии⁵⁸. Комплексный отчет, на основании которого будет принято принципиальное решение о внедрении ядерной энергетики, должен быть завершен не позднее конца 2023 г.⁵⁹ В настоящее же время ведется работа по проведению сравнительного анализа ядерного законодательства и регулирования в других юрисдикциях, находящихся на продвинутых стадиях разработки новых нормативных структур, для более эффективного и действенного обеспечения передовых энергетических систем ядерных технологий.

По некоторым оценкам⁶⁰, успех Эстонии в случае принятия положительного решения может также представлять интерес для таких стран, как Литва, где также уже поднимается вопрос о разветвлении ММР в качестве решения для достижения энергетической независимости, что в конечном

⁵⁴ См.: The SNE's Nuclear Manifesto [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.sne.es/manifesto-nuclear/> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵⁵ См.: Estonia to prepare legislation for nuclear programme [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Estonia-to-prepare-legislation-for-nuclear-program> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵⁶ «Estonia 2035» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://valitsus.ee/en/estonia-2035-development-strategy-strategy/strategic-goals> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵⁷ См.: Estonia's 2030 National Energy and Climate Plan (NECP 2030) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.fao.org/faolex/results/details/en/c/LEX-FAOC200007/> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵⁸ См.: Analysis of the opportunities to increase climate ambition in Estonia. 2019.

⁵⁹ См.: Summary of Estonian Nuclear Energy Working Group's Interim Report. September 2022.

⁶⁰ См.: Jermalavičius T., Bergmann M., Crail P. et al. Developing Nuclear Energy in Estonia: An Amplifier of Strategic Partnership with the United States? Tallinn: International Centre for Defence and Security, 2022.

⁵¹ Changes to Swedish law proposed to enable nuclear new build [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/Changes-to-Swedish-law-proposed-to-enable-nuclear> (дата обращения: 07.03.2023).

⁵² См.: Possible role of nuclear in the Dutch energy mix in the future: Final Report ENCO-FR-(20)-13. 1st September 2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://open.overheid.nl/documenten/ronl-f29c1eb8-af04-4e8c-bc95-812be06991be/pdf> (дата обращения: 07.02.2023).

⁵³ См.: Omzien naar elkaar, vooruitkijken naar de toekomst. Coalitieakkoord 2021–2025 (VVD, D66, CDA en ChristenUnie). 15 December 2021.

счете является целью национальной стратегии последней. В случае же отрицательного решения предполагается, что теоретически Эстония вместо развития собственной атомной энергетики может присоединиться в качестве инвестора к более крупному проекту, например, в Польше.

Дискуссии, развернувшиеся в ЕС по вопросу вклада атомной энергии в достижение целей в области изменения климата и энергетической безопасности, подвигли государства — сторонников⁶¹ продвижения этого источника энергии к подписанию 27–28 февраля 2023 г. на встрече министров энергетики государств ЕС в Стокгольме Декларации об объединении добровольных усилий по укреплению европейского сотрудничества в сфере атомной энергии (созданию т.н. проядерного альянса⁶²). В ней стороны зафиксировали стремление: развивать тесное сотрудничество между своими национальными ядерными секторами; поддерживать новые проекты, основанные на инновационных технологиях, а также эксплуатацию действующих электростанций; расширять научное сотрудничество и скоординированное внедрение передового опыта в области безопасности.

Примечательно, что ФРГ, лоббирующая вместе с Австрией на международном уровне антиядерное движение, в ответ на создание проядерного альянса заявила не только «о признании и невозражении против признания вклада атомной энергетики в достижение цели ЕС по декарбонизации», но и о своих планах об импорте французского водорода, полученного из атомной энергии⁶³. Это может указывать на сомнения о соответствии немецкой энергетической модели требованиям устойчивости, предъявляемым нынешней геополитической ситуацией, и ставить вопрос о необходимости пересмотра ее позиции в европейском контексте. Кроме того, это позволяет расценить такое решение как победу на данном этапе проядерных сил в Европе. Можно предположить, что последняя скорее всего приведет к возобновлению законодательных баталий по решенным ранее энергетическим вопросам, но в то же время позволит обеспечить возможность принятия ключевых законодательных актов, определяющих учет атомной энергии в климатических целях ЕС.

⁶¹ Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Финляндия, Франция, Венгрия, Нидерланды, Польша, Румыния, Словакия и Словения при участии комиссара ЕС по энергетике Кадри Симсон.

⁶² См.: EU energy ministers call for greater cooperation on nuclear [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.world-nuclear-news.org/Articles/EU-energy-ministers-call-for-greater-cooperation-o> (дата обращения: 07.03.2023).

⁶³ См.: Germany 'not opposed' to nuclear-made hydrogen, says will import from France [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.euractiv.com/section/energy-environment/news/germany-not-opposed-to-nuclear-made-hydrogen-says-will-import-from-france/> (дата обращения: 13.03.2023).

Первой ласточкой в этом (потенциальном) ряду, повышающей конкурентоспособность атомной промышленности Франции на европейском рынке, а также способствующей достижению ее цели по стимуляции других стран ЕС к энергопереходу на перспективные источники энергии⁶⁴, стало постановление Парламента ЕС в рамках Директивы о водороде⁶⁵ о классификации водорода, произведенного с помощью АЭС в качестве низкоуглеродного.

Еще одной победой условно можно считать принятие Европейской комиссией 16 марта 2023 г. ключевого для европейского промышленного плана “Green Deal” Закона о чистой нулевой промышленности (NZIA)⁶⁶. Он нацелен на определение степени стратегической автономии ЕС с точки зрения ключевых технологий, необходимых для энергетического перехода. В число таких технологий, которые могут выиграть от более быстрого получения разрешений и более легкого доступа к финансированию, данным актом включены ММП и усовершенствованные реакторы, но не атомная энергетика в целом. Тем не менее это оставляет шанс на включение атомной энергетики в число стратегических технологий.

Стремление ЕС достичь стратегической автономии в технологиях и обеспечить суверенитет в рассматриваемой области сталкивается с зависимостью от атомной промышленности России, которая является основным поставщиком тепловыделяющих сборок для 18 европейских ядерных реакторов, расположенных в пяти государствах ЕС, лидера мировой конверсии урана и мощностям по его обогащению, а также имеет в своем «портфеле» контракты на строительство ядерных реакторов в Словакии и Венгрии⁶⁷. Ситуация на Украине подтолкнула энергетические компании Чехии, Финляндии, Болгарии и Польши к поиску альтернативного российскому ядерного топлива, а также компаний по

⁶⁴ См.: Тимофеев П. П. Энергетическая политика Франции при Э. Макроне: императивы и вызовы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 6. С. 129.

⁶⁵ См.: EU directive on gas and hydrogen networks [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/729303/EPRS_BRI\(2022\)729303_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/729303/EPRS_BRI(2022)729303_EN.pdf) (дата обращения: 07.03.2023).

⁶⁶ См.: Net Zero Industry Act [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/publications/net-zero-industry-act_en (дата обращения: 18.03.2023).

⁶⁷ См.: Nuclear Power and Secure Energy Transitions: From today's challenges to tomorrow's clean energy systems [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://iea.blob.core.windows.net/assets/016228e1-42bd-4ca7-bad9-a227c4a40b04/NuclearPowerandSecureEnergyTransitions.pdf> (дата обращения: 07.03.2023).

строительству новых ядерных реакторов⁶⁸. Политизация деятельности ГК «Росатом» со стороны ЕС и его государств-членов превратила энергетическую безопасность в чрезвычайную проблему для Европы и поставила вопрос о применении санкций в отношении российской атомной энергетики. Вышесказанное указывает на необходимость для Российской Федерации воспользоваться положительными тенденциями развития атомной отрасли, заключающимися в увеличении объемов потребления и генерации⁶⁹, пересмотреть концепцию развития атомной энергетики в сторону или отказа от экспортной политики в пользу обеспечения собственного энергетического суверенитета⁷⁰, или переориентации на иные рынки, где государствами принимаются решения о развертывании ядерно-энергетических программ.

* * *

Подводя итог вышесказанному, отметим, что сдвиг парадигмы развития атомной энергетики в Европе в последние годы стал заметным. Юридические и политические акты, принимаемые на наднациональном уровне, не только не препятствуют выбору стран — членов ЕС в пользу атомной энергетики как переходного источника энергии на пути декарбонизации, но и способствуют привлечению инвестиций, призванных помочь атомной отрасли повысить безопасность, эффективность и инновационность. Изменчивость и противоречивость регулирования энергетического сектора ЕС требует проведения систематического анализа

реализуемых инициатив на уровне как ЕС, так и его государств-членов, что важно для стратегической подготовки к повышению устойчивости в кризисных условиях российской экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Адамов Е., Муравьев Е.* Ядерная энергетика России в концепции энергетического суверенитета // Энергетическая политика. 2021. № 1 (155). С. 34–47.
2. *Белов В.Б.* Смена парадигмы в энергетической кооперации Германии с Россией // Современная Европа. 2022. № 4 (111). С. 5–21.
3. *Клинова М.В.* Энергетический вектор современной европейской экономики и политики // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 59.
4. *Кувалдин С.А.* Атомная энергетика постсоциалистических стран Центральной и Восточной Европы: влияние на энергетическую политику Евросоюза // Международная экономика. 2022. № 10.
5. *Тимофеев П.П.* Энергетическая политика Франции при Э. Макроне: императивы и вызовы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 6. С. 129.
6. *Хачатурян А.А., Николаенко А.В.* Атомный энергопромышленный комплекс Российской Федерации в условиях усиления конкуренции и реализации «зеленого курса»: системные условия и перспективы развития // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2022. № 12. С. 86.
7. *Хорольская М.В.* Новые векторы энергетической политики Германии // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 10 (66). С. 56–64.
8. *Ahali A. Y.* Developing Local Content Policy in Pursuit of Sustainable Development Goals // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 15 (5). С. 64.
9. *Andrews-Speed P.* The governance of civil nuclear power in France: advantages and disadvantages of deep state involvement // The Journal of World Energy Law & Business. 2022. 15(2):151–166.
10. *Boev B.* Challenges of the EU Energy Policy to the Nuclear Energy Sector [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: https://www.researchgate.net/publication/337137101_Challenges_of_the_EU_Energy_Policy_to_the_Nuclear_Energy_Sector#fullTextFileContent (дата обращения: 07.03.2023).
11. *De Iacovo S.* The EU taxonomy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/fisma/items/738336/en> (дата обращения: 07.02.2023).
12. *Egloff E.* Énergie: première réunion du Conseil de politique nucléaire [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/energie-premiere-reunion-du-conseil-de-politique-nucleaire-20230202> (дата обращения: 07.03.2023).
13. *Jermalavičius T., Bergmann M., Crail P. et al.* Developing Nuclear Energy in Estonia: An Amplifier of Strategic Partnership with the United States? Tallinn: International Centre for Defence and Security, 2022.
14. *Livet A.* Germany and nuclear energy: towards a necessary re-adjustment? 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

⁶⁸ См. подр.: Fennovoima on päättänyt Hanhikivi 1 — ydinvoimalan laitoimitussopimuksen Rosatomin kanssa [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://fennovoima.fi/2022/05/02/fennovoima-on-paattanyt-hanhikivi-1-ydinvoimalan-laitoimitus-sopimuksen-rosatomin-kanssa/> (дата обращения: 07.03.2023); Westinghouse's VVER-1000 Nuclear Fuel Fabrication Agreement Helps Cement Bulgaria's Energy Security [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://info.westinghousenuclear.com/news/westinghouse-vver-1000-nuclear-fuel-fabrication-agreement-helps-cement-bulgarias-energy> (дата обращения: 07.03.2023); We are strengthening the energy security of the Czech Republic: we have signed contracts for the supply of fuel assemblies with Westinghouse and Framatome [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://www.cez.cz/en/media/press-releases/we-are-strengthening-the-energy-security-of-the-czech-republic-we-have-signed-contracts-for-the-supply-of-fuel-assemblies-with-westinghouse-and-framatome-160156> (дата обращения: 07.03.2023); Westinghouse Selected for Poland's New Nuclear Power Program [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://info.westinghousenuclear.com/news/poland-selects-wec-ap1000> (дата обращения: 07.03.2023).

⁶⁹ См.: Хачатурян А.А., Николаенко А.В. Атомный энергопромышленный комплекс Российской Федерации в условиях усиления конкуренции и реализации «зеленого курса»: системные условия и перспективы развития // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2022. № 12. С. 86.

⁷⁰ См.: Адамов Е., Муравьев Е. Ядерная энергетика России в концепции энергетического суверенитета // Энергетическая политика. 2021. № 1 (155). С. 34–47.

URL: <https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/publications/recherches-et-documents/2022/142022.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).

15. *Lizikova M.* Nuclear energy prospects and legal challenges towards achieving sustainable development goals. In: E3S Web of Conferences: 1, Yekaterinburg, 28–29 September 2020. Vol. 208. Yekaterinburg, 2020. P. 02009.
16. *Mittha M.* Nuclear power – a clean energy transition fuel in Europe? An analysis of legal and policy developments about nuclear power under the European Union law, and a perspective on decommissioning frameworks for nuclear power plants. Dissertation, CEPMLP Annual Review 2022.
17. *Rochette G.* Is the German Nuclear strategy lawful under EU law? Article 194(2) TFEU and its limitations // The Journal of World Energy Law & Business. 2021. No. 14 (4).
18. *Sekacheva A. B.* Trends, Features and Problems of the Development of Nuclear Energy in France // The World of New Economy. 2022. 15(3):85–96.
8. *Ahali A. Y.* Developing Local Content Policy in Pursuit of Sustainable Development Goals // Herald of MGIMO University. 2022. No. 15 (5). P. 64.
9. *Andrews-Speed P.* The governance of civil nuclear power in France: advantages and disadvantages of deep state involvement // The Journal of World Energy Law & Business. 2022. 15(2):151–166.
10. *Boev B.* Challenges of the EU Energy Policy to the Nuclear Energy Sector [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.researchgate.net/publication/337137101_Challenges_of_the_EU_Energy_Policy_to_the_Nuclear_Energy_Sector#fullTextFileContent (accessed: 07.03.2023).
11. *De Iacovo S.* The EU taxonomy [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/fisma/items/738336/en> (accessed: 07.02.2023).
12. *Egloff E.* Énergie: première réunion du Conseil de politique nucléaire [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/energie-premiere-reunion-du-conseil-de-politique-nucleaire-20230202> (accessed: 07.03.2023).
13. *Jermalavičius T., Bergmann M., Crail P. et al.* Developing Nuclear Energy in Estonia: An Amplifier of Strategic Partnership with the United States? Tallinn: International Centre for Defence and Security, 2022.
14. *Livet A.* Germany and nuclear energy: towards a necessary readjustment? 2022 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/publications/recherches-et-documents/2022/142022.pdf> (accessed: 10.03.2023).
15. *Lizikova M.* Nuclear energy prospects and legal challenges towards achieving sustainable development goals. In: E3S Web of Conferences: 1, Yekaterinburg, 28–29 September 2020. Vol. 208. Yekaterinburg, 2020. P. 02009.
16. *Mittha M.* Nuclear power – a clean energy transition fuel in Europe? An analysis of legal and policy developments about nuclear power under the European Union law, and a perspective on decommissioning frameworks for nuclear power plants. Dissertation, CEPMLP Annual Review 2022.
17. *Rochette G.* Is the German Nuclear strategy lawful under EU law? Article 194(2) TFEU and its limitations // The Journal of World Energy Law & Business. 2021. No. 14 (4).
18. *Sekacheva A. B.* Trends, Features and Problems of the Development of Nuclear Energy in France // The World of New Economy. 2022. 15(3):85–96.

REFERENCES

1. *Adamov E., Muravyev E.* Russian Nuclear Energy in the Concept of Energy Sovereignty // Energy policy. 2021. No. 1 (155). P. 34–47 (in Russ.).
2. *Belov V. B.* Paradigm shift in energy cooperation between Germany and Russia // Modern Europe. 2022. No. 4 (111). P. 5–21 (in Russ.).
3. *Klinova M. V.* Energy vector of modern European economy and politics // Social Sciences and modernity. 2022. No. 5. P. 59 (in Russ.).
4. *Kuvaldin S. A.* Nuclear power engineering of the post-socialist countries of Central and Eastern Europe: influence on the energy policy of the European Union // International economy. 2022. No. 10 (in Russ.).
5. *Timofeev P. P.* Energy policy of France under E. Macron: imperatives and challenges // Scientific and Analytical Herald of IE RAS. 2022. No. 6. P. 129 (in Russ.).
6. *Khachatryan A. A., Nikolaenko A. V.* Nuclear power industry of the Russian Federation in the conditions of increased competition and implementation of the “green course”: system conditions and development prospects // Modern science: actual problems of theory and practice. Ser.: Economics and law. 2022. No. 12. P. 86 (in Russ.).
7. *Khorolskaya M. V.* New vectors of German energy policy // World Economy and International Relations. 2022. No. 10 (66). P. 56–64 (in Russ.).
8. *Ahali A. Y.* Developing Local Content Policy in Pursuit of Sustainable Development Goals // Herald of MGIMO University. 2022. No. 15 (5). P. 64.
9. *Andrews-Speed P.* The governance of civil nuclear power in France: advantages and disadvantages of deep state involvement // The Journal of World Energy Law & Business. 2022. 15(2):151–166.
10. *Boev B.* Challenges of the EU Energy Policy to the Nuclear Energy Sector [Electronic resource]. – Access mode: URL: https://www.researchgate.net/publication/337137101_Challenges_of_the_EU_Energy_Policy_to_the_Nuclear_Energy_Sector#fullTextFileContent (accessed: 07.03.2023).
11. *De Iacovo S.* The EU taxonomy [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://ec.europa.eu/newsroom/fisma/items/738336/en> (accessed: 07.02.2023).
12. *Egloff E.* Énergie: première réunion du Conseil de politique nucléaire [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.lefigaro.fr/conjoncture/energie-premiere-reunion-du-conseil-de-politique-nucleaire-20230202> (accessed: 07.03.2023).
13. *Jermalavičius T., Bergmann M., Crail P. et al.* Developing Nuclear Energy in Estonia: An Amplifier of Strategic Partnership with the United States? Tallinn: International Centre for Defence and Security, 2022.
14. *Livet A.* Germany and nuclear energy: towards a necessary readjustment? 2022 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.frstrategie.org/sites/default/files/documents/publications/recherches-et-documents/2022/142022.pdf> (accessed: 10.03.2023).
15. *Lizikova M.* Nuclear energy prospects and legal challenges towards achieving sustainable development goals. In: E3S Web of Conferences: 1, Yekaterinburg, 28–29 September 2020. Vol. 208. Yekaterinburg, 2020. P. 02009.
16. *Mittha M.* Nuclear power – a clean energy transition fuel in Europe? An analysis of legal and policy developments about nuclear power under the European Union law, and a perspective on decommissioning frameworks for nuclear power plants. Dissertation, CEPMLP Annual Review 2022.
17. *Rochette G.* Is the German Nuclear strategy lawful under EU law? Article 194(2) TFEU and its limitations // The Journal of World Energy Law & Business. 2021. No. 14 (4).
18. *Sekacheva A. B.* Trends, Features and Problems of the Development of Nuclear Energy in France // The World of New Economy. 2022. 15(3):85–96.

Сведения об авторе

ЛИЗИКОВА Марина Сергеевна –
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора
гражданского и предпринимательского права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

LIZIKOVA Marina S. –
PhD in Law,
Senior Researcher,
Sector of Civil and Business Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

**ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО
И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ**

**РАЗВИТИЕ ДОКТРИНЫ РОССИЙСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО
ПРАВА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИКЕ ДАННЫХ**

© 2023 г. Т. А. Полякова^{1, *}, А. В. Минбалеев^{1, 2, **}, Н. В. Кроткова^{1, ***}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

*E-mail: polyakova_ta@mail.ru

**E-mail: alexmin@bk.ru

***E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.08.2023 г.

Аннотация. Авторами статьи анализируются особенности развития общества и государства в условиях перехода к новому национальному проекту развития — экономике данных, а также связанные с этим современные направления развития информационного права.

Экономика данных ориентируется в первую очередь на практико-ориентированный подход активного внедрения отечественных разработок и формирование технологического суверенитета. Развитие такого механизма должно осуществляться на основе гибкого регулирования и поддержки производства. Как и в рамках цифровой экономики, в экономике данных подход гибкого регулирования представляется приоритетным. Но чтобы добиться максимально быстро необходимого результата, ставится задача по поиску новых методов и подходов. В связи с этим гибкий подход в регулировании должен быть связан с возможностью создания моделей максимального разрешения внедрения и использования технологий со строго формально определенной системой рисков, за наступление которых могут быть неблагоприятные последствия или определенные корректирующие действия под контролем государства. В статье авторы анализируют то, как должны измениться методы и подходы к регулированию отношений в условиях экономики данных.

Осознание рисков и угроз, исходящих от искусственного интеллекта, обуславливает постановку вопроса о разработке и принятии специального законодательства об искусственном интеллекте, в основе которого должен быть базовый федеральный закон об искусственном интеллекте. В работе представлены аргументы «за» и «против» такого акта, его содержание, анализируются подходы к регулированию отдельных вопросов.

Дан анализ проблем правового регулирования метавселенных как пространства для развития экономики данных. Делается вывод, что ряд проблем и рисков, с которыми сегодня приходится сталкиваться при формировании общественных отношений в метавселенных, влекут за собой необходимость правового регулирования данных отношений и разработки целостной системы правовых норм, в том числе на уровне актов стратегического планирования. Рассмотрен вопрос о целесообразности использования зарубежного опыта разработки Цифрового кодекса (на примере Кыргызской Республики).

В заключение дается анализ основных проблем, которые обсуждались на научных мероприятиях по проблемам информационного права, в том числе на Шестых Бачиловских чтениях, прошедших в 2023 г. в Институте государства и права Российской академии наук.

Ключевые слова: данные, информационное право, искусственный интеллект, квантовые технологии, квантовые коммуникации, наука информационного права, понятийный аппарат, трансформация, цифровая экономика, Цифровой кодекс, экономика данных.

Цитирование: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171.

Статья написана в рамках Государственного задания FMUZ-2021-0042 «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта и информационной безопасности».

DOI: 10.31857/S102694520027660-7

DEVELOPMENT OF THE DOCTRINE OF RUSSIAN INFORMATION LAW IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO A DATA ECONOMY

© 2023 T. A. Polyakova^{1, *}, A. V. Minbaleev^{1, 2, **}, N. V. Krotkova^{1, ***}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

*E-mail: polyakova_ta@mail.ru

**E-mail: alexmin@bk.ru

*** E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 06.08.2023

Abstract. The authors of the article analyze the peculiarities of the development of society and the state in the conditions of transition to a new national development project – the data economy, as well as related modern trends in the development of Information Law.

The data economy focuses primarily on a practice-oriented approach to the active implementation of domestic developments and the formation of technological sovereignty. The development of such a mechanism should be carried out on the basis of flexible regulation and support of production. As in the digital economy, the flexible regulation approach seems to be a priority in the data economy. But in order to achieve the desired result as quickly as possible, the task is to find new methods and approaches. In this regard, a flexible approach to regulation should be associated with the possibility of creating models for maximum resolution of the introduction and use of technologies with a strictly formally defined system of risks, for the occurrence of which there may be adverse consequences or certain corrective actions under the control of the state. In the article, the authors analyze how methods and approaches to regulating relations in the data economy should change. Awareness of the risks and threats emanating from artificial intelligence determines the question of the development and adoption of special legislation on artificial intelligence, which should be based on the basic federal law on artificial intelligence. The paper presents the arguments “for” and “against” such an act, its content, analyzes approaches to the regulation of individual issues.

The problems of legal regulation of metaverses as a space for the development of the data economy are analyzed. It is concluded that a number of problems and risks that we have to face today in the formation of social relations in the metaverse, necessitate the legal regulation of these relations and the development of an integral system of legal norms, including at the level of strategic planning acts. The question of the expediency of using foreign experience in developing a Digital Code (on the example of the Kyrgyz Republic) is considered. In conclusion, the article analyzes the main problems that were discussed at scientific events on the problems of Information Law, including the Sixth Bachilov Readings held in 2023 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Key words: data, Information Law, artificial intelligence, quantum technologies, quantum communications, science of Information Law, conceptual apparatus, transformation, digital economy, Digital Code, data economy.

For citation: Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V., Krotkova, N.V. (2023). Development of the doctrine of Russian Information Law in the context of the transition to a data economy // Gosudarstvo i pravo=State and law, No. 9, pp. 158–171.

Введение

Трансформационные процессы, связанные с увеличением роли и значения данных в современном обществе и государстве, приводят к необходимости изменения государственной политики, появления новых инструментов для развития механизма регулирования вновь возникающих отношений. Во многом это связано с изменением парадигмы управления данными как на международном, так и на государственном и корпоративном уровнях. Выступая на Форуме будущих технологий «Вычисления и связь. Квантовый мир», Президент РФ В.В. Путин обозначил переход от цифровой экономики к экономике данных. При этом им поставлена «принципиальная задача — перевести всю экономику, социальную сферу, органы власти, работу органов власти на качественно новые принципы работы, внедрить управление на новых данных — на основе больших данных», что должно повлечь «кратное повышение качества управления и производительности труда, рабочие места с передовыми компетенциями и высокими заработными платами, доступность услуг, сервисов, принципиально иные возможности для наших граждан, для человека»¹. В связи с этим Президентом РФ предложено в течение года подготовить новый национальный проект по формированию экономики данных на период до 2030 года, в рамках которого предполагается «консолидировать существующие инструменты поддержки развития цифровой экономики, искусственного интеллекта и высокотехнологичных проектов, включая “дорожные карты” по развитию квантовых технологий», и разработки в этой сфере осуществить на практике.

Среди ключевых направлений развития экономики данных обозначены: сбор данных, в том числе с использованием высокочувствительных датчиков, включая квантовые сенсоры; передача данных, развитие систем связи, в том числе последующих поколений; суверенная инфраструктура для вычислений и хранения данных внутри страны (отечественные облачные платформы и центры обработки данных, вычислительные мощности собственного производства); безопасность данных, в том числе с использованием технологий квантовых коммуникаций и квантового шифрования; суверенные и национальные стандарты и протоколы работы с данными; алгоритмы обработки и анализа данных, включая решения в области искусственного интеллекта, а также отечественное программное обеспечение; хранилища кода — российские платформы и сервисы².

¹ Пленарное заседание Форума будущих технологий. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/page/5> (дата обращения: 20.07.2023).

² См.: там же.

Бесспорно, внедрение таких технологий возможно только при наличии соответствующей правовой основы. В связи с этим перед правовой наукой стоит задача не только выстроить модели и подходы к регулированию функционирования инструментов поддержки и развития цифровой экономики и отдельных высокотехнологических отраслей, использованию отдельных технологий, но и предложить эффективные концепции и модели проектов нормативных правовых актов, которые позволили бы развиваться экономике данных.

Современные методологические подходы к исследованию в условиях перехода к экономике данных

Трансформация и переход к экономике данных, безусловно, предполагает развитие методологического обеспечения данных процессов. Наряду с сформировавшимися методологическими подходами, активно применяемыми в последние годы в рамках развития цифровой экономики, сегодня явно существует необходимость создания новых методов и подходов, а также внесения корректировки в существующие.

Экономика данных ориентируется в первую очередь на практико-ориентированный подход активного внедрения отечественных разработок и формирование технологического суверенитета, который должен быть реализован на основе выстраивания «целостного механизма создания и повсеместного внедрения передовых разработок»³. Развитие такого механизма должно быть на основе гибкого регулирования и поддержки производства. Как и в рамках цифровой экономики, в экономике данных подход гибкого регулирования является приоритетным. Но чтобы добиться максимально быстро необходимого результата, ставится задача по поиску новых методов и подходов.

Среди них системный подход и экстраполяция современных юридических исследований на регулирование не только отношений в сфере создания и использования имеющихся технологий и разработок, но и уже следующего технологического уклада, рынков будущего. Детерминировано это прежде всего значительными рисками того, что новые технологические уклады уже не смогут позволять государству не вмешиваться в те или иные процессы на протяжении периода развития и адаптации технологий. У него просто не будет времени. Технологии развиваются по пути формирования минимального жизненного цикла, поскольку происходит значительное сжатие времени каждого нового технологического витка развития. Мы все ближе приближаемся к временному континууму,

³ Там же.

при котором создание новых технологий будет одновременно точкой их устаревания, поскольку возникают в это же время новые.

В связи с этим гибкий подход в регулировании должен быть связан с возможностью создания моделей максимального разрешения внедрения и использования технологий со строго формально определенной системой рисков, за наступление которых могут быть неблагоприятные последствия или определенные корректирующие действия под контролем государства.

Изменение явно должно происходить и в рамках применяемого в цифровой экономике экспериментального метода и подхода к регулированию процессов в русле экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. Полагаем, что необходимо максимально дифференцировать такие режимы, предусматривая возможности минимизации использования административных процедур.

Использование экспериментов также должно носить явно дискретный характер, предполагающий возможность оперативного вмешательства государства при наличии ряда рисков, формально обозначенных в законодательстве. В условиях появления новых технологий те или иные риски могут привести к негативным последствиям за незначительный промежуток времени, поэтому важно нормативно закрепить допустимость реагирования на возникшие риски и угрозы.

Важным фактором в условиях экономики данных должно быть и обеспечение достоверности информации. Формирование фейковых данных, лиц, различных объектов становится одной из базовых угроз эффективной системы управления данными. В связи с этим на методологическом уровне важно закрепить систему средств обеспечения и проверки достоверности данных⁴.

Основные современные векторы развития науки информационного права

В современную эпоху быстро эволюционируют информационно-коммуникационные и уже традиционно цифровые технологии, развитие киберпространства как факторы, оказывающие влияние на взаимоотношения государств и на развитие доктринальных подходов зарубежной и отечественной

науки к понятию суверенитета⁵. Нельзя отрицать, что ускоряющиеся происходящие в мире процессы, направленные на изменение миропорядка, связаны с процессами цифровизации. Проблемы развития науки информационного права, его фундаментальных положений, структуры, системы, перспективы и горизонты, формирование научной школы постоянно находятся в сфере внимания авторов настоящей статьи, что представляется весьма актуальным и значимым в связи с внедрением новой системы научных специальностей в области права. Учитывая колоссальную динамику внедрения цифровых технологий в нашу жизнь, особенно это характерно для России, вызывает научный интерес вопрос о развитии под влиянием цифровых технологий системы информационного и цифрового права. Так каковы сегодня отличительные особенности развития доктрины информационного права, какие ключевые факторы оказывают влияние на ее развитие? На наш взгляд, этот вопрос представляет научный интерес, поскольку, как справедливо отмечает проф. В.Д. Перевалов, «определяющим началом, объединяющим различные позиции исследователей, являются научные юридические знания, которые составляют содержание юридической науки в целом и правовой науки в частности»⁶.

Проведенный анализ позволяет считать, что одно из ключевых направлений развития информационного права и информационного законодательства – регулирование отношений в сфере создания и использования стратегически важных технологий, в том числе искусственный интеллект и нейронные сети, квантовые технологии, технологии виртуальной и дополненной реальности, являющиеся основой развития метавселенных⁷. Все это также непосредственно связано и с развитием нового национального проекта экономики данных. Следует отметить, что большинство прогнозов, которые ранее были сделаны⁸ сотрудниками сектора

⁵ См.: Капустин А.Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 6. С. 99–109.

⁶ Перевалов В.Д. Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации. М., 2023. С. 5.

⁷ См.: Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации / отв. ред.: Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, В.Б. Наумов. М., 2022.

⁸ См.: Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4; Их же. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8; Их же. Новые векторы развития информационного права

⁴ См.: Петровская О.В. Принцип достоверности информации и его реализация в информационном обществе: теоретико-правовые проблемы // Право и государство: теория и практика. 2020. № 3 (183). С. 207–211; Минбалева А.В., Петровская О.В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юрид. журнал. 2022. № 4 (145). С. 20–28.

информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, так или иначе уже реализуются на практике и находят поддержку в науке.

Регулирование искусственного интеллекта: проблемы и перспективы. Активное развитие и повсеместное внедрение искусственного интеллекта и сопутствующих технологий ставит перед любым современным государством вопрос о необходимости правового и технического регулирования отношений, складывающихся в связи с их созданием и использованием.

Вместе с тем осознание рисков и угроз, исходящих от искусственного интеллекта, обуславливает постановку вопроса о разработке и принятии специального законодательства об искусственном интеллекте, в основе которого должен быть базовый федеральный закон об искусственном интеллекте. Задача по его принятию поставлена и в Российской Федерации. Однако обращает внимание то, что научные дискуссии доктринального характера относительно необходимости и возможности принятия подобного законодательного акта ведутся уже несколько лет и касаются в первую очередь как правосубъектности, так и ответственности искусственного интеллекта. Аналогичная работа ведется в Европейском Союзе, США, КНР и других государствах. В связи с тем, что технология искусственного интеллекта функционирует практически по единым принципам и стандартам во всем мире, важным представляется анализ, исследование лучших практик и решений для возможного учета в законопроектной работе. Нельзя отрицать целесообразность использования российского и зарубежного опыта этического регулирования. Вместе с тем следует признать, что сегодня уже в определенной степени пришло осознание того, что этическое регулирование в сфере использования искусственного интеллекта не панацея и нужно переходить к более централизованному регулированию. Необходимость развития доктринальных положений науки информационного права, касающихся правового регулирования использования искусственного интеллекта, позволяет сделать вывод о важности нахождения баланса между безопасностью и экономической эффективностью, поэтому, на наш взгляд, базовый закон об искусственном интеллекте должен не только обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина при создании и использовании таких технологий, но и заложить

основу для эффективного повсеместного и успешного применения их в бизнесе. Стратегические задачи, связанные с разработкой и принятием такого закона, по сути, определены в актах стратегического планирования, в том числе в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, согласно которой «к 2024 году должны быть созданы необходимые правовые условия для достижения целей, решения задач и реализации мер, предусмотренных ей»⁹. В Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года также указывается, что «следствием реализации Концепции должны стать разработка и принятие к 2024 году нормативных правовых актов в сфере искусственного интеллекта и робототехники, создающих комфортную регуляторную среду для развития технологий искусственного интеллекта и робототехники»¹⁰.

Представляется, что принятие законодательного акта в данной области целесообразно по следующим причинам:

1) очевидно, что в настоящее время созрела объективная необходимость обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в связи с созданием и использованием искусственного интеллекта. Имеющаяся практика формирования алгоритмов и онтологий искусственного интеллекта позволяет весьма дискретно подходить к вопросам соблюдения практически любых прав и свобод человека и гражданина. Задачи обеспечения информационной безопасности с учетом рисков программирования определенных решений, обучения искусственного интеллекта недостоверной или специально создаваемой и направленной на достижение определенного негативного эффекта информации, риски «черного ящика» свидетельствуют о необходимости закрепления правовых норм (вопросов), направленных на защиту прав и свобод на уровне федерального закона. Кроме того, использование искусственного интеллекта как в целях обеспечения национальной безопасности, так и в других требует установления возможного набора ограничений прав и свобод в связи с соответствующим этим целям его использованием, что возможно только на законодательном уровне;

2) необходимы унификация и формирование единого понятийного аппарата, отражающего

в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7; Полякова Т.А., Минбалева А.В., Троян Н.А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5. С. 131–144. DOI: 10.31857/S102694520025209-0

⁹ См.: Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См.: распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // СПС «КонсультантПлюс».

природу искусственного интеллекта, а также отдельных технологий, связанных с ним (нейронные сети, онтологии данных, алгоритм искусственного интеллекта и др.)¹¹;

3) усиление международной конкуренции за мировое лидерство в сфере развития искусственного интеллекта и технологического лидерства также свидетельствует о значении обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации в части российских разработок в данной сфере, в том числе отечественных баз данных для обучения нейронных сетей;

4) активное внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности общества, в промышленности, а также в сфере государственного управления; стимулирование государством такого внедрения и использования требует от него фиксации единых правил, которые создавали бы законную основу для развития этого направления. К сожалению, сегодня требования к использованию технологий искусственного интеллекта не носят системного характера, являются фрагментарными и создаются в большей степени *ad hoc*. В связи с этим необходима разработка и принятие не только базового закона об искусственном интеллекте, но и других специальных нормативных правовых актов, в том числе регулирующих использование данных технологий в той или иной отрасли (сфере), включая беспилотные транспортные системы, генеративный искусственный интеллект, а также касающихся вопросов интеллектуальной собственности, маркировки результатов искусственного интеллекта (особенно важно в отношении генеративного

искусственного интеллекта) и комплексных мер государственной поддержки и др.

В качестве альтернативы правовому регулированию выдвигаются предложения, связанные со стремлением сформировать практику этического регулирования в данной сфере, позволяющую определить векторы правового регулирования. Кроме того, с практической точки зрения многие производители технологий и акторы, их внедряющие, опасаются, что законодательное регулирование будет направлено на введение дополнительных барьеров, которые могут негативно сказаться на динамичном характере технологического роста, что представляет определенные риски с позиции более конкретного определения того, что государство понимает под искусственным интеллектом. Логичным может быть и введение ряда ограничений и запретов в части формирования и контроля за алгоритмами и онтологиями, что также может привести потенциально к нарушению прав значительного количества граждан. Определенные сложности связаны с многообразием уже имеющихся технологий искусственного интеллекта, а также продолжения развития данной тенденции. В связи с этим для правового регулирования определенные сложности имеет вопрос относительно технологической нейтральности. В частности, возникает вопрос: регулировать только «слабый» искусственный интеллект или уже есть необходимость специальных законодательных запретов и ограничений в отношении «сильного» искусственного интеллекта? В настоящее время можно выделить целую систему рисков, связанных с созданием и различными способами использования искусственного интеллекта. Возникают вопросы и относительно приоритетности рисков, с учетом появления новых, что потребует постоянного внесения изменений в нормативные правовые акты.

К сожалению, в обществе к развитию и применению технологий искусственного интеллекта относятся с определенной мерой недоверия, продолжает существовать алармизм, связанный, как показывают социологические исследования, с низким уровнем правосознания в обществе в этой части¹². Многие усматривают в развитии регулирования искусственного интеллекта попытки государства его официального внедрения и использования против граждан.

Важным вопросом, вызывающим множество дискуссий в юридическом сообществе, является определение субъектов в сфере искусственного

¹¹ См.: *Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al.* Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // *State and Law*. 2022. No 1. P. 168–178. DOI: 10.31857/S102694520018288-7; *Минбалева А. В.* Понятие «искусственный интеллект» в праве // *Вестник Удмуртского ун-та. Сер: Экономика и право*. 2022. Т. 32. № 6. С. 1094–1099; *Наумов В. Б., Камалова Г. Г.* Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // *Труды ИГП РАН*. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–93; *Полякова Т. А., Камалова Г. Г.* «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права // *Правовое государство: теория и практика*. 2021. № 3 (65). С. 133–145; *Минбалева А. В., Тутова Е. В.* Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // *Человек. Спорт. Медицина*. 2020. Т. 20. № S2. С. 114–119; *Минбалева А. В., Берестнев М. А., Евсиков К. С.* Регулирование использования искусственного интеллекта в добывающей промышленности // *Известия Тульского гос. ун-та. Науки о Земле*. 2022. № 2. С. 509–525; *Nikolskaya K., Naumov V.* Artificial Intelligence in Law // 2020 International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies, FarEastCon 2020, Vladivostok, October 6–9, 2020. Vladivostok, 2020. P. 927–1095; *Егорова М. А., Минбалева А. В., Кожевина О. В., Дюффо А.* Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // *Вестник СПбУ. Право*. 2021. Т. 12. № 2. С. 250–262.

¹² См.: *Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleeva A.V.* Trust in the law during the digital transformation // *State and Law*. 2022. No. 11. P. 139–147. DOI: 10.31857/S102694520022767-4

интеллекта¹³. Так, в Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта используется категория «актор искусственного интеллекта», которой охватывается весь круг субъектов, связанных с искусственным интеллектом, в том числе «разработчики, создающие, обучающие, тестирующие модели / системы искусственного интеллекта и разрабатывающие, реализующие такие модели / системы, программные и / или аппаратные комплексы; заказчики (лицо или организация), получающие продукт или услугу; поставщики данных и лица, осуществляющие формирование наборов данных для применения их в системах искусственного интеллекта; эксперты, осуществляющие измерение и / или оценку параметров разработанных моделей / систем; изготовители, осуществляющие производство систем; эксплуатанты систем, на законном основании владеющие соответствующими системами, использующие их по назначению и непосредственно реализующие решение прикладных задач с использованием систем; операторы (лицо или организация), осуществляющие работу систем искусственного интеллекта; лица, принимающие участие в регуляторном воздействии на сферу искусственного интеллекта, в том числе разработчики нормативно-технических документов, руководств, различных регуляторных положений, требований и стандартов в области искусственного интеллекта; иные лица, действия которых потенциально могут повлиять на результаты действий систем или лиц, принимающих решения с использованием систем искусственного интеллекта»¹⁴. В связи с этим возникает вопрос о возможности его использования в законе. Это позволяет сделать вывод, что используемая в этическом регулировании категория «актор искусственного интеллекта» не может быть использована на законодательном уровне, поскольку слишком широко размыкает направления деятельности ряда значимых субъектов в сфере искусственного интеллекта. Вопрос об определении в указанном законопроекте субъектов требует специальных научных исследований. Представляется, что в предлагаемом законопроекте целесообразно указать следующих субъектов: разработчика системы искусственного интеллекта, ее владельца, пользователя, поставщика. Вместе с тем специально должен быть определен орган

государственной власти, уполномоченный осуществлять контроль в сфере создания и использования искусственного интеллекта. Введение других субъектов возможно через подзаконные нормативные правовые акты при необходимости введения специальных режимов. Возникает отдельный и, вероятно, один из наиболее сложных вопросов о возможности специального законодательного закрепления самого искусственного интеллекта (электронного лица, робота, киберфизического лица) в качестве субъекта правовых отношений¹⁵.

Как уже отмечалось ранее, не менее важной проблемой, возникшей в процессе использования искусственного интеллекта и нейронных сетей, также требующей правового решения, является массовое внедрение и применение генеративного искусственного интеллекта, создающего самого разного рода тексты, изображения и аудиовизуальные произведения на основе данных, на которых он был обучен¹⁶. Активное его внедрение в различных сферах приводит к проблеме, связанной с отказом анализировать те или иные процессы и явления, но больше доверять продуктам таких алгоритмов. Проблемным представляется вопрос о возможной замене такими технологиями различных специалистов – журналистов, специалистов в сфере рекламы, сценаристов, педагогов и др. Хотя данный инструмент может дать быстрые и простые ответы практически на любые вопросы, однако определенную тревогу вызывает то, что неясно, как это будет влиять на развитие и навыки критического мышления, а также решение проблем быстроменяющегося мира. Опасным представляется чрезмерное доверие к таким технологиям, а также достоверность информации, которая создается ими. В связи с этим нормативное правовое регулирование процесса создания алгоритмов генеративного искусственного интеллекта должно учитывать все возможные риски и угрозы.

Проблемы и перспективы правового регулирования метавселенных. В первую очередь необходимо определить, что представляет собой метавселенная с позиции рассмотрения ее как «мира» или «совокупности миров». Данные категории наиболее часто связываются с юридическими категориями «информационное пространство», «информационная сфера» и «информационная среда». Чаще всего говорят о сфере или пространстве. Полагаем, что метавселенные с правовой точки зрения необходимо

¹³ См.: Чубукова С. Г. Системы субъектов информационного права: направления цифровой трансформации // Вестник Московского ун-та. Сер. 26: Государственный аудит. 2019. № 3. С. 17–27; Её же. Теоретические проблемы системы субъектов информационного права // Право и государство: теория и практика. 2018. № 12 (168). С. 101–105.

¹⁴ См.: Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: https://ethics.a-ai.ru/assets/ethics_files/2023/05/12/%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B8_20_10_1.pdf (дата обращения: 20.05.2023).

¹⁵ См.: Чубукова С. Г. Квазисубъекты в киберправе // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 53–61.

¹⁶ См.: Асадуллина А. В., Белоусов В. С. Глобальные тренды в развитии и регулировании технологий искусственного интеллекта // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 2. С. 727–748.

рассматривать не как сферу, в рамках которой существует неопределенная группа общественных отношений, а разновидность информационного пространства, в котором есть достаточно ресурсов и возможностей для конкретизации и учета всех существующих участников и объектов, возможность их количественной фиксации и качественных характеристик (поскольку все может быть рассмотрено как ценность, представляющая тот или иной интерес для определенных субъектов). Метавселенная как информационное пространство основывается на совокупности профилей и моделей, а также системе их взаимодействий, обеспечиваемых субъектами, создающих или погружающихся в иммерсивную среду. Поскольку фактически виртуальный мир — это исключительно информационное (цифровое) пространство, то базовые отношения по организации и функционированию данной разновидности пространства должны регулироваться нормами информационного законодательства. Данное пространство формируется на основе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», иных сетей, информационных систем, программ для ЭВМ, баз данных и других информационных технологий, в том числе базовых цифровых технологий — виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта и нейронных сетей и др. В то же время необходимо учитывать, что в рамках метавселенной выстраивается широкий круг гражданско-правовых, трудовых, административных и других отношений. Ряд отношений связан с использованием пользователями через своих аватаров цифровых имущественных объектов, создаваемых в метавселенной. Это и объекты, имитирующие реальные объекты движимого и недвижимого имущества, а также специально создаваемые в виртуальном мире. Уже сегодня встают вопросы управления такими объектами, в том числе заключения сделок с ними, наследования и иных действий¹⁷.

Особенностью метавселенной является предоставление возможности не просто использовать ее для работы, учебы или развлечений, но и фактически проводить в этом мире практически целый день. Возможности виртуального мира позволяют посещать различные магазины, заниматься музыкой, чтением в свободное от работы или учебы время. Разработчики таких миров стремятся к максимальной реалистичности и приближенности к реальному миру, создавая трехмерный мир. Это позволяет практически полностью заменить часть жизни, погрузившись в данное цифровое пространство. В связи с этим возникает масса

возможностей с точки зрения реализации трудовых, предпринимательских, административных и других отношений. Многие государства рассматривают виртуальные миры как пространство, в котором государство может предоставлять ряд цифровых услуг, реализовывать избирательные отношения. Планируется открытие и представительств органов государственной власти, виртуальных многофункциональных центров, где через аватары пользователи смогут получать государственные услуги. Обеспечение развития системы цифрового профилирования и использования аватаров в метавселенных явно требует решения общей проблемы развития правового обеспечения цифрового профилирования¹⁸.

В то же время данная особенность несет в себе массу рисков и угроз, поскольку человек отрывается от реальной жизни, снижается социальная и физическая активность, что неминуемо ведет к ряду социальных проблем в обществе. В связи с этим весьма важно на уровне уже концептуального регулирования отношений в метавселенных заложить необходимость на правовом уровне закрепить ряд гарантий по противодействию таким угрозам.

Метавселенные, бесспорно, — серьезный вызов для любого общества и государства, а возможно, и всего мирового сообщества. Ряд проблем и рисков, с которыми приходится сталкиваться при формировании общественных отношений в метавселенных, обуславливают необходимость правового регулирования данных отношений и разработки целостной системы правовых норм, в том числе на уровне актов стратегического планирования.

Правовое регулирование квантовых коммуникаций. В Концепции технологического развития на период до 2030 года закреплено, что технологический суверенитет подразумевает наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Одно из ключевых направлений развития экономики данных — формирование кластера отечественных разработок в сфере квантовых технологий. С позиции реализации

¹⁷ См.: Минбалеев А. В., Титова Е. В. Правовые проблемы и риски проведения спортивных мероприятий в метавселенной // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23. № S1. С. 139. DOI: 10.14529/hsm23s119

¹⁸ См.: Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19; Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116. DOI: 10.31857/S102694520016732-6; Минбалеев А. В., Титова Е. В. Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S2. С. 154–160.

и внедрения наиболее успешными считаются технологии квантовых коммуникаций. С правовой точки зрения данные технологии являются наиболее изученными. Результатом исследований в этой части, проводимых специалистами в области информационного права¹⁹, стала разработка Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года, цель которой — определение основных подходов к развитию системы нормативного регулирования в Российской Федерации отрасли квантовых коммуникаций для обеспечения глобальной технологической конкурентоспособности. Для развития отрасли квантовых коммуникаций необходимо совершенствовать существующую регуляторную среду на основе баланса интересов человека, общества и государства, обеспечивая высокий уровень информационной безопасности. Регулирование квантовых коммуникаций должно обеспечить высокий уровень информационной безопасности в период их внедрения в существующие информационные системы и сети связи²⁰.

Проблемы и перспективы разработки и принятия Цифрового кодекса Российской Федерации

В рамках Международного юридического форума в мае 2023 г. в Санкт-Петербурге, а также на нескольких научных площадках вновь стали активно обсуждать необходимость разработки и принятия Цифрового кодекса Российской Федерации²¹. Вопросы систематизации, в том числе кодификации, информационного законодательства являются традиционными в науке информационного права²², но в последние годы все в большей степени данная проблема стала рассматриваться применительно к Цифровому

кодексу. Хотя следует отметить, что в ноябре 2022 г. в г. Самарканде принята новая редакция Информационного кодекса СНГ.

Во многом новый виток обсуждений и постановка задач по разработке проекта Цифрового кодекса РФ стали результатом обнародования проекта Цифрового кодекса Кыргызской Республики. Разработчики Кодекса отмечают, что «принятие проекта Кодекса, объединяющего правовое регулирование и систематизацию всего технологического законодательства, позволит сформировать благоприятную нормативную правовую среду, которая заложит основы для развития цифровой экономики в Кыргызской Республике»²³.

Анализ проекта указанного Цифрового кодекса Кыргызской Республики показал, что он состоит из семи разделов, в том числе раздела «Глоссарий», объединяющих 23 главы: Основы правового регулирования в цифровой среде; Правоотношения в цифровой среде; Обработка цифровых данных. Цифровые ресурсы; Цифровые сервисы и экосистемы; Цифровые технологические системы; Заключительные и переходные положения; Глоссарий.

Предметом регулирования данного Кодекса выступает система отношений в цифровой среде, включающая в себя отношения, связанные с:

- 1) обработкой цифровых данных, созданием и использованием цифровых записей (в том числе в виде цифровых документов) и цифровых ресурсов;
- 2) созданием и использованием цифровых сервисов, построением цифровых экосистем и участием в них;
- 3) созданием цифровых технологических систем, таких как центры обработки данных и телекоммуникационные сети;
- 4) доступом владельцев цифровых технологических систем к инфраструктуре: землям, зданиям, строениям, сооружениям и иным аналогичным объектам²⁴.

Анализ проекта Кодекса свидетельствует о комплексном подходе его разработчиков, которые взяли за основу зарубежные акты (кодексы) о телекоммуникациях, персональных данных, цифровых сервисах и цифровых услугах. Такой вариант проекта Кодекса можно назвать сервисным, предполагающим

¹⁹ См.: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114. DOI: 10.31857/S102694520019763-0

²⁰ См.: Концепция регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 11.07.2023 г. № 1856-р) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Немкин А. Цифровой кодекс позволит построить стройную систему работы ИТ-индустрии. URL: <https://permkrai.er.ru/activity/news/cifrovoj-kodeks-pozvolit-postroit-strojnyu-sistemu-raboty-it-industrii?ysclid=lks22iscte121304869> (дата обращения: 20.06.2023).

²² См.: Полякова Т.А. Перспективы кодификации информационного законодательства // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: сб. науч. тр. М., 2018. С. 15–22; Её же. Методологические подходы к систематизации информационного законодательства в условиях перехода к информационному обществу // Вестник РПА. 2007. № 4. С. 85–87; Фадеева Н.А. Актуальные вопросы систематизации законодательства Российской Федерации // Правовая информатика. 2013. № 3. С. 49–55.

²³ Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики. URL: <https://code.digital.gov.kg/ru/bills/6/> (дата обращения: 20.06.2023); Цифровой кодекс улучшит оказание госуслуг в Кыргызстане. URL: <https://rg.ru/2023/01/11/konstituciia-sistemy.html?ysclid=lks2uty67n680708384> (дата обращения: 20.06.2023).

²⁴ См.: Проект Цифрового кодекса Кыргызской Республики. URL: <https://code.digital.gov.kg/ru/bills/6/> (дата обращения: 20.06.2023).

в большей степени обеспечение оборота и использования данных, в том числе персональных, с применением различных телекоммуникаций. Кодекс — своего рода объединение регулирования телекоммуникаций и цифровых данных, в том числе персональных. Данный подход фактически противостоит объектовому подходу, на основе которого строится регулирование использования отдельных цифровых объектов и технологий.

В Российской Федерации также актуальной является задача по разработке Цифрового кодекса, поэтому в науке информационного права формирование оптимальной эффективной модели такого кодекса — одно из приоритетных направлений.

Шестые Бачиловские чтения и перспективы развития информационно-правовых исследований в системе правовой науки

Современные научно-практические конференции, «круглые столы» и иные научные мероприятия во многом формируются под повестку обсуждения и выявления актуальных тенденций и направлений развития науки. Не является исключением и традиционно проводимая в стенах Института государства и права РАН Международная научно-практическая конференция «Бачиловские чтения». В 2023 г. была организована и проведена сектором информационного права и международной информационной безопасности Шестая конференция, посвященная вопросам о роли информационного права в современной парадигме отношений, правовому обеспечению информационной безопасности, включая кибербезопасность, проблемам международной информационной безопасности в условиях глобальной неопределенности, активного развития цифровых платформ и метавселенных, формирования правовых основ культуры информационной безопасности.

С приветственным словом к участникам конференции обратился член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, директор Института государства и права РАН А.Н. Савенков. В своем выступлении он отметил важность исторической памяти относительно вклада народа СССР, права и юристов в становление миропорядка после Второй мировой войны, а также роль Института государства и права РАН в развитии права в условиях общей нестабильности и разрушения сложившихся устоев и принципов современного мира.

Открыла конференцию д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник, и.о. зав. сектором информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН Т.А. Полякова, определив актуальные вопросы и круг стратегических задач развития науки

информационного права в современных условиях и взаимодействия со смежными отраслями права.

С приветственным словом к участникам конференции также обратился д-р юрид. наук, доц., директор Белорусского института стратегических исследований О.С. Макаров, который остановился на приоритетных проблемах информационного права и правового обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь, стратегических задачах информационной безопасности Союзного государства России и Республики Беларусь.

С докладом на пленарном заседании на тему «**Метаморфозы информационного права**» выступил Герой Российской Федерации, космонавт, член-корр. РАН, д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.М. Батулин.

Доктор юрид. наук, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН В.Б. Наумов в своем выступлении на тему «**Новые горизонты права и цифровой культуры: от цифрового Сталинграда к виртуальному миру**» коснулся трех важнейших направлений: сохранения культурного наследия, технологий машинного обучения, правовых проблем цифровизации и виртуальных миров.

В пленарной части конференции с докладом о **проблемах и перспективах правового регулирования отношений в метавселенной** выступил д-р юрид. наук, проф., зав. кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, эксперт РАН А.В. Минбалева. Он отметил, что о метавселенной можно говорить как о виртуальном информационном пространстве, имитирующем реальную действительность и созданном с использованием средств электронно-вычислительной техники и информационных технологий, в рамках которого обеспечивается возможность реализации тех или иных потребностей и интересов субъектов посредством использования аватаров и иных цифровых профилей и моделей. А базовые отношения по организации и функционированию данной разновидности информационного пространства должны регулироваться нормами информационного законодательства.

Фундаментальным теоретическим проблемам информационного права, направленным на развитие доктрины информационного права, было посвящено выступление д-ра юрид. наук, проф., зав. кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета П.У. Кузнецова — «**Типы и виды информационных правоотношений:**

проблемы классификации». Он остановился на вопросах оснований классификации в информационном праве. В этом качестве выбраны мегатипы, формы и виды информации как объекты информационных правоотношений. Сделан вывод об иерархичности предмета информационного права, что, по его мнению, «дает возможность лучше понять многомерность складывающихся информационных правоотношений и, следовательно, пространственное видение сложного содержания самого феномена информационного права. Структурно-сложная модель общественных отношений, складывающихся по поводу информации, представляет собой действительно многомерную модель множественных связей, типология которых пока еще глубоко не исследована». П.У. Кузнецовым выделена и особая форма (цифровая) информации в качестве основания классификации информационных правоотношений, которая создает новую среду человека как цифровую форму бытия.

Доктор юрид. наук, проф., профессор кафедры информационной безопасности и компьютерного права Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Морозов коснулся актуальной темы **соотношения информационного, компьютерного, цифрового, машиночитаемого права, интернета, ИТ, киберправа**, которая вызвала широкую дискуссию, а также теоретический и практический интерес у участников конференции.

Доктор юрид. наук, профессор кафедры государственного аудита Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор центра сравнительного правоведения Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне (КНР) А.А. Тедеев в своем докладе обратился к **вопросу о сущности и значении принципов информационного права**, которые, по его мнению, в современных условиях являются не просто ценностными ориентирами государственной правовой политики в области цифровизации, но и вектором развития соответствующей отрасли.

В качестве специального гостя на конференции с докладом на тему **«О состоянии законодательства Республики Беларусь в сфере информатизации и основных направлениях его развития»** выступил директор Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь В.Д. Ипатов.

Доктор юрид. наук, проф., главный научный сотрудник центра судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ О.А. Степанов рассмотрел в своем выступлении **цифровые права личности в криптовалютной сфере**, отметив, что реализация гарантий безопасности как личности, так и государства предполагает необходимость своевременного внесения

изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

На конференции также выступили ведущие специалисты в области информационного права и информационной безопасности: *д-ра юрид. наук А.А. Стрельцов, Л.К. Терещенко, Н.Н. Ковалева, А.А. Чеботарева, Г.Г. Камалова, Г.Г. Шинкаревич, А.А. Ефремов*, а также ученые более чем из 20 российских регионов и зарубежные участники.

Такое широкое представительство позволило обсудить значительное количество актуальных вопросов науки информационного права, включая проблемы доктринального характера, в том числе и развития информационного права как публично-правовой науки. В рамках конференции был проведен научный семинар для молодых ученых (по результатам выступлений будут изданы коллективная монография и сборник работ молодых ученых).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование продолжило цикл ежегодных статей авторов, посвященных развитию информационного права, современной цифровой экономики и постепенного перехода к экономике данных. Очевидно, что требуется активизация как научных исследований, образовательных программ в сфере высокотехнологического развития, так и практической реализации, внедрения отечественных разработок, связанных с различными процессами в сфере управления данными.

От юридической науки современные факторы и условия развития общества и государства требуют переосмысления ряда задач и переход на более практико-ориентированный подход, предполагающий в большей мере концентрацию на осмыслении и разработку реальных моделей и подходов к регулированию отношений экономики данных. Перед юридической наукой ставится задача подготовки концепций ряда актов стратегического планирования и проектов нормативных правовых актов, направленных на регулирование развивающихся технологий, а также только проектируемых и прогнозируемых. Важно уже сегодня исследовать и выявить закономерности, на основе которых строится технологическое развитие в целях обеспечения технологического суверенитета и эффективного развития экономики данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асадуллина А.В., Белоусов В.С. Глобальные тренды в развитии и регулировании технологий искусственного интеллекта // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 2. С. 727–748.

2. *Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалеев А. В.* Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // *Правоприменение*. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19.
3. *Егорова М. А., Минбалеев А. В., Кожеева О. В., Дюфлю А.* Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // *Вестник СПбГУ. Право*. 2021. Т. 12. № 2. С. 250–262.
4. *Капустин А. Я.* Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2022. Т. 18. № 6. С. 99–109.
5. *Минбалеев А. В.* Понятие «искусственный интеллект» в праве // *Вестник Удмуртского ун-та. Сер: Экономика и право*. 2022. Т. 32. № 6. С. 1094–1099.
6. *Минбалеев А. В., Берестнев М. А., Евсиков К. С.* Регулирование использования искусственного интеллекта в добывающей промышленности // *Известия Тульского гос. ун-та. Науки о Земле*. 2022. № 2. С. 509–525.
7. *Минбалеев А. В., Петровская О. В.* Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // *Российский юрид. журнал*. 2022. № 4 (145). С. 20–28.
8. *Минбалеев А. В., Титова Е. В.* Правовые проблемы и риски проведения спортивных мероприятий в метавселенной // *Человек. Спорт. Медицина*. 2023. Т. 23. № S1. С. 139. DOI: 10.14529/hsm23s119
9. *Минбалеев А. В., Титова Е. В.* Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // *Человек. Спорт. Медицина*. 2020. Т. 20. № S2. С. 114–119.
10. *Минбалеев А. В., Титова Е. В.* Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // *Человек. Спорт. Медицина*. 2021. Т. 21. № S2. С. 154–160.
11. *Наумов В. Б., Камалова Г. Г.* Вопросы построения юридических дефиниций в сфере искусственного интеллекта // *Труды ИГП РАН*. 2020. Т. 15. № 1. С. 81–93.
12. *Немкин А.* Цифровой кодекс позволит построить стройную систему работы ИТ-индустрии. URL: <https://permkrai.er.ru/activity/news/cifrovoy-kodeks-pozvolit-postroit-strojnuyu-sistemu-raboty-it-industrii?ysclid=llks22iscte121304869> (дата обращения: 20.06.2023).
13. Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации / отв. ред.: Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов. М., 2022.
14. *Перевалов В. Д.* Правовая доктрина: проблемы формирования и реализации. М., 2023. С. 5.
15. *Петровская О. В.* Принцип достоверности информации и его реализация в информационном обществе: теоретико-правовые проблемы // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 3 (183). С. 207–211.
16. *Полякова Т. А.* Методологические подходы к систематизации информационного законодательства в условиях перехода к информационному обществу // *Вестник РПА*. 2007. № 4. С. 85–87.
17. *Полякова Т. А.* Перспективы кодификации информационного законодательства // *Информационное про-*
- странство: обеспечение информационной безопасности и право: сб. науч. тр.* М., 2018. С. 15–22.
18. *Полякова Т. А., Камалова Г. Г.* «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права // *Правовое государство: теория и практика*. 2021. № 3 (65). С. 133–145.
19. *Полякова Т. А., Минбалеев А. В.* Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // *Государство и право*. 2021. № 9. С. 107–116. DOI: 10.31857/S102694520016732-6
20. *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В.* Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // *Государство и право*. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7
21. *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В.* Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // *Государство и право*. 2022. № 9. С. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4
22. *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В.* Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // *Государство и право*. 2021. № 12. С. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8
23. *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б.* Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // *Государство и право*. 2022. № 5. С. 104–114. DOI: 10.31857/S102694520019763-0
24. *Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Троян Н. А.* Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // *Государство и право*. 2023. № 5. С. 131–144. DOI: 10.31857/S102694520025209-0
25. *Фадеева Н. А.* Актуальные вопросы систематизации законодательства Российской Федерации // *Правовая информатика*. 2013. № 3. С. 49–55.
26. *Чубукова С. Г.* Квасисубъекты в киберправе // *Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2023. № 2 (102). С. 53–61.
27. *Чубукова С. Г.* Системы субъектов информационного права: направления цифровой трансформации // *Вестник Московского ун-та. Сер. 26: Государственный аудит*. 2019. № 3. С. 17–27.
28. *Чубукова С. Г.* Теоретические проблемы системы субъектов информационного права // *Право и государство: теория и практика*. 2018. № 12 (168). С. 101–105.
29. *Arkhipov V. V., Gracheva A. V., Naumov V. B. et al.* Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // *State and Law*. 2022. No 1. P. 168–178. DOI: 10.31857/S102694520018288-7
30. *Nikolskaya K., Naumov V.* Artificial Intelligence in Law // 2020 International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies, FarEastCon 2020, Vladivostok, October 6–9, 2020. Vladivostok, 2020. P. 927–1095.
31. *Polyakova T. A., Naumov V. B., Minbaleev A. V.* Trust in the law during the digital transformation // *State and Law*. 2022. No. 11. P. 139–147. DOI: 10.31857/S102694520022767-4

REFERENCES

1. *Asadullina A.V., Belousov V.S.* Global trends in the development and regulation of artificial intelligence technologies // Issues of innovative economics. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 727–748 (in Russ.).
2. *Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V.* Digital profile: concept, regulatory mechanisms and problems of implementation // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 4. P. 5–19 (in Russ.).
3. *Egorova M.A., Minbaleev A.V., Kozhevina O.V., Duflo A.* The main directions of legal regulation of the use of artificial intelligence in a pandemic // Herald of the SPbU. Law. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 250–262 (in Russ.).
4. *Kapustin A. Ya.* State sovereignty in cyberspace: international legal dimension // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2022. Vol. 18. No. 6. P. 99–109 (in Russ.).
5. *Minbaleev A.V.* The concept of “artificial intelligence” in law // Herald of the Udmurt University. Ser: Economics and Law. 2022. Vol. 32. No. 6. P. 1094–1099 (in Russ.).
6. *Minbaleev A.V., Berestnev M.A., Evsikov K.S.* Regulation of the use of artificial intelligence in the extractive industry // News of the Tula State University. Earth sciences. 2022. No. 2. P. 509–525 (in Russ.).
7. *Minbaleev A.V., Petrovskaya O.V.* Problems of implementation of the principle of reliability of information in the conditions of digital transformation // Russian legal journal. 2022. No. 4 (145). P. 20–28 (in Russ.).
8. *Minbaleev A.V., Titova E.V.* Legal problems and risks of holding sports events in the metaverse // Man. Sport. Medicine. 2023. Vol. 23. No. S1. P. 139. DOI: 10.14529/hsm23s119 (in Russ.).
9. *Minbaleev A.V., Titova E.V.* Problems of using artificial intelligence technologies in the sports sphere and legal restrictions // Man. Sport. Medicine. 2020. Vol. 20. No. S2. P. 114–119 (in Russ.).
10. *Minbaleev A.V., Titova E.V.* Digital profile of an athlete: problems of legal regulation and protection // Man. Sport. Medicine. 2021. Vol. 21. No. S2. P. 154–160 (in Russ.).
11. *Naumov V.B., Kamalova G.G.* Issues of constructing legal definitions in the field of artificial intelligence // Proceedings of the IGP RAS. 2020. Vol. 15. No. 1. P. 81–93 (in Russ.).
12. *Nemkin A.* Digital Code will allow to build a coherent system of IT-industries. URL: <https://permkrai.er.ru/activity/news/cifrovoj-kodeks-pozvolit-postroit-strojnuyu-sistemu-raboty-it-industrii?ysclid=lks22iscte121304869> (accessed: 20.06.2023) (in Russ.).
13. New horizons of development of the Information Law system in the conditions of digital transformation / res. ed.: T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. M., 2022 (in Russ.).
14. *Perevalov V.D.* Legal doctrine: problems of formation and implementation. M., 2023. P. 5 (in Russ.).
15. *Petrovskaya O.V.* The principle of reliability of information and its implementation in the information society: theoretical and legal problems // Law and the State: Theory and Practice. 2020. No. 3 (183). P. 207–211 (in Russ.).
16. *Polyakova T.A.* Methodological approaches to systematization of information legislation in the conditions of transition to an information society // Herald of the RPA. 2007. No. 4. P. 85–87 (in Russ.).
17. *Polyakova T.A.* Prospects for codification of information legislation // Information space: ensuring information security and law: collection of scientific papers. M., 2018. P. 15–22 (in Russ.).
18. *Polyakova T.A., Kamalova G.G.* “The law of artificial intelligence” and its place in the system Information Law // The Rule of Law: theory and practice. 2021. No. 3 (65). P. 133–145 (in Russ.).
19. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V.* The concept and legal nature of “digital maturity” // State and Law. 2021. No. 9. P. 107–116. DOI: 10.31857/S102694520016732-6 (in Russ.).
20. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* New vectors of information law development in the conditions of civilizational crisis and digital transformation // State and Law. 2020. No. 5. P. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7 (in Russ.).
21. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Main trends and problems of the development of the science of Information Law // State and Law. 2022. No. 9. P. 94–104. DOI: 10.31857/S102694520022203-4 (in Russ.).
22. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Development of the science of Information Law and legal provision of information security: formation of the scientific school of Information Law (past and future) // State and Law. 2021. No. 12. P. 97–108. DOI: 10.31857/S102694520017761-8 (in Russ.).
23. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B.* Legal regulation of quantum communications in Russia and in the world // State and Law. 2022. No. 5. P. 104–114. DOI: 10.31857/S102694520019763-0 (in Russ.).
24. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Troyan N.A.* Formation of the culture of information security of citizens of the Russian Federation in the conditions of new challenges: public-legal problems // State and Law. 2023. No. 5. P. 131–144. DOI: 10.31857/S102694520025209-0 (in Russ.).
25. *Fadeeva N.A.* Actual issues of systematization of the legislation of the Russian Federation // Legal informatics. 2013. No. 3. P. 49–55 (in Russ.).
26. *Chubukova S.G.* Quasi-objects in cyber law // Herald of Kutafin University (MSLA). 2023. No. 2 (102). P. 53–61 (in Russ.).
27. *Chubukova S.G.* Systems of subjects of Information Law: directions of digital transformation // Herald of the Moscow University. Ser. 26: State audit. 2019. No. 3. P. 17–27 (in Russ.).
28. *Chubukova S.G.* Theoretical problems of the system of subjects of Information Law // Law and the State: Theory and Practice. 2018. No. 12 (168). P. 101–105 (in Russ.).
29. *Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al.* Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // State and Law. 2022. No. 1. P. 168–178. DOI: 10.31857/S102694520018288-7
30. *Nikolskaya K., Naumov V.* Artificial Intelligence in Law // 2020 International Multi-Conference on Industrial Engineering and Modern Technologies, FarEastCon 2020, Vladivostok, October 6–9, 2020. Vladivostok, 2020. P. 927–1095.
31. *Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V.* Trust in the law during the digital transformation // State and Law. 2022. No. 11. P. 139–147. DOI: 10.31857/S102694520022767-4

Сведения об авторах

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна —
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник, и.о. заведующей
сектором информационного права
и международной информационной
безопасности
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 4224-3174, AuthorID: 732015
ORCID: 0000-0003-3791-2903

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович —
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой информационного
права и цифровых технологий
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9;
главный научный сотрудник сектора
информационного права и международной
информационной безопасности
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 7148-1527, AuthorID: 651824
ORCID: 0000-0001-5995-1802

КРОТКОВА Наталья Викторовна —
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук,
заместитель главного редактора
журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035-1892, AuthorID: 559435
ORCID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

POLYAKOVA Tatyana A. —
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Acting Head
of the Information Law
and International Information Security Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MINBALEEV Alexey V. —
Doctor of Law, Professor,
Head Department of Information Law
and Digital Technologies of Kutafin Moscow
State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia;
Chief Researcher, Information Law
and International Information Security Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KROTKOVA Natalya V. —
PhD in Law,
Leading Researcher, Constitutional Law
and Constitutional Justice Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Vice-Editor-in-Chief of Journal "State and Law"
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УРОВЕНЬ МИРОВОГО ОКЕАНА И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

© 2023 г. Г. Г. Шинкарецкая

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: gshink@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.04.2023 г.

Аннотация. В результате работы Третьей Конференции ООН по морскому праву, которая приняла Конвенцию ООН по морскому праву, в Мировом океане, покрывающем 2/3 нашей планеты, был установлен единый и одобренный фактически всеми государствами международный правопорядок. Его важной частью является порядок выделения из общего пространства Мирового океана части вод и дна, правомерно подчиняемых юрисдикции прибрежных государств. С потеплением климата на Земле уровень вод Мирового океана стал подниматься и установленные пределы зон юрисдикции оказываются нарушенными. В настоящее время сформировались две идеи определения пределов национальной юрисдикции: закрепить исходную линию для измерения зон юрисдикции; установить фиксированный внешний предел таких зон. Конвенция ООН по морскому праву общепризнана и никем не оспаривается.

Ключевые слова: Третья Конференция ООН по морскому праву, Конвенция ООН по морскому праву, Мировой океан, зоны национальной юрисдикции, потепление климата, повышение уровня моря, Тихоокеанские государства, архипелажные государства, международное морское право, исходные линии.

Цитирование: Шинкарецкая Г. Г. Уровень Мирового океана и международное право // Государство и право. 2023. № 9. С. 172–179.

DOI: 10.31857/S102694520027738-2

THE LEVEL OF THE WORLD OCEAN AND INTERNATIONAL LAW

© 2023 G. G. Shinkaretskaya

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow**E-mail: gshink@yandex.ru*

Received 18.04.2023

Abstract. As a result of the work of the Third UN Conference on the Law of the Sea, which adopted the UN Convention on the Law of the Sea, a single international legal order was established in the oceans covering 2/3 of our planet and approved by virtually all States. An important part of it is the procedure for allocating from the common space of the World Ocean part of the waters and the bottom, lawfully subject to the jurisdiction of coastal States. With the warming of the climate on Earth, the water level of the World's oceans began to rise, and the established limits of the zones of jurisdiction are violated. Currently, two ideas have been formed for determining the limits of national jurisdiction: to fix the baseline for measuring zones of jurisdiction; to establish a fixed external limit of such zones. The UN Convention on the Law of the Sea is universally recognized and is not disputed by anyone.

Key words: Third UN Conference on the Law of the Sea, UN Convention on the Law of the Sea, World Ocean, zones of national jurisdiction, climate warming, sea level rise, Pacific States, archipelagic States, international maritime law, baselines.

For citation: Shinkaretskaya, G. G. (2023). The level of the World Ocean and International Law // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 9, pp. 172–179.

Современный правопорядок в Мировом океане, составляющем 2/3 поверхности нашей планеты, стал результатом многолетних усилий фактически всех государств, которые принимали участие в работе Третьей Конференции ООН по морскому праву. Конференция продолжалась 15 лет, и немалой заслугой нашей страны, тогда еще СССР, стало формирование общепризнанного, справедливого и уравновешенного правопорядка в Мировом океане, закрепленного Конвенцией ООН по морскому праву¹.

Одним из оснований правопорядка в Мировом океане стали нормы о порядке отграничения прибрежных зон, на которые распространяется юрисдикция государств, территориального моря, прилежащих зон, исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Отправной чертой для отмеривания зон юрисдикции в морском праве издавна считается линия берега, на которой отмечают точки, называемые исходными точками. Ровная, «идеальная» линия берега встречается очень редко, вдоль берега чаще всего присутствуют мелкие острова, заливы и заливчики, устья ручьев и рек. Издавна было достигнуто соглашение о том, что эти мелкие подробности составляют часть берега. Таким образом, было согласовано, что «нормальная» линия берега проводится по линии наибольшего отлива и что

мелкие подробности берега соединяются прямыми линиями и включаются в берег². Через исходные точки проводятся исходные линии, которые фактически представляют собой юридическую линию берега.

Совершенно неожиданно в конце XX в. появилась новая проблема, которая ставит под угрозу весь существующий правопорядок в Мировом океане: потепление климата ведет к тому, что уровень Мирового океана на планете повышается, из-за чего изменяется конфигурация зон юрисдикции государств. По данным НАСА (Агентство по космосу США), которое ведет спутниковое наблюдение за уровнем моря, этот уровень повышается примерно на 3.3 мм в год. Это на 30% больше, чем в 1992 г., когда был запущен первый искусственный спутник НАСА для измерения высоты океана³. С 1880 г. средний глобальный уровень моря поднялся примерно на 21–24 см, причем примерно треть этого показателя приходится только на последние два с половиной десятилетия. Повышение уровня воды в основном связано с сочетанием талой воды с ледников и ледяных щитов и теплового расширения морской воды по мере ее прогрева. Свою долю вносят и обширные ледниковые поля, находящиеся на суше, которые тают из-за изменения климата.

¹ Конвенция ООН по морскому праву подписана 10.12.1982 г., вступила в силу 16.11.1997 г. после получения 60 ратификаций. В настоящее время в ней участвует 167 государств и Европейский Союз. Еще 14 государств подписали, но не ратифицировали Конвенцию.

² См.: Мировой океан и международное право. Основы современного правопорядка в Мировом океане / отв. ред. А. П. Мовчан, А. Янков. М., 1986. С. 12–37.

³ См.: Официальный сайт НАСА // <https://www.nasa.gov/specials/sea-level-rise-2020/> (дата обращения: 07.12.2022).

В городах вдоль береговых линий повышение уровня моря угрожает инфраструктуре, необходимой для местных рабочих мест и региональной промышленности. Дороги, мосты, метро, системы водоснабжения, нефтяные и газовые скважины, электростанции, очистные сооружения, свалки (список практически бесконечен) — все они находятся в опасности из-за повышения уровня моря⁴. Островным государствам и тем, территория которых расположена невысоко над уровнем моря, угрожает полное исчезновение: высота наиболее угрожаемых государств составляет от 5 до 10 м над уровнем моря⁵.

Иногда затруднения возникают в совсем неожиданных местах. Так, было обнаружено активное таяние вечной мерзлоты в Сибири, и жилые дома в городе Якутске, традиционно строящиеся на сваях, теряют устойчивость, а в домах, стоящих на земле, первые этажи оказываются затопленными.

Изучение правовых аспектов проблемы

Естественнонаучные вопросы повышения уровня Мирового океана были поставлены перед мировой научной общественностью еще в XX в.; изучение международно-правовой стороны началось недавно. В 2008 г. в рамках Всемирной ассоциации международного права был образован Комитет, в задачу которого входило изучать возможное изменение исходных линий для измерения территориального моря⁶. Комитет должен был определить два обстоятельства:

установить право, которым определяется исходная линия;

оценить, есть ли необходимость в дальнейшем уточнении или развитии этого права⁷.

Данные обстоятельства возникли не случайно, а как отклик на довольно сложное определение пространства Мирового океана, которое может быть правомерно включено в территорию государств и тем самым исключено из общего пользования всех народов и изъято из-под действия принципа свободы открытого моря. Еще со средних веков было признано право любого государства устанавливать, что его территория распространяется на некоторое расстояние от берега, так чтобы чужой военный корабль не мог

подойти вплотную к сухопутному берегу. Эта полоса морской территории у берега получила название территориального моря; ее ширина отмеривается от границы между сушей и морем. Со средних веков такой границей, т.е. линией берега, признается линия наибольшего отлива. Но такой ровный берег с ясно выраженной линией отлива встречается редко; часто вдоль берега есть множество мелких островов, заливов и заливчиков, поэтому признано допустимым проведение исходной линии для измерения территориального моря с помощью прямых линий, соединяющих крайние точки суши. Таким образом, исходная линия оказалась юридической фикцией: зачастую линия берега проводится по воде и довольно сложно, что легко проиллюстрировать данными Конвенции ООН по морскому праву: в ней правомерному проведению исходной линии посвящено 12 статей.

Свой первый доклад Комитет по исходным линиям опубликовал в 2012 г. В нем говорилось: если текущие прогнозы повышения уровня моря сбудутся, некоторые государства окажутся полностью затопленными и просто лишенными своей территории. В любом случае в результате повышения уровня моря установленные исходные линии исчезнут, а с ними и территориальное море и иные зоны исключительной юрисдикции государств (прежде всего континентальный шельф и исключительная экономическая зона). Однако рассмотрение данного вопроса как исключительно проблемы исходных линий не дает адекватного решения, считал Комитет. Существенная потеря территории — это гораздо более широкая проблема, охватывающая вопросы государственности, национальной идентичности, положения беженцев и перемещенных лиц, ответственности государства, доступа к ресурсам и международного мира и безопасности. Комитет особо подчеркнул, что в работе этого будущего органа должен быть учтен компромиссный характер современного морского права, в котором сбалансированы интересы государств, имеющих разное географическое положение и экономические интересы. Следует также напомнить о целях Конвенции: укрепление мира, безопасности, сотрудничества и дружественных отношений между нациями в соответствии с принципами справедливости и равноправия; учет интересов и потребностей человечества в целом; содействие экономическому и социальному прогрессу всех народов мира с учетом особых интересов и потребностей развивающихся стран⁸.

Была образована Межправительственная группа по изменению климата. Ее первый доклад относился еще к 1991 г., и уже в том первом докладе было сказано, что к 2100 г. средняя температура на планете

⁴ См.: Вельяминов Г. М., Крылов Н. Б., Шинкарецкая Г. Г. Судьба Конвенции ООН по морскому праву // Труды ИГП РАН. 2022. Т. 17. № 5. С. 128–148. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-veliaminov-krylov-shinkaretskaia

⁵ См.: Островные государства. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.baf569f2-64365fbc-963c230f-74722d776562/https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_island_countries (дата обращения: 10.04.2023).

⁶ См.: International Law Association. Baselines under the International Law Committee // www.ila-hq.com (дата обращения: 10.04.2023).

⁷ См.: ILA, Minutes of the Meeting of the Executive Council (London, 15 November 2008), at 4.

⁸ См.: Baselines under the International Law of the Sea: Committee Report // International Law Association, Report of the Seventy-Fifth Conference held in Sofia, August 2012 (London: ILA, 2012), 385–428.

Земля будет выше на 4 градуса, а повышение уровня моря составит от 0.5 до 2 м⁹.

В первом докладе Группы впервые были приведены обобщенные данные относительно уровня моря: (а) уровень моря повысился в течение XX в.; (в) темпы повышения возросли по сравнению с XIX в.; (с) тепловое расширение океана и потеря массы ледников были основными причинами подъема в XX в.; (d) в течение XXI в. темпы подъема, по прогнозам, будут выше, чем в XX в.; (е) уровень моря не будет повышаться равномерно по всему миру; (f) уровень моря будет продолжать повышаться и после сокращения выбросов парниковых газов¹⁰.

Тогда прогноз событий был следующий: в течение XXI в. не ожидается серьезной динамической реакции ледяных покровов на сокращение выбросов парниковых газов, в результате чего тепловое расширение океана и таяние ледников будут основными факторами повышения уровня моря.

К настоящему времени благодаря научным исследованиям удается получить гораздо более четкое представление о наблюдаемом изменении уровня моря. Современное понимание повышения уровня моря определяет тепловое расширение океана и таяние ледников как доминирующие факторы, которые вносят около 75% наблюдаемого повышения.

В 2012 г. был создан новый Комитет Ассоциации со специальной задачей заниматься проблемами повышения уровня моря¹¹. Три основные проблемные области были определены как сфера действия Комитета: морское право; вынужденная миграция и права человека; вопросы государственности и международной безопасности.

Комитет по повышению уровня моря провел обширную исследовательскую работу и подготовил доклады для сессий Ассоциации международного права в 2014 г. в Софии, в 2016 г. в Йоханнесбурге, в 2018 г. в Сиднее, в 2022 г. в Лиссабоне. В 2020 году сессии не было из-за пандемии (COVID-19).

В 2023 г. к изучению проблем, возникающих в связи с повышением уровня моря, подключилась Комиссия международного права ООН¹². Произошло определенное распределение областей работы:

⁹ См.: *Nichols R. et al.* 'Sea-level Rise and Its Possible Impacts Given a "Beyond 4 C World" in the Twenty-First Century', *Philosophical Transactions of the Royal Society-A*, 369 (2011), 161–181.

¹⁰ См.: *Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change* (Cambridge University Press, 2013), at 1142. Н.

¹¹ ILA Committee on International Law and sea level rise.

¹² См.: Комиссия международного права. Семьдесят третья сессия. Женева, 18 апреля – 3 июня и 4 июля – 5 августа 2022 года. Проект доклада Комиссии международного права о работе ее семьдесят третьей сессии Глава IX. Повышение

Комитет по повышению уровня моря тщательно анализирует вопросы морского права, а Комиссия международного права вплотную занялась вопросами сохранения государства в случае утраты им своей территории, а также вопросами лиц, перемещенных вследствие необитаемости затопленных территорий и беженцев.

Теперь остановимся на содержательной части проблем, порождаемых повышением уровня моря.

Последствия повышения уровня моря для границ морских зон

В отличие от сухопутных границ морские границы ввиду своих физических свойств являются более трудными для определения и фиксации. Важно отметить, что единого метода делимитации водных границ в принципе не существует в связи с индивидуальной географической конфигурацией каждого морского района¹³.

В Конвенции по морскому праву предусмотрено два вида исходных линий: «нормальная исходная линия» — линия наибольшего отлива вдоль берега (ст. 5) и «прямая исходная линия», которая может состоять из одной или более линий, соединяющих наиболее выдающиеся в море точки островов, или осыхающих при отливе возвышений, если на них возведены маяки, или крайние точки берегов заливов или устьев рек (ст. 7).

Статья 7 содержит некоторую возможность изменения траектории исходной линии при наступлении неблагоприятных природных условий: «Там, где из-за наличия дельты или других природных условий береговая линия является крайне непостоянной, соответствующие точки могут быть выбраны вдоль максимально выступающей в море линии наибольшего отлива и, несмотря на последующее отступление линии наибольшего отлива, прямые исходные линии остаются действительными до тех пор, пока они не будут изменены прибрежным государством в соответствии с настоящей Конвенцией».

Таким образом, по смыслу ст. 7 прохождение исходной линии должно отражаться на географической карте в полном соответствии с фактическим состоянием дел, и передвижение исходной линии на карте отражает реальное передвижение линии берега. Нормальная исходная линия является подвижной, она перемещается в сторону моря в случае изменения побережья, вызванного подъемом суши и возведением искусственных сооружений, связанных со строительством портов, проектами защиты побережья

уровня моря с точки зрения международного права. Документ ООН A/CN.4/L.965.

¹³ См.: *Гараев М.И.* Международные пограничные споры о морской делимитации в практике Международного Суда ООН // *Вестник экономики, права и социологии*. 2019. № 1. С. 65.

и мелиорации земель, а также в сторону суши в случае эрозии почвы и повышения уровня моря. К такому выводу пришел Комитет по исходным линиям¹⁴. Но применима ли эта норма к обстоятельствам полной утраты территории государства, сомнительно. Конвенция ООН по морскому праву не предлагает адекватного решения.

Все перечисленные события вызываются либо мероприятиями по решению самого прибрежного государства, либо незначительными изменениями рельефа местности в силу природных явлений.

В случае глобального повышения уровня моря некоторые ключевые географические объекты, используемые в качестве базовых точек (острова, рифы, берега рек и заливов), могут быть затоплены и утрачены. Если, как решил Комитет по исходным линиям, юридическая линия берега подвижна, тогда внешние границы морских зон, которые измеряются от исходных линий, также могут перемещаться в сторону суши. Еще более драматические последствия могут иметь место применительно к архипелажным государствам.

В литературе высказываются различные мнения относительно допустимости передвижения исходных линий. С одной стороны, Ю. Фролайн считает, что повышение уровня моря не должно вести к потере государствами океанского пространства¹⁵. С другой стороны, Ч. Шофилд отмечает, что внешние пределы зон юрисдикции вряд ли подвержены изменениям¹⁶. Общим остается понимание того, что следствием повышения уровня моря является потеря государством сухопутного пространства¹⁷. Эта точка зрения отражена в докладе Комитета по исходным линиям на Софийской сессии Ассоциации международного права в 2012 г.¹⁸ Комитет предложил в целях сохранения, хотя бы временно, существующих прав государств на морские зоны два возможных варианта.

Первое: заморозить **существующие исходные линии** в их нынешнем положении¹⁹. Второе: заморозить

существующие внешние границы морских зон, отмеренные от исходных линий, установленных в соответствии с Конвенцией.

Есть и другие идеи. Например, Д. Кейрон предложил заморозить все морские границы²⁰, его поддержал Р. Рейфуз²¹.

С нашей точки зрения, «отделение» исходных линий (которые по-прежнему будут подвижными) от внешних границ морских зон путем замораживания внешней границы без замораживания исходной линии имеют последствия для некоторых ключевых положений Конвенции, а именно: для ширины территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа. Это, казалось бы, недопустимая мера, потому что ширина этих зон зафиксирована в Конвенции. Однако отметим, что фиксация их ширины в Конвенции преследовала цель предотвратить несанкционированный захват кусков открытого моря и злоупотребление правом одного государства за счет других. В ситуации поднятия уровня моря расширение зон юрисдикции происходит не от берега, а наоборот, внутрь берега и, таким образом, покушений на открытое море не наблюдается. Может быть, с течением времени будут придуманы какие-либо иные методы борьбы с последствиями поднятия, а как временная мера может действовать фиксация внешней границы.

Еще одной проблемой в связи с поднятием уровня моря могут быть затруднения в разграничении морских зон между противлежащими или прилежащими государствами. Возможно, что когда делимитация уже произведена и произошло повышение уровня моря, одна из сторон может сослаться на коренное изменение обстоятельств, предусмотренное в ст. 62 Венской конвенции о праве договоров, которое может быть правомерным доводом для отказа от прежде взятых на себя обязательств. Однако появление этого довода вовсе не означает возникновения у другой стороны обязательства немедленно признать новые потребности партнера. Очевидно, следствие повышения уровня моря в данном случае означает только обязанность обеих сторон вступить в новые переговоры с целью привести их отношения в соответствие с новыми обстоятельствами.

Во всяком случае практика показывает, что изменение береговой линии, вызванное повышением уровня моря или любой другой причиной, не влияет

¹⁴ См.: Baselines Committee Sofia Report. P. 425

¹⁵ См.: Frowein J. Rocks, New-born Islands, Sea Level Rise and Maritime Space // Frowein J. et al. (eds). Negotiating For Peace – Liber Amicorum Tono Eitel (Berlin/Heidelberg: Springer, 2003). P. 599, 602.

¹⁶ См.: Schofield Ch. Defining the “Boundary” between Land and Sea: Territorial Sea Baselines in the South China Sea // R. Beckman, M.R. Page, Bernard L. (eds). UNCLOS and the South China Sea, 2014. P. 21–54.

¹⁷ См.: Soons A.H.A. The Effects of a Rising Sea Level on Maritime Limits and Boundaries // Netherlands International Law Review. 1990. Vol. 37. P. 207–232.

¹⁸ См.: Baselines Committee Sofia Report. P. 422.

¹⁹ См.: Глумов А. И. Актуальные международно-правовые вопросы поиска, разведки и разработки минеральных ресурсов Международного района морского дна: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12.

²⁰ См.: Caron D.D. When Law Makes Climate Change Worse: Rethinking the Law of Baselines in Light of Rising Sea Level // Ecology Law Quarterly. 1998. Vol. 17. P. 621.

²¹ См.: Rayfuse R. Sea Level Rise and Maritime Zones: Preserving the Entitlements of “Disappearing” States // Gerrard M.B., Wannier G.E. Threatened Island Nations: Legal Implications of Rising Seas and a Changing Climate (Cambridge University Press, 2013). P. 167–191.

и не влияло на действительность существующих соглашений о морских границах.

Комитет по повышению уровня моря высказал мнение о том, что уровень моря уже имеет тенденцию к повышению в течение нескольких десятилетий, и сведения об этом являются достоянием общечеловечности, так что участники любых переговоров о морской делимитации не могли об этом не слышать; их вполне можно считать осведомленными об этом, и получение ими новых сведений о повышении уровня моря невозможно рассматривать как коренное изменение обстоятельств, предусмотренное в ст. 62 Венской конвенции, на которое можно правомерно сослаться как на основание для прекращения договора или выхода из него.

Особенное положение государств-архипелагов

Государство-архипелаг — это новация, введенная в международное право Конвенцией ООН по морскому праву. В соответствии со ст. 46 «государство-архипелаг» означает государство, которое состоит полностью из одного или более архипелагов и может включать другие острова. В настоящее время 21 государство имеют параметры, дающие право на квалификацию в качестве государства-архипелага. Этими государствами являются: Антигуа и Барбуда, Багамские Острова, Кабо-Верде, Коморские Острова, Доминиканская Республика, Фиджи, Гренада, Индонезия, Ямайка, Кирибати, Мальдивские острова, Маршалловы острова, Маврикий, Папуа — Новая Гвинея, Филиппины, Сан-Томе и Принсипи, Сейшельские острова, Соломоновы острова, Сент-Винсент и Гренадины, Тринидад и Тобаго, Тувалу и Вануату. К государствам-архипелагам не относятся архипелаги, лежащие в стороне от другой территории государства, в которое они входят, как, например Шпицберген или Фарерские острова.

Особенность этого института состоит в том, что согласно ст. 47 государство-архипелаг вправе проводить исходные линии, обозначающие его юридическую линию берега, вокруг архипелага как целого, путем соединения прямыми линиями наиболее выдающиеся в море точки крайних островов. Такие прямые называются архипелажными исходными линиями, и от них отмеривается ширина территориального моря, прилегающей зоны, исключительной экономической зоны и континентального шельфа (ст. 48).

Все пространство внутри архипелажных исходных линий находится под суверенитетом государства-архипелага, т.е. приравнивается к его территории.

Важным является требование п. 1 ст. 47: «Государство-архипелаг может проводить прямые архипелажные исходные линии, соединяющие наиболее выдающиеся в море точки наиболее отдаленных островов и осыхающих рифов архипелага при условии, что в пределы таких исходных линий включены

главные острова и район, в котором соотношение между площадью водной поверхности и площадью суши, включая атоллы, **составляет от 1:1 до 9:1**».

Ясно, что повышение уровня моря может значительно изменить приведенное соотношение. Мы пока не знаем грядущих изменений, число государств, претендующих на получение статуса архипелажного государства, может как сократиться, так и вырасти. Необходимо учесть также, что правила проведения исходных линий для государств-архипелагов такие же, как и для континентальных государств. Это значит, что проведение исходных линий через точки, расположенные на низкой высоте, очень уязвимо. Это могут быть: небольшие острова с низкой высотой, особенно те, которые состоят из мягких отложений, которые могут быть легко размыты в результате повышения уровня моря; рифы — несколько архипелажных государств частично или полностью состоят из коралловых рифов; естественно образованные участки суши, которые окружены водой и находятся над водой во время отлива, но погружаются в воду во время прилива.

Проблема архипелагов должна быть, очевидно, решена так же, как и в других случаях.

Практика государств

В начале 2010 г. стала очевидной необходимость принятия срочных защитных мер. Сначала достаточной мерой защиты от грозящего затопления казалось сооружение различных стенок и дамб. Однако более благополучное среди других островных государств — Мальдивские острова пошли было по этому пути и предприняли ряд усилий по физической защите своей территории, в частности, путем сооружения искусственных островов, однако позднее пришли к заключению о невозможности одностороннего принятия физических мер в необходимых масштабах. Все более ясным становился глобальный характер возникающей проблемы.

К настоящему времени определились три проблемы: правомерность сохранения прежних исходных точек и линий для измерения ширины зон юрисдикции прибрежных государств; определение судьбы государств, которым грозит исчезновение территории; судьба населения затопляемых районов. Наиболее ясно определилась проблема международного морского права²². Островными государствами проведено несколько региональных международных конференций, на которых принят ряд политических документов и сформировалась региональная международная организация — Форум Тихоокеанских островов (PIF — Pacific Islands Forum). Первая

²² См.: Шинкаревич Г. Г. Повышение уровня Северного Ледовитого океана и проблема делимитации зон юрисдикции приарктических государств // Образование и право. 2022. № 9. С. 333–341. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-333-341

проблема, вставшая перед Форумом, — это получение точной информации о состоянии уровня моря. В марте 2018 г. восемью главами Тихоокеанских островных государств было подписано «Обязательство по обеспечению безопасности Нашего Общего богатства океанов», которым было предусмотрено, что за исходные условия регулирования проблемы должны быть приняты Устав Организации Объединенных Наций, а Конвенция по морскому праву должна сохранять свою действительность независимо от уровня моря. Эти общеполитические установки были подкреплены принятием соответствующего национального законодательства.

В последовавшей за этим Декларацией «Океаны и морские границы» лидеры государств РИФ заявили, что они привержены коллективным усилиям с целью обеспечения того, чтобы установленные в Конвенции ООН по морскому праву морские зоны не оспаривались.

С 2019 г. вопрос о проблемах международного права, связанных с повышением уровня Мирового океана, стал предметом рассмотрения в Комиссии международного права ООН²³. Комиссия решила взять эту проблему для исследования исходя из того, что повышение уровня моря является научно доказанным фактом: более 70 государств, т.е. более трети всех государств международного сообщества, уже непосредственно пострадали или могут пострадать от повышения уровня моря. Кроме того, немало государств могут пострадать от его последствий косвенным образом (например, в форме перемещения населения или отсутствия доступа к ресурсам). Повышение уровня моря стало глобальным явлением и, соответственно, приводит к глобальным проблемам, воздействующим на международное сообщество в целом.

В эти же годы ряд государств — членов ООН откликнулись на приглашение Комиссии международного права ООН с просьбой представить ответы на вопросник Комиссии с информацией о своей практике, имеющей отношение к повышению уровня моря. Ответы были присланы как прибрежными, так и внутриконтинентальными государствами, как членами, так и не членами ООН.

Эти ответы показывают, что все государства поддерживают целостность и неизменность Конвенции ООН по морскому праву, подчеркивая необходимость обеспечить стабильность и определенность как непереносимые элементы сохранения международного права и Конвенции.

²³ См.: Комиссия международного права. Семьдесят третья сессия. Женева, 18 апреля — 3 июня и 4 июля — 5 августа 2022 года. Повышение уровня моря с точки зрения международного права. Документ ООН A/CN.4/752. Сайт Комиссии международного права // <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/276/31/PDF/N2227631.pdf?OpenElement> (дата обращения: 16.04.2023).

Дебаты по этому вопросу развернулись в ходе прений в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН в 2019 г. Некоторые государства назвали повышение уровня моря новым явлением, которое выходит за рамки нынешней сферы применения морского права и требует изучения в свете формирующейся практики государств. Другие государства отметили, что это событие является беспрецедентным и что некоторые обычно принятые концепции в международном праве нуждаются в переоценке, в то время как другие государства указали на необходимость прогрессивного развития международного права и подходов *de lege ferenda* к особому положению низменных и малых островных развивающихся государств²⁴.

Правовые позиции государств в общем не поддаются классификации в соответствии с их географическим положением или степенью экономического развития. В ходе прений в Шестом комитете ООН в 2019 г. не было высказано возражений против практики и позиций государств Тихого океана.

В июле 2022 г. в Суве (Фиджи) состоялся 51-й Форум Тихоокеанских островов²⁵. Эта конференция ознаменовалась некоторыми новыми явлениями в деятельности Форума: лидеры Форума поставили перед собой некоторые новые задачи, которые нельзя характеризовать иначе как политические. На Форуме был принят документ под названием «Стратегии 2050 для Голубого Тихоокеанского континента». В этом документе обозначены десять обязательств государств-членов Форума по следующим основным областям сотрудничества: Политическое лидерство и регионализм; Развитие, ориентированное на людей; Мир и безопасность; Ресурсы и экономическое развитие; Изменение климата и стихийные бедствия; Океан и окружающая среда; Технологии и возможности подключения.

Таким образом, события последних лет показывают намерение островных государств по-прежнему вести поиски решения проблем, связанных с повышением уровня Мирового океана, в рамках существующего международного морского права, но при этом осуществлять опору на их собственные отношения. Однако новое направление политики островных государств не препятствует сотрудничеству всех членов международного сообщества.

²⁴ См.: Выступления в Шестом комитете ГА ООН в 2019 г. Аргентины, Австралии, Белиза, Канады, Фиджи, Индонезии, Ирландии, Италии, Ямайки, Гондураса, Лихтенштейна, Микронезии, Нидерландов, Новой Зеландии, Перу, Португалии, Сьерра-Леоне, Сингапура, Таиланда и Тувалу. Документ ООН A/C.6/74/SR.24—34.

²⁵ См.: URL: https://en.m.wikipedia.org/wiki/51st_Pacific_Islands_Forum (дата обращения: 16.04.2023).

Конкретное решение проблем делимитации зон национальной юрисдикции состоит, очевидно, в фиксировании внешних пределов этих зон, исходя из того, что такое фиксирование сохранит неприкосновенной протяженность пространств Мирового океана, изымаемых из действия принципа свободы открытого моря.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вельяминов Г. М., Крылов Н. Б., Шинкарецкая Г. Г. Судьба Конвенции ООН по морскому праву // Труды ИГП РАН. 2022. Т. 17. № 5. С. 128–148. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-veliaminov-krylov-shinkaretskaia
2. Гараев М. И. Международные пограничные споры о морской делимитации в практике Международного Суда ООН // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 65.
3. Глунов А. И. Актуальные международно-правовые вопросы поиска, разведки и разработки минеральных ресурсов Международного района морского дна: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 12.
4. Мировой океан и международное право. Основы современного правового порядка в Мировом океане / отв. ред. А. П. Мовчан, А. Янков. М., 1986. С. 12–37.
5. Шинкарецкая Г. Г. Повышение уровня Северного Ледовитого океана и проблема делимитации зон юрисдикции приарктических государств // Образование и право. 2022. № 9. С. 333–341. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-333-341
6. Caron D. D. When Law Makes Climate Change Worse: Rethinking the Law of Baselines in Light of Rising Sea Level // Ecology Law Quarterly. 1998. Vol. 17. P. 621.
7. Frowein J. Rocks, New-born Islands, Sea Level Rise and Maritime Space // Frowein J. et al. (eds). Negotiating For Peace – Liber Amicorum Tono Eitel (Berlin/Heidelberg: Springer, 2003). P. 599, 602.
8. Nichols R. et al. 'Sea-level Rise and Its Possible Impacts Given a "Beyond 4 C World" in the Twenty-First Century', Philosophical Transactions of the Royal Society—A, 369 (2011), 161–181.
9. Rayfuse R. Sea Level Rise and Maritime Zones: Preserving the Entitlements of "Disappearing" States // Gerrard M. B., Wannier G. E. Threatened Island Nations: Legal Implications of Rising Seas and a Changing Climate (Cambridge University Press, 2013). P. 167–191.
10. Schofield Ch. Defining the "Boundary" between Land and Sea: Territorial Sea Baselines in the South China Sea // R. Beckman, M. R. Page, Bernard L. (eds). UNCLOS and the South China Sea, 2014. P. 21–54.
11. Soons A. H. A. The Effects of a Rising Sea Level on Maritime Limits and Boundaries // Netherlands International Law Review. 1990. Vol. 37. P. 207–232.

REFERENCES

1. Velyaminov G. M., Krylov N. B., Shinkaretskaya G. G. The fate of the UN Convention on the Law of the Sea // Proceedings of the IGP RAS. 2022. Vol. 17. No. 5. P. 128–148. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-5-veliaminov-krylov-shinkaretskaia (in Russ.).
2. Garaev M. I. International border disputes on maritime delimitation in the practice of the International Court of Justice of the United Nations // Herald of Economics, Law and Sociology. 2019. No. 1. P. 65 (in Russ.).
3. Glumov A. I. Current international legal issues of prospecting, exploration and development of mineral resources of the International Seabed area: abstract ... PhD in Law. M., 2010. P. 12 (in Russ.).
4. The World Ocean and International Law. Fundamentals of modern law and order in the World Ocean / res. ed. A. P. Movchan, A. Yankov. M., 1986. P. 12–37 (in Russ.).
5. Shinkaretskaya G. G. Raising the level of the Arctic Ocean and the problem of delimitation of zones of jurisdiction of Arctic states // Education and Law. 2022. No. 9. P. 333–341. DOI: 10.24412/2076-1503-2022-9-333-341 (in Russ.).
6. Caron D. D. When Law Makes Climate Change Worse: Rethinking the Law of Baselines in Light of Rising Sea Level // Ecology Law Quarterly. 1998. Vol. 17. P. 621.
7. Frowein J. Rocks, New-born Islands, Sea Level Rise and Maritime Space // Frowein J. et al. (eds). Negotiating For Peace – Liber Amicorum Tono Eitel (Berlin/Heidelberg: Springer, 2003). P. 599, 602.
8. Nichols R. et al. 'Sea-level Rise and Its Possible Impacts Given a "Beyond 4 C World" in the Twenty-First Century', Philosophical Transactions of the Royal Society—A, 369 (2011), 161–181.
9. Rayfuse R. Sea Level Rise and Maritime Zones: Preserving the Entitlements of "Disappearing" States // Gerrard M. B., Wannier G. E. Threatened Island Nations: Legal Implications of Rising Seas and a Changing Climate (Cambridge University Press, 2013). P. 167–191.
10. Schofield Ch. Defining the "Boundary" between Land and Sea: Territorial Sea Baselines in the South China Sea // R. Beckman, M. R. Page, Bernard L. (eds). UNCLOS and the South China Sea, 2014. P. 21–54.
11. Soons A. H. A. The Effects of a Rising Sea Level on Maritime Limits and Boundaries // Netherlands International Law Review. 1990. Vol. 37. P. 207–232.

Сведения об авторе

ШИНКАРЕЦКАЯ Галина Георгиевна — доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SHINKARETSKAYA Galina G. — Doctor of Law, Chief Researcher of the International Law Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

КРИТЕРИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ERGA OMNES

© 2023 г. Л. В. Вереина*, И. И. Синякин**, А. Ю. Скуратова***

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России

*E-mail: vereinalarisa@mail.ru

**E-mail: ilc48@mail.ru

***E-mail: interlawmgimo@bk.ru

Поступила в редакцию 08.12.2022 г.

Аннотация. После констатации Международным Судом ООН в его Решении 1970 г. наличия в международном праве обязательств erga omnes появилась потребность в теоретическом обосновании данной концепции. Последующая практика государств и самого Международного Суда ООН не смогла выработать единого способа идентификации данных обязательств. В этой связи особую роль приобрела юридическая доктрина, предложившая ряд самостоятельных критериев и подходов для разграничения норм erga omnes и остальных норм международного права.

Ключевые слова: принципы международного права, обязательства erga omnes, нормы jus cogens, Международный Суд ООН.

Цитирование: Вереина Л. В., Синякин И. И., Скуратова А. Ю. Критерии идентификации обязательств erga omnes // Государство и право. 2022. № 9. С. 180–188.

DOI: 10.31857/S102694520023529-2

IDENTIFICATION CRITERIA FOR ERGA OMNES OBLIGATIONS

© 2023 L. V. Vereina*, I. I. Sinyakin**, A. Yu. Skuratova***

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

*E-mail: vereinalarisa@mail.ru

**E-mail: ilc48@mail.ru

***E-mail: interlawmgimo@bk.ru

Received 08.12.2022

Abstract. The judgement of ICJ of 1970 brought about the need for theoretical basis for erga omnes obligations in international legal science. The following state and ICJ practice failed to create any uniform solution for identification of these rules. Therefore, the international legal teachings became essential for developing individual criteria and approaches to separate erga omnes rules and other rules of International Law.

Key words: principles of International Law, erga omnes, jus cogens, International Court of Justice.

For citation: Vereina, L. V., Sinyakin, I. I., Skuratova, A. Yu. (2023). Identification criteria for erga omnes obligations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 180–188.

Начало доктринальной и практической систематизации концепции обязательств *erga omnes* положено Решением Международного Суда ООН 1970 г. (МС ООН). Суд отметил существенное различие между «обязательствами государств по отношению к международному сообществу в целом и обязательствами, проистекающими из двусторонних отношений государств... В силу своего характера первые касаются всех государств. С учетом важности затрагиваемых прав все государства могут считаться обладающими юридическим интересом в защите этих прав; обязательства, о которых идет речь, представляют собой обязательства *erga omnes*». В качестве примеров Суд указал, что в действующем международном праве «такие обязательства проистекают из запрещения актов агрессии и геноцида, а также из принципов и норм, касающихся основных прав человека, включая защиту от рабства и расовой дискриминации»¹. Схожая по содержанию формулировка была закреплена в Резолюции Института международного права «Обязательства *erga omnes* в международном праве». В ст. 1 обязательство *erga omnes* определяется как «обязательство по общему международному праву, которое государство несет в каждом конкретном случае по отношению к международному сообществу, с учетом его общих ценностей и его заботы о соблюдении данного обязательства таким образом, что нарушение этого обязательства позволяет всем государствам принимать меры; или обязательство по многостороннему договору, которое государство-участник несет в каждом конкретном случае по отношению ко всем другим государствам-участникам этого договора, с учетом их общих ценностей и его заботы о соблюдении, таким образом, что нарушение этого обязательства позволяет всем государствам принимать меры»². В дополнение к примерам обязательств *erga omnes*, перечисленным в Решении МС ООН, в Резолюции указаны обязательства, касающиеся права на самоопределение, защиты окружающей среды международных территорий и пространств общего пользования.

Хотя между принятием этих двух документов прошло 35 лет, однако так и не удалось достичь нормативного закрепления концепции обязательств *erga omnes*. Комиссия международного права ООН (КМП) назвала это сознательным шагом, поскольку перечисление таких обязательств выходит за рамки задачи кодификации вторичных

норм, касающихся ответственности государств³, более того, такой перечень не представлял бы ценности ввиду неизбежного дальнейшего развития самой концепции⁴. Между тем практика подтвердила заинтересованность в реализации ответственности государства-делинквента, поскольку нарушение обязательств *erga omnes* посягает на международный правопорядок, затрагивая интересы всех государств. К таким интересам и обязательствам относятся: поддержание международного мира и безопасности посредством эффективных коллективных действий; развитие дружественных межгосударственных отношений; сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера; соблюдение мирных договоров; запрещение преступлений агрессии, геноцида; установление и обеспечение режима общего наследия человечества⁵; обеспечение права народов на самоопределение; соблюдение норм, касающихся основных прав человека; обязательство запрета пыток, других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, внесудебные убийства и насильственные исчезновения; обязанность расследования и уголовного преследования лиц, подозреваемых в совершении преступлений против человечности, геноцида, военных преступлений и пыток; защита от рабства и расовой дискриминации; основные обязательства по международному гуманитарному праву; соблюдение установленных режимов демилитаризованных и безъядерных зон⁶; защита международного сообщества от ядерной угрозы; уведомление международного сообщества об установлении мин одним государством во внутренних водах другого⁷; сотрудничество в области разоружения и контроля вооружений; борьба с терроризмом; защита окружающей среды и использование природных ресурсов, расположенных за пределами национальной юрисдикции; любые вопросы ущерба окружающей среде, влекущего широкомасштабные и необратимые последствия. Усиление роли ООН и повышение авторитета Международного Суда ООН привели к появлению общей заинтересованности государств в уважении и выполнении его судебных

³ Вопрос об обязательствах *erga omnes* был поднят в процессе разработки Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, поэтому подобная аргументация КМП была оправданной.

⁴ См.: Сазонова К.Л. Обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens* в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 74.

⁵ См.: там же.

⁶ См.: Романов В.А. Исключение войны из жизни общества. М., 1961. С. 83.

⁷ См.: Сазонова К.Л. Указ. соч. С. 72–79.

¹ Barcelona Traction, Light & Power Co., Ltd. (Belgium v. Spain), Judgment. ICJ. 1970. Report. 3. P. 32.

² Obligations Erga Omnes in International Law. Resolution. Institute of International Law. Krakow, 2005. URL: http://www.idi-iii.org/app/uploads/2017/06/2005_kra_01_en.pdf

решений⁸. Кроме того, в доктрине поднимался вопрос о решениях международных судебных органов, которые, несмотря на применимость исключительно к сторонам спора, содержат точку зрения наиболее авторитетных ученых мира, оказывая тем самым влияние на позицию всех остальных государств⁹. Высказывалась точка зрения, что участие государств в Римском статуте Международного Уголовного Суда также станет обязательством *erga omnes*¹⁰. Обоснованной представляется идея существования обязательств *erga omnes* в случае, когда речь идет о явлении, в отношении которого действует механизм универсального регулирования на основе международного договора¹¹. В отношении формирующихся новых обязательств *erga omnes* высказывается мнение об отнесении к таковым концепции устойчивого развития, принципов либерализации международной торговли, принципов демократии как необходимого условия реализации прав человека¹².

Столь обширный, постоянно эволюционирующий перечень интересов и обязательств вносит некоторую неясность в понимание сути концепции обязательств *erga omnes*, создает дополнительные предпосылки для размывания ее юридических параметров. В связи с этим следует не только рассмотреть основные направления развития концепции обязательств *erga omnes*, но и поставить вопрос о новом, особом подходе к их идентификации.

Прежде всего необходимо отметить широкое доктринальное единство о явном различии между обязательствами государства по отношению к другому государству и обязательствами в отношении всех государств, всего международного сообщества в целом¹³. Такое же признание существует и со стороны КМП¹⁴. В то же время имеются и противники концепции норм *erga omnes*. В силу того что право государства подразумевает

возможность требовать исполнения корреспондирующего ему обязательства, а в случае его неисполнения — обращаться к средствам правовой защиты, существование обязательств *erga omnes* ставится под сомнение вследствие того, что защита своих прав зависит от усмотрения самого государства и никто не вправе уполномочивать себя на защиту прав других¹⁵. Согласиться с указанным доводом нельзя. Право государства на защиту своих интересов вовсе не означает исключение других государств из данного процесса. Так, например, ст. 24 Устава ООН возлагает на Совет Безопасности ООН главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, подразумевая в том числе и ситуации нарушения прав отдельных государств. Предлагаемое толкование применимо к ситуациям, когда затронуты право и интерес сугубо индивидуальны для конкретного государства, и совершенно неприемлемо в случаях интересов, имеющих значение для всего международного сообщества. Другая группа ученых, развивая идею противников концепции, признает нормы *erga omnes* совокупностью идентичных двусторонних обязательств между всеми возможными парами государств, формирующих в конечном счете обязательство одного государства по отношению ко всем¹⁶. Следует признать, что данный подход показывает порядок фактической реализации обязательств *erga omnes*: так, при выполнении обязательств по дипломатическому или консульскому праву, предоставлении права транзитного или мирного прохода или осуществлении экстрадиции имеют место именно двусторонние отношения. Между тем концепция обязательств *erga omnes* вовсе не исключает такой фактической реализации. В то же время не совсем ясно, как представляют себе сторонники такого толкования реализацию обязательства сразу в отношении всех государств¹⁷.

Особенность рассматриваемых обязательств заключается в их адресной направленности как к международному сообществу в целом, так и непосредственно к каждому государству, а их соблюдение и уважение в каждом случае на двустороннем уровне может рассматриваться как готовность их соблюдения в отношении всех государств и международного сообщества в целом. Общей ошибкой вышеприведенных подходов является, полагаем, акцентирование внимания на одном из аспектов

⁸ См.: *Tams C.J. Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law*. Cambridge University Press. 2005. P. 87, 88.

⁹ См.: *The Oxford Handbook of International Adjudication* / ed. by C.P. Romano, K.J. Alter, Y. Shany. Oxford University Press, 2015. P. 466, 470–473, 480, 481, 775.

¹⁰ См.: *Абашидзе А.Х.* Участие государств в Статуте Международного Уголовного Суда — обязательство *erga omnes* // *Международное право*. 2007. № 1. С. 139–145.

¹¹ См.: *Леонов А.С., Споршев А.М.* Противодействие международному терроризму как обязательство *erga omnes* // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Право*. 2018. № 2. С. 152.

¹² См.: *Wet E. The International Constitutional Order* // *International and Comparative Law Quarterly*. 2006. Vol. 55. P. 62, 63.

¹³ Эту точку зрения разделяют К. Аннакер, Дж. Гайа, М. Рагаци, К. Тамс и др.

¹⁴ См.: *Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law*, UN Doc. A/CN.4/L.682. 2006. P. 197.

¹⁵ Этой позиции придерживаются Д. Алланд, П. Вейл, Й. Клабберс и др.

¹⁶ Сторонниками подхода являются М. Байерс, Б. Зимма, Л. Сицилианос и др.

¹⁷ Примечательно мнение Дж. Гайа в отношении обратного процесса: коллективная реакция сразу всех государств на нарушение обязательства *erga omnes* невозможна практически (см.: *Fragmentation of International Law*. P. 200).

проявления обязательств erga omnes, приписывание ему исключительного, главного и единственного определяющего значения. Более того, игнорируется наличие общих для всех государств интересов, существование которых не требует доказательств. Они и обуславливают отличительную особенность обязательств erga omnes в сравнении с остальными международными правовыми нормами.

Общее доктринальное единство наблюдается и в вопросе значимости защищаемых интересов и фундаментальных основ самих обязательств erga omnes. Так, их моральная основа не только создает строгие критерии отбора, но и не позволяет произвольно умножать их количество¹⁸. Особая важность основополагающих, абсолютных интересов и ценностей международного сообщества (охватывающих в том числе и коллективные интересы группы государств)¹⁹ обуславливает общее понимание того, что они не могут быть объектом односторонних действий государств, их исключительно двусторонних или многосторонних соглашений, а должны обеспечиваться и защищаться совместными, коллективными усилиями его членов²⁰. Такие интересы, последовательно пронизывая международное право, обеспечивают целостность и ценностную ориентированность международного правопорядка²¹. Последнее свойство придает концепции erga omnes характер универсальных, абсолютных обязательств²². По нашему мнению, если в основу классификации обязательств erga omnes положить критерий коллективного интереса в защите высших ценностей международного сообщества, обязательство erga omnes может быть закреплено не только в норме международного права, но и в любой другой норме (политической, моральной). С одной стороны, это выводит предмет и объект исследования из исключительно международно-правовой регламентации, с другой — это ставит на первый план не международно-правовую регламентацию как самоцель, а именно защиту общего интереса.

Основные расхождения позиций исследователей проявились в части установления истинного намерения МС ООН: какой именно смысл вкладывал Суд в Решении 1970 г. в понятие «обязательства erga omnes» и отсюда — в чем заключается сущность таких обязательств вне контекста этого судебного

акта? Дело в том, что, несмотря на значимость концепции для практики государств и самого Суда, последний не разработал механизмы реализации обязательств erga omnes. Более того, самому Суду приписывают создание путаницы указанием на интерес всех государств, поскольку все обязательства, возникающие из общего международного права, также затрагивают все государства, требуя уважения и соблюдения²³. Впоследствии МС ООН неоднократно сталкивался в практике с концепцией обязательств erga omnes (в частности, в связи с заявлениями об участии сторон, непосредственно не затронутых нарушением, но имевших юридический интерес в защите прав), однако всячески старался избегать однозначных позиций по данному вопросу²⁴. Сам термин “erga omnes” употреблялся Судом: для распространения на третьи государства действия договоров, устанавливающих объективный режим, и основанных на них резолюций ООН; в целях указания, что обязательство erga omnes не может быть ограничено территориально, а потому накладывает на государства более высокую степень ответственности; как описательный термин в буквальном значении «в отношении всех»²⁵. В свою очередь, многочисленные доктринальные исследования не дают ответа о предмете регулирования и правовых последствиях применения концепции обязательств erga omnes. Это обуславливает идеалистические представления о концепции, как направленной на создание нового, ценностно ориентированного международного правопорядка²⁶, так и ее категорические оценки в качестве сугубо теоретической категории, а самого Решения 1970 г. — «пустого жеста»²⁷. Между тем в доктрине и практике все большее значение приобретает прагматичный подход, делающий акцент на фактическом влиянии концепции на существующие механизмы обеспечения применения норм международного права, правовой статус третьих государств, действие обязательств во времени и пространстве²⁸.

Согласно одному из наиболее распространенных подходов к пониманию сущности обязательств erga omnes последние рассматриваются с позиции теории ответственности государств. В соответствии

¹⁸ См.: Сазонова К.Л. Указ. соч. С. 79.

¹⁹ См.: Criddle E.J. Standing for Human Rights Abroad // Cornell Law Review. 2015. Vol. 100 (1). P. 288, 289.

²⁰ См.: Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 1: Заключение международных договоров. М., 2004. С. 191, 280.

²¹ См.: там же.

²² См.: Tams C.J. Op. cit. P. 56.

²³ См.: Christiani D.W. Why We Need Erga Omnes Character for Obligations to Combat Impunity for International Crimes // Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum. 2017. Vol. 4 (2). P. 365.

²⁴ См.: Zemanek K. New Trends in the Enforcement of Erga Omnes Obligations // Max Plank UNYB. 2000. Vol. 4. P. 11, 12.

²⁵ Tams C.J. Op. cit. P. 109–114.

²⁶ См.: ibid. P. 306, 307.

²⁷ Teraya K. Emerging Hierarchy in International Human Rights and Beyond: From the Perspective of Non-derogable Rights // European Journal of International Law. 2001. Vol. 12. Issue 5. P. 934.

²⁸ См.: Tams C.J. Op. cit. P. 4, 309.

с данным подходом первичные нормы международного права налагают определенные обязательства на государства, в то время как вторичные нормы касаются последствий невыполнения обязательств, установленных первичными нормами²⁹. Отсюда — обязательства *erga omnes* являются вторичными нормами, правовыми последствиями, возникающими в результате нарушения первичных норм, обладающих для всех государств фундаментальной значимостью. Именно их нарушение обуславливает возникновение у всех государств соответствующего юридического интереса в защите³⁰. С одной стороны, столь ограниченное понимание обязательств *erga omnes* могло наилучшим образом отвечать тем задачам, которые стояли перед МС ООН: описание определенных аспектов вторичных норм, а не сущности обязательств *erga omnes* в целом³¹. Это косвенно подтверждалось судьей М. Ляхсом, отметившим, что включение термина «*erga omnes*» в Решение 1970 г. не было необходимым, однако это было прекрасной возможностью закрепить определенные правовые положения и обозначить ситуации, когда государства обязаны действовать по отношению ко всему международному сообществу³². С другой стороны, данный подход не исключает характер *erga omnes* и у первичных норм (отмечается также, что именно характер первичных норм определяет природу вторичных)³³, иными словами, нарушение одних норм *erga omnes* порождает применение других. Что же касается самого подхода, то в силу своей изначальной узкой цели объяснить смысл Решения Суда его не следует рассматривать в качестве определяющего. Тем не менее он позволяет поставить вопрос о целесообразности выведения сути концепции *erga omnes* именно из Решения 1970 г., на которое при анализе изначально ссылаются все исследователи.

Развивая вышеуказанный подход, доктрина зачастую рассматривает обязательства *erga omnes* как одну из концепций международной ответственности государств, согласно которой нормы *erga omnes* охраняют интересы международного сообщества столь фундаментального характера, что это обуславливает особый порядок их защиты: даже непосредственно не пострадавшие государства (т.е. любые) правомочны заявить о нарушении, а также поставить вопрос об ответственности. Как

результат никакие ситуации, права, обязательства или юридическое положение государств, возникшие вследствие такого нарушения, не являются правомерными с точки зрения международного права, не могут и не должны признаваться таковыми всеми государствами³⁴. В данном контексте суть концепции *erga omnes* иногда сопоставляется с древнеримским понятием “*actio popularis*”, согласно которому государство действует от имени международного сообщества в силу того, что у него как члена этого сообщества есть интерес в сохранении мирового порядка³⁵. В то же время такое сравнение, помимо внутригосударственной природы происхождения понятия “*actio popularis*”, считается некорректным в силу нескольких причин: концепция *actio popularis* подразумевает а priori наличие доступа к судебным средствам защиты и в конечном счете ими и ограничивается, а обязательства *erga omnes* не только не предусматривают обязанность прямого обращения исключительно к международным судебным процедурам, но и обеспечиваются широким спектром средств (односторонние действия государств, действия со стороны Совета Безопасности ООН и др.); концепция *actio popularis* подразумевает наличие юрисдикции суда и не предопределяет нормы права, которые будут положены в основу судебного разбирательства, в свою очередь, обязательства *erga omnes* не находятся в зависимости от какой-либо юрисдикции, но при этом их применение во многом обусловлено их императивной природой; субъект, заявляющий о нарушении и требующий привлечения к ответственности на основании обязательств *erga omnes*, имеет прямой правовой интерес в защите даже при отсутствии непосредственного ущерба, в то время как субъект, который обращается к концепции *actio popularis*, не только не имеет ущерба, но и прямой правовой интерес, а действует в силу того, что уполномоченный субъект не способен или не желает обратиться с требованием о привлечении к ответственности³⁶. Принимая во внимание разницу понятий, МС ООН неоднократно отказывал в удовлетворении требований, основанных на концепции *actio popularis*. Так, в Решении по делу о Юго-Западной Африке (вторая фаза) 1966 г. Суд, признав правомерность действия, эквивалентного *actio popularis*, отметил, что такая норма в международном праве отсутствует и Суд не может рассматривать ее как вытекающую из «общих

²⁹ См.: *Christianti D. W.* The “Modern” Concept of *Erga Omnes* to Establish the Obligation of Impunity Eradication: Towards the Primacy Jurisdiction of the International Criminal Court // *Padjad-jaran Jurnal Ilmu Hukum*. 2018. Vol. 5 (2). P. 215.

³⁰ См.: *Zemanek K.* Op. cit. P. 26, 27.

³¹ См.: *Tams C. J.* Op. cit. P. 102.

³² См.: *Palosaari T.* More than Just Wishful Thinking? Existence and Identification of Environmental Obligations *Erga Omnes*. University of Eastern Finland. 2018. P. 41.

³³ См.: *Zemanek K.* Op. cit. P. 26.

³⁴ См.: *Черниченко С. В.* Взаимосвязь императивных норм международного права (*jus cogens*) и обязательств *erga omnes* // *Московский журнал междунар. права*. 2012. № 3. С. 6.

³⁵ См.: *Bassiouni M. C.* Universal Jurisdiction for International Crimes: Historical Perspectives and Contemporary Practice // *Virginia Journal of International Law*. 2001. Vol. 42 (1). P. 88.

³⁶ См.: *Fragmentation of International Law*. P. 202.

принципов права» согласно п. 1 (с) ст. 38 Статута³⁷. Более того, Суд отказался признать наличие правового интереса при отсутствии материального ущерба, если иное не было предусмотрено международным соглашением³⁸. Схожие позиции были обозначены МС ООН в решениях по делу об испытаниях ядерного оружия 1974 г., по делу о Восточном Тиморе 1995 г., по делу Лаграндов 2001 г. и др.

Таким образом, Международный Суд ООН, сталкиваясь с концепциями *erga omnes* и *actio popularis*, воздержался от вынесения однозначных решений по данному вопросу, систематизации практики государств и выявлению основных положений данных концепций, ограничившись лишь негативными позициями по отдельным аспектам данных понятий. Это может объясняться как «узкой» задачей МС ООН по принятию конкретного решения по спору, так и нежеланием брать на себя ответственность за возможные негативные последствия формулировки содержания концепций *erga omnes* и *actio popularis* (например, злоупотребление правом на обращение в Суд). В то же время фрагментарная трактовка Судом концепции *erga omnes*, его достаточно сдержанная позиция в части ее дальнейшего толкования означает, что основная задача формирования ее теоретической основы ложится на государства. Именно поэтому наибольший интерес в понимании сущности концепции норм *erga omnes* представляют собой труды юристов-международников.

Одним из исследователей, предложивших критерии для определения обязательств *erga omnes*, стал итальянский юрист-международник М. Рагацци. Проанализировав Решение 1970 г., он вывел следующие характерные черты: 1) конкретно определенные обязательства; 2) «негативные» обязательства (запреты); 3) императивные нормы (предписывающие, что необходимо делать, а что — не следует); 4) обязательства, источником которых является общее международное право (к ним относятся нормы *jus cogens*, а также нормы, кодифицированные в многосторонних универсальных международных договорах); 5) обязательства, отражающие основополагающие блага и моральные ценности³⁹. Указанные критерии составляют т.н. *индуктивный подход* к обязательствам *erga omnes*. Основная критика подобной методики идентификации сводится к тому, что она не охватывает «позитивные» нормы, в частности право народов и наций на самоопределение, а также не дает критерия, позволяющего определить важность обязательства с позиции защищаемых благ и ценностей

для отнесения его к категории *erga omnes*⁴⁰. Отчасти данное упущение может быть обусловлено тем, что в качестве основы для своих выводов М. Рагацци использовал примеры обязательств *erga omnes*, перечисленные в Решении 1970 г., в то время как сам документ не может рассматриваться в качестве исчерпывающего источника для подобного анализа.

Своего рода развитием и конкретизацией одного из элементов концепции М. Рагацци является *материальный подход*, который заключается в том, что для квалификации обязательства в качестве *erga omnes* последнее должно защищать особо значимые ценности. Несмотря на то что данный подход нашел поддержку в практике МС ООН, нерешенным остался вопрос о способах определения важности защищаемых интересов.

Одним из наиболее распространенных в доктрине подходов к идентификации обязательств *erga omnes* является *структурный подход*. Опираясь на сформулированное в Решении 1970 г. определение обязательств, главный акцент сделан на отсутствии их взаимного, двустороннего характера⁴¹: поскольку все государства обладают юридическим интересом в защите фундаментальных ценностей, а сами обязательства обращены к международному сообществу в целом, данные правоотношения не могут сводиться ни к двусторонней модели их реализации («непосредственно нарушившее — непосредственно пострадавшее государство»), ни к совокупности таких моделей. В этом случае можно говорить о многосторонней, «глобальной» взаимности обязательств⁴². Как отметил Г. Аранджо-Руиз, в силу своего содержания указанные обязательства, предписывающие поведение одновременно для всех и каждого государства по отношению ко всем остальным, являются юридически неделимыми⁴³. Многосторонний характер обязательств заключается не только в том, что они подлежат коллективному обеспечению, но и в том, что каждое отдельное государство, реагируя на их нарушение, действует в интересах всего международного сообщества⁴⁴. Кроме того, отдельные сторонники данного подхода заявляли, что абсолютно все недвусторонние обязательства являются *erga omnes* (К. Аннакер, Б. Брайд, Р. Лефебер, Л. Пенья), в то время как другие считали, что *erga omnes* могут быть признаны только важные не двусторонние обязательства (Ф. Бирманн, К. Гюнтер, Б. Зимма, Й. Кюнцли).

⁴⁰ См.: Tams C.J. Op. cit. P. 128–139.

⁴¹ См.: ibid. P. 56, 57, 130.

⁴² См.: Sicilianos L.-A. The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. P. 1135.

⁴³ См.: Arangio-Ruiz G. Fourth Report on State Responsibility Add. 1–3 // Yearbook of the ILC. 1992. Vol. II (Part One). P. 34.

⁴⁴ См.: Fragmentation of International Law. P. 200.

³⁷ См.: Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда ООН (1948–1991). Нью-Йорк, 1993. С. 89.

³⁸ См.: Wet E. Op. cit. P. 69.

³⁹ См.: Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Oxford, 1997. P. 132–134.

Недостатками структурного подхода являются игнорирование фактора особой значимости ценностей, обеспечиваемых и защищаемых реализацией обязательств *erga omnes*, и вышеупомянутое отсутствие критериев для определения важности защищаемых интересов. Вдобавок К. Тамс отмечает, что нарушение любого не двустороннего обязательства подразумевает в первую очередь его нарушение в двустороннем порядке⁴⁵.

Наконец, имеет место *гибридный подход*, сочетающий в себе признаки материального и структурного: к *erga omnes* относятся не двусторонние обязательства, обеспечивающие особо значимые интересы международного сообщества, хотя в данном случае вопрос об идентификации значимости также остается открытым⁴⁶. Один из способов решения этой проблемы видится в принятии и признании обязательства международным сообществом государств в целом в качестве нормы *jus cogens* (согласно ст. 53 Венской конвенции 1969 г.)⁴⁷. Однако не все обязательства *erga omnes* являются нормами *jus cogens*, поэтому данный подход, несмотря на выделение некоторых критериев определения универсальной значимости, не может считаться исчерпывающим.

Помимо указанных подходов выделяются отдельные признаки рассматриваемых обязательств. Например, М. Байерс отмечает, что возникновение нормы *erga omnes* представляет собой двухэтапный процесс: формирование правила поведения и создание дополнительных двусторонних прав и обязанностей, предоставляющих любому государству право требования в случае их любого нарушения⁴⁸. М. Рагацци выделяет признаки универсальности (обязательность в отношении всех государств без исключения) и солидарности (каждое государство обладает юридическим интересом в их соблюдении и защите)⁴⁹. Межамериканский суд по правам человека в своих решениях делал акцент на значимости защищаемых интересов, которые настолько существенны, что являются более важными, чем согласие государства, определяющее в международном праве правомерность норм⁵⁰. Развивая мысль о значимости охраняемых общечеловеческих ценностей, И.И. Лукашук полагал, что далеко не любая норма даже по соглашению государств может стать нормой, порождающей обязательства между всеми⁵¹. КМП, признавая важность обязательств *erga*

omnes, отказывает им в иерархическом верховенстве над обязательствами, указанными в ст. 103 Устава ООН, или нормами *jus cogens*⁵².

Независимо от количества признаков обязательств *erga omnes* неверно настаивать на исключительности лишь некоторых из них, все признаки в их совокупности равнозначны и допустимы. Перечень обязательств *erga omnes*, критерии их идентификации могут меняться по мере эволюции международных отношений. В данном контексте интересна прагматичная позиция К. Тамса, предложившего вместо поиска общих признаков выделять совокупность факторов (закрепление в универсальных международных договорах, признание и применение ООН), которые, обосновывая важность конкретного обязательства, позволяли бы определенно относить его категории *erga omnes*⁵³. Подобный «персонифицированный» подход не отрицает возможность обращения ко всем вышеуказанным критериям и признакам, не замыкается на цели универсальной применимости ко всем обязательствам *erga omnes*, но является гибким и легко адаптирующимся к реальным интересам всего международного сообщества.

* * *

Расплывчатость и неконкретность концепции “*erga omnes*” обуславливает отсутствие необходимости в алгоритмах идентификации этих норм. Более того, указанная «персонификация» строит специфическую модель формирования универсальной нормы *erga omnes*, которая заключается в движении к норме от определенного интереса, актуального для международного сообщества в конкретный промежуток времени. В свою очередь, это подтверждает эффективность норм международного права, поскольку норма, хотя и создается согласием субъектов, имеет в своей основе объективную потребность всего международного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашидзе А.Х. Участие государств в Статуте Международного Уголовного Суда — обязательство *erga omnes* // Международное право. 2007. № 1. С. 139—145.
2. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда ООН (1948—1991). Нью-Йорк, 1993. С. 89.
3. Леонов А.С., Споршев А.М. Противодействие международному терроризму как обязательство *erga omnes* // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Право. 2018. № 2. С. 152, 153.

⁴⁵ См.: Tams C.J. Op. cit. P. 134.

⁴⁶ См.: Palosaari T. Op. cit. P. 60, 61.

⁴⁷ См.: ibid. P. 53, 62.

⁴⁸ См.: Byers M. Conceptualising the relationship between *jus cogens* and *erga omnes* rules // Nordic Journal of International Law. 1997. Vol. 66. P. 233.

⁴⁹ См.: Ragazzi M. Op. cit. P. 17.

⁵⁰ См.: Леонов А.С., Споршев А.М. Указ. соч. С. 153.

⁵¹ См.: Лукашук И.И. Указ. соч. С. 280.

⁵² См.: Fragmentation of International Law. P. 193.

⁵³ См.: Tams C.J. Op. cit. P. 157, 310.

4. Лукашук И.И. Современное право международных договоров: в 2 т. Т. 1: Заключение международных договоров. М., 2004. С. 191, 280.
5. Романов В.А. Исключение войны из жизни общества. М., 1961. С. 83.
6. Сазонова К.Л. Обязательства erga omnes и нормы jus cogens в международном праве: концептуальное оформление и правоприменительная практика // Государство и право. 2014. № 11. С. 72–79.
7. Черниченко С.В. Взаимосвязь императивных норм международного права (jus cogens) и обязательств erga omnes // Московский журнал междунар. права. 2012. № 3. С. 6.
8. Arangio-Ruiz G. Fourth Report on State Responsibility Add. 1–3 // Yearbook of the ILC. 1992. Vol. II (Part One). P. 34.
9. Bassiouni M.C. Universal Jurisdiction for International Crimes: Historical Perspectives and Contemporary Practice // Virginia Journal of International Law. 2001. Vol. 42 (1). P. 88.
10. Byers M. Conceptualising the relationship between jus cogens and erga omnes rules // Nordic Journal of International Law. 1997. Vol. 66. P. 233.
11. Christianti D.W. The “Modern” Concept of Erga Omnes to Establish the Obligation of Impunity Eradication: Towards the Primacy Jurisdiction of the International Criminal Court // Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum. 2018. Vol. 5 (2). P. 215.
12. Christianti D.W. Why We Need Erga Omnes Character for Obligations to Combat Impunity for International Crimes // Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum. 2017. Vol. 4 (2). P. 365.
13. Criddle E.J. Standing for Human Rights Abroad // Cornell Law Review. 2015. Vol. 100 (1). P. 288, 289.
14. Palosaari T. More than Just Wishful Thinking? Existence and Identification of Environmental Obligations Erga Omnes. University of Eastern Finland. 2018. P. 41, 53, 60–62.
15. Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Oxford, 1997. P. 17, 132–134.
16. Sicilianos L.-A. The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. P. 1135.
17. Tams C.J. Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law. Cambridge University Press. 2005. P. 4, 56, 57, 87, 88, 102, 109–114, 128–139, 157, 306, 307, 309, 310.
18. Teraya K. Emerging Hierarchy in International Human Rights and Beyond: From the Perspective of Non-derogable Rights // European Journal of International Law. 2001. Vol. 12. Issue 5. P. 934.
19. The Oxford Handbook of International Adjudication / ed. by C.P. Romano, K.J. Alter, Y. Shany. Oxford University Press, 2015. P. 466, 470–473, 480, 481, 775.
20. Wet E. The International Constitutional Order // International and Comparative Law Quarterly. 2006. Vol. 55. P. 62, 63, 69.
21. Zemanek K. New Trends in the Enforcement of Erga Omnes Obligations // Max Plank UNYB. 2000. Vol. 4. P. 11, 12, 26, 27.

REFERENCES

1. Abashidze A.H. Participation in Rome Statute of ICC – obligation erga omnes // International Law. 2007. No. 1. P. 139–145 (in Russ.).
2. Summaries of judgements, advisory opinions and orders of International Court of Justice (1948–1991). New York, 1993. P. 89 (in Russ.).
3. Leonov A.S., Sporshev A.M. Suppressing international terrorism as obligation erga omnes // Vestnik of Lobachevsky N. Novgorod University. Law. 2018. No. 2. P. 152, 153 (in Russ.).
4. Lukashuk I.I. Modern treaty law: in 2 vols. Vol. 1: Conclusion of international agreements. M., 2004. P. 191, 280 (in Russ.).
5. Romanov V.A. Exception of war out of public life. M., 1961. P. 83 (in Russ.).
6. Sazonova K.L. Erga omnes obligations and jus cogens in International Law: the concept and compliance practices // State and Law. 2014. No. 11. P. 72–79 (in Russ.).
7. Chernichenko S.V. Interconnection of peremptory norms of international law and erga omnes obligations // Moscow journal of International Law. 2012. No. 3. P. 6 (in Russ.).
8. Arangio-Ruiz G. Fourth Report on State Responsibility Add. 1–3 // Yearbook of the ILC. 1992. Vol. II (Part One). P. 34.
9. Bassiouni M.C. Universal Jurisdiction for International Crimes: Historical Perspectives and Contemporary Practice // Virginia Journal of International Law. 2001. Vol. 42 (1). P. 88.
10. Byers M. Conceptualising the relationship between jus cogens and erga omnes rules // Nordic Journal of International Law. 1997. Vol. 66. P. 233.
11. Christianti D.W. The “Modern” Concept of Erga Omnes to Establish the Obligation of Impunity Eradication: Towards the Primacy Jurisdiction of the International Criminal Court // Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum. 2018. Vol. 5 (2). P. 215.
12. Christianti D.W. Why We Need Erga Omnes Character for Obligations to Combat Impunity for International Crimes // Padjadjaran Jurnal Ilmu Hukum. 2017. Vol. 4 (2). P. 365.
13. Criddle E.J. Standing for Human Rights Abroad // Cornell Law Review. 2015. Vol. 100 (1). P. 288, 289.
14. Palosaari T. More than Just Wishful Thinking? Existence and Identification of Environmental Obligations Erga Omnes. University of Eastern Finland. 2018. P. 41, 53, 60–62.
15. Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Oxford, 1997. P. 17, 132–134.
16. Sicilianos L.-A. The Classification of Obligations and the Multilateral Dimension of the Relations of International Responsibility // European Journal of International Law. 2002. Vol. 13. P. 1135.
17. Tams C.J. Enforcing Obligations Erga Omnes in International Law. Cambridge University Press. 2005. P. 4, 56, 57, 87, 88, 102, 109–114, 128–139, 157, 306, 307, 309, 310.

18. Teraya K. Emerging Hierarchy in International Human Rights and Beyond: From the Perspective of Non-derogable Rights // *European Journal of International Law*. 2001. Vol. 12. Issue 5. P. 934.
19. The Oxford Handbook of International Adjudication / ed. by C.P. Romano, K.J. Alter, Y. Shany. Oxford University Press, 2015. P. 466, 470–473, 480, 481, 775.
20. Wet E. The International Constitutional Order // *International and Comparative Law Quarterly*. 2006. Vol. 55. P. 62, 63, 69.
21. Zemanek K. New Trends in the Enforcement of Erga Omnes Obligations // *Max Plank UNYB*. 2000. Vol. 4. P. 11, 12, 26, 27.

Сведения об авторах

ВЕРЕИНА Лариса Владиславовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; 119454 г. Москва, пр. Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0002-4490-9916

СИНЯКИН Иван Игоревич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; 119454 г. Москва, пр. Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0002-8899-4219

СКУРАТОВА Александра Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России; 119454 г. Москва, пр. Вернадского, д. 76
ORCID: 0000-0001-8513-8719

Authors' information

VEREINA Larisa V. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia; 76 Vernadskogo Ave., 119454 Moscow, Russia

SINYAKIN Ivan I. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia; 76 Vernadskogo Ave., 119454 Moscow, Russia

SKURATOVA Aleksandra Yu. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia; 76 Vernadskogo Ave., 119454 Moscow, Russia

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2023 г. А. Ю. Соколов*, О. Л. Солдаткина**

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

**E-mail: aysokolov@mail.ru*

***E-mail: buzum@mail.ru*

Поступила в редакцию 25.01.2023 г.

Аннотация. В статье проводится сравнительный анализ подходов разных стран к вопросам противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий. Актуальность подобных исследований обусловлена рядом факторов, среди которых нарастание количества компьютерных преступлений, сложность правового регулирования информационного пространства, возможность заимствования апробированных юридических конструкций и др. Методологическую основу исследования составляет сравнительно-правовой метод. В статье определены перспективные направления совершенствования правовой системы (дальнейшая разработка терминологического аппарата, уточнены составы компьютерных преступлений в Уголовном кодексе РФ, предложено формирование новой Доктрины информационной безопасности (с учетом опыта Сингапура), создание специальных групп реагирования на киберинциденты, введение законодательно закрепленных обязанностей для организаций уведомлять о компьютерных инцидентах соответствующие органы и др.).

Ключевые слова: компьютерные преступления, киберпреступления, информационная безопасность, правовая политика, приоритеты правовой политики, группы реагирования на киберинциденты, уголовные санкции, Доктрина информационной безопасности, профилактика киберпреступлений.

Цитирование: Соколов А. Ю., Солдаткина О. Л. Правовая политика зарубежных стран в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий // Государство и право. 2023. № 9. С. 189–196.

DOI: 10.31857/S102694520027662-9

THE LEGAL POLICY OF FOREIGN COUNTRIES IN THE FIELD OF COUNTERACTION TO CRIME COMMITTED WITH THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

© 2023 A. Yu. Sokolov*, O. L. Soldatkina**

Saratov Branch of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

*E-mail: aysockolov@mail.ru

**E-mail: buzum@mail.ru

Received 25.01.2023

Abstract. The article provides a comparative analysis of the approaches of different countries to the issues of combating crimes committed using information technology. The relevance of such studies is due to a number of factors, including the increase in the number of computer crimes, the complexity of the legal regulation of the information space, the possibility of borrowing proven legal structures, etc. The methodological basis of the study is the comparative legal method. The article identifies promising areas for improving the legal system (further development of the terminological apparatus, clarified the composition of computer crimes in the Criminal Code of the Russian Federation, the formation is proposed of a new Doctrine of information security (taking into account the experience of Singapore), the creation of special response teams to cyber incidents, the introduction of legislative assigned obligations for organizations to notify relevant authorities about computer incidents, etc.).

Key words: computer crimes, cybercrimes, information security, legal policy, legal policy priorities, cyber incidents response teams, criminal sanctions, Information Security Doctrine, cybercrime prevention.

For citation: Sokolov, A. Yu., Soldatkina, O. L. (2023). The legal policy of foreign countries in the field of counteraction to crime committed with the use of information technologies // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 189–196.

Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий (в дальнейшем будем использовать термины «преступления, совершаемые с использованием информационных технологий», «компьютерные преступления», «киберпреступления» в качестве синонимов) и благодаря трансграничности сети Интернет и цифровизации большинства коммуникаций (в том числе экономических, банковских), являются одними из самых массовых, а учитывая анонимность в Глобальной сети — сложно раскрываемых. Относительная новизна используемых технологий и сложность сбора доказательств приводит к неэффективности традиционных методов противодействия преступлениям.

Статистика подтверждает эти выводы. В частности, согласно данным портала [tadviser.ru](https://www.tadviser.ru/)¹, эксперты «Лаборатории Касперского» сообщили о росте количества целевых кибератак на промышленные предприятия в России (количество атак на системы автоматизации с помощью

вредоносных документов в первом полугодии 2022 г. выросло на 80%). Согласно статистике, в Италии также совершается 800 киберпреступлений в день², а средняя стоимость, например, атаки программы-вымогателя составила около 680 тыс. долл.³ В 2021 г. потери от различных видов преступлений в США составили 4 млрд долл.⁴

Не может справиться с исследуемым видом правонарушений и одно из самых технически развитых государств — Республика Сингапур. Доля преступлений в сфере информационных технологий (обозначаются термином “cybercrime”, киберпреступления) в общем количестве

² См.: В Италии совершается 800 киберпреступлений в день // REGNUM. 2021. URL: <https://regnum.ru/news/society/3407099.html> (дата обращения: 10.11.2022).

³ См.: Italy cyber security and cyber crime statistics (2020–2022) // comparitech.com. 2022. URL: https://www.comparitech.com/blog/information-security/italy-cyber-security-statistics/#Italy_has_announced_its_first-ever_National_Cybersecurity_Strategy (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ См.: URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%9F%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%A1.D0.B0.D0.BC.D1.8B.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.81.D0.BF.D1.80.D0.BE.D1.81.D1.82.D1.80.D0.B0.D0.BD.D0.B5.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.B5.D0.BA.D0.B8.D0.B1.D0.B5.D1.80.D0.BF.D1.80.D0.B5.D1.81.D1.82.D1.83.D0.BF.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8F.D0.B2.D0.A1.D0.A8.D0.90.D0.BD.D0.B0.D0.BE.D0.B1.D1.89.D1.83.D1.8E.D1.81.D1.83.D0.BC.D0.BC.D1.83.D0.BF.D0.BE.D1.82.D0.B5.D1.80.D1.8C.D0.B2.D0.244.D0.BC.D0.BB.D1.80.D0.B4> (дата обращения: 10.11.2022).

¹ URL: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:APT_%D0%A2%D0%B0%D1%80%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D0%B8%D0%BB%D0%B8_%D1%86%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%B8#.2A_.D0.A7.D0.B8.D1.81.D0.BB.D0.BE_.D0.BA.D0.B8.D0.B1.D0.B5.D1.80.D0.B0.D1.82.D0.B0.D0.BA_.D0.BD.D0.B0_.D0.B0.D0.B2.D1.82.D0.BE.D0.BC.D0.B5.D1.82.D0.B8.D0.B7.D0.B8.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.B0.D0.BD.D0.BD.D1.8B.D0.B5_.D1.81.D0.B8.D1.81.D1.82.D0.B5.D0.BC.D1.8B_.D1.83.D0.BF.D1.80.D0.B0.D0.B2.D0.BB.D0.B5.D0.BD.D0.B8.D1.8F_.D0.B2_.D0.A0.D0.BE.D1.81.D1.81.D0.B8.D0.B8_.D0.B2.D0.B7.D0.BB.D0.B5.D1.82.D0.B5.D0.BB.D0.BE_.D0.BD.D0.B0_80.25 (дата обращения: 10.11.2022).

преступлений велика и растет — от 7.9% в 2014 г. до 43% в 2020 г.⁵

Таким образом, проблема рассматриваемого вида преступлений масштабна, сложна и из-за свойств виртуального пространства должна решаться комплексно, на всех уровнях: международном, государственном, региональном, персональном. Если выделить государственный уровень, проблема противодействия данного вида правонарушений должна рассматриваться в различных аспектах: с точки зрения профилактики, предотвращения, пресечения и формирования санкционных механизмов. Однако в любом случае противодействие должно быть системным и иметь теоретический фундамент, иначе оно будет неэффективным. В сфере противодействия компьютерным преступлениям это, к сожалению, не всегда так: в силу специфики ИТ-отрасли законодатель должен реагировать оперативно, что иногда приводит к нарушению принципов уголовного закона при конструировании данных норм (например, при введении уголовной ответственности по ст. 207¹ и 207² УК РФ)⁶. Для исследований в таких случаях необходимо использование инструментов правовой политики, включая разработку комплекса приоритетов, целей и средств их реализации.

Поскольку информационные технологии развиваются достаточно быстро, многие из них (например, блокчейн, искусственный интеллект, интернет вещей) требуют формирования принципиально новых подходов к правовому регулированию. Отдельные страны, будучи лидерами в ИТ-сфере, столкнулись с некоторыми видами компьютерных преступлений раньше, чем другие, и, соответственно, имеют больший опыт — удачный и неудачный — в сфере выработки новых юридических конструкций или приспособления старых. В силу сказанного выше представляется необходимым провести сравнительный анализ направлений совершенствования соответствующего сегмента законодательства в различных государствах (особенно в тех, которые являются признанными технологическими лидерами) — даже несмотря на то что проблема компьютерных правонарушений не решена ни в одном государстве, многие из них имеют опыт правового регулирования, полезный и при выстраивании данного сегмента правовой политики и в Российской Федерации.

Конечно, речь идет не об автоматическом применении существующих международно-правовых норм и простом заимствовании удачных конструкций (согласимся с мнением А.Н. Савенкова о неприемлемости такого подхода⁷), но вместе с тем отдельные конструкции по противодействию компьютерным правонарушениям могут быть использованы для правового регулирования виртуального пространства.

⁵ См.: Cybercrime as a share of total crimes in Singapore from 2014 to 2021 // Statista. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1267252/singapore-cybercrime-as-share-of-total-crime/> (дата обращения: 30.08.2022).

⁶ См.: Пономаренко Е.В., Копшева К.О. Соблюдение принципа справедливости и правил криминализации при установлении уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации: проблемные аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 187—192; Грешнова Н.А., Ситник В.Н. Обеспечение общественного интереса в условиях цифровизации: проблемы уголовного законодательства в России (на примере технологии дипфейк (deepfake)) // Вестник СГЮА. 2022. № 5. С. 182—189; и др.

⁷ См.: Савенков А.Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 6.

В рамках исследования целесообразно обратиться к зарубежному законодательству.

Следует отметить, что нормативные правовые акты зарубежных государств обычно не дают нормативного определения понятия «киберпреступность»⁸, так как оно представляет собой широкую категорию правонарушений, прямо или косвенно связанных с компьютерами и компьютерными сетями. Киберпреступления, как правило, определяются по средствам описания видов противоправной деятельности — чаще всего в уголовном законодательстве.

Так, в США основным механизмом судебного преследования за киберпреступления является Закон о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях 1986 (Computer Fraud and Abuse Act 1986⁹, далее — CFAA), который запрещает: несанкционированный доступ (или превышение санкционированного доступа) к компьютеру и получение информации, связанной с национальной безопасностью; несанкционированный доступ (или превышение разрешенного доступа) к компьютеру, используемому в межгосударственной или внешней торговле; несанкционированный доступ к частному компьютеру, используемому правительством США; умышленный доступ к защищенному компьютеру без разрешения с целью мошенничества; повреждение компьютера умышленно или по неосторожности; торговля паролями; передача угроз вымогательства, в частности угроз повреждения защищаемого компьютера и угроз получения информации или нарушения конфиденциальности информации; кибервымогательство, связанное с требованием денег или имущества.

Италия как член Европейского Союза в 2001 г. подписала, а в 2008 г. ратифицировала Конвенцию Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации ETS от 23 ноября 2001 № 185 (The Budapest Convention (ETS No. 185))¹⁰ (далее — Будапештская конвенция)¹¹. В Будапештской конвенции определения киберпреступности тоже нет, есть перечисление видов киберпреступлений. По тому же пути идет и итальянский законодатель.

Согласно Будапештской конвенции к киберпреступлениям относятся: 1) преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем: противозаконный доступ, неправомерный перехват, воздействие на данные, воздействие на функционирование системы, противозаконное использование устройств; 2) правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств: подлог с использованием компьютерных

⁸ Кувшинова В.С. Криминологическая характеристика киберпреступности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5—4. С. 53, 54; Агаркова А.А., Силицына В.А. Киберпреступность в современной России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5—3. С. 13—16; Ченрасова Ю.В., Шмарион П.В. Основные направления противодействия киберпреступности // Вестник Воронежского ин-та МВД России. 2020. № 3. С. 256—262; Пучков Д.В. Состояние уголовно-правового регулирования киберпреступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 63—71; и др.

⁹ См.: Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/99th-congress/house-bill/4718#:~:text=Computer%20Fraud%20and%20Abuse%20Act%20of%201986%20%2D%20Amends%20the%20Federal,the%20computer%20files%20of%20another>

¹⁰ См.: Будапештская конвенция: официальный сайт. 2022. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention> (дата обращения: 10.11.2022).

¹¹ См.: Италия // Будапештская конвенция: официальный сайт. 2022. URL: <https://www.coe.int/ru/web/impact-convention-human-rights/convention-on-cybercrime#/Italy> (дата обращения: 10.11.2022).

технологий, мошенничество с использованием компьютерных технологий; 3) правонарушения, связанные с содержанием данных: правонарушения, связанные с детской порнографией; 4) правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав.

В Сингапуре основным нормативным правовым актом в рассматриваемой области является уголовный Акт о злоупотреблениях в компьютерных сетях и кибербезопасности (Computer Misuse and Cybersecurity Act 1993¹² (далее – CMA), изменения внесены в 2017 г.), но непосредственного определения понятия «киберпреступность» в нем также не содержится, однако на сайте Национального совета по предупреждению преступности Сингапура (National crime prevention council, www.ncpc.org.sg) можно обнаружить определение киберпреступлений как преступных деяний, связанных с использованием компьютеров, в том числе: получение несанкционированного доступа к компьютеру для просмотра, изменения или уничтожения его данных; совершение преступлений с использованием Интернета в качестве средства массовой информации (например, сексуальные преступления, вымогательство, торговля наркотиками, мошенничество на онлайн-аукционах, порнография); получение несанкционированного доступа к компьютеру в своих целях (для совершения преступления); похищение номеров кредитных карт или информации о личности; мошенничество через сеть Интернет¹³.

Приведенную дефиницию конечно нельзя считать нормативной, но она дает представление о подходах к определению киберпреступлений органами государственной власти и в совокупности с описаниями действий в случае, если гражданин стал жертвой компьютерного преступления, является примером правового информирования населения относительно официальной позиции органов государственного управления по данному вопросу.

Законодательство Российской Федерации идет в целом по тому же пути, однако не давая дефиницию понятия компьютерных преступлений, зарубежный законодатель определяет их составы более подробно. Кроме того, можно отметить, что в исследуемых странах, как в Уголовном кодексе РФ, есть тенденция выделять нормы уголовного права в данной области в единый документ, т.е. обособлять. Но перечень составов в гл. 28 УК РФ узкий и включает неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272); создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274); неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации; нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации сети Интернет и сетей связи общего пользования (ст. 274¹). Однако есть ст. 207³ (фактически статья об уголовном наказании за «фейки» (недоверенные новости) о Вооруженных Силах РФ), ст. 159³ (мошенничество с использованием электронных средств платежа) и др. То есть нормы обнаруживаются по всему Уголовному кодексу РФ, и понимание того, что относится к компьютерным

преступлениям, получить сложно. Поэтому в рамках рассматриваемого сегмента правовой политики представляется необходимым в качестве приоритета выделить изменение уголовного законодательства в части систематизации и уточнения составов компьютерных преступлений и переструктурированию гл. 28 УК РФ.

Что касается профилактики киберпреступлений, то анализ законодательства зарубежных стран показывает, что данное направление описывается и задается в стратегических документах.

Так, в мае 2022 г. итальянское правительство в рамках действующей Национальной стратегии кибербезопасности в период до 2026 г. поставило в общей сложности 82 цели¹⁴.

План реализации начинается с указания источников денежных средств для содействия инновациям и кибербезопасности (налоговые льготы для компаний; создание национального налогового льготного района для строительства Национального парка кибербезопасности и ряда узлов по всей Италии; выделение 623 млн евро из Национального плана восстановления и устойчивости на инновации и кибербезопасность и др.). Интересно, что в стратегии отсутствует направление по работе с населением в целях повышения его цифровой грамотности, что можно считать минусом итальянского подхода к профилактике киберпреступности.

Данный вывод подтверждается опытом Сингапура, сделавший упор в своем развитии на технологии и человеческий потенциал, — здесь законодательные механизмы профилактики киберпреступлений также представлены стратегическими документами, но выбран подход, основанный на повышении цифровой грамотности населения. Аргументация выбора данного подхода следующая: неосведомленность или поверхностное отношение к кибербезопасности среди конечных пользователей может быть слабым местом даже самых безопасных систем. Стратегия кибербезопасности Сингапура 2021 г. (The Singapore Cybersecurity Strategy 2021) предусматривает расширение возможностей киберискусного населения относительно «здорового цифрового образа жизни»: предполагается в сотрудничестве с бизнес-структурами повысить осведомленность, изменить отношение к кибербезопасности и содействовать внедрению передовой киберпрактики. Кроме того, во исполнение данных положений правительство Сингапура организует целевые информационные мероприятия с охватом отдельных групп населения (студенты, работающие взрослые, пожилые люди). Помимо повышения осведомленности правительство страны планирует поддерживать и поощрять частных лиц и предприятия при организации их защиты.

В Сингапуре существует орган государственной власти, обеспечивающий координацию действий по профилактике киберпреступлений, — Агентство кибербезопасности Сингапура (далее – CSA). Портал CSA Go Safe Online предоставляет действенные советы и подсказки для населения и предприятий по организации защиты от киберпреступлений. Предполагается также запустить добровольный знак доверия SG Cyber Safe и знак кибергигиены для предприятий, что позволит предприятиям иметь четкое представление об уровне их кибербезопасности; рекомендовано обучение сотрудников навыкам обеспечения кибербезопасности; использование ресурсов и наборов инструментов для

¹² См.: Singapore Government Agency Website. Singapore Statutes Online. 2022. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/CMA1993?ProvIds=P111-&usg=AOvVaw0fMUimAxMx1hlg83bdcQQE> (дата обращения: 26.11.2022).

¹³ См.: Cybercrime // National crime prevention council. 2022. URL: <https://www.ncpc.org.sg/cybercrime.html> (дата обращения: 18.11.2022).

¹⁴ См.: Italy unveils its first-ever national cybersecurity strategy // decode39.com. 2022. URL: <https://decode39.com/3459/italy-national-cybersecurity-strategy/> (дата обращения: 10.11.2022).

повышения осведомленности о кибербезопасности в организации, разработанных CSA.

Для владельцев критической инфраструктуры Стратегией кибербезопасности Сингапура 2021 г. в качестве профилактики предписано: придерживаться риск-ориентированного подхода к кибербезопасности; использование цепочки поставок объектов критической инфраструктуры; использование системы компетенций кибербезопасности Operational Technology (OT) в качестве инструмента для создания процессов и структур для управления кибербезопасностью.

Учитывая другую форму организации правовой системы в США, здесь присутствует и другой подход к профилактике киберпреступлений. Безусловно, есть и стратегические документы (например, Киберстратегия ФБР¹⁵), но они ориентированы скорее на реагирование на киберинциденты, чем на профилактику. Тем не менее там описан основной подход к профилактике — обеспечить неотвратимость наказания за кибернарушения.

На уровне штатов, где проблема стоит достаточно остро в силу многочисленности совершаемых атак, направленных на объекты социальной сферы (школы, колледжи, медицинские учреждения и др.), подход к профилактике киберпреступлений другой. В 2022 г. по крайней мере 40 штатов и Пуэрто-Рико представили или рассмотрели более 250 законопроектов или резолюций, которые в значительной степени касаются кибербезопасности¹⁶. Среди предлагаемых изменений есть и положения профилактического характера, направленные на: обеспечение требований от государственных учреждений проводить обучение сотрудников кибербезопасности; разработку формальных политик, стандартов и практик информационной безопасности; обеспечение обязательного обучения сотрудников; установление обязанности сообщать об инцидентах в области безопасности, включая атаки программ-вымогателей; обеспечение финансирования программ и практик кибербезопасности в государственных учреждениях, местных органах власти и школах; разработку или поддержку программ и стимулов для обучения для сотрудников негосударственных организаций по кибербезопасности.

Таким образом, законодательные механизмы профилактики компьютерных преступлений в зарубежных странах представлены стратегическими документами.

В Российской Федерации действует Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646¹⁷ (далее — Доктрина). Конечно, за шесть лет Доктрина частично утратила свою актуальность, особенно на фоне текущей геополитической обстановки. В частности, в Доктрине мало внимания уделено внутригосударственному уровню и личностному уровню защиты от кибератак. Представляется, что при формировании новой Доктрины стоит ориентироваться на опыт Сингапура, предполагающий повышение осведомленности разных групп населения, изменение отношения к кибербезопасности и содействие внедрению переловой киберпрактики защиты.

Киберпреступления имеют специфические характеристики, которые усложняют процесс их обнаружения¹⁸, поэтому механизмы реагирования в зарубежных государствах связаны с существованием групп реагирования на киберинциденты.

Так, в Италии есть несколько групп реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации (CERT), которые охватывают государственный и частный секторы, а также граждан.

В Сингапуре на базе CSA для борьбы с атаками на объекты критической инфраструктуры существуют группы реагирования на инциденты, которые готовы расследовать, сдерживать и устранять кибератаки.

В США у ФБР есть специально обученные киберотряды в каждом из 56 полевых офисов. Группа быстрого реагирования Cyber Action Team может быть развернута по всей стране в течение нескольких часов для реагирования на крупные инциденты.

Кроме того, международные стандарты информационной безопасности (ISO 27001) требуют от организаций разработки планов управления реагированием на киберинциденты.

В зарубежных странах в качестве меры реагирования предусмотрена обязанность организаций уведомлять о компьютерных инцидентах соответствующие органы: введенная в действие в итальянском законодательстве, как и в других государствах Евросоюза, Директива NIS предусматривает для всех компаний и организаций, предоставляющих основные услуги (энергетика, транспорт, банки, цифровая инфраструктура, здравоохранение и т.д.), обязанность уведомлять о компьютерных инцидентах отраслевой национальный орган; если произошла утечка личных данных, организация обязана сообщить об этом их владельцам; в Сингапуре организации, которые относятся к владельцам объектов критической инфраструктуры, имеют установленную уголовным законом (СМА) обязанность сообщать об инцидентах в соответствующие органы (разные по отраслям для разных объектов), для прочих организаций СМА предусмотрена обязанность сообщать об инцидентах в Сингапурскую группу реагирования на компьютерные чрезвычайные ситуации, а в случае несанкционированного доступа к компьютерным системам организации необходимо подать заявление в полицию; в США в марте 2022 г. было принято соответствующее законодательство (Закон об отчетности о важных киберинцидентах в отношении критически важной киберструктуры, Cyber Incident Reporting for Critical Infrastructure Act, CIRCIA¹⁹), согласно которому организации критической инфраструктуры обязаны сообщать о важных киберинцидентах (технические детали находятся в стадии разработки).

Интересная модель есть в Сингапуре: организации, которые относятся к владельцам объектов критической инфраструктуры, обязаны проводить регулярные проверки и оценки рисков для уязвимостей кибербезопасности,

¹⁵ См.: The Cyber Threat // FBI. 2022. URL: <https://www.fbi.gov/investigate/cyber> (дата обращения: 10.11.2022).

¹⁶ См.: Cybersecurity Legislation 2022 // The NCSL Foundation for State Legislatures. 2022. URL: <https://www.ncsl.org/research/telecommunications-and-information-technology/cybersecurity-legislation-2022637922035.aspx> (дата обращения: 10.11.2022).

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

¹⁸ См.: Мордвинов К. В., Удавихина У. А. Киберпреступность в России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 1. С. 83–88.

¹⁹ См.: Cybersecurity laws and regulations USA // Iclg.com. 2022. URL: <https://iclg.com/practice-areas/cybersecurity-laws-and-regulations/usa> (дата обращения: 20.11.2022).

причем за несоблюдение этих обязательств законодательством предусмотрены значительные уголовные санкции²⁰.

Имеющиеся практики в законодательствах различных государств позволяют не только обеспечить высокую степень защиты, но и собирать статистическую информацию для дальнейших научных разработок механизмов защиты и реагирования на киберинциденты.

Что касается ситуации в Российской Федерации, то Концепция государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации была утверждена Президентом РФ еще 12 декабря 2014 г.²¹, однако специальные подразделения по борьбе с киберпреступлениями в структуре МВД России и Прокуратуры РФ были созданы только в 2020 г., и представляется, что в текущей ситуации их для оперативного реагирования недостаточно. Обязанность сообщать о киберинцидентах законодательством не закреплена; механизмы сертификации критически важных информационных систем не отработаны. Хотя начало данной работе положено Указом Президента РФ от 1 мая 2022 г. № 250 «О дополнительных мерах по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации»²², законодатель и правоприменитель предстоит еще много работы по формированию эффективной системы реагирования на киберинциденты, для чего необходимо использовать опыт стран, где разработки систем реагирования уже ведутся.

Санкционная политика в исследуемых государствах отличается, что обусловлено общими правовыми традициями.

Например, в Сингапуре законодательство о киберпреступлениях продолжает политику жесткого правового регулирования, когда даже небольшие правонарушения влекут серьезные последствия: в частности, для большинства компьютерных киберпреступлений (взлом компьютерных систем и / или повреждение веб-сайтов, распространение вредоносного программного обеспечения, DDOS атаки, мошенничество с использованием компьютерных технологий, неправомерное использование компьютера, нарушение авторских прав, кража личных данных, мошенничество с идентификацией, распространение недостоверной информации) характерны уголовно-правовые санкции, предусматривающие штрафы и лишение свободы. За отдельные виды компьютерных правонарушений могут быть предусмотрены иные меры воздействия: например, за нарушение авторских прав используются гражданско-правовые санкции, а за кражу личных данных и распространение недостоверной информации — административно-правовые.

В отличие от законодательства Сингапура в странах Европейского Союза, в том числе в Италии, виды применяемых мер за компьютерные правонарушения разнообразнее, т.е. количество составов киберпреступлений меньше. Тем не менее большинство санкций носит уголовно-правовой характер, так как это предусматривает Будапештская конвенция (противозаконный доступ, неправомерный перехват, воздействие

на данные, воздействие на функционирование системы, противозаконное использование компьютерных устройств, правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств, правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав, а также раскрытие информации, составляющей одну из тайн, кража личных данных, ограничения на содержание цифровых ресурсов), но могут применяться и административно-правовые (противозаконный доступ, воздействие на данные, воздействие на функционирование системы, противозаконное использование компьютерных устройств, правонарушения, связанные с использованием компьютерных средств, кража личных данных, ограничения на содержание цифровых ресурсов), гражданско-правовые (правонарушения, связанные с нарушением авторского права и смежных прав, а также раскрытие информации, составляющей одну из тайн) и иные (воздействие на функционирование системы, блокировка информационных ресурсов) меры.

В США на федеральном уровне CFAA предусматривает как уголовные, так и гражданские наказания (которые в уголовном контексте могут варьироваться от 10 до 20 лет лишения свободы за некоторые преступления с отягчающими обстоятельствами, с наказаниями за преступления без отягчающих обстоятельств, перечисленными ниже). Кроме того, есть еще законодательство, касающееся киберпреступлений, включая Закон о защите электронных коммуникаций (Electronic Communications Privacy Act of 1986, ECPA)²³, который обеспечивает уголовные санкции для защиты сообщений при хранении и передаче, включая преднамеренный перехват электронных сообщений в пути с некоторыми исключениями, доступными для правоохранительных органов, поставщиков услуг и других лиц. Закон об экономическом шпионаже от 1996 г.²⁴ и др. являются дополнительными источниками потенциальных уголовных и гражданских санкций. В дополнение к федеральным законам многие штаты приняли законы, запрещающие взлом и другие киберпреступления, некоторые из которых шире, чем федеральные законы. Меры предусмотрены в том числе и уголовные. Например, уголовный закон штата Нью-Йорк запрещает сознательное использование компьютера с целью получения доступа к компьютерным материалам (посягательство на компьютер), с наказанием в виде лишения свободы на срок до четырех лет²⁵.

Защита персональных данных в зарубежных странах предусматривает в основном административные санкции в виде больших штрафов.

Зарубежное законодательство предусматривает и санкции за противозаконное использование компьютерных устройств (в том числе распространение, продажу или предложение к продаже оборудования, программного обеспечения и других инструментов для совершения киберпреступлений или использование ИТ-систем без разрешения ее владельца на предмет уязвимости, а также любую другую деятельность, которая неблагоприятно сказывается или угрожает целостности, конфиденциальности или доступности компьютерной системы), включая достаточно развернутое описание того, что подразумевается под компьютерными устройствами.

²⁰ См.: Сравнительный анализ подходов к регулированию критической информационной инфраструктуры // internetpolicy.kg. 2020. 1 мар. URL: <http://internetpolicy.kg/wp-content/uploads/2020/03> (дата обращения: 20.11.2022).

²¹ См.: Выписка из Концепции государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации // Совет Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document131/> (дата обращения: 20.11.2022).

²² См.: СЗ РФ. 2022. № 18, ст. 3058.

²³ См.: H.R.4952 — Electronic Communications Privacy Act of 1986 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/99th-congress/house-bill/4952> (дата обращения: 20.12.2022).

²⁴ См.: H. Rept. 104—788 — ECONOMIC ESPIONAGE ACT OF 1996 // Congress.gov. <https://www.congress.gov/congressional-report/104th-congress/house-report/788/1> (дата обращения: 20.12.2022).

²⁵ См.: Cybersecurity laws and regulations USA // [iclg.com](https://iclg.com/practice-areas/cybersecurity-laws-and-regulations/usa). 2022. URL: <https://iclg.com/practice-areas/cybersecurity-laws-and-regulations/usa> (дата обращения: 20.11.2022).

И все же, несмотря на слишком строгие санкции, законодательство Сингапура в исследуемой сфере отличается максимальной степенью проработки. В частности, основным Закон о киберпреступлениях (СМА): описывает круг субъектов (любое лицо, независимо от национальности и гражданства, как в Сингапуре, так и за его пределами, при условии, если обвиняемый, компьютерная программа или данные находились в Сингапуре в момент совершения преступления и / или преступление причиняет и / или создает риск вреда для Сингапура²⁶); задает терминологический аппарат, что позволяет избежать сложностей при толковании законодательства в ходе судебных разбирательств; определяет основания для наступления ответственности (чаще всего связано с отсутствием полномочий у правонарушителя) и составы преступлений, позволяющие охватить максимальное количество противоправных деяний; вводит понятие «инструменты для взлома» с максимально широким определением таких инструментов, как устройства или компьютерные программы, которые можно использовать для совершения киберпреступлений; при этом, чтобы положение не стало всеобъемлющим, запрет применяется только в том случае, если инструменты получены с намерением совершить киберпреступление (обвинитель должен будет доказать такие намерения).

Ранее отмечалось, что в российском законодательстве составы преступлений не представлены в одном месте, а имеющихся дефиниций недостаточно, что приводит к сложностям в судебной практике.

* * *

Таким образом, сфера противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий, нуждается в новых подходах, т.е. требуется использование инструментов правовой политики. При выстраивании системы приоритетов последней имеет смысл обратить внимание на опыт отдельных стран — лидеров в сфере информационных технологий. Среди перспективных направлений совершенствования правовой системы на основе проведенного анализа можно выделить: структурирование видов компьютерных преступлений в Уголовном кодексе РФ и уточнение составов (включение, например, санкций за противозаконное использование компьютерных устройств); формирование новой Доктрины информационной безопасности с ориентацией на опыт Сингапура (повышение осведомленности разных групп населения, изменение отношения к кибербезопасности и содействие внедрению передовой киберпрактики защиты); создание специальных групп реагирования на киберинциденты, а также введение законодательно закрепленных обязанностей для организаций (минимально только для объектов критической инфраструктуры) уведомлять о компьютерных инцидентах соответствующие органы (при разработке соответствующих методических документов, определяющих время для сообщения, его состав и порядок действий) и проводить регулярные проверки и оценки рисков для уязвимостей кибербезопасности; дальнейшая разработка терминологического аппарата, позволяющего избежать сложностей при толковании соответствующего сегмента законодательства в ходе судебных разбирательств.

²⁶ См.: Data protection and cybersecurity laws in Singapore // CMS. 2021. 19 February. URL: <https://cms.law/en/int/expert-guides/cms-expert-guide-to-data-protection-and-cyber-security-laws/singapore> (дата обращения: 20.11.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азаркова А.А., Синецына В.А. Киберпреступность в современной России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5–3. С. 13–16.
2. Грешнова Н.А., Ситник В.Н. Обеспечение общественного интереса в условиях цифровизации: проблемы уголовного законодательства в России (на примере технологии дипфейк (deepfake)) // Вестник СГЮА. 2022. № 5. С. 182–189.
3. Кувшинова В.С. Криминологическая характеристика киберпреступности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5–4. С. 53, 54.
4. Мордвинов К.В., Удавихина У.А. Киберпреступность в России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 1. С. 83–88.
5. Пономаренко Е.В., Копшева К.О. Соблюдение принципа справедливости и правил криминализации при установлении уголовной ответственности за распространение заведомо ложной общественно значимой информации: проблемные аспекты // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 187–192.
6. Пучков Д.В. Состояние уголовно-правового регулирования киберпреступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 63–71.
7. Савенков А.Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 6.
8. Сравнительный анализ подходов к регулированию критической информационной инфраструктуры // internetpolicy. kg. 2020. 1 map. URL: <http://internetpolicy.kg/wp-content/uploads/2020/03> (дата обращения: 20.11.2022).
9. Чепрасова Ю.В., Шмарион П.В. Основные направления противодействия киберпреступности // Вестник Воронежского ин-та МВД России. 2020. № 3. С. 256–262.

REFERENCES

1. Agarkova A.A., Sinitsyna V.A. Cybercrime in modern Russia // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 5–3. P. 13–16 (in Russ.).
2. Greshnova N.A., Sitnik V.N. Ensuring public interest in the context of digitalization: problems of Criminal Law in Russia (on the example of deepfake technology) // Herald of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 5. P. 182–189 (in Russ.).
3. Kuvshinova V.S. Criminological characteristics of cybercrime // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. 2020. No. 5–4. P. 53, 54 (in Russ.).
4. Mordvinov K.V., Udavikhina U.A. Cybercrime in Russia: Current Challenges and Successful Practices in Combating Cybercrime // Theoretical and Applied Jurisprudence. 2022. No. 1. P. 83–88 (in Russ.).
5. Ponomarenko E.V., Kopsheva K.O. Compliance with the principle of justice and the rules of criminalization when establishing criminal liability for the dissemination of knowingly false socially significant information: problematic aspects // Legal Policy and Legal Life. 2022. No. 1. P. 187–192 (in Russ.).
6. Puchkov D.V. The state of criminal law regulation of cybercrimes in the criminal legislation of the Russian Federation // Legal Policy and Legal Life. 2019. No. 1. P. 63–71 (in Russ.).
7. Savenkov A.N. Counteracting cybercrime in the financial and credit sphere as a vector for ensuring global security // State and Law. 2017. No. 10. P. 6 (in Russ.).

8. Comparative analysis of approaches to the regulation of critical information infrastructure // *internetpolicy.kg*. March 1, 2020 URL: <http://internetpolicy.kg/wp-content/uploads/2020/03> (accessed: 20.11.2022) (in Russ.).
9. *Cheprasova Yu. V., Shmarion P. V.* The main directions of combating cybercrime // *Herald of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020. No. 3. P. 256–262 (in Russ.).

Сведения об авторах

СОКОЛОВ Александр Юрьевич —
доктор юридических наук, профессор,
директор Саратовского филиала
Института государства и права
Российской академии наук;
410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135
ORCID: 0000-0003-3350-7775

СОЛДАТКИНА Оксана Леонидовна —
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Саратовского филиала
Института государства и права
Российской академии наук;
410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135
ORCID: 0000-0002-9955-4083

Authors' information

SOKOLOV Aleksandr Yu. —
Doctor of Law, Professor,
Director of the Saratov Branch
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
135 Chernyshevsky str., 410028 Saratov, Russia

SOLDATKINA Oksana L. —
PhD in Law,
Senior Researcher, Saratov Branch
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
135 Chernyshevsky str., 410028 Saratov, Russia

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ ПРИ ВВЕДЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

© 2023 г. С. Ю. Чуча

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Поступила в редакцию 15.08.2022 г.

Аннотация. Рассматриваются проблемы дифференциации трудовых отношений в условиях трансформации сферы труда. На основании анализа процесса законотворческой деятельности выделяется новое основание дифференциации трудовых отношений, связанное с введением специальных мер в сфере экономики Правительством РФ. Рассматривается применение дифференцированного подхода в отношении отдельных предприятий или производственных объектов. Анализируются изменения законодательства об обороне и о труде, предпринятые в целях обеспечения проведения Вооруженными Силами РФ, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации, предусматривающие принятие Правительством РФ решения о введении специальных мер в сфере экономики. Особое внимание уделяется вопросам специальных мер в сфере экономики, по которым Правительством РФ могут устанавливаться особенности правового регулирования трудовых отношений. Анализируются полномочия Правительства РФ по участию в трудовых отношениях при введении специальных мер в сфере экономики.

Ключевые слова: специальные меры в сфере экономики, Правительство РФ, Трудовой кодекс РФ, дифференциация правового регулирования труда, рабочее время, сверхурочные работы, время отдыха, отпуск, ограничения, продолжительность непрерывного отдыха, мобилизация.

Цитирование: Чуча С. Ю. Особенности правового регулирования труда работников при введении специальных мер в сфере экономики // Государство и право. 2023. № 9. С. 197–202.

DOI: 10.31857/S102694520027739-3

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF WORKERS' LABOR IN THE INTRODUCTION OF SPECIAL MEASURES IN THE ECONOMIC SPHERE

© 2023 S. Yu. Chucha

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: chuchaigpan@gmail.com

Received 15.08.2022

Abstract. The problems of differentiation are considered of labor relations in the context of the transformation of the labor sphere are considered. Based on the analysis of the process of legislative activity, a new basis for the differentiation of labor relations is identified, associated with the introduction of special measures in the sphere of the economy by the Government of the Russian Federation. The application of a differentiated approach in relation to individual enterprises or production facilities is considered. The article analyzes changes in the legislation on defense and the labor, undertaken in order to ensure the conduct of counter-terrorist and other operations by the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies outside the territory of the Russian Federation, providing for the adoption by the Government of the Russian Federation of a decision on the introduction of special measures in the economic sphere. Particular attention is paid to the issues of special measures in the sphere of the economy, according to which the Government of the Russian Federation can establish features of the legal regulation of labor relations. The powers of the Government of the Russian Federation to participate in labor relations with the introduction of special measures in the economic sphere are analyzed.

Key words: special measures in the economic sphere, Government of the Russian Federation, Labor Code of the Russian Federation, differentiation of legal regulation of labor, working hours, overtime work, rest time, vacation, restrictions, duration of uninterrupted rest, mobilization.

For citation: Chucha, S. Yu. (2023). Features of legal regulation of the labor of workers' labor in the introduction of special measures in the economic sphere // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 197–202.

Дифференциация трудовых отношений – и общемировой, и российский тренд¹ – одно из магистральных направлений развития сферы труда и соответствующего правового регулирования.

И Российская Федерация находится в этом тренде как направления развития в целом, так и по группам трудовых отношений, которые подвержены дифференциации правового регулирования в наибольшей степени. Это прежде всего возникшие и развивающиеся в последние десятилетия новые формы организации труда, соответствующие глобальным процессам реформирования экономик стран мира. Мы видим повсеместно глобальный процесс специального правового регулирования временной и неполной занятости, многосторонних трудовых отношений, связанных с применением заемного труда, дистанционный труд и другие формы нетипичной с точки зрения МОТ, зарубежного и российского законодательства занятости², которые находят развитие и теперь уже детальную регламентацию в зарубежных государствах и постепенно обращают на себя внимание российских законодателей.

Есть немало нетипичных форм занятости, которые возникают и получают правовую регламентацию за рубежом, но пока не восприняты российским законодателем и не получили широкого распространения в стране, а потому находятся в целом на грани разворачивающейся по этому поводу дискуссии в национальных научных кругах юристов, экономистов и социологов-трудовиков. В качестве примера можно привести, воспользовавшись западной терминологией, совместное трудоустройство (*job sharing*), промежуточное управление (*interim management*), разовую работу (*casual work*), работу на основе ваучеров (*voucher-based work*), работу через портфолио (*portfolio work*) и др.³

На практике встречается и иная ситуация, когда некие экономические отношения и соответствующие им формы организации и управления труда неизвестны или не получили широкого распространения, но впервые возникли именно в Российской Федерации и носят уникальный национальный характер. К числу таковых после принятия Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 273-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»⁴ можно относить трудовые отношения, возникающие при введении специальных мер в сфере экономики,

¹ См.: Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. М., 2022. С. 27–75.

² См.: Трудовое право: национальное и международное измерение / под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. М., 2022. Т. 2. С. 195–411. DOI: 10.12737/1859092

³ См.: Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости / под ред. Н.Л. Лютова, Н.В. Черных. М., 2022. С. 83–115.

⁴ См.: СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5240.

имеющие столь заметные отличия, что заслуживают установления специального, особенного правового регулирования. Эта потребность продиктована не пожеланиями ученых-теоретиков, но запросом экономики с введением специальных мер, оказывающих немедленное и непреодолимое влияние на трудовые отношения. Их упорядочение требует незамедлительного и, в отличие от всех других форм организации труда, подчеркнуто оперативного управления.

Дифференциация⁵ — одно из основных направлений развития трудовых отношений в Российской Федерации и в зарубежных государствах⁶. Возникновение новых форм организации производства влечет за собой появление соответствующих этим новым экономическим реалиям форм организации труда. Мы становимся свидетелями широкого распространения удаленной работы, платформенной занятости, появления многосторонних трудовых отношений заемного труда и т.д. Правовое регулирование пытается следовать этим реалиям.

Возникают ситуации⁷, когда дифференцированный подход к регулированию трудовых отношений должен применяться в отношении не отраслей производства или профессиональных групп, но в отношении отдельных предприятий или даже производственных объектов. Это дифференцированное правовое регулирование должно осуществляться максимально оперативно, но одновременно в интересах всего государства⁸. Именно такая ситуация сложилась в России к лету 2022 г., когда Правительство РФ было наделено законодателем полномочиями по введению специальных мер в сфере экономики, в том числе и в регулировании трудовых отношений.

Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»⁹ дополнен ст. 26¹, согласно которой Правительством РФ могут вводиться специальные меры в сфере экономики. Эти меры могут в том числе предусматривать установление особенностей правового регулирования трудовых отношений в конкретных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах. Они могут состоять в установлении порядка и условий привлечения к работе за пределами продолжительности рабочего времени, в ночное время, выходные и нерабочие праздничные дни, предоставления ежегодных оплачиваемых отпусков. Специальные меры вводятся в целях обеспечения проведения за пределами Российской Федерации Вооруженными Силами РФ и другими воинскими формированиями контртеррористических и иных

операций¹⁰. Часть вторая соответствующего содержания и еще более широкой сферы действия в перспективе — при введении специальных мер в сфере экономики — внесена в ст. 252 ТК РФ.

В пояснительной записке к проекту, ставшему по итогам рассмотрения палатами Федерального Собрания РФ и подписания Президентом РФ Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹¹, отмечается, что он «направлен на обеспечение проведения Вооруженными Силами Российской Федерации, другими войсками, воинскими формированиями и органами контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации»¹².

В условиях проведения контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации, в частности специальной военной операции на территориях ДНР, ЛНР и Украины, указывают разработчики законопроекта в пояснительной записке к нему, возникает краткосрочная повышенная потребность в ремонте вооружения, военной техники и обеспечении материально-техническими средствами.

Для исключения возможных противоречий новых положений о предоставлении Правительству РФ полномочий по установлению особенностей правового регулирования трудовых отношений потребуется принятие изменений в Трудовой кодекс РФ¹³, что специально подчеркивается в анализируемой пояснительной записке к законопроекту¹⁴. Действительно, законодательные новеллы о непосредственном влиянии Правительства РФ на конкретные трудовые связи на отдельных предприятиях повлияют на организацию производства и труда и, соответственно, изменят трудовые отношения.

Особую важность и необходимость оперативного внедрения в правовое регулирование специальных мер в сфере экономики подчеркивают три обстоятельства. Во-первых, пакет внесенных Правительством РФ в Государственную Думу документов по законодательству об обороне

¹⁰ См.: Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Росс. газ. 2022. 19 июля.

¹¹ Представленный в Государственную Думу законопроект Правительства РФ носил иное название — «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов при проведении контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации», которое было изменено в ходе его рассмотрения в Государственной Думе.

¹² См.: Система обеспечения законодательной деятельности, законопроект № 155680-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/155680-8> (дата обращения: 01.08.2022).

¹³ Такие изменения, с учетом положений части шестой ст. 5 ТК РФ, подготовлены в виде отдельного проекта федерального закона, итогом рассмотрения которого стал Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 273-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». Пояснительная записка к последнему прямо отсылает к проекту закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов при проведении контртеррористических и иных операций за пределами территории Российской Федерации» как предпосылке внесения изменений в Трудовой кодекс РФ.

¹⁴ См.: Система обеспечения законодательной деятельности, законопроект № 155680-8.

⁵ См.: Тимошенко Р.И. Дифференциация правового регулирования трудовых отношений в зависимости от особенностей работодателя: некоторые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 8. С. 49–52. DOI: 10.18572/2221-3295-2021-3-49-52

⁶ См.: Дзюбак А.В., Летова Н.В., Соколова Т.В. и др. Обзор «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта» // Государство и право. 2021. № 6. С. 205–208. DOI: 10.31857/S102694520015036-0

⁷ См.: Галузо В.Н. Правовая идеология как связующее звено между правом и политикой при регулировании общественных отношений в Российской Федерации // Международный журнал конституционно-го и государственного права. 2021. № 1. С. 11–13.

⁸ См.: Чуча С.Ю. Трудовые и социально-защитные аспекты стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 20. С. 817–833. DOI: 10.20310/2587-9340-2021-5-20-817-833

⁹ См.: СЗ РФ. 1996. № 23, ст. 2750.

подписан непосредственно Председателем Правительства РФ, а не профильным вице-премьером Правительства РФ, как это обычно практикуется. Председателем Правительства РФ подписан также пакет документов к законопроекту № 155718-8 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации»¹⁵.

Во-вторых, рассмотрение законопроекта впервые за многие годы прошло в Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (РТК)¹⁶ на очном заседании, а не как сложилось со времен пандемии COVID-19 в режиме видеоконференцсвязи. К обсуждению были допущены только члены РТК. И согласование законопроекта социальными партнерами¹⁷ прошло при этом оперативно, хотя предложения профсоюзов относительно доработки законопроекта и не были восприняты.

В-третьих, срок прохождения законопроекта через Государственную Думу, Совет Федерации и Администрацию Президента РФ производит впечатление. Пакет документов из Правительства РФ поступил в Государственную Думу вечером 30 июня 2022 г. Уже 1 июля законопроект был предварительно рассмотрен профильным комитетом Государственной Думы (Комитет Государственной думы по обороне), а 4 июля им было принято решение о предоставлении законопроекта в Совет Государственной Думы с предложением 5 июля принять законопроект в первом чтении. 5 июля 2022 г. законопроект был принят Государственной Думой в первом, а на следующий день, 6 июля, во втором и третьем чтениях. В тот же день, 6 июля, законопроект поступил в Совет Федерации, 7 июля 2022 г. предварительно рассмотрен Правовым управлением и пятью комитетами Совета Федерации: по обороне и безопасности; по экономической политике; по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера; по социальной политике; по бюджету и финансовым рынкам, а 8 июля 2022 г. был одобрен Советом Федерации и направлен Президенту РФ. 14 июля 2022 г. Закон был подписан Президентом РФ и в тот же день опубликован¹⁸.

Специальные меры в сфере экономики, вводимые Правительством РФ во исполнение рассматриваемых федеральных законов, следует отличать от специальных экономических мер, применяемых Президентом РФ, перечень которых ограничен ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»¹⁹.

Правительство РФ не напрямую участвует в трудовых отношениях работодатель—работник, а устанавливает особенности правового регулирования труда, которые могут распространяться на организацию — юридическое лицо в целом, но могут ограничиваться ее структурными

подразделениями, в том числе предусмотренными уставом организации, и даже отдельными производственными объектами — строительной площадкой, сборочным конвейером, элементом транспортной инфраструктуры и т.д.

Законодатель прямо называет ряд вопросов, по которым Правительством РФ могут устанавливаться особенности правового регулирования. Это привлечение к сверхурочной работе, ночью, в выходные и нерабочие праздничные дни, а также предоставление отпусков. Перечень очевидно не исчерпывающий, поскольку законодателем перечисление предварено словом «включая». Допустимы и иные специальные меры в сфере экономики, предусматривающие особенности правового регулирования труда. Но начать правовую характеристику этих мер целесообразно, на наш взгляд, с прямо указанных законодателем в части второй ст. 252 ТК РФ и ст. 26¹ Федерального закона «Об обороне». Это тем более верно, поскольку законодатель в тексте Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 273-ФЗ (п. 1–8) указывает те вопросы трудовых отношений, в которых прежде всего и действительно затронуты специальные меры в сфере экономики.

Первое, на чем остановил свое внимание законодатель, — ограничения привлечения работника к сверхурочной работе и к работе в выходные и нерабочие праздничные дни без его согласия. Теперь это допускается не только при производстве неотложных работ, перечисленных в части третьей ст. 99, части третьей ст. 113 ТК РФ, но также *в иных случаях, предусмотренных Трудовым кодексом РФ*. Такие случаи, несомненно, должны охватываться принятым в рамках предоставленных частью второй ст. 252 ТК РФ полномочий нормативным актом Правительства РФ. В свою очередь, положения части второй ст. 252 ТК РФ при выборе норм, регулирующих исследуемые общественные отношения, придают положениям этого нормативного акта Правительства РФ ту же юридическую силу, которую имеют иные нормы Трудового кодекса РФ, в том числе и содержащиеся в отдельных главах разд. XII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников» ТК РФ.

При введении Правительством РФ специальных мер в сфере экономики законодатель устранил ограничение продолжительности сверхурочной работы четырьмя часами в течение двух дней подряд и ста двадцатью часами в год посредством применения схожей оговорки — теперь это ограничение действует, *за исключением случаев, предусмотренных Трудовым кодексом РФ* (частью второй ст. 252 и принятым в развитие ее положений нормативным актом Правительства РФ о введении специальных мер в сфере экономики, содержащего нормы трудового права).

Одной из основных причин предоставления законодателем возможности Правительству РФ регулировать отношения, возникающие в связи с введением специальных мер в сфере экономики, в том числе и трудовые, является высокая потребность в *оперативном* нормативном обеспечении этой деятельности, что не позволит сделать нормальный законодательный процесс, довольно протяженный по времени, тогда как ситуация может потребовать срочного введения и трансформации специальных мер. Именно поэтому ряд норм, введенных в Трудовой кодекс РФ Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 273-ФЗ, направлен на предоставление возможности работодателю по сокращению сроков изменений организации производства и труда. К таковым, например, относится скорректированная норма части четвертой ст. 103 ТК РФ, которая в целом, не меняя правового

¹⁵ См.: Система обеспечения законодательной деятельности, законопроект № 155718-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/155718-8> (дата обращения: 01.08.2022).

¹⁶ См.: Крылов К.Д. Правовое стимулирование социального партнерства для предотвращения конфликтов // Социально-трудовые конфликты в России и в мире: Междунар. науч.-практ. конф., 1 октября 2021 года. СПб., 2021. С. 39–43.

¹⁷ См.: Чуча С.Ю. Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений // Государство и право. 2022. № 1. С. 130–142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9

¹⁸ См.: Система обеспечения законодательной деятельности, законопроект № 155680-8.

¹⁹ См.: СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I), ст. 44.

регулирования режимов рабочего времени и сменной работы, допускает оперативное доведение до работников графиков сменности. В дополнение к ранее установленному месячному сроку до введения их в действие предусматривается, что Трудовым кодексом РФ может быть предусмотрен и иной срок, очевидно меньший. Одновременно законодатель предусматривает возможность исключения на запрет работы в течение двух смен подряд, если таковое предусмотрено Трудовым кодексом РФ (часть пятая ст. 103).

Заметный блок новаций в связи с введением специальных мер в сфере экономики коснется времени отдыха. Законодатель посчитал необходимым закрепить возможность сокращения продолжительности еженедельного непрерывного отдыха менее 42 часов (ст. 110 ТК РФ), предусмотрев случаи соответствующих исключений в Трудовом кодексе РФ и, соответственно, в нормативных актах Правительства РФ, принятых в продолжение нормы части второй ст. 152 ТК РФ. Выше мы уже отмечали аналогичный подход законодателя к ограничению привлечения работника к сверхурочной работе и к работе в выходные и нерабочие праздничные (часть третья ст. 99, часть третья ст. 113 ТК РФ).

Согласно новой редакции части третьей ст. 124 ТК РФ в исключительных случаях допускается с согласия работника перенесение отпуска на следующий рабочий год, *если иное не предусмотрено Кодексом*.

Опять же за исключением случаев, предусмотренных Трудовым кодексом РФ, отзыв работника из отпуска допускается только с его согласия (часть первая ст. 125). Возможно, что законодатель оставит соответствующие усмотренческие полномочия только у работодателя в случае введения специальных мер в сфере экономики, а быть может, и в связи с не связанным с этим событием.

Часть ежегодного оплачиваемого отпуска, превышающая 28 календарных дней, может быть заменена денежной компенсацией по письменному заявлению работника, *если иное не предусмотрено Трудовым кодексом РФ* (часть первая ст. 126). Можно предположить, что в ряду специальных мер в сфере экономики может быть как уменьшение той части отпуска, что не компенсируется деньгами, так и отсутствие требования письменного согласия работника на такую замену.

До вступления в силу Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 273-ФЗ по желанию работника сверхурочная работа вместо повышенной оплаты могла компенсироваться предоставлением дополнительного времени отдыха — не менее времени, отработанного сверхурочно (часть первая ст. 152 ТК РФ). Теперь законодательством о труде могут быть предусмотрены случаи, влияющие на это общее правило и по-иному регламентирующие эту компенсацию.

Следует подчеркнуть, что содержание Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 273-ФЗ дает лишь намек на то, какие изменения законодательства о труде следует ожидать в связи с введением специальных мер в сфере экономики. Формулировка части второй ст. 152 ТК РФ допускает и иные меры, влияющие на трудовые отношения.

Конкретизирующим документом стало постановление Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 1365 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах»²⁰, которым утверждены особенности правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях оборонно-промышленного

комплекса, их структурных подразделений и на отдельных производственных объектах.

В период введения Правительством РФ специальных мер в сфере экономики в отдельных организациях, их структурных подразделениях и производственных объектах, перечень которых утверждается Министерством промышленности и торговли РФ по согласованию с Министерством обороны РФ, ГК «Росатом» и ГК «Роскосмос», допускается:

привлечение выполняющих работы по госконтрактам работников к сверхурочной работе без их согласия, продолжительность которой не должна превышать четырех часов в день для каждого работника с оплатой сверхурочно отработанных часов не менее чем в двойном размере;

доведение новых графиков сменности до работника не позднее чем за три дня;

продолжительность еженедельного непрерывного отдыха не менее 24 часов;

привлечение к работе в выходные и нерабочие праздничные дни без согласия работников с оплатой не менее чем в двойном размере и предоставлением одного выходного дня за каждую полную неделю;

перенесение ежегодного оплачиваемого отпуска работника без его согласия при нарушении организацией срока исполнения государственного контракта или возникновении риска нарушения этого срока, при этом отпуск должен быть предоставлен работнику не позднее 18 месяцев после окончания того рабочего года, за который он предоставляется, либо часть отпуска, превышающая 21 день, по заявлению работника может подлежать замене денежной компенсацией;

отзыв работника из отпуска без его согласия при условии уведомления не позднее чем за три дня в случаях и порядке, которые предусмотрены подзаконным нормативным актом.

При этом Правительство РФ сохраняет гарантии непривлечения к сверхурочной работе и работе в выходные и праздничные дни для лиц, нуждающихся в повышенной защите, предусмотренные Трудовым кодексом РФ. Так, особенности трудовых отношений не распространяются на работников, привлечение которых к сверхурочным работам и работе в выходные и нерабочие праздничные дни запрещено законодательством, — беременных женщин и работников в возрасте до 18 лет — или ограничено их согласием (часть пятая ст. 99). Работники второй категории должны быть письменно ознакомлены со своим правом не работать сверхурочно, а также в выходные и нерабочие праздничные дни.

Круг организаций, входящих в перечень Министерства промышленности и торговли РФ, будет постоянно меняться вследствие привлечения к выполнению госзаказа новых подрядчиков и прекращения отношений с действующими. Утвержденный же перечень таких организаций может вызывать повышенный интерес, и распространение его должно быть во всяком случае ограниченным, касаясь непосредственно организаций, которым он адресован, и компетентных государственных органов. Возможно, лучшим было бы определение организаций, подразделений и объектов, на которых могут быть применены специальные меры в сфере экономики и специальное правовое регулирование трудовых отношений, посредством издания Минпромторгом распорядительных актов, согласованных с поименованными в постановлении Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 1365 компетентными организациями, направляемых

²⁰ См.: СЗ РФ. 2022. № 32, ст. 5839.

непосредственно в эти организации и по запросам компетентным органам.

Формулировка части второй ст. 152 ТК РФ, как было отмечено ранее, содержит не закрытый перечень особенностей правового регулирования трудовых отношений. В процессе применения постановления Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 1365 реально складывающиеся общественные отношения, возможно, потребуют корректировки перечня особенностей как в сторону расширения, так и сужения, если потребность в ряде из них на практике будет невелика. Министерству промышленности и торговли РФ совместно с Министерством труда и социальной защиты РФ поручено разработать и утвердить методические рекомендации по порядку применения постановления. Во всяком случае внесенные в Трудовой кодекс РФ изменения позволяют Правительству РФ воспользоваться предоставленными полномочиями, а правовой институт особенностей правового регулирования труда работников при введении специальных мер в сфере экономики получит дальнейшее развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галузо В.Н. Правовая идеология как связующее звено между правом и политикой при регулировании общественных отношений в Российской Федерации // Международный журнал конституционного и государственного права. 2021. № 1. С. 11–13.
2. Дзюбак А.В., Летова Н.В., Соколова Т.В. и др. Обзор «круглого стола» на тему «Актуальные проблемы правового регулирования отношений в сфере спорта» // Государство и право. 2021. № 6. С. 205–208. DOI: 10.31857/S102694520015036-0
3. Крылов К.Д. Правовое стимулирование социального партнерства для предотвращения конфликтов // Социально-трудовые конфликты в России и в мире: Междунар. науч.-практ. конф., 1 октября 2021 года. СПб., 2021. С. 39–43.
4. Лушников А.М., Лушников М.В. Трудовые права в XXI веке: современное состояние и тенденции развития. М., 2022. С. 27–75.
5. Тимошенко Р.И. Дифференциация правового регулирования трудовых отношений в зависимости от особенностей работодателя: некоторые аспекты // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 8. С. 49–52. DOI: 10.18572/2221-3295-2021-3-49-52
6. Трудовое право: национальное и международное измерение / под ред. С.Ю. Головиной, Н.Л. Лютова. М., 2022. Т. 2. С. 195–411. DOI: 10.12737/1859092

Сведения об авторе

ЧУЧА Сергей Юрьевич —
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

7. Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости / под ред. Н.Л. Лютова, Н.В. Черных. М., 2022. С. 83–115.
8. Чуча С.Ю. Социальное партнерство в сфере регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений // Государство и право. 2022. № 1. С. 130–142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9
9. Чуча С.Ю. Трудоправовые и социально-защитные аспекты стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 20. С. 817–833. DOI: 10.20310/2587-9340-2021-5-20-817-833

REFERENCES

1. Galuzo V.N. Legal ideology as a link between law and politics in the regulation of public relations in the Russian Federation // International Journal of Constitutional and State Law. 2021. No. 1. P. 11–13 (in Russ.).
2. Dzyubak A.V., Letova N.V., Sokolova T.V. et al. Review of the “Round Table” on the topic “Actual problems of legal regulation of relations in the field of sports” // State and Law. 2021. No. 6. P. 205–208. DOI: 10.31857/S102694520015036-0 (in Russ.).
3. Krylov K.D. Legal stimulation of social partnership for conflict prevention // Social and labor conflicts in Russia and in the world: International Scientific and Practical Conference, October 1, 2021. SPb., 2021. P. 39–43 (in Russ.).
4. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Labor rights in the XXI century: current state and development trends. M., 2022. P. 27–75 (in Russ.).
5. Timoshenko R.I. Differentiation of the legal regulation of labor relations depending on the characteristics of the employer: some aspects // Labor Law in Russia and abroad. 2021. No. 8. P. 49–52. DOI: 10.18572/2221-3295-2021-3-49-52 (in Russ.).
6. Labor Law: national and international dimension / ed. by S. Yu. Golovina, N. L. Lyutov. M., 2022. Vol. 2. DOI: 10.12737/1859092 (in Russ.).
7. Labor relations in the conditions of development of non-standard forms of employment / ed. by N. L. Lyutova, N. V. Chernykh. M., 2022. P. 83–115 (in Russ.).
8. Chucha S. Yu. Social partnership in the sphere of regulation of labor and other relations directly related to them // State and Law. 2022. No. 1. P. 130–142. DOI: 10.31857/S102694520018280-9 (in Russ.).
9. Chucha S. Yu. Labor and legal and social protection aspects of the national security strategy of the Russian Federation // Actual problems of state and law. 2021. Vol. 5. No. 20. P. 817–833. DOI: 10.20310/2587-9340-2021-5-20-817-833 (in Russ.).

Authors' information

CHUCHA Sergey Yu. —
Doctor of Law,
Chief Researcher of the Procedural Law Sector
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ДЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ

© 2023 г. Л. В. Борисова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lilya-borisova@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.11.2022 г.

Аннотация. В статье на основе анализа федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов Российской Федерации и ее новых субъектов обозначены отдельные направления по гармонизации законодательства в сфере охраны здоровья обучающихся в общеобразовательных организациях детей. Показана необходимость монопредметной, межобъектной и иерархической статической гармонизации действующих в данном направлении нормативных правовых актов, с целью адаптации под существующие реалии и обеспечения необходимой для правоприменительной практики непротиворечивости и стабильности.

Ключевые слова: законодательство, гармонизация, охрана здоровья, дети, общеобразовательные организации, новые субъекты Российской Федерации.

Цитирование: Борисова Л. В. О некоторых направлениях гармонизации законодательства в сфере охраны здоровья обучающихся в общеобразовательных организациях детей в контексте включения в состав Российской Федерации новых субъектов // Государство и право. 2023. № 9. С. 203–207.

DOI: 10.31857/S102694520027664-1

ON SOME DIRECTIONS OF HARMONIZATION OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF HEALTH PROTECTION OF CHILDREN STUDYING IN GENERAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF INCLUSION INTO THE RUSSIAN FEDERATION OF NEW SUBJECTS

© 2023 L. V. Borisova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lilya-borisova@yandex.ru

Received 28.11.2022

Abstract. Based on the analysis of federal laws and by-laws of the Russian Federation and its new subjects, the article outlines certain areas for harmonizing legislation in the field of protecting the health of children studying in educational institutions. The necessity of mono-subject, inter-object and hierarchical static harmonization of normative legal acts in this direction is shown in order to adapt to the existing realities and ensure the consistency and stability necessary for law enforcement practice.

Key words: harmonization, legislation, health protection, children, educational organizations, new subjects of the Russian Federation.

For citation: *Borisova, L.V. (2023).* On some directions of harmonization of legislation in the sphere of health protection of children studying in general educational organizations in the context of inclusion into the Russian Federation of new subjects // *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, No. 9, pp. 203–207.

Процесс «последовательного преодоления противоречий и иных несоответствий в законодательстве в целях его приведения в «органично слаженное и пропорциональное состояние» в юридической науке принято именовать «гармонизацией законодательства»¹.

В научной литературе указанное понятие является наиболее употребительным, поскольку в отличие от традиционных методов модификации и реформирования законодательства предполагает «одновременные и согласованные изменения взаимосвязанных правовых явлений таким образом, что изменения каждого из них благотворно скажутся на деятельности других»². С учетом данной особенности гармонизация законодательства не может быть достигнута только юрико-технической деятельностью. Как верно подчеркнул М.А. Пшеничников, «для гармонизации необходимо выявление и сравнение духа законов и всего законодательства», приведение его к единообразию, согласованности и как минимум к непротиворечивости³.

Для Российской Федерации вопрос о гармонизации законодательства и создании единого с другими субъектами правового поля приобрел особую актуальность в связи с включением в ее состав новых субъектов — Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР), Запорожской и Херсонской областей. 30 сентября 2022 г. Президент РФ В.В. Путин и главы новых субъектов подписали международные договоры о вхождении этих субъектов в состав Российской Федерации. С этого момента ведется работа по их интеграции в единую российскую экономическую, финансовую и правовую системы. При этом, как следует из подписанных Президентом РФ Федеральных конституционных законов⁴, со дня принятия названных субъектов в состав Российской Федерации и до 1 января 2026 г. будет действовать переходный период. В течение этого периода действующие в новых субъектах законодательные акты будут применяться в части, не противоречащей законодательству Российской Федерации, а правовая система вновь

принятых субъектов должна быть переведена на «русские законодательные «рельсы»»⁵.

В указанном направлении уже проведена определенная работа. Как подчеркнул председатель Народного Совета ДНР В.А. Бидёвка, «в основном законы ДНР и ЛНР соответствуют российским концептуально»⁶. Представители профильных министерств и ведомств Российской Федерации работали на территориях ДНР и ЛНР, анализировали, какое законодательство необходимо совершенствовать для гармоничного перехода и воссоединения с Россией. В первую очередь это касалось пенсионного обеспечения, строительства, мер социальной поддержки, включая выплаты многодетным семьям, и др. Несмотря на то что Донецкая и Луганская народные республики с 2014 г. находились в крайне сложном положении внешнеполитической изоляции, ими были приняты свои, отличные от украинских законодательные акты в сфере общего образования детей, включая охрану их здоровья, которая является фундаментом любого государства и приоритетным направлением его государственной политики.

Так, в ДНР и ЛНР сфера общего образования детей регламентирована Конституциями данных Республик⁷, которые провозгласили право на образование конституционным правом граждан (ст. 26 и ст. 36 соответственно), Законами ДНР и ЛНР «Об образовании»⁸, предусматривающими государственные гарантии реализации права граждан на образование. Усиление тенденции ориентирования на российские законодательные акты об основах охраны здоровья обучающихся детей нашло свое отражение в инструкциях, утвержденных Министерством

⁵ Виктор Водолацкий: На интеграцию новых субъектов в правовое поле России потребуется год // Парламентская газ. URL: <https://www.pnp.ru/politics/viktor-vodolackiy-na-integraciyu-novykh-subektov-v-pravovoe-pole-rossii-potrebuetsya-god.html> (дата обращения: 01.11.2022).

⁶ Главный принцип формирования законодательной системы — гармонизация с российским законодательством // Официальный сайт Народного Совета ДНР // <https://dnrsovet.su/glavnyj-printcip-formirovaniya-zakonotvorcheskoj-sistemy-garmonizatsiya-s-rossijskim-zakonodatelstvom/> (дата обращения: 18.10.2022).

⁷ См.: Конституция Луганской Народной Республики: принята Народным Советом 18.05.2014 г. (с изм. и доп. от 03.06.2020) // Народный Совет Луганской Народной Республики: сайт. URL: <https://nslnr.su/zakonodatelstvo/konstitutsiya/> (дата обращения: 01.11.2022).

⁸ См.: Закон Донецкой Народной Республики от 19.06.2015 г. № 55-ІНС «Об образовании» // Народный Совет ДНР: сайт // <https://dnrsovet.su/zakon-dnr-ob-obrazovanii/> (дата обращения: 01.11.2022); Закон Луганской Народной Республики от 30.09.2016 г. № 128-ІІ «Об образовании» // Министерство образования и науки Луганской Народной Республики: сайт // <https://minobr.su/docs/laws/27-zakon-ob-obrazovanii.html> (дата обращения: 01.11.2022).

¹ Бойков А.Д., Варламова Н.Н., Тихомиров Ю.А. и др. Юридическая конфликтология / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1995. С. 9, 84–92, 98, 99; Баранов В.М., Пшеничников М.А. Гармонизация законодательства как базовая юридическая конструкция инновационного правового развития государства // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 75.

² Гармонизация образовательного права России: проблемы теории и практики / отв. ред. В.М. Сырых, В.В. Насонкин. М., 2019. С. 11.

³ См.: Пшеничников М.А. К вопросу об аргументации гармонизации законодательства // Юридическая техника. 2013. № 7–1. С. 303.

⁴ См., напр.: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 г. № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области» // СЗ РФ. 2022. № 41, ст. 6932.

здравоохранения Республик⁹, а также в принятых санитарно-эпидемиологических правилах по защите детей от инфекционных болезней¹⁰.

В Запорожской и Херсонской областях пока нет гармонизированного с российским законодательством, направленного на сбережение здоровья обучающихся в школах детей. Учитывая, что в качестве ориентира для его дальнейшего развития выбрана правовая система Российской Федерации, представляется оптимальным в течение переходного периода до гармонизации обстановки на территориях данных субъектов скорректировать уже действующие в Российской Федерации нормативные правовые акты в рассматриваемой сфере с учетом особенностей вновь принятых субъектов, на которые данное законодательство будет распространяться. Это позволит устранить имеющуюся несогласованность и неупорядоченность норм, которая приводит к неэффективности их практической реализации и нарушению прав несовершеннолетних.

Как представляется, для гармонизации законодательства в сфере охраны здоровья обучающихся в общеобразовательных организациях детей необходимо:

во-первых, законодательно закрепить единый порядок осуществления термометрии на входе в общеобразовательные организации. Дело в том, что в отличие от санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1/2.4.3598-20¹¹ (п. 2.2), которые предусматривают термометрию (на входе) всех лиц, посещающих общеобразовательную организацию, п. 3.1. Приказа ДНР от 1 сентября 2020 г. № 1896¹² обязывает к проведению замеров температуры тела только работников и обучающихся бесконтактными термометрами (при их наличии) и только до начала работы при входе в общеобразовательные организации. При этом Временные санитарно-эпидемиологические требования ЛНР¹³ не устанавливают

обязанности прохождения термометрии и не уточняют виды работ, которые необходимы с целью профилактики инфекционных и неинфекционных заболеваний в общеобразовательных организациях (п. 12.4);

во-вторых, исключить недействующие на практике правовые нормы. Так, п. 5, 7 ст. 2 Федерального закона от 1 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁴, а также п. 4 Приложения к приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 апреля 2012 г. № 390н¹⁵ относят термометрию (измерение температуры тела человека) к медицинскому вмешательству (диагностике), которое может быть возложено только на медицинских или иных работников, имеющих право на осуществление медицинской деятельности.

Разумеется, в идеальном случае в штате общеобразовательной организации, где пребывает несколько сотен детей, должен быть медицинский работник. Ребенок, который плохо почувствовал себя на уроках, должен иметь возможность показаться врачу для оценки его состояния здоровья и в случае необходимости освобождения от них. Тем не менее анализ действующего в этой сфере законодательства, а также судебная практика свидетельствуют о том, что даже в случае получения образовательным учреждением лицензии на право осуществления медицинской деятельности оно не обязано включать в штатное расписание должность медицинского работника. Как подчеркнул в одном из определений Верховный Суд РФ¹⁶, соответствующие организации не обязаны осуществлять медицинское обслуживание обучающихся, поскольку предусмотренные Федеральным законом от 21 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁷ меры по охране здоровья обучающихся детей: организации их питания, определению учебной нагрузки и режима учебных занятий, требований по охране труда и обучению навыкам здорового образа жизни и др., — не относятся к видам медицинской помощи, установленным Федеральным законом об охране здоровья граждан. Следовательно, для их выполнения медицинский работник не требуется.

Кроме того, по Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации» (ч. 3 ст. 41) общеобразовательные учреждения обязаны предоставить только помещение для работы медицинского кабинета, тогда как организация его работы может быть реализована посредством использования услуг организаций здравоохранения, имеющих соответствующую лицензию.

К сожалению, созданные во многих школах медицинские кабинеты закрыты по причине нехватки медицинских кадров. По данным НИИ гигиены и охраны здоровья детей

i-organizacii-obucheniya-v-obsheobrazovatelnyh-organizaciyah.html (дата обращения: 01.11.2022).

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

¹⁵ См.: приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23.04.2012 г. № 390н «Об утверждении Перечня определенных видов медицинских вмешательств, на которые граждане дают информированное добровольное согласие при выборе врача и медицинской организации для получения первичной медико-санитарной помощи» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации: сайт // <https://docs.cntd.ru/document/902345725> (дата обращения: 24.11.2022).

¹⁶ См.: Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.12.2016 г. № 56-КГ16-26 // В официальных источниках опубликовано не было.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598.

⁹ См., напр.: приказ ДНР от 01.09.2020 г. № 1896 «Об утверждении Инструкции осуществления образовательного процесса в период действия режима повышенной готовности, в условиях сохранения риска распространения COVID-19». URL: <https://donnasa.ru: сайт. URL: http://?lang=ru> (дата обращения: 01.11.2022).

¹⁰ См., напр.: Временные санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных организациях, утв. постановлением Правительства Луганской Народной Республики от 03.11.2020 г. № 846/20 // Правительство Луганской Народной Республики: сайт // <https://sovminlr.ru/akty-soveta-ministrov/postanovleniya/22804-ob-utverzhdenii-vremennyh-sanitarno-epidemiologicheskikh-trebovaniy-k-usloviyam-i-organizacii-obucheniya-v-obsheobrazovatelnyh-organizaciyah.html> (дата обращения: 01.11.2022).

¹¹ См.: постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 30.06.2020 г. № 16 «Об утверждении санитарно-эпидемиологических правил СП 3.1/2.4.3598-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации работы образовательных организаций и других объектов социальной инфраструктуры для детей и молодежи в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации: сайт // <https://docs.cntd.ru/document/565231806> (дата обращения: 24.11.2022).

¹² См.: приказ ДНР от 01.09.2020 г. № 1896 «Об утверждении Инструкции осуществления образовательного процесса в период действия режима повышенной готовности в условиях сохранения риска распространения COVID-19» // Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики: сайт // <https://gisnra-dnr.ru/> (дата обращения: 24.11.2022).

¹³ См.: Временные санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных организациях, утв. постановлением Правительства Луганской Народной Республики от 03.11.2020 г. № 846/20 // Правительство Луганской Народной Республики: сайт // <https://sovminlr.ru/akty-soveta-ministrov/postanovleniya/22804-ob-utverzhdenii-vremennyh-sanitarno-epidemiologicheskikh-trebovaniy-k-usloviyam-i-organizacii-obucheniya-v-obsheobrazovatelnyh-organizaciyah.html> (дата обращения: 01.11.2022).

и подростков, оценка укомплектованности российских школ медицинскими кадрами вчетверо ниже должной¹⁸. Скорую и неотложную медицинскую помощь детям вызывают учителя, они же привлекаются для измерения температуры тела посещающих школу лиц наряду с охранниками, уборщицами и иными сотрудниками учреждения.

Нехватка медицинских кадров является острой проблемой для вновь принятых субъектов Российской Федерации¹⁹, где в подавляющем большинстве случаев обнаружение признаков респираторного заболевания производится не врачами, а посредством визуального осмотра детей и иных посещаемых лиц самими сотрудниками образовательного учреждения.

С учетом изложенного, а также принимая во внимание, что измерение температуры тела не требует специальных медицинских познаний, предлагаем исключить нормы об отнесении термометрии к медицинскому вмешательству, а также поддержать предложение представителей НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков по дополнению ст. 32 Федерального закона об охране здоровья граждан в Российской Федерации указанием на возможность оказания в образовательных организациях медицинской помощи²⁰;

в-третьих, согласовать статьи различных по юридической силе нормативных правовых актов. В этой связи обратим внимание на правило абз. 2 п. 823 Санитарных правил и норм № 3.3686-21²¹ (далее — Правила, СанПиН 3.3686-21), которое до сих пор не приведено в соответствие с требованиями федерального законодательства в сфере охраны здоровья обучающихся детей. Как следует из указанной нормы, руководители общеобразовательных организаций вправе не допускать к занятиям детей, имеющих противопоказания для проведения иммунодиагностики, а также детей, чьи законные представители отказались от ее проведения. Вместе с тем п. 2, 3 ст. 7 Федерального закона от 24 мая 2001 г. «О предупреждении распространения туберкулеза в Российской Федерации»²² указывают на добровольность противотуберкулезной помощи и возможность отказа от нее. При этом в силу п. 9 ст. 20 Федерального закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации медицинское вмешательство допускается без согласия гражданина только в отношении лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. Аналогичные правовые нормы содержатся в п. 6 ст. 9 Закона ДНР от 10.04.2015 г. № 39-ИНС «О предупреждении распространения туберкулеза в Донецкой Народной Республике»²³.

Дополним также, что в силу ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть

ограничены только на федеральном уровне. Учитывая, что СанПиН 3.3686-21 является подзаконным нормативным правовым актом, т.е. актом меньшей юридической силы, чем федеральный закон, отказ законных представителей от иммунодиагностики, а также наличие противопоказаний к ее проведению не могут служить основанием для недопуска детей в общеобразовательные организации со ссылкой на требование абз. 2 п. 823 рассматриваемых Правил;

в-четвертых, устранить дублирование и противоречивость разных статей нормативных правовых актов между собой. Примером такой дисгармонии являются нормы абз. 2 п. 823 и п. 832 СанПиН 3.3686-21, предусматривающие различные подходы к первичной диагностике туберкулеза и допуска в общеобразовательную организацию детей в возрасте до 14 лет и от 15 до 18 лет, а именно в п. 832 не говорится о детях, которым туберкулинодиагностика не проводилась. Фактически это означает, что такие дети в возрасте от 15 до 18 лет могут посещать образовательные организации, а дети в возрасте до 14 лет включительно — только при наличии заключения врача-фтизиатра об отсутствии заболевания туберкулезом (абз. 2). Такой подход не согласуется с указанным ранее принципом добровольности прохождения гражданами профилактических медицинских обследований в целях выявления туберкулеза и требованием п. 2 ст. 8 Федерального закона о предупреждении распространения туберкулеза, согласно которому по назначению врача медицинское обследование проходят лица, находящиеся или находившиеся в контакте с источником туберкулеза, а также лица с подозрением на туберкулез;

в-пятых, устранить пробелы в содержании статей нормативных правовых актов. К сожалению, в законодательстве об общем образовании детей немало соответствующих примеров. Например, СП 2.4.3648-20²⁴, которыми руководствуются в своей деятельности школы, не определяют максимального количества дней для пропуска ребенком занятий без медицинской справки (п. 2.9.4), хотя важность такого уточнения очевидна ввиду существования потенциальной опасности заражения иных обучающихся детей.

Согласно Приказу ДНР от 1 сентября 2020 г. № 1896 посещение ребенком образовательного учреждения возможно при наличии медицинской справки из учреждения здравоохранения по месту проживания в случае пропуска занятий в течение одного и более дней (п. 3.26). В ранее действовавших СанПиН РФ 2.4.1.3049-13²⁵ аналогичный период ограничивался сроком не более пяти дней (п. 11.3).

Как представляется, рассматриваемый срок должен быть единым, определенным соответствующими специалистами профильных ведомств (эпидемиологами) или устанавливаться локальными нормативными актами с учетом местной текущей эпидемиологической обстановки.

¹⁸ См.: Предложения НИИ гигиены и подростков // Комитет ГД по охране здоровья: сайт // http://komitet2-2.km.duma.gov.ru/upload/site21/10iPredlozheniya_NII_Gigieny_detey_i_podrostkov.pdf (дата обращения: 23.11.2022).

¹⁹ В ДНР острая нехватка медицинских кадров. URL: <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/4504623/> (дата обращения: 27.11.2022).

²⁰ См.: Предложения НИИ гигиены и подростков.

²¹ Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней» от 28.01.2021 г., утв. постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 г. № 4. URL: <https://docs.cntd.ru/document/573660140> (дата обращения: 11.11.2022).

²² См.: СЗ РФ. 2001. № 26, ст. 2581.

²³ См.: ГИС НПА ДНР: сайт // <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0002-39-ihc-20150410/> (дата обращения: 24.11.2022).

²⁴ См.: Санитарные правила СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи», утвержденные постановлением Главного санитарного врача РФ от 28.09.2020 г. № 28 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 21.12.2020 г. (дата обращения: 11.10.2022).

²⁵ См.: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 15.05.2013 г. № 26 «Об утверждении СанПиН 2.4.1.3049-13 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы дошкольных образовательных организаций» // В официальных источниках опубликован не был. Утратил силу.

* * *

Подводя итог, можно отметить, что указанные направления гармонизации законодательства в сфере охраны здоровья обучающихся в общеобразовательных организациях детей не являются исчерпывающими. В то же время на их примере видно, что создание единого с вновь принятыми субъектами Российской Федерации правового поля предполагает корректировку действующего российского законодательства на уровнях монопредметной, межобъектной и иерархической статической гармонизации²⁶. Именно такой подход позволит адаптировать действующие в рассматриваемой сфере нормативные правовые акты под существующие реалии, обеспечив необходимую для правоприменительной практики непротиворечивость и стабильность законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов В.М., Пшеничников М.А. Гармонизация законодательства как базовая юридическая конструкция инновационного правового развития государства // Юридическая техника. 2013. № 7–2. С. 75.
2. Бойков А.Д., Варламова Н.Н., Тихомиров Ю.А. и др. Юридическая конфликтология / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1995. С. 9, 84–92, 98, 99.

Сведения об авторе

БОРИСОВА Лилия Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

3. Вильская Н.В. Статические и динамические составляющие концепции гармонизации российского законодательства // Образование и право. 2020. № 1. С. 85.
4. Гармонизация образовательного права России: проблемы теории и практики / отв. ред. В.М. Сырых, В.В. Насонкин. М., 2019. С. 11.
5. Пшеничников М.А. К вопросу об аргументации гармонизации законодательства // Юридическая техника. 2013. № 7–1. С. 303.

REFERENCES

1. Baranov V.M., Pshenichnov M.A. Harmonization of legislation as a basic legal structure of innovative legal development of the state // Legal technique. 2013. No. 7–2. P. 75 (in Russ.).
2. Boikov A.D., Varlamova N.N., Tikhomirov Yu. A. et al. Legal conflictology / res. ed. V.N. Kudryavtsev. M., 1995. P. 9, 84–92, 98, 99 (in Russ.).
3. Vilskaya N.V. Static and dynamic components of the concept of harmonization of Russian legislation // Education and law. 2020. No. 1. P. 85 (in Russ.).
4. Harmonization of Educational Law in Russia: problems of theory and practice / res. ed. V.M. Syrykh, V.V. Nasonkin. M., 2019. P. 11 (in Russ.).
5. Pshenichnov M.A. On the issue of argumentation of harmonization of legislation // Legal Technique. 2013. No. 7–1. P. 303 (in Russ.).

Authors' information

BORISOVA Liliya V. — PhD in Law, Associate Professor, Senior Researcher of the Sector of Procedural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

²⁶ Подр. см.: Вильская Н.В. Статические и динамические составляющие концепции гармонизации российского законодательства // Образование и право. 2020. № 1. С. 85.

**М.Х. Хасенов. ТРУДОВОЕ ПРАВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН:
в 3 т. Т. 1. ОБЩАЯ ЧАСТЬ: учеб.
Алматы: Smart University Press, 2023. – 504 с.**

© 2023 г. К. Л. Томашевский

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова

E-mail: k_tomashevski@tut.by

Поступила в редакцию 19.07.2023 г.

Аннотация. В рецензии представлен анализ тома 1 трехтомного учебника казахстанского исследователя М.Х. Хасенова «Трудовое право Республики Казахстан». Данное учебное издание является новаторским, отступает от общепринятых канонов классических учебников тем, что содержит весьма объемные дополнительные сведения по защищавшимся в Республике Казахстан и в Российской Федерации диссертациям по вопросам Общей части трудового права, а также примеры из судебной практики Республики Казахстан по трудовым спорам, статистические и справочные материалы. Представлены мнения ученых-юристов как государств Западной Европы, так и ЕАЭС, обращено внимание на существующие проблемы в трудовом законодательстве Республики Казахстан.

Ключевые слова: трудовое право, работник, работодатель, трудовое отношение, социальное партнерство, профсоюз, коллективный договор, соглашение, учебник, законодательство.

Цитирование: Томашевский К.Л. М.Х. Хасенов. Трудовое право Республики Казахстан: в 3 т. Т. 1. Общая часть: учеб. // Государство и право. 2023. № 9. С. 208–211.

DOI: 10.31857/S102694520026737-1

**M.H. Khassenov. LABOR LAW OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN:
in 3 vols. Volume 1. GENERAL PART: textbook.
Almaty: Smart University Press, 2023. – 504 pp.**

© 2023 K. L. Tomashevski

Timiryasov Kazan Innovative University

E-mail: k_tomashevski@tut.by

Received 19.07.2023

Abstract. The review presents an analysis of volume 1 of the three-volume textbook of the Kazakh researcher M.H. Khassenov “Labor law of the Republic of Kazakhstan”. This educational publication is innovative, deviates from the generally accepted canons of classical textbooks in that it contains very extensive additional information on dissertations on the General part of Labor Law defended in the Republic of Kazakhstan and in the Russian Federation, as well as examples from the judicial practice of the Republic of Kazakhstan on labor disputes, statistical and reference materials. The opinions of legal scholars from both Western Europe and the EAEU states are presented, attention is drawn to the existing problems in the labor legislation of the Republic of Kazakhstan.

Key words: Labor Law, employee, employer, labor relations, social partnership, trade union, collective agreement, agreement, textbook, legislation.

For citation: Tomashevski, K.L. (2023). M.H. Khassenov. Labor Law of the Republic of Kazakhstan: in 3 vols. Vol. 1. General part: textbook // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 208–211.

Рецензируемая книга, представляющая собой т. 1 трехтомного учебника «Трудовое право Республики Казахстан», подготовлен М.Х. Хасеновым, доктором PhD, ассоциированным профессором Высшей школы права Университета КазГЮУ им. М.С. Нарикбаева (г. Астана, Республика Казахстан). Книга была опубликована в июне 2023 г. и презентована как в Казахстане, так и в онлайн-формате с участием зарубежных ученых.

Определимся с жанром данной книги. Он обозначен автором как учебник. Определений учебника можно встретить множество, к примеру: книга, излагающая основы научных знаний по определенному учебному предмету в соответствии с учебной программой и требованиями дидактики; учебное издание, содержащее изложение учебной дисциплины (ее раздела, части), соответствующее учебной программе и официально утвержденное в качестве данного вида издания, и т.п. В Казахстане термин «учебник» используется в следующем значении: учебник — вид учебного издания (бумажный или электронный), содержащий систематизированное изложение учебного предмета, соответствующего Государственному общеобязательному стандарту образования, типовой учебной программе¹.

Поскольку рецензируемая книга подготовлена в соответствии с учебной программой по дисциплине «Трудовое право Республики Казахстан», содержит систематическое изложение Общей части трудового права (т.е. первой части учебной дисциплины), то формально юридически ее можно считать учебником.

Вместе с тем, учитывая ее большой объем (около 500 страниц с приложениями), глубину проработки тем учебной дисциплины, обзор научных точек зрения по каждой теме, рецензируемая книга соответствует «курсу», который сочетает в себе литературные жанры — «учебник» и «монография».

Если сопоставить рецензируемую книгу с первыми томами ранее изданных курсов трудового права в России (представителей Санкт-Петербургской школы трудового права²; Ярославской школы трудового права³), а также аналогичных публикаций в Республике Беларусь (представителей Минской школы трудового права⁴), то можно сформулировать вывод о том, что по глубине научного освещения тем данное издание скорее можно считать т. 1 курса трудового права, а не учебника.

Книга носит во многом инновационный и новаторский характер, автор выделяет такие нетрадиционные категории, как квинтэссенция трудового права (с. 95), формула трудового права (с. 206–209) и ряд других. Рецензируемая книга отходит от «канонов» классических учебников.

Как указано в названии книги, автор стремился охватить в т. 1 Общую часть трудового права, и это ему удалось. Практически все проблемы Общей части данной отрасли

права в той или иной степени нашли свое освещение в рецензируемой книге, начиная от понятия и форм труда, предмета и метода трудового права и заканчивая правовым статусом субъектов трудового права и институтом представительства. Вместе с тем, по мнению рецензента, в книге просматривается выход за рамки Общей части трудового права, поскольку содержится отдельный разд. 3, посвященный коллективному трудовому праву, который хотя соприкасается с Общей частью трудового права, но относится все же к Особенной части и может быть рассмотрен как подотрасль трудового права, о чем мы ранее уже писали⁵. Кроме того, гл. 7 учебника о государственном регулировании и государственном контроле в сфере труда, на наш взгляд, тяготеет к подотрасли Особенной части отрасли — процессуально-процедурное трудовое право⁶.

Далее кратко относительно структуры рецензируемой книги. Помимо оглавления, списка условных обозначений и сокращений, предисловия книга подразделена на три раздела, которые охватывают 10 глав с пунктами и подпунктами.

Раздел 1 учебника посвящен общим положениям. В него входят такие темы Общей части данной дисциплины, как понятие труда и основы регулирования рынка труда, история становления, миссия, функции, система и наука трудового права. Отдельное внимание в гл. 3 уделено важной теме источников трудового права, а в гл. 4 — правам человека в сфере труда, принципам и формуле трудового права.

Раздел 2 «Правоотношения в сфере труда и их регулирование» включает в себя три главы: правоотношения в сфере труда; субъекты трудового права и государственное регулирование, государственный контроль в сфере труда. В плане названия этого раздела и охвата им соответствующих глав, полагаем, есть нарушение правил формальной логики. Несмотря на тесную связь проблем правоотношений в сфере труда и субъектов трудового права, вторая проблема не охватывается первой. Равно как и надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде, ответственность за нарушение законодательства о труде — это не правоотношения, а институты, которые относятся к Особенной части трудового права, а не к Общей, на что косвенно указывает и расположение соответствующих норм в последних разделах Трудового кодекса Республики Казахстан 2015 г. (разд. 5, включающий гл. 21 и 22).

Раздел 3 учебника посвящен коллективному трудовому праву (социальному партнерству в сфере труда) и включает три главы: основы социального партнерства в сфере труда, коллективно-договорное регулирование в сфере труда и правовой статус профессиональных союзов. Как и с гл. 7 разд. 2, на наш взгляд, данные вопросы выходят за рамки Общей части трудового права, но их освещение в т. 1 вполне допустимо. Недостаток видится лишь в том, что в структуре разд. 3 не нашлось места отдельной главе, посвященной объединениям работодателей. Заметим, что эти вопросы в определенной мере были рассмотрены в п. 6.5 гл. 6.

Нельзя обойти вниманием и некоторые дискуссионные моменты в рецензируемой книге. Во-первых, представленная в табл. 2 система трудового права Республики Казахстан (с. 63), где наряду с Общей и Особенной частями выделена еще и Специальная часть. Такой научный подход, хотя

¹ См.: Подпункт 3 п. 4 Правил обеспечения учебниками и учебно-методическими комплексами обучающихся и воспитанников государственных организаций образования, приложенных к приказу министра образования и науки Республики Казахстан от 28.01.2016 № 91.

² См.: Курс российского трудового права: Часть общая: в 3 т. Т. 1 / Гребенщиков А.В., Маврин С.П., Хохлов Е.Б.; под общ. ред.: С.П. Маврин, А.С. Пашков, Е.Б. Хохлов. СПб., 1996.

³ См.: Лушников А.М., Лушникова М.В. Курс трудового права: учеб.: в 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовое право в системе прав человека. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

⁴ См.: Курс трудового права: Общая часть: учеб. пособие / А.А. Войтик [и др.]; под общ. ред. О.С. Курылевой и К.Л. Томашевского. Минск, 2010.

⁵ См.: Томашевский К.Л. Очерки трудового права. История, философия, проблемы систем и источников / науч. ред. О.С. Курылёва. Минск, 2009. С. 145, 146.

⁶ См.: там же. С. 148.

ранее и высказывался и обосновывался в науке российского трудового права В.М. Лебедевым⁷, не получил широкого распространения в учебной литературе, поскольку в разделах и главах, относящихся к т.н. специальной части, выделяемых во многих кодифицированных нормативных правовых актах (в том числе в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации), для удобства правоприменения закреплены нормы институтов Особенной части трудового права (трудового договора, рабочего времени, времени отдыха, заработной платы), предназначенные для дифференциации правового регулирования условий труда тех или иных категорий работников. Тем самым происходит своего рода «дублирование» норм трудового права в Особенной и «специальной» частях трудового права, что разрушает целостность системы отрасли в случае выделения «специальной» части.

Во-вторых, сами составляющие Общей и Особенной частей трудового права, выделяемые М.Х. Хасеновым (с. 63), представляются небесспорными: почему субъекты трудового права оказались внутри правоотношений в сфере труда, можно ли вообще правоотношения в сфере труда рассматривать как институт Общей части, поскольку институты состоят из норм права, а не из правоотношений? Весьма спорно отнесение коллективного трудового права к Общей части трудового права, а не к Особенной. Заметим, что выделение в структуре отрасли самостоятельных частей (подотраслей) коллективного и индивидуального трудового права весьма распространено в науке трудового права Западной Европы (к примеру, в Австрии, ФРГ, Польше). Возможно, что в Казахстане есть специфика в этом вопросе, но соответствующего обоснования в книге не представлено.

В-третьих, рассуждая об уровнях регулирования отношений в сфере труда, автор не без основания выделяет коллективно-договорное регулирование и локальное регулирование, но к последнему помимо механизма принятия актов работодателей почему-то относит и согласование условий трудового договора. На наш взгляд, автору стоило выделить еще индивидуально-договорный уровень регулирования трудовых отношений, который прежде всего и проявляется в выработке и согласовании условий трудового договора работодателем и работником.

В-четвертых, на с. 208 М.Х. Хасенов пишет о том, что «исторически трудовое право возникло в недрах частного права, поскольку изначально труд работников регулировался договором купли-продажи рабочей силы». С этим утверждением можно поспорить. Договор купли-продажи рабочей силы не был известен и до сих пор неизвестен гражданскому праву. Пожалуй, такая договорная конструкция вообще не имеет права на существование, поскольку труд работника не отделим от его личности, его невозможно отчуждать. Исторически известны различные договорные конструкции, которые опосредовали наемный труд (*locatio conductio operarum*, договор закупничества, служилая кабала, договор личных услуг), но среди них, конечно, не было договора купли-продажи рабочей силы. Здесь уместно вспомнить одно из ключевых положений Декларации о целях и задачах Международной организации труда 1944 г., являющейся приложением к Уставу МОТ, которое

мы расцениваем как общепризнанный принцип международного права в сфере труда: «труд не является товаром»⁸.

В-пятых, обратим внимание на второй пример, приводимый автором на с. 214 в обоснование принципа наибольшего благоприятствования правам работников. Пример касается ситуации, когда работодатель наряду с трудовым договором, заключенным с работником, оформляет с ним дополнительно гражданско-правовой договор в отношении работы, которая связана с его трудовой функцией. М.Х. Хасенов оценивает эту ситуацию как вариант обхода норм трудового законодательства с целью снижения налоговой нагрузки и социальных обязательств перед работником. При этом, не квалифицируя эту ситуацию ни как нарушение закона, ни как злоупотребление со стороны работодателя своими правами, дает рекомендации, как, на его взгляд, следует оформлять эти «подработки», опираясь на нормы трудового права. Полагаем, автору стоило более четко квалифицировать эту ситуацию, а заодно дать свою оценку той многолетней практике, когда преподаватели вузов наряду со своей основной педагогической работой (в пределах учебной нагрузки) выполняют аналогичную дополнительную работу по гражданско-правовым договорам (т.н. почасовка) без соответствующих трудовправовых гарантий.

В некоторых местах встречаются некоторые неточности (например, на с. 163 и 182 перечислены четыре основополагающих принципа в сфере труда, хотя в июне 2022 г. этот перечень на 110-й сессии Международной конференции труда был дополнен еще и пятым – безопасная и здоровая производственная среда, о чем, кстати, пишет сам автор на с. 138 книги, в неофициальном переводе этого принципа на русский язык).

* * *

Несмотря на некоторые дискуссионные моменты, указанные в рецензии, полагаем, что книга не оставит равнодушными специалистов в области трудового права, читается с большим интересом, хорошо иллюстрирована таблицами и схемами, многочисленными примерами из судебной практики.

Книга представляет несомненный интерес для студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей, ученых-юристов, преподавателей, причем не только в Республике Казахстан, но и в других государствах – участниках международных организаций – СНГ и ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курс российского трудового права: Часть общая: в 3 т. Т. 1 / Гребенщиков А.В., Маврин С.П., Хохлов Е.Б.; под общ. ред.: С.П. Маврин, А.С. Пашков, Е.Б. Хохлов. СПб., 1996.
2. Курс трудового права: Общая часть: учеб. пособие / А.А. Войтик [и др.]; под общ. ред. О.С. Курылевой и К.Л. Томашевского. Минск, 2010.
3. Лушиников А.М., Лушикова М.В. Курс трудового права: учеб.: в 2 т. Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовое право в системе прав человека. Общая часть. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
4. Современное трудовое право (опыт трудового компаративизма). Книга первая / В.М. Лебедев, Е.Р. Воронкова, В.Г. Мельникова; под ред. В.М. Лебедева. М., 2007. С. 123–125.

⁷ См.: Современное трудовое право (опыт трудового компаративизма). Книга первая / В.М. Лебедев, Е.Р. Воронкова, В.Г. Мельникова; под ред. В.М. Лебедева. М., 2007. С. 123–125.

⁸ Устав Международной организации труда и Регламент Международной конференции труда. Женева, 1996. С. 23.

5. *Томашевский К.Л.* Очерки трудового права. История, философия, проблемы систем и источников / науч. ред. О.С. Курылёва. Минск, 2009. С. 145, 146, 148.
6. *Хасенов М.Х.* Трудовое право Республики Казахстан: в 3 т. Т. 1. Общая часть. Алматы, 2023. С. 63, 95, 138, 163, 182, 206–209, 214.
3. *Lushnikov A. M., Lushnikova M. V.* Course of Labor Law: textbook: in 2 vols. 1. The essence of Labor Law and the history of its development. Labor Law in the human rights system. The General part. 2nd ed., reprint and add. M., 2009.
4. Modern Labor Law (experience of labor law comparativism). The first book / V.M. Lebedev, E.R. Voronkova, V.G. Melnikova; ed. by V.M. Lebedev. M., 2007. pp. 123–125.

REFERENCES

1. The course of Russian Labor Law: General part: in 3 vol. Vol. 1 / Grebenshchikov A.V., Mavrin S.P., Khokhlov E.B.; under the general ed.: S.P. Mavrin, A.S. Pashkov, E.B. Khokhlov. SPb., 1996.
2. Course of Labor Law: General part: studies. manual / A.A. Votik [et al.]; under the general editorship of O.S. Kuryleva and K.L. Tomashevski. Minsk, 2010.
5. *Tomashevski K. L.* Essays on Labor Law. History, philosophy, problems of systems and sources / scientific ed. O.S. Kurylev. Minsk, 2009. P. 145, 146, 148.
6. *Khasenov M.H.* Labor Law of the Republic of Kazakhstan: in 3 vols. Vol. 1. General part: textbook. Almaty, 2023. P. 63, 95, 138, 163, 182, 206–209, 214.

Сведения об авторе

ТОМАШЕВСКИЙ Кирилл Леонидович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, заместитель декана юридического факультета по научной работе Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирязова; 420111 г. Казань, ул. Московская, д. 42

Authors' information

TOMASHEVSKI Kirill L. — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Entrepreneurial Law, Deputy Dean of the Faculty of Law for Scientific Work, Timiryasov Kazan Innovation University; 42 Moskovskaya str., 420111 Kazan, Russia